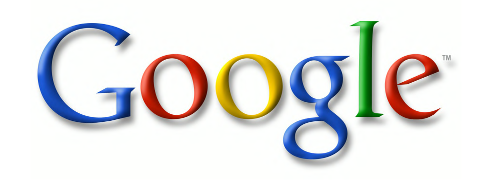
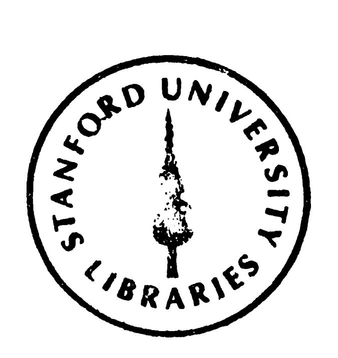

LE RECIT DES EVANGILES
par Léon Tolstoy.
Prix: 3 fr. [illegible]; 72 cts; 3 kr. [illegible]; 3 mrk; 1 руб. 50 коп.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ИЗЛОЖЕНІЕ ЕВАНГЕЛІЯ

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ,

взятыми изъ его книги:

„Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій".

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ

Изданіе „Свободнаго Слова".

№ 61.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1901.

Изданія „Свободнаго Слова“ можно пріобрѣсти въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Les éditions de la „Parole Libre“ peuvent être obtenues dans les librairies suivantes :

АНГЛІЯ (Angleterre).

Asher & Co. 13, Bedford Street, Covent garden, London, W. C.
Murdoch & Co. Libr. 26, Paternoster Square, London, E. C.
Grevel & Co. Library. 33, King Street, London, W. C.
H. K. Lewis, Publisher. 136, Gower Street, London, W. C.
Mudie's Select Library. New Oxford Street, London, W. C.
Nilsson & Co (Booksellers). 16-18, Wardour Str., London, W.
David Nutt. 57—59, Long Acre, London, W. C.
Russian Free Library. 16, Church Lane, London, E.
R. F. P. Fund Co. 15, Augustus Road, Hammersmith, London, [W.
F. A. Brockhaus. 48, Old Bailey, London, E. C.
Simpkin, Marshall, Hamilton & Co. 31-32, Paternoster Row, [London, E. C.
Truslove & Hanson. 6 B, Sloane Street, London, S. W.
" " " 143, Oxford Street, London, W.
Williams & Norgate. 14, Henrietta Street, Covent garden, [London, W. C.
Hirschfeld Bros, Publishers. 13, Furnival Street. Holborn, [London, E. C.
Hachette & C°. Library. 18, King William Str., Charing Cross, [London.
K. Paul, Trench, Trübner & Co. Paternoster House, Charing [Cross Road, London.
Bauermeister. Bookseller. 49, Gordon Str, Glasgow.
S. Law, Marston & Co. St. Dunstan's house, Fetter Lane, London, E. C.

АВСТРІЯ (Autriche).

Gebethner i Sp. Librairie, Crakovie (Kraków), Galicia.
Gubrynowicz i Schmidt. Librairie, Lemberg (Lwów), Galicia.
Jout Barvic. Knihkupectvi. Brno (Brünn), Morawia.
A. Piša, knihkupectvi. 13, Rudolfova ulice, Brno. Morawia.
Grossman a Svoboda. Ferdinandova trida, Praha, Bohemia.
Höfer & Kloucek. Knihkupectvi. 24, Ruzova ulice, Praha.
I. L. Kober. Knihkupectvi. 736, Vodickova ulice, Praha.
F. Topic. Librairie française. 9, Ferdinandova trida, Praha.
Stark'sche Buchhandlung. Karlsbad, Böhmen.
Wilhelm Frick. Hofbuchhandlung. 27, Graben, Wien.
L. Rossner. Buchhandlung. 16, Franzensring, Wien.
G.Georgi, Buchhandlung. Kurort Arco Riva a/ Gardasee.
Ksiegarnia Polska. Plac Maryacki, l. 11, Lemberg (Lwów).

(... стр. обложки.)

131

LE RÉCIT DES ÉVANGILES
par Léon Tolstoy.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ИЗЛОЖЕНІЕ ЕВАНГЕЛІЯ

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

взятыми изъ книги:

„Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій“.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ

Изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 61.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England
1901.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Предлагаемая книга составлена нами изъ двухъ уже появившихся писаній Л. Н. Толстого: „*Краткаго Изложенія Евангелія*“ и подробнаго изслѣдованія евангелій, изданнаго подъ заглавіемъ: „*Соединеніе и Переводъ 4-хъ Евангелій*“. При составленіи этой книги мы имѣли въ виду доставить читателямъ, преимущественно изъ простого народа, возможность ознакомиться въ самой простой формѣ съ жизнью и ученіемъ Іисуса, согласно пониманію Л. Н. Толстого. Для этой цѣли мы прямо начинаемъ съ самого изложенія, помѣстивъ предисловія автора къ вышеназваннымъ двумъ произведеніямъ — въ *примѣчаніяхъ*, во второй части настоящей книги.*) Эти примѣчанія предназначаются для тѣхъ читателей, которые пожелали бы ознакомиться съ основаніями, на которыхъ авторъ излагаетъ жизнь и ученіе Іисуса именно такъ, а не иначе.

Въ нашей книгѣ читатель найдетъ все содержаніе „*Краткаго Изложенія Евангелія*“, за исключеніемъ сокращеннаго содержанія главъ, которое уже было нами раньше издано отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „*Жизнь и Ученіе Іисуса*“. Изъ „*Соединенія 4-хъ Евангелій*“ здѣсь помѣщено: *предисловіе* и всѣ *примѣчанія*, служащія поясненіями автора къ своему изложенію; выпущены же: греческій и синодальный тексты евангелій, филологическія разъясненія и полемическія разсужденія, содержащія пространныя цитаты на иностранныхъ языкахъ и выписки изъ русскихъ церковныхъ толкователей.

Для того, чтобы не испещрять изложенія ссылками на соотвѣтствующіе стихи въ синодальномъ евангеліи, мы перенесли эти ссылки въ конецъ книги,**) указанія же на нихъ помѣстили *мелкими* цифрами въ самомъ изложеніи, въ концѣ каждаго соотвѣтствующаго отрывка.***)

---

*) См. первое примѣчаніе на стр. 104.

**) См. стр. 214.

***) Въ нашемъ изданіи исправлены всѣ ошибки въ ссылкахъ на евангельскіе тексты, а также дополнены всѣ пропуски, и исправлены ошибки въ изложеніи, которыхъ очень много въ первомъ заграничномъ изданіи.

Нумерація, обозначенная въ изложеніи *жирнымъ* шрифтомъ, указываетъ на соотвѣтствующія пояснительныя примѣчанія во второй части книги.

Само собою разумѣется, что предлагаемое изданіе не имѣетъ цѣлью замѣнить тѣ основныя произведенія, изъ которыхъ оно составлено нами, и каждое изъ которыхъ представляетъ одно самостоятельное цѣлое въ томъ видѣ, въ какомъ оно было первоначально написано авторомъ. Наше соединеніе въ одну книгу въ возможно компактной формѣ основныхъ частей этихъ двухъ произведеній предпринято единственно для удобства тѣхъ читателей, для которыхъ обѣ первоначальныя книги недоступны по цѣнѣ или по объему. Въ свое время мы надѣемся выпустить и эти двѣ книги въ предпринятомъ нами полномъ собраніи сочиненій Л. Н. Толстого.

В. и *А. Ч.*

Christchurch, 1 іюля 1901 г.

ЕВАНГЕЛІЕ. (1)

Возвѣщеніе о благѣ Іисуса Христа, сына Бога.

Введеніе.

Разумѣніе жизни.

Возвѣщеніе Іисуса Христа замѣнило вѣру во внѣшняго Бога разумѣніемъ жизни.

Возвѣщеніе о благѣ Іисуса Христа, сына Бога [1]. (2)

Возвѣщеніе о благѣ состоитъ въ томъ, что всѣ люди, увѣрившись въ томъ, что они — сыны Бога, получаютъ жизнь истинную [2].

Въ основу и начало всего стало разумѣніе жизни. Разумѣніе жизни есть Богъ [3]. Оно-то, по возвѣщенію Іисуса, стало основой и началомъ всего [4]. (3)

Все чрезъ разумѣніе родилось къ жизни. И безъ него не можетъ быть ничто живое [5]. Разумѣніе даетъ истинную жизнь [6]. Разумѣніе, это — свѣтъ истины. А свѣтъ свѣтитъ въ темнотѣ, и темнота не можетъ погасить его [7]. (4)

Свѣтъ истинный былъ всегда въ мірѣ и освѣщаетъ всякаго рождающагося человѣка въ мірѣ [8]. И былъ въ мірѣ, и міръ былъ живъ только потому, что имѣлъ въ себѣ свѣтъ разумѣнія. (5)

Но міръ не удерживалъ его [9]. Онъ являлся въ своемъ, но свое не удерживало его [10].

Только тѣ, которые поняли разумѣніе, — только тѣ получили возможность сдѣлаться подобными ему тѣмъ, что они повѣрили въ сущность его [11]. Тѣ, которые повѣрили въ то, что жизнь въ разумѣнии, стали не сынами плоти, а сынами разумѣнія [12]. (6)

И разумѣніе жизни въ лицѣ Іисуса Христа проявило себя во плоти, и мы поняли смыслъ его такъ, что сынъ разумѣнія, человѣкъ во плоти, однороденъ Отцу, началу жизни, — такой же, какъ Отецъ, какъ и начало жизни [13].

Ученіе Іисуса есть совершенная и истинная вѣра [14], потому что, по исполненію ученія Іисусомъ, мы поняли новую вѣру вмѣсто прежней [15]. Моисеемъ былъ данъ законъ, но вѣру истинную мы поняли чрезъ Іисуса Христа [16]. (7)

Бога никто не видалъ и не видитъ никогда, только сынъ, тотъ, который въ Отцѣ, тотъ указалъ путь жизни [17].

ГЛАВА I.

Сынъ Бога.

Человѣкъ, сынъ Бога, безсиленъ во плоти и свободенъ духомъ.

Рожденіе Іисуса Христа вотъ какъ было:

Мать его Марія была обручена Іосифу. Но прежде, нежели они стали жить, какъ мужъ съ женой, оказалось — Марія беременна [18]. Іосифъ же былъ человѣкъ добрый и не хотѣлъ ее осрамить; онъ принялъ ее въ жены и не имѣлъ съ нею дѣла, пока она не родила сына своего перваго и назвала его Іисусъ [19].

И мальчикъ росъ и мужалъ; и былъ разуменъ не по годамъ [20].

Было Іисусу 12 лѣтъ; и пошли разъ Марія съ Іосифомъ къ празднику въ Іерусалимъ и взяли съ собой мальчика [21]. Отошелъ праздникъ, и пошли они домой и забыли про мальчика [22]. Потомъ вспомнили и подумали, что онъ ушелъ съ ребятами, и спрашивали про него дорóгой. Мальчика нигдѣ не было, и они вернулись за нимъ въ Іерусалимъ [23]. И уже на третій день нашли они мальчика въ церкви, — сидитъ съ учителями, спрашиваетъ ихъ и слушаетъ [24]. И всѣ удивляются разуму его [25]. Мать

увидѣла его и говоритъ: что̀ ты съ нами сдѣлалъ? Мы съ отцомъ твоимъ горюемъ, ищемъ тебя [26]. — А онъ сказалъ имъ: гдѣ же вы искали меня? Развѣ вы не знаете, что сына надо искать въ домѣ Отца? [27] — И они не поняли словъ его, не поняли, кого онъ называлъ Отцомъ своимъ [28].

И послѣ того Іисусъ жилъ у матери и слушался ее во всемъ [29]. И подвизался и въ возрастѣ, и въ разумѣ [30]. И всѣ думали, что Іисусъ сынъ Іосифа. И такъ жилъ онъ до 30 лѣтъ [31].

Въ то время объявился въ Іудеѣ пророкъ Іоаннъ [32]. Онъ жилъ въ степи Іудейской на Іорданѣ [33]. Одежда Іоанна была изъ верблюжьяго волоса, подпоясана ремнемъ, а питался онъ корой древесной и зельемъ [34].

Іоаннъ говорилъ: одумайтесь, потому что наступило царство небесное.

Онъ призывалъ народъ къ перемѣнѣ жизни, чтобы избавиться отъ неправды, и въ знакъ перемѣны жизни купалъ народъ въ Іорданѣ [35]. Онъ говорилъ: голосъ взываетъ къ вамъ; проложите въ глуши путь Богу, уравняйте путь ему [36]. Сдѣлайте такъ, чтобы все было ровно, чтобы не было ни впадинъ, ни возвышеній, ни высокаго, ни низкаго [37]. Тогда Богъ будетъ среди васъ, и всѣ найдутъ спасеніе свое [38].

И спрашивалъ его народъ: что̀ намъ дѣлать? [39] — Онъ отвѣчалъ: у кого двѣ одежи, тотъ отдай тому, у кого нѣтъ. И у кого есть пища, отдай тому, у кого нѣтъ ея [40]. — Приходили къ нему откупщики и спрашивали: намъ что дѣлать? [41] — Онъ сказалъ имъ: ничего противъ положеннаго не вымогайте [42]. — И спрашивали воины, какъ намъ быть? — Онъ сказалъ: никого не обижайте, не плутуйте; будьте довольны тѣмъ, что̀ вамъ отпускаютъ [43].

И приходили къ нему іерусалимцы и всѣ іудеи по близости Іордана [44]. И каялись ему въ своей неправдѣ, и, въ знакъ перемѣны жизни, онъ купалъ ихъ въ Іорданѣ [45].

И правовѣрные, и старообрядцы пришли тоже къ Іоанну, но тайно. Онъ узналъ ихъ и сказалъ: вы змѣиная порода! или почуяли и вы, что не отбыть, вамъ воли Божьей? Такъ одумайтесь и перемѣните же свою вѣру![46] И если хотите перемѣнить вѣру, то пускай по плодамъ вашимъ видно будетъ, что вы одумались[47]. Уже и топоръ положенъ подлѣ дерева. Если дерево приноситъ дурной плодъ, его срубаютъ и бросаютъ въ огонь[48]. Я въ знакъ вашей перемѣны очищаю васъ въ водѣ, но послѣ этого купанья вы должны очиститься еще духомъ[49]. Духъ очиститъ васъ, какъ хозяинъ очищаетъ гумно свое: пшеницу соберетъ, а мякину сожжетъ[50].

Іисусъ пришелъ изъ Галилеи на Іорданъ, чтобы выкупаться у Іоанна; и выкупался и слушалъ проповѣдь Іоанна[51]. (8)

И отъ Іордана онъ пошелъ въ пустыню и тамъ познадъ силу духа[52].

Іисусъ пробылъ въ пустынѣ 40 дней и 40 ночей безъ питья и ѣды[53]. И голосъ плоти его сказалъ ему[54]: если бы ты былъ сынъ всемогущаго Бога, то ты по своей волѣ могъ бы сдѣлать хлѣбы изъ камней; но ты не можешь этого сдѣлать, стало быть, ты не сынъ Бога[55]. — Но Іисусъ сказалъ себѣ: если я и не могу сдѣлать изъ камней хлѣба, то это значитъ, что я не сынъ Бога плоти, но сынъ Бога духа. Я живъ не хлѣбомъ, а духомъ. И духъ мой можетъ пренебречь плотью.

Но голодъ все таки мучилъ его; и голосъ плоти еще сказалъ ему: если ты живъ только духомъ и можешь пренебречь плотью, то ты можешь отрѣшиться отъ плоти, и духъ твой останется живъ[56]. — И ему представилось, что онъ стоитъ на крышѣ храма, и голосъ плоти говоритъ ему: если ты сынъ Бога духа, то бросься съ храма, ты не убьешься[57]. А невидимая сила сохранитъ тебя, поддержитъ и избавитъ отъ всякаго зла[58]. — Но Іисусъ сказалъ себѣ: я могу пренебречь плотью, но не могу отрѣшиться отъ нея, потому что я рожденъ духомъ во

плоти. Такова была воля Отца моего духа, и я не могу противиться ему.

Тогда голосъ плоти сказалъ ему: если ты не можешь противиться Отцу своему въ томъ, чтобы не броситься съ храма и отрѣшиться отъ жизни, то ты не можешь также противиться Отцу въ томъ, чтобы голодать, когда тебѣ хочется ѣсть. Ты не долженъ пренебрегать похотьми плоти; онѣ вложены въ тебя, и ты долженъ служить имъ [59]. — И Іисусу представились всѣ царства земныя и всѣ люди, какъ они живутъ и трудятся для плоти, ожидая отъ нея награды [60]. И голосъ плоти сказалъ ему: вотъ видишь, они работаютъ мнѣ, и я даю имъ все, что̀ они хотятъ [61]. Если будешь работать мнѣ, и тебѣ то же будетъ [62]. — Но Іисусъ сказалъ себѣ: Отецъ мой — не плоть, а духъ. Я имъ живу. Его знаю въ себѣ всегда, его одного почитаю и ему одному работаю, отъ него одного ожидая награды [63].

Тогда искушеніе прекратилось, и Іисусъ позналъ силу духа [64]. (9)

И познавъ силу духа, Іисусъ вышелъ изъ пустыни и пошелъ опять къ Іоанну и былъ съ нимъ.

И когда Іисусъ уходилъ отъ Іоанна, Іоаннъ сказалъ про него: это — спаситель людей [65].

По этимъ словамъ Іоанна два ученика Іоанна оставили своего прежняго учителя и пошли за Іисусомъ [66]. Іисусъ увидалъ, что они идутъ за нимъ, остановился и говоритъ: что̀ вамъ надо? Они сказали ему: учитель! мы хотимъ быть съ тобою и узнать твое ученіе [67]. Онъ сказалъ: пойдемте со мной, и все скажу вамъ. Они пошли съ нимъ и пробыли съ нимъ, слушая его, до десятаго часа [68].

Одного изъ этихъ учениковъ звали Андрей. У Андрея былъ братъ Семенъ [69]. Послушавъ Іисуса, Андрей пошелъ къ своему брату Семену и говоритъ ему: мы нашли того, про котораго писали пророки, Мессію, того, который возвѣстилъ намъ наше спасеніе [70]. — Андрей взялъ съ собой Семена и привелъ его́ тоже къ Іисусу. Этого брата Андреева Іисусъ

прозвалъ Петръ, — значитъ, камень. И эти оба брата стали учениками Іисуса [71].

Потомъ, уже передъ входомъ въ Галилею, Іисусъ встрѣтилъ еще Филиппа и позвалъ его съ собою [72]. Филиппъ былъ изъ Виѳсаиды, односелецъ Петру и Андрею [73]. Когда Филиппъ узналъ Іисуса, онъ пошелъ и розыскалъ брата своего Нафанаила и говоритъ ему: мы нашли избранника Божія, про котораго писали пророки и Моисей. Это — Іисусъ, сынъ Іосифа, изъ Назарета [74]. — Нафанаилъ удивился тому, что тотъ, про кого писали пророки, былъ изъ сосѣдней деревни, и говоритъ: мудрено, чтобы посланникъ Божій былъ изъ Назарета. — Филиппъ говоритъ: пойдемъ со мной, самъ увидишь и услышишь [75]. — Нафанаилъ согласился и пошелъ съ братомъ, и свидѣлся съ Іисусомъ, и, когда услыхалъ его, то сказалъ Іисусу: да, теперь я вижу, что это правда, что ты — сынъ Бога и царь Израилевъ [76]. — Іисусъ сказалъ ему: узнай то, что̀ важнѣе этого. Отнынѣ небо отверсто, и люди могутъ быть въ общеніи съ силами небесными. Отнынѣ Богъ уже не будетъ особенный отъ людей [77]. **(10)**

И пришелъ Іисусъ на родину въ Назаретъ, и въ праздникъ вошелъ, какъ всегда, въ собраніе и сталъ читать [78]. Ему дали книгу пророка Исаіи; онъ развернулъ и сталъ читать. Въ книгѣ написано было [79]:

Духъ Владыки во мнѣ; онъ избралъ меня на то, чтобы возвѣстить благо несчастнымъ и разбитымъ сердцемъ; — на то, чтобы возвѣстить связаннымъ свободу, слѣпымъ свѣтъ и измученнымъ спасеніе и отдыхъ; — на то, чтобы возвѣстить всѣмъ время милости Бога [80].

Онъ закрылъ книгу, отдалъ слугѣ и сѣлъ. И всѣ ждали, что̀ онъ скажетъ [81]. И онъ сказалъ имъ: теперь это писаніе исполнилось въ вашихъ глазахъ [82]. **(11)**

ГЛАВА II.

И потому человѣкъ долженъ работать не плоти, но духу.

Случилось разъ Іисусу въ субботу идти съ учениками черезъ поле. Ученики проголодались и дорòгой рвали колосья, растирали въ рукахъ и ѣли зерна. А по ученію правовѣрныхъ, Богъ установилъ съ Моисеемъ завѣтъ о томъ, чтобы всѣ соблюдали субботу и ничего не дѣлали. По ученію правовѣрныхъ, того, кто работалъ въ субботу, Богъ велѣлъ побить каменьями [83].

Увидали правовѣрные, что ученики трутъ колосья въ субботу, и говорятъ: такъ не годится дѣлать въ субботу. Въ субботу нельзя работать, а вы растираете колосья. Богъ установилъ субботу и велѣлъ за нарушеніе ея казнить смертью [84].

Іисусъ услыхалъ это и говоритъ: если бы вы понимали, что̀ значатъ слова Бога: хочу любви, а не жертвы, вы бы не обвиняли за то, въ чемъ нѣтъ вины [85]. Человѣкъ важнѣе субботы [86]. (12)

Случилось въ другой разъ въ субботу, что, когда Іисусъ училъ въ собраніи [87], подошла къ нему больная женщина и просила помочь ей [88]. И Іисусъ сталъ лѣчить ее [89].

Тогда правовѣрный староста церковный разсердился за это на Іисуса и сказалъ народу: въ законѣ Бога сказано: есть шесть дней въ недѣлѣ на то, чтобы работать [90]. — А Іисусъ на это спросилъ правовѣрныхъ законниковъ: что же, по-вашему, нельзя и помогать человѣку въ субботу? [91] — И они не знали, что̀ отвѣтить [92].

Тогда Іисусъ сказалъ: обманщики! Развѣ каждый изъ васъ не отвязываетъ скотину отъ яслей и не водитъ поить въ субботу? И если у кого завалится овца въ колодезь, вѣдь побѣжитъ всякій и вытащитъ ее, хотя и въ субботу [93]. Человѣкъ, вѣдь, много лучше овцы. А говорите, что человѣку нель-

зя помочь. Что же, по-вашему, надо дѣлать въ субботу, — доброе или злое? Спасать душу или губить? Добро надо дѣлать всегда, и въ субботу [94]. (13)

Увидалъ разъ Іисусъ откупщика за сборомъ. Откупщика звали Матѳеемъ. Іисусъ заговорилъ съ нимъ, и Матѳей понялъ его, полюбилъ его ученіе и позвалъ къ себѣ въ гости, и сдѣлалъ ему угощеніе [95].

Когда Іисусъ пришелъ къ Матѳею, пришли пріятели Матѳея, откупщики и невѣрные, и Іисусъ не погнушался ими и сѣлъ самъ и ученики его [96]. И вотъ правовѣрные увидали это и говорятъ ученикамъ Іисуса: какъ же это вашъ учитель ѣстъ съ откупщиками и невѣрными? — А по ученію правовѣрныхъ, Богъ не велѣлъ общаться съ невѣрными [97].

Іисусъ услыхалъ и говоритъ: тому, кто хвалится здоровьемъ, не нужно лѣкаря; а тому, кто боленъ, нуженъ [98]. Поймите, что̀ значатъ слова Бога: любви хочу, а не жертвы. Мнѣ нельзя учить перемѣнѣ вѣры тѣхъ, которые считаютъ себя правовѣрными, а я учу тѣхъ, которые считаютъ себя невѣрными [99].

Пришли къ Іисусу правовѣрные законники изъ Іерусалима [100]. И увидѣли они, что ученики его и онъ самъ ѣдятъ хлѣбъ неумытыми руками; и стали правовѣрные законники осуждать его за это [101], потому что сами они строго ведутъ по церковному преданію, какъ мыть посуду, и если не вымоютъ, не станутъ ѣсть [102]. И также съ торгу ничего не станутъ ѣсть, если не вымоютъ [103].

И спросили его правовѣрные законники: отчего вы не по церковному преданію живете и неумытыми руками берете и ѣдите хлѣбъ? [104] — И онъ отвѣчалъ имъ: какъ же вы-то по своему церковному преданію нарушаете заповѣдь Божію? [105] Богъ сказалъ вамъ: чти отца и мать [106]. А вы выдумали, что всякій можетъ сказать: я отдаю Богу то, что̀ отдавалъ родителямъ [107]. И тогда можете не кормить отца и мать [108]. Такъ-то церковнымъ преданіемъ

разрушаете заповѣдь Божью[109]. Обманщики! Правду сказалъ про васъ пророкъ Исаія[110]:

За то, что народъ этотъ только на словахъ припадаетъ ко мнѣ и языкомъ почитаетъ меня, тогда какъ сердце его далеко отъ меня[111]; и за то, что страхъ его предо мной только человѣческое повелѣніе, которое онъ выучилъ наизусть, — за это я надъ народомъ этимъ сдѣлаю удивительное, необыкновенное дѣло: мудрость его мудрецовъ пропадетъ, и разумъ его разумниковъ померкнетъ. Бѣда тѣмъ, которые заботятся о томъ, чтобы скрывать свои желанія отъ Вѣчнаго, и которые дѣлаютъ свои дѣла во мракѣ[112].

Такъ и вы: оставляете то, чтò важно въ законѣ, то, чтò заповѣдь Божія, и соблюдаете свое человѣческое преданіе — чашки обмывать[113].

И Іисусъ позвалъ весь народъ и сказалъ: слушайте всѣ и понимайте[114]: ничего нѣтъ такого на свѣтѣ, чтò, входя въ человѣка, могло бы поганить его; но то, чтò выходитъ изъ него, вотъ это поганитъ человѣка[115]. Пусть будетъ у тебя въ душѣ любовь и милосердіе, и тогда все чисто будетъ[116]. Старайтесь понять это[117].

И когда онъ вернулся домой, ученики спросили его, чтò значатъ эти слова?[118]. И онъ сказалъ: неужели и вы не поняли этого? Развѣ вы не понимаете, что все внѣшнее, плотское, не можетъ осквернить человѣка?[119] Потому что входитъ къ нему не въ душу, но въ брюхо. Въ брюхо входитъ, а потомъ выходитъ вонъ[120]. Только то можетъ осквернить человѣка, чтò изъ человѣка, изъ души его выходитъ[121]. Потому что изъ души человѣка выходитъ зло, блудъ, похабство, убійство, воровство, корысть, злоба, обманъ, наглость, зависть, клевета, гордость и всякая дурь[122]. Все это зло изъ души человѣка, и оно только можетъ осквернить человѣка[123].

Послѣ этого подошла Пасха, и пришелъ Іисусъ въ Іерусалимъ и вошелъ въ храмъ[124]. Въ притворѣ

храма стояла скотина: коровы, быки, бараны, и были сдѣланы садки съ голубями, были за лавками мѣнялы съ деньгами. Все это нужно было, чтобы подавать Богу. Убивали и подавали въ храмъ. Въ этомъ была молитва іудеевъ, такъ какъ ихъ учили правовѣрные законники [125]. Іисусъ вошелъ въ храмъ, свилъ кнутъ, повыгналъ всю скотину изъ притвора и голубей всѣхъ повыпустилъ [126], и деньги всѣ разсыпалъ, и велѣлъ, чтобы ничего этого не носили въ храмъ [127].

Онъ сказалъ: пророкъ Исаія сказалъ вамъ: домъ Бога не храмъ въ Іерусалимѣ, а весь міръ людей Божіихъ. А пророкъ Іеремія тоже сказалъ вамъ: не вѣрьте лживымъ рѣчамъ о томъ, что здѣсь домъ Вѣчнаго; не вѣрьте этому, а перемѣните жизнь свою и не судите лживо, не угнетайте странника, вдову и сироту, не проливайте безвинной крови, и не приходите въ домъ Бога и не говорите: теперь мы спокойно можемъ дѣлать пакости. Не дѣлайте дома моего вертепомъ разбойниковъ [128].

И заспорили іудеи и говорятъ ему: ты говоришь, что наше богоугожденіе неправильно. Чѣмъ ты это докажешь? [129] — И, обратившись къ нимъ, Іисусъ сказалъ: разорите храмъ этотъ, и я въ три дня возбужу новый, живой храмъ [130]. — И іудеи сказали: какъ же ты сдѣлаешь сейчасъ новый храмъ, когда этотъ строился 46 лѣтъ? [131] — И Іисусъ сказалъ имъ: я говорю вамъ про то, что̀ важнѣе храма [132]. Вы бы не говорили этого, еслибы понимали, что̀ значатъ слова пророка: я, Богъ, не радуюсь вашимъ жертвамъ, но радуюсь вашей любви между собой. Живой храмъ, это — весь міръ людей, когда они любятъ другъ друга [133].

И тогда въ Іерусалимѣ много людей повѣрили въ то, что̀ онъ говорилъ [134]. А самъ онъ не вѣрилъ ни во что внѣшнее, потому что зналъ, что все — въ человѣкѣ [135]. Ему не нужно было, чтобы кто-нибудь свидѣтельствовалъ о человѣкѣ, потому что онъ зналъ, что въ человѣкѣ духъ [136]. **(14)**

И пришлось разъ Іисусу проходить черезъ Самарію [137]. Проходилъ онъ мимо села Самарійскаго Сихарь, подлѣ того мѣста, которое далъ Іаковъ сыну своему Іосифу [138]. Былъ тамъ колодезь Іаковлевъ. Іисусъ уморился отъ дороги и сѣлъ у колодца [139]. А ученики его пошли въ городъ за хлѣбомъ [140].

И приходитъ отъ Сихари женщина за водой; Іисусъ попросилъ у нея напиться [141]. Она и говоритъ ему: какъ же такъ, ты просишь у меня напиться? Вѣдь вы, іудеи, съ нами, самарянами, не общаетесь? [142]

А онъ и говоритъ ей: если бы ты знала меня и знала то, чему я учу, ты бы не говорила этого и подала бы мнѣ пить, и я бы далъ тебѣ воды жизни [143]. Кто твоей воды напьется, тотъ опять захочетъ пить [144]; а кто моей воды напьется, тотъ навсегда будетъ доволенъ, и эта моя вода приведетъ его въ жизнь вѣчную [145].

Женщина поняла, что онъ говоритъ про божественное, и говоритъ ему: я вижу, что ты — пророкъ, хочешь научить меня [146]. Но какъ же тебѣ научить меня божественному, когда ты — іудей, а я — самарянка? Наши на этой горѣ молятся Богу, а вы, іудеи, говорите, что только въ Іерусалимѣ домъ Бога. Нельзя тебѣ научить меня божественному, потому что у васъ одна вѣра, а у насъ другая [147].

Іисусъ и говоритъ ей: повѣрь мнѣ, женщина, пришло уже время, что не на этой горѣ и не въ Іерусалимѣ люди будутъ молиться Отцу [148]. Пришло время, что настоящіе почитатели Бога будутъ почитать Отца небеснаго въ духѣ и дѣлами. Такихъ Отцу нужно почитателей [149]. Богъ это — духъ, и почитать его надо въ духѣ и дѣлами [150].

Женщина не разобрала, что̀ онъ сказалъ ей, и говоритъ: слыхала я, что посланецъ Божій придетъ, тотъ, кого называютъ помазанникъ. Онъ тогда все разскажетъ [151].

Іисусъ и говоритъ ей: это я, тотъ самый, что говоритъ съ тобой. Ничего не жди больше [152].

Послѣ того пришелъ Іисусъ въ іудейскую землю и тамъ жилъ съ учениками и училъ [153]. Въ то время Іоаннъ училъ людей подлѣ Салима и купалъ въ рѣкѣ Энонѣ [154], потому что Іоаннъ еще не былъ посаженъ въ темницу [155].

И зашелъ между учениками Іоанна и учениками Іисуса споръ о томъ, что̀ лучше, очищеніе ли Іоанново въ водѣ, или ученіе Іисусово [156].

И пришли къ Іоанну и сказали ему: ты, вотъ, очищаешь водою, а Іисусъ только учитъ, и всѣ идутъ къ нему. Что̀ ты скажешь о немъ? [157] — Іоаннъ сказалъ: человѣкъ самъ собой не можетъ ничему учить, если Богъ не научитъ его [158]. Кто говоритъ земное, то земное и есть; а если кто говоритъ отъ Бога, то отъ Бога [159]. Доказать ничѣмъ нельзя, отъ Бога ли слова, которыя говорятъ, или не отъ Бога. Богъ, это — духъ; его нельзя мѣрить и нельзя доказать. Кто пойметъ слова духа, тѣмъ самымъ и доказываетъ, что онъ отъ духа [160]. Отецъ, любя сына, все передалъ ему [161]. Кто вѣритъ въ сына, тотъ имѣетъ жизнь; а кто не вѣритъ въ сына, тотъ не имѣетъ жизни. Богъ есть духъ въ человѣкѣ [162]. (15)

Послѣ этого пришелъ къ Іисусу одинъ правовѣрный и зазвалъ къ себѣ завтракать. Онъ вошелъ и сѣлъ за столъ [163]. Правовѣрный замѣтилъ, что онъ не умылся передъ завтракомъ и подивился [164]. Іисусъ и говоритъ ему: вы, правовѣрные, снаружи все моете, а внутри-то чисто ли у васъ? Будь милостивъ къ людямъ, и все чисто будетъ [165].

И пока онъ сидѣлъ въ домѣ у правовѣрнаго, пришла женщина городская, — она была невѣрная. Она узнала, что Іисусъ — въ домѣ у правовѣрнаго, и пришла туда же, и принесла склянку съ духами [166]. И стала на колѣни у ногъ его, заплакала и, слезами обливая его ноги, вытирала волосами и поливала духами изъ склянки [167].

Увидалъ это правовѣрный и подумалъ себѣ: едва ли онъ пророкъ. Когда бы онъ точно былъ пророкъ, онъ бы узналъ, какая такая женщина омываетъ ему ноги, онъ бы узналъ, что это — невѣрная. и не позволилъ бы ей дотрогиваться до себя [168].

Іисусъ догадался, обернулся къ нему и говоритъ: сказать тебѣ, что̀ я думаю? — Скажи, — отвѣчаетъ хозяинъ [169]. Іисусъ и говоритъ: вотъ что, — два человѣка считали себя должными одному владѣльцу, одинъ 500 денегъ, а другой 50 [170]. И не было чѣмъ отдать ни тому, ни другому. Владѣлецъ и простилъ обоимъ. Ну, какъ по твоему разуму, который будетъ болѣе любить владѣльца и ухаживать за нимъ? [171] Тотъ и говоритъ: извѣстно, тотъ, кто больше былъ долженъ [172].

Іисусъ показалъ на женщину и говоритъ: такъ-то ты и эта женщина. Ты считаешь себя правовѣрнымъ и потому малымъ должникомъ; она считаетъ себя невѣрною и потому большимъ должникомъ. Я пришелъ къ тебѣ въ домъ, ты не далъ мнѣ воды ноги умыть; она слезами умываетъ и волосами отираетъ мои ноги [173]. Ты не поцѣловалъ меня, а она цѣлуетъ мои ноги [174]. Ты не далъ мнѣ масла голову помазать, а она дорогими духами мажетъ мнѣ ноги [175]. Тотъ, кто считаетъ себя правовѣрнымъ, тотъ и не будетъ дѣлать дѣлъ любви. А кто считаетъ себя невѣрнымъ, тотъ и будетъ дѣлать дѣла любви. А за дѣла любви все прощается [176]. И сказалъ ей: прощена тебѣ вся твоя неправда. И сказалъ Іисусъ: все дѣло въ томъ, кто какимъ считаетъ себя. Кто считаетъ себя добрымъ, тотъ не будетъ добръ; а кто считаетъ себя дурнымъ, тотъ хорошъ [177]. (16)

И еще Іисусъ сказалъ: пришли разъ въ храмъ молиться два человѣка, — одинъ правовѣрный, другой откупщикъ [178].

Правовѣрный такъ молился: благодарю тебя, Господи, за то, что я не такой, какъ другіе, — не скряга я, не распутникъ, не обманщикъ, не такой

негодяй, какъ этотъ откупщикъ [179]. Пощусь два раза въ субботу и изъ имѣнія десятину отдаю [180].

А откупщикъ сталъ поодаль и не смѣлъ на небо глянуть, и только билъ себя по груди и приговаривалъ: Господи, оглянись на меня, негоднаго [181]. Что же, вѣдь этотъ былъ лучше правовѣрнаго, потому что, кто возвышается, тотъ принизится, а кто принижается, тотъ возвысится [182].

Послѣ того пришли къ Іисусу ученики Іоанна и говорятъ: отчего мы и правовѣрные постимся много, а ученики твои не постятся? А по закону Богъ велѣлъ поститься [183].

И сказалъ имъ Іисусъ: пока женихъ на свадьбѣ, никто не печалится [184]. Только, когда нѣтъ жениха, тогда печалятся [185].

Если есть жизнь, то не должно печалиться. Нельзя соединять внѣшняго богопочитанія съ дѣлами любви. Нельзя соединять старое ученіе, внѣшнее богопочитаніе, съ моимъ ученіемъ дѣлъ любви къ ближнему. Соединять мое ученіе со старымъ все равно, что отодрать лоскутъ отъ новой одежды и нашить на старую. И новую разорвешь, и старую не починишь. Надо принять или все мое, или все старое и, принявъ мое ученіе, нельзя удержать старое — очищеніе, постъ, субботу [186]. Какъ нельзя новое вино вливать въ старые мѣхи, а то разорвутся мѣхи и вино вытечетъ [187]. Но вино новое надо вливать въ мѣхи новые, — и то, и другое цѣло будетъ [188].

ГЛАВА III.

Отъ духа Отца произошла жизнь всѣхъ людей.

Послѣ этого пришли ученики Іоанна спросить Іисуса, тотъ ли онъ, про котораго говорилъ Іоаннъ? Открываетъ ли онъ царство Божіе и обновляетъ ли онъ людей духомъ? [189]

Іисусъ отвѣчаетъ и говоритъ: посмотрите, послушайте и разскажите Іоанну, наступило ли царство Бога, и обновляются ли люди духомъ. Разскажите ему, какое я проповѣдую царство Бога [190]. Въ пророчествахъ сказано, что, когда наступитъ царство Бога, то всѣ люди будутъ блаженны. Ну, и скажите ему, что мое царство Бога такое, что нищіе блаженны [191], и что всякій, кто понимаетъ меня, дѣлается блаженъ [192].

И, отпустивъ учениковъ Іоанна, Іисусъ началъ говорить народу о томъ, какое царство Бога возвѣщалъ Іоаннъ. Онъ сказалъ: когда вы ходили креститься къ Іоанну въ пустыню, чего вы ходили смотрѣть? Законники правовѣрные ходили тоже, но не понимали того, что̀ возвѣщалъ Іоаннъ. И они ни во что сочли его [193]. Эта порода — правовѣрные законники, только и считаютъ правдой то, что̀ они сами выдумываютъ и слушаютъ другъ отъ друга, и тотъ законъ, который они сами выдумали [194]; а что̀ Іоаннъ говорилъ, что̀ я говорю, они не слушаютъ и не понимаютъ. Изъ того, что̀ говоритъ Іоаннъ, они поняли только то, что онъ постится въ въ пустынѣ, и говорятъ: въ немъ бѣсъ [195]. Изъ того, что̀ я говорю, они поняли только то, что я не пощусь, и говорятъ: онъ ѣстъ и пьетъ съ откупщиками и развратниками — другъ имъ [196]. Они, какъ ребята на улицѣ, другъ съ дружкой болтаютъ и дивятся, что никто ихъ не слушаетъ [197]. И видна ихъ мудрость по дѣламъ ихъ [198]. Еслибы вы ходили смотрѣть на человѣка, разодѣтаго въ богатую одежду, такъ, вѣдь, эти во дворцахъ здѣсь живутъ [199]. Такъ чего же вы не видали въ пустынѣ? Вы думаете, что вы ходили за тѣмъ, что Іоаннъ былъ такой же, какъ другіе пророки? Не думайте этого. Іоаннъ былъ не такой пророкъ, какъ другіе. Онъ былъ больше всѣхъ пророковъ. Тѣ предсказывали то, что̀ можетъ быть. Онъ возвѣстилъ людямъ то, что̀ есть: что царство Божіе и было, и есть на землѣ [200]. Вѣрно говорю вамъ: не рож-

дался человѣкъ больше Іоанна. Онъ объявилъ царство Божіе на землѣ и потому онъ выше всѣхъ [201]. Законъ и пророки — все это нужно было до Іоанна. А съ Іоанна и по сіе время возвѣщается, что царство Божіе на землѣ, и что̀, кто дѣлаетъ усиліе, тотъ и входитъ въ него [202].

И пришли къ Іисусу правовѣрные и стали спрашивать его: какъ же и когда придетъ царство Божіе? И онъ отвѣчалъ имъ: царство Божіе, какое я проповѣдую, не такое, какое проповѣдывали прежніе пророки. Они говорили, что придетъ Богъ съ различными видимыми явленіями, а я говорю про такое царство Божіе, котораго пришествія нельзя видѣть глазами [203]. И если скажутъ вамъ: вотъ оно пришло или придетъ, или вотъ оно здѣсь или тамъ, вы имъ не вѣрьте. Царство Божіе не во времени или въ мѣстѣ какомъ - нибудь [204]. Оно, какъ молнія, и тамъ, и здѣсь, и вездѣ [205]. И нѣтъ ему ни времени, ни мѣста, потому что царство Бога, то, какое я проповѣдую, — внутри васъ [206].

Послѣ этого одинъ правовѣрный изъ начальниковъ еврейскихъ, Никодимъ, пришелъ къ Іисусу ночью и говоритъ: ты не велишь соблюдать субботы, не велишь чистоту соблюдать, не велишь приносить жертвы, поститься, храмъ уничтожилъ, про Бога говоришь, что онъ — духъ, и про царство Божіе говоришь, что оно внутри насъ. Какое же это царство Божіе? [207]

И Іисусъ отвѣчалъ ему: пойми ты, если человѣкъ зачатъ съ неба, то въ немъ должно быть небесное [208]. (17)

Никодимъ не понялъ этого и сказалъ: какъ же можетъ человѣкъ, если онъ зачатъ отъ плоти отца и состарѣлся, опять влѣзть въ утробу матери и сначала зачаться [209].

И Іисусъ отвѣчалъ ему: пойми ты, что̀ говорю: я говорю, что человѣкъ, кромѣ плоти, зачатъ еще отъ духа, и потому всякій человѣкъ зачатъ отъ плоти и духа, и потому въ немъ можетъ быть цар-

ство небесное [210]. Отъ плоти — плоть. Отъ плоти не можетъ родиться духъ; только отъ духа можетъ быть духъ [211]. Духъ, это то, чтò живетъ въ тебѣ, и живетъ свободно и разумно; то, чему ты не знаешь ни начала, ни конца, и чтò чувствуетъ въ себѣ каждый человѣкъ [212]. И потому, чему же ты удивляешься, что я сказалъ тебѣ, что мы должны быть зачаты съ неба? [213] (18)

Никодимъ сказалъ: все-таки не вѣрю, чтобы это могло быть такъ [214].

Тогда Іисусъ сказалъ ему: какой же ты учитель, если не понимаешь этого! [215] Пойми ты, что не мудрости какія-нибудь толкую я; я толкую то, чтò мы всѣ знаемъ, увѣряю въ томъ, чтò мы всѣ видимъ [216]. Какъ же ты будешь вѣрить въ то, чтò на небѣ, если ты не вѣришь въ то, чтò на землѣ, чтò въ тебѣ самомъ? [217]

На небѣ вѣдь никто не былъ, а есть только на землѣ человѣкъ, сошедшій съ неба, и самъ небесный [218].(19) Вотъ этого-то самаго небеснаго сына въ человѣкѣ и надо возвысить, чтобы всякій вѣрилъ въ него и не погибалъ, но имѣлъ бы жизнь небесную [219]. Вѣдь не для погибели людей, а для блага ихъ далъ Богъ людямъ сына своего, такого же, какъ онъ. Онъ далъ вѣдь его для того, чтобы всякій вѣрилъ въ него и не погибалъ, а имѣлъ бы жизнь безконечную [220].(20) Вѣдь не затѣмъ же онъ произвелъ сына своего — жизнь — въ міръ людей, чтобы уничтожить міръ людей, но онъ затѣмъ произвелъ сына своего — жизнь, — чтобы міръ людей былъ живъ имъ [221]. (21)

Кто въ немъ полагаетъ жизнь, тотъ не умираетъ; а кто не полагаетъ въ немъ жизни, тотъ самъ себя уничтожаетъ тѣмъ, что не положился на то, чтò есть жизнь [222]. Раздѣленіе (смерть) въ томъ и состоитъ, что жизнь пришла въ міръ, но люди сами идутъ прочь отъ жизни.

Свѣтъ есть жизнь людей, свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди предпочли тьму свѣту и не идутъ къ свѣ-

ту [223]. И потому, кто дурно дѣлаетъ, тотъ не идетъ къ свѣту, такъ что не видны его дѣла, и тотъ лишаетъ себя жизни [224]. А кто въ истинѣ живетъ, тотъ идетъ къ свѣту, такъ что дѣла его видны, и тотъ имѣетъ жизнь и соединяется съ Богомъ.

Царство Бога надо понимать не такъ, какъ вы думаете, что для всѣхъ людей въ какое-нибудь время и въ какомъ нибудь мѣстѣ придетъ царство Бога, а такъ, что во всемъ мірѣ всегда одни люди, тѣ, которые полагаются на небеснаго сына человѣческаго, дѣлаются сынами царства, а другіе, которые не полагаются на него, уничтожаются. Отецъ того духа, который въ человѣкѣ, есть Отецъ только тѣхъ, которые признаютъ себя его сынами. И потому для него существуютъ только тѣ, которые удержали въ себѣ то, что̀ онъ далъ имъ [225]. (22)

И послѣ этого сталъ Іисусъ толковать народу про то, что̀ есть царство Бога, и толковалъ онъ это притчами.

Онъ сказалъ: Отецъ, духъ, сѣетъ въ мірѣ жизнь разумѣнія, все равно, какъ хозяинъ сѣетъ сѣмена на своемъ полѣ [226]. Онъ сѣетъ по всему полю, не разбирая, какое куда попадетъ.(23) И вотъ попадаютъ одни зерна на дорогу, и прилетятъ птицы и поклюютъ [227]. А другія — на камни, и на камняхъ, хотя и прорастутъ, да повянутъ, потому что негдѣ укорениться [228]. А еще иныя попадаютъ въ полынь, и полынь задавитъ хлѣбъ, и̇ взойдетъ колосъ, да не нальется [229]. А иныя попадаютъ на хорошую землю, всходятъ и наверстываютъ за пропащія зерна и выколашиваются, и наливаются, и какой колосъ дастъ самъ 100, какой самъ 60, какой самъ 30. Такъ-то и Богъ разсѣялъ духъ въ людяхъ; въ иныхъ онъ пропадаетъ, а въ иныхъ родитъ сторицею. Эти-то люди и составляютъ царство Бога [230]. (24)

Такъ царство Бога не такое, какъ вы думаете, что придетъ Богъ царить надъ вами. Богъ только посѣялъ духъ, и царство Божіе будетъ въ тѣхъ, которые хранятъ его [231].

Богъ не правитъ людьми, а, какъ хозяинъ, броситъ сѣмена въ землю и самъ не думаетъ о нихъ [232]. Сѣмена сами бухнутъ, прорастаютъ, выходятъ въ зелень, въ трубку, въ колосъ и наливаютъ зерно [233]. И только когда поспѣло, хозяинъ посылаетъ серпы, чтобы сжать ниву. Такъ и Богъ далъ сына своего — духъ — міру, и духъ самъ растетъ въ мірѣ, и сыны духа составляютъ царство Бога [234]. **(25)**

Какъ баба пуститъ въ дежу закваску и смѣшаетъ съ мукой, она уже не ворочаетъ ея, а даетъ, чтобы она сама закисла и поднялась. Пока люди живутъ, Богъ не вступаетъ въ ихъ жизнь. Онъ далъ въ міръ духъ, и духъ самъ живетъ въ людяхъ, и живущіе духомъ люди составляютъ царство Бога. Для духа нѣтъ ни смерти, ни зла. Смерть и зло есть для плоти, а не для духа [235]. **(26)**

Царство Бога вотъ къ чему примѣнить: хозяинъ посѣялъ хорошія сѣмена на полѣ своемъ. Хозяинъ, это — духъ, Отецъ; поле, это — міръ; сѣмена хорошія, это — сыны царства Бога [236]. Вотъ легъ хозяинъ спать, и пришелъ врагъ и посѣялъ на полѣ костерь. Врагъ, это — соблазнъ; костерь, это — сыны соблазна [237]. Вотъ пришли къ хозяину работники и говорятъ: или ты плохія сѣмена сѣялъ? У тебя на полѣ много костерю вышло. Пошли насъ, — мы выполемъ [238]. — А хозяинъ говоритъ: не надо, а то вы станете полоть костерь и потопчете пшеницу [239]. Пускай растутъ вмѣстѣ. Придетъ жатва, тогда велю жнецамъ отобрать костерь и сожгу, а пшеницу уберу въ сарай. — Жатва, это — конецъ жизни людской, а жнецы, это — сила небесная. И сожгутъ костерь, а пшеница очистится и соберется. Такъ и при концѣ жизни пропадетъ все, что̀ было обманъ времени, и останется одна настоящая жизнь въ духѣ. Для духа — Отца зла нѣтъ. Духъ блюдетъ то, что̀ нужно ему; а что̀ не отъ него, того нѣтъ для него [240]. **(27)**

Царство Божіе, какъ неводъ. Неводъ протянутъ по морю — и захватятъ всякой рыбы [241]. А потомъ,

когда вытащать, отберутъ дрянныхъ и кинутъ въ море. Такъ будетъ и при концѣ вѣка: сила небесная отберетъ хорошее, а дурное бросится [242]. (28)

И какъ онъ кончилъ говорить, стали у него ученики его спрашивать, какъ понимать эти притчи? [243] И сказалъ имъ: притчи эти надо понимать на двое. Вѣдь всѣ притчи эти я говорю къ тому, что есть одни, какъ вы, ученики мои, которые понимаютъ, въ чемъ царство Божіе; понимаютъ, что царство Божіе внутри каждаго человѣка, понимаютъ, какъ войти въ него; а другіе не понимаютъ этого. (29) Другіе глядятъ и не видятъ, слушаютъ и не понимаютъ [244]. Потому что ожирѣло сердце ихъ. Вотъ я и говорю этими притчами на двое и тѣмъ, и другимъ. Тѣмъ я говорю о Богѣ, о томъ, что̀ такое для Бога его царство, и они могутъ понимать это. Вамъ же я говорю о томъ, что̀ такое для васъ царство Бога, — то, которое внутри васъ [245].

И вы смотрите, понимайте, какъ слѣдуетъ, притчу о сѣятелѣ. Для васъ притча вотъ что̀ значитъ: [246] Всякій, кто понялъ смыслъ царства Бога, но не принялъ его въ сердце свое, къ тому приходитъ зло и похищаетъ посѣянное; это — сѣмя на дорогѣ [247]. На камнѣ посѣянное, это — тотъ, который тотчасъ же съ радостью принимаетъ [248], но нѣтъ въ немъ корня, а только временемъ принимаетъ; а найдетъ тѣснота, гоненіе изъ-за смысла царства, — тотчасъ и отказывается [249]. Въ полыни посѣянное, это — тотъ, кто понялъ смыслъ царства, но заботы мірскія и жадность къ богатству душатъ въ немъ смыслъ, и онъ не даетъ плода [250]. А на хорошей землѣ посѣянное, это — тотъ, кто понялъ смыслъ царства и принялъ его въ сердце свое; этотъ родитъ плодъ, который самъ 100, который самъ 60, который самъ 30 [251]. Потому, кто удержитъ, тому дается многое; а кто не удержитъ, у того послѣднее отнимется [252].

И потому смотрите, какъ понимать притчи. Понимайте такъ, чтобы не поддаваться обманамъ,

обидамъ и заботамъ, а чтобы принести плодъ самъ 30, самъ 60 и самъ 100 [253]. **(30)**

Царство небесное въ душѣ разрастается изъ ничего, но даетъ все. Оно, какъ сѣмячко березовое, — самое маленькое изъ зеренъ; когда же выростаетъ, то больше всѣхъ деревьевъ, и птицы небесныя вьютъ на нихъ гнѣзда [254].

ГЛАВА IV.

Царство Бога.

И потому воля Отца есть жизнь и благо всѣхъ людей.

И Іисусъ ходилъ по городамъ и селамъ и научалъ всѣхъ блаженству исполненія воли отца [255]. Іисусу жалко было людей за то, что они погибаютъ, не зная того, въ чемъ истинная жизнь, и мечутся и мучатся, сами не зная зачѣмъ, какъ заброшенныя овцы безъ пастуха [256].

Разъ собралось къ Іисусу множество народа, чтобы слушать его ученіе; и онъ взошелъ на гору и сѣлъ. Ученики окружили его [257].

И Іисусъ началъ учить народъ о томъ, въ чемъ состоитъ воля Отца [258]. Онъ сказалъ:

Блаженны нищіе, бездомные, потому что они — въ волѣ Отца. Если они поголодаютъ, они насытятся; если и погорюютъ и поплачутъ, — они утѣшатся [259]. Если люди презираютъ ихъ, отстраняютъ и гонятъ отовсюду [260], пусть они радуютя этому, потому что такъ гоняли всегда людей Божіихъ, и они получаютъ награду небесную [261].

Но горе богачамъ, потому что они получили уже все, что̀ желали, и больше ничего не получатъ [262]. Теперь они довольны, но будутъ и голодны. Теперь они веселы, но будутъ и печальны [263]. Если всѣ величаютъ ихъ, горе имъ, потому что всѣ величаютъ только обманщиковъ. **(31)**

Блаженны нищіе, бездомные; но блаженны только тогда, когда они не по виду только нищіе, но и по душѣ; какъ соль хороша только тогда, когда не по виду только похожа на соль, но когда солона сама въ себѣ [264].

Такъ и вы, нищіе, бездомные — учители міра; вы блаженны, если вы знаете, что истинное счастье въ томъ, чтобы быть бездомнымъ нищимъ. Если же вы нищіе только по виду, то вы, какъ соль несоленая, никуда уже не годитесь [265]. Вы — свѣтъ міру, и потому не прячьте своего свѣта, а показывайте его людямъ [266]. Вѣдь, зажегши свѣтъ, не ставятъ его подъ лавку, а ставятъ на столъ, чтобы онъ свѣтилъ всѣмъ въ горницѣ [267]. Такъ и вы не скрывайте своего свѣта, а дѣлами показывайте, но такъ, чтобы люди видѣли, что вы знаете истину, и, глядя на ваши добрыя дѣла, понимали бы Отца вашего небеснаго [268].

И не думайте, что я освобождаю васъ отъ закона. Я учу не освобожденію отъ закона, а я учу исполненію вѣчнаго закона [269]. Пока есть люди подъ небомъ, есть вѣчный законъ. Закона тогда только не будетъ, когда люди сами собою все будутъ исполнять по вѣчному закону. И вотъ я даю вамъ заповѣди вѣчнаго закона [270]. И если кто освободитъ себя хоть отъ одной изъ короткихъ заповѣдей этихъ и научитъ другихъ тому, что можно освобождать себя отъ нихъ, тотъ послѣднимъ будетъ въ царствѣ небесномъ; а кто исполнитъ и тѣмъ научитъ другихъ, тотъ бо̀льшимъ будетъ въ царствѣ небесномъ [271]. Потому что, если ваша добродѣтель будетъ не больше добродѣтели книжниковъ правовѣрныхъ, то уже никакъ не будете въ царствѣ небесномъ [272]. Вотъ эти заповѣди:

Въ прежнемъ законѣ сказано: не убей. А если кто убьетъ другого, то того нужно судить [273].

А я вамъ говорю, что сто̀итъ суда всякій, кто разсердится на брата своего. И еще больше виноватъ тотъ, кто скажетъ бранное слово брату своему [274].

Такъ что, если хочешь молиться Богу, то вспомни прежде, нѣтъ ли человѣка, который бы имѣлъ что-нибудь противъ тебя; и если вспомнишь, что хоть одинъ человѣкъ считаетъ, что ты обидѣлъ его [275], оставь твою молитву и поди прежде помирись съ братомъ; тогда уже молись. Знайте, что Богу не нужны ни жертвы, ни молитвы, а нужны миръ, согласіе и любовь между вами. И что нельзя вамъ ни молиться, ни думать о Богѣ, если есть у васъ хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ вы не въ любви.

Такъ вотъ первая заповѣдь: не сердитесь, не бранитесь; а, побранившись, помиритесь и дѣлайте такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не имѣлъ на васъ обиды [276].

Въ прежнемъ законѣ сказано: не прелюбодѣйствуй. И если хочешь отпустить жену, то дай ей разводную.

А я говорю вамъ, что если любуешься красотою женщины, то ты уже прелюбодѣйствуешь. Всякое распутство губитъ душу, и потому лучше тебѣ отказаться отъ плотской утѣхи, чѣмъ погубить свою жизнь [277].

И если отпустишь свою жену, то кромѣ того, что ты распутникъ, ты еще и ее вгоняешь въ распутство, и того, кто съ нею свяжется.

И потому вотъ вторая заповѣдь: не думай, чтобы любовь къ женщинѣ было хорошо; не любуйся женщинами, а живи съ той, съ которой ты сошелся, и не оставляй ее [278].

Въ прежнемъ законѣ сказано: не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, не призывай Бога твоего во лжи и не безчести имени Бога твоего. Не клянитесь мною въ неправдѣ такъ, чтобы осквернить Бога вашего [279].

А я говорю вамъ, что всякая клятва есть оскверненіе Бога, и потому вовсе не клянитесь. Человѣку нельзя обѣщать ничего, потому что онъ весь во власти Отца. Онъ волоса одного не можетъ изъ

Іисусъ и говоритъ ей: это я, тотъ самый, что говоритъ съ тобой. Ничего не жди больше [152].

Послѣ того пришелъ Іисусъ въ іудейскую землю и тамъ жилъ съ учениками и училъ [153]. Въ то время Іоаннъ училъ людей подлѣ Салима и купалъ въ рѣкѣ Энонѣ [154], потому что Іоаннъ еще не былъ посаженъ въ темницу [155].

И зашелъ между учениками Іоанна и учениками Іисуса споръ о томъ, что̀ лучше, очищеніе ли Іоанново въ водѣ, или ученіе Іисусово [156].

И пришли къ Іоанну и сказали ему: ты, вотъ, очищаешь водою, а Іисусъ только учитъ, и всѣ идутъ къ нему. Что̀ ты скажешь о немъ? [157] — Іоаннъ сказалъ: человѣкъ самъ собой не можетъ ничему учить, если Богъ не научитъ его [158]. Кто говоритъ земное, то земное и есть; а если кто говоритъ отъ Бога, то отъ Бога [159]. Доказать ничѣмъ нельзя, отъ Бога ли слова, которыя говорятъ, или не отъ Бога. Богъ, это — духъ; его нельзя мѣрить и нельзя доказать. Кто пойметъ слова духа, тѣмъ самымъ и доказываетъ, что онъ отъ духа [160]. Отецъ, любя сына, все передалъ ему [161]. Кто вѣритъ въ сына, тотъ имѣетъ жизнь; а кто не вѣритъ въ сына, тотъ не имѣетъ жизни. Богъ есть духъ въ человѣкѣ [162]. (15)

Послѣ этого пришелъ къ Іисусу одинъ правовѣрный и зазвалъ къ себѣ завтракать. Онъ вошелъ и сѣлъ за столъ [163]. Правовѣрный замѣтилъ, что онъ не умылся передъ завтракомъ и подивился [164]. Іисусъ и говоритъ ему: вы, правовѣрные, снаружи все моете, а внутри-то чисто ли у васъ? Будь милостивъ къ людямъ, и все чисто будетъ [165].

И пока онъ сидѣлъ въ домѣ у правовѣрнаго, пришла женщина городская, — она была невѣрная. Она узнала, что Іисусъ — въ домѣ у правовѣрнаго, и пришла туда же, и принесла склянку съ духами [166]. И стала на колѣни у ногъ его, заплакала и, слезами обливая его ноги, вытирала волосами и поливала духами изъ склянки [167].

Тѣ, кто судятъ и присуждаютъ къ насиліямъ, ранамъ, увѣчьямъ, смерти, хотятъ учить людей. Но что̀ же можетъ выйти изъ ихъ ученія иного, какъ не то, что ученикъ выучится и станетъ вполнѣ какъ учитель? Что̀ же онъ будетъ дѣлать, когда выучится? То же самое, что̀ дѣлаетъ учитель: насилія, убійства [291].

И не думайте въ судахъ найти справедливость. Любовь къ справедливости отдавать на суды человѣческіе — все равно, что драгоцѣнный жемчугъ бросать свиньямъ: онѣ затопчутъ его и разорвутъ васъ.

И потому 4-ая заповѣдь: какъ бы тебя ни обижали, — не противься злу, не суди и не судись, не жалуйся и не наказывай [292]. **(33)**

Въ прежнемъ законѣ сказано: дѣлай добро людямъ своего народа и дѣлай вредъ чужимъ [293].

А я говорю вамъ: любите не однихъ земляковъ, но и людей другихъ народовъ. Пускай чужіе ненавидятъ васъ, пускай нападаютъ на васъ, обижаютъ васъ, хвалите ихъ и дѣлайте имъ добро [294]. Если вы только къ землякамъ хороши, то этакъ и всѣ хороши къ своимъ землякамъ, и отъ этого-то и бываютъ войны. А вы ко всѣмъ народамъ будьте равны и вы будете сынами Отца. Всѣ люди — его дѣти; стало быть, всѣ вамъ братья.

И потому вотъ 5-ая заповѣдь: къ чужимъ народамъ соблюдайте то же, что̀ я сказалъ вамъ соблюдать между собою. Для Отца всѣхъ людей нѣтъ ни разныхъ народовъ, ни разныхъ царствъ: всѣ братья, всѣ сыны одного Отца. Не дѣлайте различія между людьми по народамъ и царствамъ.

Такъ вотъ: 1. не сердитесь и будьте въ мирѣ со всѣми; 2. не забавляйтесь похотью блудной; 3. не клянитесь никому ни въ чемъ; 4. не противьтесь злу, не судите и не судитесь, и 5. не дѣлайте различія между разными народами и любите чужихъ такъ же, какъ своихъ [295]. **(34)**

Всѣ эти заповѣди въ одномъ: все то, что̀ желаете, чтобы дѣлали для васъ люди, то дѣлайте имъ [296].

Исполняйте эти заповѣди не для похвалы людской. Если для людей дѣлаете, то отъ людей вамъ и награда. А если не для людей, то награда вамъ отъ Отца небеснаго [297]. Такъ что, если дѣлаешь добро людямъ, то не труби объ немъ передъ людьми. Такъ дѣлаютъ обманщики, чтобы ихъ хвалили люди. Они и получаютъ, чего желаютъ [298]. А если дѣлаешь добро людямъ, то дѣлай такъ, чтобы никто не видалъ, чтобы лѣвая рука не знала, что̀ дѣлаетъ правая [299]. И Отецъ твой увидитъ это и дастъ тебѣ то, что̀ тебѣ нужно [300].

И если хочешь молиться, то не дѣлай, какъ обманщики молятся. Обманщики любятъ молиться въ церквахъ, на виду у людей. Они дѣлаютъ это для людей и отъ людей и получаютъ за это то, чего желаютъ [301].

А если хочешь молиться, зайди туда, гдѣ бы тебя не видалъ никто, и молись Отцу своему духу, и Отецъ увидитъ то, что̀ въ твоей душѣ, и дастъ тебѣ то, чего ты желаешь въ духѣ [302].

Когда молишься, то не болтай языкомъ, какъ притворщики [303]. Отецъ твой знаетъ, что̀ тебѣ нужно, прежде, чѣмъ ты откроешь уста [304].

Молитесь только такъ:

Отецъ нашъ безначальный и безконечный, какъ небо!

Пусть будетъ свято только твое существо.

Пусть будетъ власть только твоя, такъ чтобы воля твоя совершалась безначально и безконечно на землѣ.

Дай мнѣ пищу жизни въ настоящемъ.

Ошибки мои прежнія загладь и сотри такъ же, какъ и я заглаживаю и стираю всѣ ошибки братьевъ моихъ, чтобы я не попалъ въ соблазнъ и избавился отъ зла.

Потому что твоя власть и сила и твое рѣшеніе [305].

Если молитесь, то прежде всего ни на кого не держите зла [306]. А если вы не прощаете людямъ неправду, то и Отецъ не проститъ вамъ вашу неправду [307].

Если поститесь, — терпите, не выказывайте этого людямъ; такъ дѣлаютъ обманщики, чтобы люди видѣли и хвалили ихъ. И люди хвалятъ ихъ, и они получаютъ, чего желаютъ [308]. А ты не такъ дѣлай; ты, если терпишь нужду, такъ ходи съ веселымъ лицомъ, чтобы люди не видѣли, а Отецъ твой увидитъ и дастъ тебѣ то, что̀ тебѣ нужно [309].

Не припасайте себѣ припасовъ на землѣ. На землѣ и червь точитъ, и ржавчина ѣстъ, и воры крадутъ, а припасайте себѣ богатство небесное [310]. Небесное богатство ни червь не точитъ, ни ржавчина не ѣстъ, ни воры не крадутъ [311]. Гдѣ будетъ богатство ваше, тамъ будетъ и сердце ваше [312].

Тѣлу свѣтъ — глазъ, а душѣ — сердце [313]. Если глазъ твой теменъ, то все тѣло будетъ во тьмѣ. Если же свѣтъ твоего сердца теменъ, то вся душа твоя будетъ во тьмѣ [314]. Нельзя служить вмѣстѣ двумъ хозяевамъ. Одному угодишь, другого обидишь. Нельзя служить Богу и плоти. Либо земной жизни будешь работать, либо Богу [315]. Поэтому не заботьтесь о томъ, что̀ будете ѣсть и пить, и чѣмъ одѣваться. Вѣдь жизнь мудренѣе пищи и одежды, а Богъ далъ вамъ ее [316].

Посмотрите на тварь Божію, на птицъ. Онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ, а Богъ питаетъ ихъ. Передъ Богомъ человѣкъ не хуже птицы. Если Богъ далъ жизнь человѣку, то сумѣетъ и пропитать его [317]. А вѣдь вы сами знаете, что, какъ вы ни хлопочите, вы ничего не можете для себя сдѣлать. Не можете ни на часъ увеличить своего вѣка [318]. И объ одеждѣ зачѣмъ вамъ заботиться. Цвѣты полевые не работаютъ, не прядутъ [319], а разукрашены такъ, что и Соломонъ во всей роскоши своей никогда такъ не разукрасилъ себя [320].

Что же, если Богъ траву ту, что̀ нынче растетъ, а завтра скосятъ, такъ разукрасилъ, то, что же, онъ васъ не одѣнетъ? [321]

Не заботьтесь и не хлопочите, не говорите, что надо подумать о томъ, что̀ будемъ ѣсть и чѣмъ

дался человѣкъ больше Іоанна. Онъ объявилъ царство Божіе на землѣ и потому онъ выше всѣхъ [201]. Законъ и пророки — все это нужно было до Іоанна. А съ Іоанна и по сіе время возвѣщается, что царство Божіе на землѣ, и что̀, кто дѣлаетъ усиліе, тотъ и входитъ въ него [202].

И пришли къ Іисусу правовѣрные и стали спрашивать его: какъ же и когда придетъ царство Божіе? И онъ отвѣчалъ имъ: царство Божіе, какое я проповѣдую, не такое, какое проповѣдывали прежніе пророки. Они говорили, что придетъ Богъ съ различными видимыми явленіями, а я говорю про такое царство Божіе, котораго пришествія нельзя видѣть глазами [203]. И если скажутъ вамъ: вотъ оно пришло или придетъ, или вотъ оно здѣсь или тамъ, вы имъ не вѣрьте. Царство Божіе не во времени или въ мѣстѣ какомъ - нибудь [204]. Оно, какъ молнія, и тамъ, и здѣсь, и вездѣ [205]. И нѣтъ ему ни времени, ни мѣста, потому что царство Бога, то, какое я проповѣдую, — внутри васъ [206].

Послѣ этого одинъ правовѣрный изъ начальниковъ еврейскихъ, Никодимъ, пришелъ къ Іисусу ночью и говоритъ: ты не велишь соблюдать субботы, не велишь чистоту соблюдать, не велишь приносить жертвы, поститься, храмъ уничтожилъ, про Бога говоришь, что онъ — духъ, и про царство Божіе говоришь, что оно внутри насъ. Какое же это царство Божіе? [207]

И Іисусъ отвѣчалъ ему: пойми ты, если человѣкъ зачатъ съ неба, то въ немъ должно быть небесное [208]. (17)

Никодимъ не понялъ этого и сказалъ: какъ же можетъ человѣкъ, если онъ зачатъ отъ плоти отца и состарѣлся, опять влѣзть въ утробу матери и сначала зачаться [209].

И Іисусъ отвѣчалъ ему: пойми ты, что̀ говорю: я говорю, что человѣкъ, кромѣ плоти, зачатъ еще отъ духа, и потому всякій человѣкъ зачатъ отъ плоти и духа, и потому въ немъ можетъ быть цар-

Потому что не тотъ, кто говоритъ: Господи, Господи! войдетъ въ царство небесное, а тотъ, кто исполняетъ волю Отца небеснаго [336]. Они скажутъ: Господи, Господи, мы учили твоему ученію, и мы по твоему ученію изгоняли зло [337]. Но я отрицаюсь отъ нихъ и говорю имъ: нѣтъ, я никогда не признавалъ и не признаю васъ. Подите отъ меня прочь: вы дѣлаете беззаконіе [338].

И такъ всякій, кто слышалъ эти мои слова и исполняетъ ихъ, тотъ, какъ разумный человѣкъ, строитъ домъ свой на камнѣ [339]. И домъ его устоитъ противъ всѣхъ бурь [340]. А тотъ, кто слышитъ эти слова и не исполняетъ ихъ, тотъ, какъ глупый человѣкъ, строитъ домъ на пескѣ [341]. Какъ придетъ буря, такъ и завалитъ домъ, и все погибнетъ [342].

И весь народъ удивлялся на это ученіе, потому что ученіе Іисуса было совсѣмъ другое, чѣмъ ученіе правовѣрныхъ законниковъ. Правовѣрные законники учили закону, которому надо повиноваться; а Іисусъ училъ, что всѣ люди свободные [343]. И на Іисусѣ Христѣ исполнились пророчества Исаіи [344]: что люди, жившіе во тьмѣ, во мракѣ смерти, увидали свѣтъ жизни, и что тотъ, кто припасъ этотъ свѣтъ правды, не сдѣлаетъ никакого насилія и вреда людямъ; что онъ кротокъ и смиренъ [345]; что онъ для того, чтобы внести правду въ міръ, не споритъ, не кричитъ; что громкаго голоса его не слыхать [346]; что онъ не перерветъ соломинки и ночника не задуетъ [347]; и что вся надежда людей на ученіе его [348].

ГЛАВА V.

Истинная жизнь.

Исполненіе личной воли приводитъ къ смерти; исполненіе воли Отца даетъ жизнь истинную.

И возрадовался Іисусъ о силѣ духа и сказалъ:

Признаю духъ Отца началомъ всего небеснаго и земного, потому что то, что̀ скрыто было отъ умныхъ

и мудрецовъ, то открывается несмысленнымъ только тѣмъ, что они признаютъ себя сыновьями Отца [349].

Всѣ заботятся о плотскомъ благѣ, заложились въ такой возъ, какой имъ не свезти, и надѣли на себя ярмо такое, какое не по нихъ сдѣлано.

Поймите мое ученіе и слѣдуйте ему, и вы узнаете покой и радость въ жизни. Я даю вамъ другое ярмо и другой возъ — жизнь духовную [350]. Запрягитесь въ нее, и вы научитесь отъ меня спокойствію и блаженству. Будьте покойны и кротки сердцемъ и найдете блаженство въ жизни вашей [351]. Потому что мое ученіе, это — ярмо по васъ сдѣлано, и исполненіе моего ученія, это — возъ легкій и ярмо по васъ сдѣлано [352].

Разъ пришли къ нему и спросили его, хочетъ ли онъ ѣсть? [353]

И онъ сказалъ имъ: у меня есть пища, которой вы не знаете [354].

Они подумали, что кто-нибудь приносилъ ему ѣсть [355]. Но онъ сказалъ:

Пища моя та, чтобы дѣлать волю того, кто далъ мнѣ жизнь, и совершить то, что̀ онъ поручилъ мнѣ [356]. Не говорите: еще есть время, какъ говорилъ пахарь, дожидаясь жатвы. Кто исполняетъ волю Отца, тотъ всегда доволенъ и не знаетъ ни голода, ни жажды. Исполненіе воли Бога удовлетворяетъ всегда, несетъ награду въ самомъ себѣ. Нельзя говорить: я послѣ исполню волю Отца. Пока есть жизнь, всегда возможно и должно исполнять волю Отца [357]. Жизнь наша есть то поле, которое засѣялъ Богъ, а наше дѣло — собирать его плоды [358]. И если мы собираемъ плоды, то мы получаемъ награду, жизнь невременную. Истинно то, что не мы сами даемъ себѣ жизнь, а кто-то другой. И если мы трудимся для собиранія жизни, то мы, какъ жнецы, получаемъ награду. Я учу васъ собирать эту жизнь, которую Отецъ далъ вамъ [359].

Пришелъ разъ Іисусъ въ Іерусалимъ [360]. И была тогда въ Іерусалимѣ купальня [361]. И говорили про

эту купальню, что сходилъ въ нее ангелъ, и отъ этого вода въ купальнѣ начнетъ играть, и что кто если первый, послѣ того, какъ вода взыграется, окунется въ купальню, тотъ, чѣмъ бы ни былъ онъ боленъ, выздоровѣетъ [362]. И были надѣланы около купальни навѣсы [363]. И подъ навѣсами этими лежали больные и ждали, когда взыграется вода въ купальнѣ, чтобы окунуться въ нее [364].

И былъ тамъ человѣкъ 38 лѣтъ, въ слабости.

Іисусъ спросилъ, что̀ онъ?

Человѣкъ и разсказалъ, что онъ уже 38 лѣтъ хвораетъ и ждетъ все того, чтобы попасть въ купальню первому, когда вода взыграется, чтобы вылѣчиться, но вотъ уже 38 лѣтъ не можетъ попасть первымъ, — все прежде него войдутъ въ купальню и выкупаются [365].

И Іисусъ увидалъ, что онъ старъ, и сказалъ ему: хочешь выздоровѣть? [366]

Тотъ сказалъ: хочу, да нѣтъ у меня человѣка, чтобы внести меня въ воду во-время. Все прежде кто-нибудь войдетъ [367].

И сказалъ ему Іисусъ: проснись, забери постель и иди [368].

И слабый взялъ постель и пошелъ.

А была суббота [369]. И сказали правовѣрные: нельзя тебѣ собирать постель: нынче суббота [370]. Онъ сказалъ: кто меня поднялъ, тотъ и велѣлъ мнѣ собрать постель [371]. (**36**)

Разслабленный пошелъ и сказалъ правовѣрнымъ, что это Іисусъ его вылѣчилъ [372]. И разсердились правовѣрные и гнали Іисуса за то, что онъ дѣлалъ такія дѣла въ субботу [373].

И Іисусъ сказалъ: то, что̀ Отецъ всегда дѣлаетъ, то и я дѣлаю [374]. Истинно говорю вамъ: сынъ самъ собою ничего не можетъ сдѣлать. Онъ дѣлаетъ только то, что̀ онъ понялъ отъ Отца. Что̀ Отецъ дѣлаетъ, то и онъ дѣлаетъ [375]. Отецъ любитъ сына и этимъ самымъ научилъ его всему, что̀ сыну нужно знать [376].

Отецъ мертвымъ даетъ жизнь; такъ и сынъ даетъ жизнь тому, кто хочетъ, потому что какъ дѣло Отца есть жизнь, такъ и дѣло сына должна быть жизнь [377]. Отецъ не присудилъ людей къ смерти, но далъ людямъ власть по ихъ волѣ умирать или жить [378]. И они будутъ жить, если будутъ почитать сына, какъ Отца [379].

Вѣрно говорю вамъ, что, кто понялъ смыслъ моего ученія и повѣрилъ въ общаго Отца всѣхъ людей, тотъ уже имѣетъ жизнь и избавленъ отъ смерти [380]. Тѣ, которые поняли смыслъ жизни человѣческой, тѣ уже ушли отъ смерти и будутъ всегда жить [381].

Потому что, какъ Отецъ живетъ самъ собою, такъ и сыну далъ жизнь въ самомъ себѣ [382]; и далъ ему свободу. Этимъ-то онъ и сынъ человѣческій [383].

Отнынѣ всѣ смертные раздѣлятся на двое [384]: одни тѣ, которые дѣлаютъ добро, найдутъ жизнь; а тѣ, которые дѣлаютъ зло, — уничтожатся [385]. И это не я рѣшаю, а это то, что̀ я понялъ отъ Отца. И рѣшеніе мое вѣрно, потому что я рѣшаю такъ не для того, чтобы дѣлать то, что̀ мнѣ хочется, но для того, чтобы всѣ дѣлали то, чего хочетъ Отецъ всѣхъ [386].

Если бы я увѣрялъ всѣхъ, что ученіе мое истинно, то это не утвердило бы моего ученія [387]. Но есть то, что̀ утверждаетъ мое ученіе, это — тѣ дѣла, которымъ я учу. Они показываютъ, что я не отъ себя учу, а отъ Отца всѣхъ людей [388]. И Отецъ мой, тотъ, который научилъ меня, онъ подтверждаетъ истину моихъ заповѣдей въ душахъ всѣхъ.

Но вы голоса его не хотите понимать и знать [389]. И смысла этого голоса не держитесь. То, что̀ въ васъ есть духъ, сошедшій съ неба, этому-то вы не вѣрите [390].

Вникните въ смыслъ вашихъ писаній. Вы найдете въ нихъ то же, что̀ въ моемъ ученіи, заповѣди о томъ, чтобы жить не для себя только, а дѣлать добро людямъ [391]. Отчего же вы не хотите вѣрить въ мои заповѣди, въ тѣ, которыя даютъ жизнь всѣмъ

людямъ [392]. Я учу васъ во имя Отца, общаго всѣмъ людямъ, и вы не принимаете моего ученія; а если кто васъ будетъ учить во имя свое, вы тому повѣрите [393].

Нельзя вѣрить тому, что̀ люди говорятъ другъ другу, а можно вѣрить только тому, что въ каждомъ человѣкѣ есть сынъ такой же, какъ Отецъ [394].

И чтобы не думали люди, что царство небесное есть что-либо видимое, а чтобы понимали, что царство Бога состоитъ въ исполненіи воли Отца, и что исполненіе воли Отца зависитъ отъ усилія каждаго человѣка; чтобы понимали люди, что жизнь дана не для себя лично, но для исполненія воли Отца, и что только исполненіе воли Отца спасаетъ отъ смерти и даетъ жизнь, — Іисусъ сказалъ притчу.

Онъ сказалъ: былъ одинъ богатый человѣкъ, и надо было ему уѣхать изъ дома своего [395]. Передъ отъѣздомъ призвалъ онъ рабовъ своихъ и роздалъ имъ 10 талантовъ, каждому по одному, и сказалъ: пока я буду въ отлучкѣ, работайте каждый надъ тѣмъ, что̀ я далъ [396]. — Но случилось, что, когда онъ уѣхалъ, нѣкоторые жители этого города сказали: не хотимъ болѣе служить ему [397].

Вотъ, какъ вернулся богатый человѣкъ изъ отлучки, призвалъ онъ тѣхъ рабовъ, которымъ далъ деньги, и велѣлъ сказывать, что̀ каждый сдѣлалъ съ его деньгами [398].

Пришелъ первый и говоритъ: вотъ, хозяинъ, на твой одинъ я заработалъ десять [399]. — И сказалъ ему хозяинъ: хорошо, добрый слуга; ты въ маломъ былъ вѣренъ, я надъ большимъ тебя поставлю: будь за одно со мной во всемъ моемъ богатствѣ [400].

Пришелъ другой рабъ и сказалъ: вотъ, хозяинъ, на твой талантъ я заработалъ пять [401]. — И сказалъ ему хозяинъ: хорошо сдѣлалъ, добрый рабъ; будь за одно со мной во всемъ моемъ имѣніи [402].

Пришелъ еще одинъ и говоритъ: вотъ твой талантъ; я его спряталъ въ платокъ и зарылъ [403], потому что я боялся тебя. Ты — человѣкъ стро-

Блаженны нищіе, бездомные; но блаженны только тогда, когда они не по виду только нищіе, но и по душѣ; какъ соль хороша только тогда, когда не по виду только похожа на соль, но когда солона сама въ себѣ [264].

Такъ и вы, нищіе, бездомные — учители міра; вы блаженны, если вы знаете, что истинное счастье въ томъ, чтобы быть бездомнымъ нищимъ. Если же вы нищіе только по виду, то вы, какъ соль несоленая, никуда уже не годитесь [265]. Вы — свѣтъ міру, и потому не прячьте своего свѣта, а показывайте его людямъ [266]. Вѣдь, зажегши свѣтъ, не ставятъ его подъ лавку, а ставятъ на столъ, чтобы онъ свѣтилъ всѣмъ въ горницѣ [267]. Такъ и вы не скрывайте своего свѣта, а дѣлами показывайте, но такъ, чтобы люди видѣли, что вы знаете истину, и, глядя на ваши добрыя дѣла, понимали бы Отца вашего небеснаго [268].

И не думайте, что я освобождаю васъ отъ закона. Я учу не освобожденію отъ закона, а я учу исполненію вѣчнаго закона [269]. Пока есть люди подъ небомъ, есть вѣчный законъ. Закона тогда только не будетъ, когда люди сами собою все будутъ исполнять по вѣчному закону. И вотъ я даю вамъ заповѣди вѣчнаго закона [270]. И если кто освободитъ себя хоть отъ одной изъ короткихъ заповѣдей этихъ и научитъ другихъ тому, что можно освобождать себя отъ нихъ, тотъ послѣднимъ будетъ въ царствѣ небесномъ; а кто исполнитъ и тѣмъ научитъ другихъ, тотъ бòльшимъ будетъ въ царствѣ небесномъ [271]. Потому что, если ваша добродѣтель будетъ не больше добродѣтели книжниковъ правовѣрныхъ, то уже никакъ не будете въ царствѣ небесномъ [272]. Вотъ эти заповѣди:

Въ прежнемъ законѣ сказано: не убей. А если кто убьетъ другого, то того нужно судить [273].

А я вамъ говорю, что стòитъ суда всякій, кто разсердится на брата своего. И еще больше виноватъ тотъ, кто скажетъ бранное слово брату своему [274].

волю Отца, и не служатъ жизни другихъ. Рабы, исполнившіе волю и работавшіе для увеличенія хозяйскаго имѣнія, становятся участниками всего имѣнія хозяина; а рабы, не исполнившіе воли и не работавшіе на хозяина, лишаются того, что̀ имъ дано было. Люди, исполнившіе волю Отца и служившіе жизни, становятся участниками жизни Отца и получаютъ жизнь, несмотря на уничтоженіе жизни плотской. Не исполнившіе волю и не служившіе жизни лишаются той жизни, которую имѣли, и уничтожаются. Тѣ, которые не хотѣли признавать власть хозяина, тѣхъ для хозяина не существуетъ: онъ изгоняетъ ихъ. Люди, которые не признаютъ въ себѣ жизнь духа (сына), тѣхъ нѣтъ для Отца (37).

Послѣ этого пошелъ Іисусъ въ пустынное мѣсто [411]. И пошло за нимъ много народа [412]. И взошелъ онъ на гору и сѣлъ тамъ съ учениками своими [413]. И увидалъ, что много идетъ народа, и сказалъ: откуда бы намъ достать хлѣба, чтобы накормить весь этотъ народъ [414]?—Филиппъ сказалъ: и 200 динаріевъ не достанетъ, если всѣмъ хоть по немногу дать [415]. У насъ только есть немного хлѣба и рыбы. — И сказалъ другой ученикъ: у нихъ есть хлѣбъ, я видѣлъ: вотъ у мальчика 5 хлѣбовъ и 2 рыбки [416]. — И сказалъ Іисусъ: велите имъ всѣмъ лечь на траву [417].

И взялъ Іисусъ хлѣбы, что̀ были у него̀, и отдалъ ученикамъ, и имъ велѣлъ отдавать другимъ; и такъ всѣ стали отдавать другъ другу, что̀ было, и всѣ насытились, и еще осталось много [418].

На другой день опять пришелъ народъ къ Іисусу, и онъ сказалъ имъ: вотъ, вы приходите ко мнѣ не потому, что вы чудеса видѣли, а потому, что ѣли хлѣбъ и насытились [419]. — И сказалъ имъ: работайте не пищу тлѣнную, но пищу вѣчную, такую, которую даетъ только духъ сына человѣческаго, запечатлѣнный Богомъ [420].

Іудеи сказали: что̀ же надо дѣлать, чтобы дѣлать дѣла Божіи? [421]

Исполняйте эти заповѣди не для похвалы людской. Если для людей дѣлаете, то отъ людей вамъ и награда. А если не для людей, то награда вамъ отъ Отца небеснаго [297]. Такъ что, если дѣлаешь добро людямъ, то не труби объ немъ передъ людьми. Такъ дѣлаютъ обманщики, чтобы ихъ хвалили люди. Они и получаютъ, чего желаютъ [298]. А если дѣлаешь добро людямъ, то дѣлай такъ, чтобы никто не видалъ, чтобы лѣвая рука не знала, что̀ дѣлаетъ правая [299]. И Отецъ твой увидитъ это и дастъ тебѣ то, что̀ тебѣ нужно [300].

И если хочешь молиться, то не дѣлай, какъ обманщики молятся. Обманщики любятъ молиться въ церквахъ, на виду у людей. Они дѣлаютъ это для людей и отъ людей и получаютъ за это то, чего желаютъ [301].

А если хочешь молиться, зайди туда, гдѣ бы тебя не видалъ никто, и молись Отцу своему духу, и Отецъ увидитъ то, что̀ въ твоей душѣ, и дастъ тебѣ то, чего ты желаешь въ духѣ [302].

Когда молишься, то не болтай языкомъ, какъ притворщики [303]. Отецъ твой знаетъ, что̀ тебѣ нужно, прежде, чѣмъ ты откроешь уста [304].

Молитесь только такъ:

Отецъ нашъ безначальный и безконечный, какъ небо!

Пусть будетъ свято только твое существо.

Пусть будетъ власть только твоя, такъ чтобы воля твоя совершалась безначально и безконечно на землѣ.

Дай мнѣ пищу жизни въ настоящемъ.

Ошибки мои прежнія заглядь и сотри такъ же, какъ и я заглаживаю и стираю всѣ ошибки братьевъ моихъ, чтобы я не попалъ въ соблазнъ и избавился отъ зла.

Потому что твоя власть и сила и твое рѣшеніе [305].

Если молитесь, то прежде всего ни на кого не держите зла [306]. А если вы не прощаете людямъ неправду, то и Отецъ не проститъ вамъ вашу неправду [307].

Если поститесь, — терпите, не выказывайте этого людямъ; такъ дѣлаютъ обманщики, чтобы люди видѣли и хвалили ихъ. И люди хвалятъ ихъ, и они получаютъ, чего желаютъ [308]. А ты не такъ дѣлай; ты, если терпишь нужду, такъ ходи съ веселымъ лицомъ, чтобы люди не видѣли, а Отецъ твой увидитъ и дастъ тебѣ то, что̀ тебѣ нужно [309].

Не припасайте себѣ припасовъ на землѣ. На землѣ и червь точитъ, и ржавчина ѣстъ, и воры крадутъ, а припасайте себѣ богатство небесное [310]. Небесное богатство ни червь не точитъ, ни ржавчина не ѣстъ, ни воры не крадутъ [311]. Гдѣ будетъ богатство ваше, тамъ будетъ и сердце ваше [312].

Тѣлу свѣтъ — глазъ, а душѣ — сердце [313]. Если глазъ твой теменъ, то все тѣло будетъ во тьмѣ. Если же свѣтъ твоего сердца теменъ, то вся душа твоя будетъ во тьмѣ [314]. Нельзя служить вмѣстѣ двумъ хозяевамъ. Одному угодишь, другого обидишь. Нельзя служить Богу и плоти. Либо земной жизни будешь работать, либо Богу [315]. Поэтому не заботьтесь о томъ, что̀ будете ѣсть и пить, и чѣмъ одѣваться. Вѣдь жизнь мудренѣе пищи и одежды, а Богъ далъ вамъ ее [316].

Посмотрите на тварь Божію, на птицъ. Онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ, а Богъ питаетъ ихъ. Передъ Богомъ человѣкъ не хуже птицы. Если Богъ далъ жизнь человѣку, то сумѣетъ и пропитать его [317]. А вѣдь вы сами знаете, что, какъ вы ни хлопочите, вы ничего не можете для себя сдѣлать. Не можете ни на часъ увеличить своего вѣка [318]. И объ одеждѣ зачѣмъ вамъ заботиться. Цвѣты полевые не работаютъ, не прядутъ [319], а разукрашены такъ, что и Соломонъ во всей роскоши своей никогда такъ не разукрасилъ себя [320].

Что же, если Богъ траву ту, что̀ нынче растетъ, а завтра скосятъ, такъ разукрасилъ, то, что же, онъ васъ не одѣнетъ? [321]

Не заботьтесь и не хлопочите, не говорите, что надо подумать о томъ, что̀ будемъ ѣсть и чѣмъ

одѣнемся[322]. Это всѣмъ людямъ нужно, и Богъ знаетъ эту нужду вашу[323]. Такъ и не заботьтесь о будущемъ. Живите настоящимъ днемъ. Заботьтесь о томъ, чтобы быть въ волѣ Отца. Желайте того, что̀ одно важно, а остальное все само придетъ. Старайтесь только быть въ волѣ Отца[324]. Такъ и не заботьтесь о будущемъ. Когда придетъ будущее, тогда будетъ и забота. Довольно зла и въ настоящемъ[325].

Просите, — и дастся вамъ; ищите, — и найдете; стучите, — и отворятъ вамъ[326]. Развѣ есть такой отецъ, чтобы онъ далъ сыну камень вмѣсто хлѣба, или змѣю вмѣсто рыбы?[327] Такъ какъ же мы, злые люди, умѣемъ давать дѣтямъ нашимъ то, что̀ имъ нужно, а Отецъ вашъ на небѣ не дастъ вамъ того, что̀ вамъ истинно нужно, если вы просите у него? Просите, и Отецъ небесный дастъ жизнь духа тѣмъ, которые просятъ его[328]. **(35)**

Узокъ путь въ жизнь, но входите узкимъ путемъ. Входъ въ жизнь одинъ только. Онъ узкій и тѣсный. А кругомъ поле велико и широко, но оно ведетъ въ погибель[329]. Узкій путь одинъ ведетъ въ жизнь, и немногіе находятъ его[330]. Но не робѣй, малое стадо! Отецъ предназначилъ вамъ царство[331].

Только берегитесь лживыхъ пророковъ, учителей; они подходятъ къ вамъ въ овечьихъ шкурахъ, а внутри они — волки хищные[332]. Пó плодамъ, по тому, что̀ родится отъ нихъ, вы узнàете ихъ. Съ репейника не собираютъ винограда и съ осины яблоковъ[333]. А доброе дерево добрые плоды и раститъ. А дурное дерево дурные плоды и раститъ. Такъ вотъ, по плодамъ ихъ ученія узнавайте ихъ[334].

Человѣкъ добрый изъ добраго сердца своего выводитъ все доброе. А злой человѣкъ изъ злого сердца своего выводитъ все злое, потому что отъ избытка сердца уста говорятъ. И потому, если учителя учатъ дѣлать другимъ людямъ то, что̀ дурно для васъ самихъ, — учатъ насиліямъ, казнямъ, войнамъ, — знайте, что это лжеучители[335].

Потому что не тотъ, кто говоритъ: Господи, Господи! войдетъ въ царство небесное, а тотъ, кто исполняетъ волю Отца небеснаго[336]. Они скажутъ: Господи, Господи, мы учили твоему ученію, и мы по твоему ученію изгоняли зло[337]. Но я отрицаюсь отъ нихъ и говорю имъ: нѣтъ, я никогда не признавалъ и не признаю васъ. Подите отъ меня прочь: вы дѣлаете беззаконіе[338].

И такъ всякій, кто слышалъ эти мои слова и исполняетъ ихъ, тотъ, какъ разумный человѣкъ, строитъ домъ свой на камнѣ[339]. И домъ его устоитъ противъ всѣхъ бурь[340]. А тотъ, кто слышитъ эти слова и не исполняетъ ихъ, тотъ, какъ глупый человѣкъ, строитъ домъ на пескѣ[341]. Какъ придетъ буря, такъ и завалитъ домъ, и все погибнетъ[342].

И весь народъ удивлялся на это ученіе, потому что ученіе Іисуса было совсѣмъ другое, чѣмъ ученіе правовѣрныхъ законниковъ. Правовѣрные законники учили закону, которому надо повиноваться; а Іисусъ училъ, что всѣ люди свободные[343]. И на Іисусѣ Христѣ исполнились пророчества Исаіи[344]: что люди, жившіе во тьмѣ, во мракѣ смерти, увидали свѣтъ жизни, и что тотъ, кто припасъ этотъ свѣтъ правды, не сдѣлаетъ никакого насилія и вреда людямъ; что онъ кротокъ и смиренъ[345]; что онъ для того, чтобы внести правду въ міръ, не споритъ, не кричитъ; что громкаго голоса его не слыхать[346]; что онъ не перерветъ соломинки и ночника не задуетъ[347]; и что вся надежда людей на ученіе его[348].

ГЛАВА V.

Истинная жизнь.

Исполненіе личной воли приводитъ къ смерти; исполненіе воли Отца даетъ жизнь истинную.

И возрадовался Іисусъ о силѣ духа и сказалъ:

Признаю духъ Отца началомъ всего небеснаго и земного, потому что то, что̀ скрыто было отъ умныхъ

и мудрецовъ, то открывается несмысленнымъ только тѣмъ, что они признаютъ себя сыновьями Отца [349].

Всѣ заботятся о плотскомъ благѣ, заложились въ такой возъ, какой имъ не свезти, и надѣли на себя ярмо такое, какое не по нихъ сдѣлано.

Поймите мое ученіе и слѣдуйте ему, и вы узнаете покой и радость въ жизни. Я даю вамъ другое ярмо и другой возъ — жизнь духовную [350]. Запрягитесь въ нее, и вы научитесь отъ меня спокойствію и блаженству. Будьте покойны и кротки сердцемъ и найдете блаженство въ жизни вашей [351]. Потому что мое ученіе, это — ярмо по васъ сдѣлано, и исполненіе моего ученія, это — возъ легкій и ярмо по васъ сдѣлано [352].

Разъ пришли къ нему и спросили его, хочетъ ли онъ ѣсть? [353]

И онъ сказалъ имъ: у меня есть пища, которой вы не знаете [354].

Они подумали, что кто-нибудь приносилъ ему ѣсть [355]. Но онъ сказалъ:

Пища моя та, чтобы дѣлать волю того, кто далъ мнѣ жизнь, и совершить то, что̀ онъ поручилъ мнѣ [356]. Не говорите: еще есть время, какъ говорилъ пахарь, дожидаясь жатвы. Кто исполняетъ волю Отца, тотъ всегда доволенъ и не знаетъ ни голода, ни жажды. Исполненіе воли Бога удовлетворяетъ всегда, несетъ награду въ самомъ себѣ. Нельзя говорить: я послѣ исполню волю Отца. Пока есть жизнь, всегда возможно и должно исполнять волю Отца [357]. Жизнь наша есть то поле, которое засѣялъ Богъ, а наше дѣло — собирать его плоды [358]. И если мы собираемъ плоды, то мы получаемъ награду, жизнь невременную. Истинно то, что не мы сами даемъ себѣ жизнь, а кто-то другой. И если мы трудимся для собиранія жизни, то мы, какъ жнецы, получаемъ награду. Я учу васъ собирать эту жизнь, которую Отецъ далъ вамъ [359].

Пришелъ разъ Іисусъ въ Іерусалимъ [360]. И была тогда въ Іерусалимѣ купальня [361]. И говорили про

эту купальню, что сходилъ въ нее ангелъ, и отъ этого вода въ купальнѣ начнетъ играть, и что кто если первый, послѣ того, какъ вода взыграется, окунется въ купальню, тотъ, чѣмъ бы ни былъ онъ боленъ, выздоровѣетъ [362]. И были надѣланы около купальни навѣсы [363]. И подъ навѣсами этими лежали больные и ждали, когда взыграется вода въ купальнѣ, чтобы окунуться въ нее [364].

И былъ тамъ человѣкъ 38 лѣтъ, въ слабости.

Іисусъ спросилъ, что̀ онъ?

Человѣкъ и разсказалъ, что онъ уже 38 лѣтъ хвораетъ и ждетъ все того, чтобы попасть въ купальню первому, когда вода взыграется, чтобы вылѣчиться, но вотъ уже 38 лѣтъ не можетъ попасть первымъ, — все прежде него войдутъ въ купальню и выкупаются [365].

И Іисусъ увидалъ, что онъ старъ, и сказалъ ему: хочешь выздоровѣть? [366]

Тотъ сказалъ: хочу, да нѣтъ у меня человѣка, чтобы внести меня въ воду во-время. Все прежде кто-нибудь войдетъ [367].

И сказалъ ему Іисусъ: проснись, забери постель и иди [368].

И слабый взялъ постель и пошелъ.

А была суббота [369]. И сказали правовѣрные: нельзя тебѣ собирать постель: нынче суббота [370]. Онъ сказалъ: кто меня поднялъ, тотъ и велѣлъ мнѣ собрать постель [371]. **(36)**

Разслабленный пошелъ и сказалъ правовѣрнымъ, что это Іисусъ его вылѣчилъ [372]. И разсердились правовѣрные и гнали Іисуса за то, что онъ дѣлалъ такія дѣла въ субботу [373].

И Іисусъ сказалъ: то, что̀ Отецъ всегда дѣлаетъ, то и я дѣлаю [374]. Истинно говорю вамъ: сынъ самъ собою ничего не можетъ сдѣлать. Онъ дѣлаетъ только то, что̀ онъ понялъ отъ Отца. Что̀ Отецъ дѣлаетъ, то и онъ дѣлаетъ [375]. Отецъ любитъ сына и этимъ самымъ научилъ его всему, что̀ сыну нужно знать [376].

Отецъ мертвымъ даетъ жизнь; такъ и сынъ даетъ жизнь тому, кто хочетъ, потому что какъ дѣло Отца есть жизнь, такъ и дѣло сына должна быть жизнь [377]. Отецъ не присудилъ людей къ смерти, но далъ людямъ власть по ихъ волѣ умирать или жить [378]. И они будутъ жить, если будутъ почитать сына, какъ Отца [379].

Вѣрно говорю вамъ, что, кто понялъ смыслъ моего ученія и повѣрилъ въ общаго Отца всѣхъ людей, тотъ уже имѣетъ жизнь и избавленъ отъ смерти [380]. Тѣ, которые поняли смыслъ жизни человѣческой, тѣ уже ушли отъ смерти и будутъ всегда жить [381].

Потому что, какъ Отецъ живетъ самъ собою, такъ и сыну далъ жизнь въ самомъ себѣ [382]; и далъ ему свободу. Этимъ-то онъ и сынъ человѣческій [383].

Отнынѣ всѣ смертные раздѣлятся на двое [384]: одни тѣ, которые дѣлаютъ добро, найдутъ жизнь; а тѣ, которые дѣлаютъ зло, — уничтожатся [385]. И это не я рѣшаю, а это то, что̀ я понялъ отъ Отца. И рѣшеніе мое вѣрно, потому что я рѣшаю такъ не для того, чтобы дѣлать то, что̀ мнѣ хочется, но для того, чтобы всѣ дѣлали то, чего хочетъ Отецъ всѣхъ [386].

Если бы я увѣрялъ всѣхъ, что ученіе мое истинно, то это не утвердило бы моего ученія [387]. Но есть то, что̀ утверждаетъ мое ученіе, это — тѣ дѣла, которымъ я учу. Они показываютъ, что я не отъ себя учу, а отъ Отца всѣхъ людей [388]. И Отецъ мой, тотъ, который научилъ меня, онъ подтверждаетъ истину моихъ заповѣдей въ душахъ всѣхъ.

Но вы голоса его не хотите понимать и знать [389]. И смысла этого голоса не держитесь. То, что̀ въ васъ есть духъ, сошедшій съ неба, этому-то вы не вѣрите [390].

Вникните въ смыслъ вашихъ писаній. Вы найдете въ нихъ то же, что̀ въ моемъ ученіи, заповѣди о томъ, чтобы жить не для себя только, а дѣлать добро людямъ [391]. Отчего же вы не хотите вѣрить въ мои заповѣди, въ тѣ, которыя даютъ жизнь всѣмъ

людямъ [392]. Я учу васъ во имя Отца, общаго всѣмъ людямъ, и вы не принимаете моего ученія; а если кто васъ будетъ учить во имя свое, вы тому повѣрите [393].

Нельзя вѣрить тому, что̀ люди говорятъ другъ другу, а можно вѣрить только тому, что въ каждомъ человѣкѣ есть сынъ такой же, какъ Отецъ [394].

И чтобы не думали люди, что царство небесное есть что-либо видимое, а чтобы понимали, что царство Бога состоитъ въ исполненіи воли Отца, и что исполненіе воли Отца зависитъ отъ усилія каждаго человѣка; чтобы понимали люди, что жизнь дана не для себя лично, но для исполненія воли Отца, и что только исполненіе воли Отца спасаетъ отъ смерти и даетъ жизнь, — Іисусъ сказалъ притчу.

Онъ сказалъ: былъ одинъ богатый человѣкъ, и надо было ему уѣхать изъ дома своего [395]. Передъ отъѣздомъ призвалъ онъ рабовъ своихъ и роздалъ имъ 10 талантовъ, каждому по одному, и сказалъ: пока я буду въ отлучкѣ, работайте каждый надъ тѣмъ, что̀ я далъ [396]. — Но случилось, что, когда онъ уѣхалъ, нѣкоторые жители этого города сказали: не хотимъ болѣе служить ему [397].

Вотъ, какъ вернулся богатый человѣкъ изъ отлучки, призвалъ онъ тѣхъ рабовъ, которымъ далъ деньги, и велѣлъ сказывать, что̀ каждый сдѣлалъ съ его деньгами [398].

Пришелъ первый и говоритъ: вотъ, хозяинъ, на твой одинъ я заработалъ десять [399]. — И сказалъ ему хозяинъ: хорошо, добрый слуга; ты въ маломъ былъ вѣренъ, я надъ большимъ тебя поставлю: будь за одно со мной во всемъ моемъ богатствѣ [400].

Пришелъ другой рабъ и сказалъ: вотъ, хозяинъ, на твой талантъ я заработалъ пять [401]. — И сказалъ ему хозяинъ: хорошо сдѣлалъ, добрый рабъ; будь за одно со мной во всемъ моемъ имѣніи [402].

Пришелъ еще одинъ и говоритъ: вотъ твой талантъ; я его спряталъ въ платокъ и зарылъ [403], потому что я боялся тебя. Ты — человѣкъ стро-

гій: берешь, гдѣ не клалъ, и собираешь, гдѣ не сѣялъ [404]. — И хозяинъ сказалъ ему: глупый рабъ! твоими словами буду судить тебя. Ты говоришь, что отъ страха предо мною спряталъ свой талантъ въ землю и не работалъ надъ нимъ. Если ты зналъ, что я строгъ и беру тамъ, гдѣ не давалъ, такъ зачѣмъ же ты не сдѣлалъ того, что̀ я велѣлъ тебѣ сдѣлать? [405] Если бы ты работалъ на мой талантъ, имѣнія бы прибавилось, и ты исполнилъ бы то, что̀ я велѣлъ тебѣ. А теперь ты не сдѣлалъ того, за чѣмъ тебѣ данъ талантъ, и потому тебѣ нельзя владѣть имъ [406].

И велѣлъ хозяинъ взять талантъ у того, кто не работалъ надъ нимъ, и отдалъ тому, кто больше работалъ [407]. И тогда слуги сказали ему: господинъ, у тѣхъ и такъ много [408]. — А хозяинъ сказалъ: дайте тѣмъ, кто много работалъ, потому что тому, кто блюдетъ то, что̀ есть, тому прибавится [409]. Тѣхъ, кто не хотѣли быть въ моей власти, выгоните вонъ, чтобы ихъ не было [410].

Хозяинъ, это — начало жизни, духъ, Отецъ. Рабы его, это — люди. Таланты, это — жизнь духа. Какъ хозяинъ не самъ работаетъ надъ своимъ имѣніемъ, а велитъ рабамъ работать каждому по себѣ, такъ и духъ жизни въ людяхъ далъ имъ велѣніе работать для жизни людей и оставилъ ихъ однихъ. Пославшіе сказать, что они не признаютъ власти хозяина, это — не признающіе духа жизни. Возвращеніе хозяина и требованіе отчета, это — уничтоженіе жизни плотской и рѣшеніе судьбы людей: имѣютъ ли они еще жизнь, кромѣ той, которая была дана имъ. Одни, тѣ рабы, которые исполняютъ волю хозяина, работаютъ надъ тѣмъ, что̀ дано имъ, и на деньги заработываютъ деньги, это — тѣ люди, которые, получивъ жизнь, понимаютъ, что жизнь есть воля Отца и должна служить жизни другихъ. Глупый и злой рабъ, спрятавшій свой талантъ и не работавшій надъ нимъ, это — тѣ люди, которые исполняютъ только свою волю, а не

волю Отца, и не служать жизни другихъ. Рабы, исполнившіе волю и работавшіе для увеличенія хозяйскаго имѣнія, становятся участниками всего имѣнія хозяина; а рабы, не исполнившіе воли и не работавшіе на хозяина, лишаются того, что̀ имъ дано было. Люди, исполнившіе волю Отца и служившіе жизни, становятся участниками жизни Отца и получають жизнь, несмотря на уничтоженіе жизни плотской. Не исполнившіе волю и не служившіе жизни лишаются той жизни, которую имѣли, и уничтожаются. Тѣ, которые не хотѣли признавать власть хозяина, тѣхъ для хозяина не существуетъ: онъ изгоняетъ ихъ. Люди, которые не признаютъ въ себѣ жизнь духа (сына), тѣхъ нѣтъ для Отца (**37**).

Послѣ этого пошелъ Іисусъ въ пустынное мѣсто [411]. И пошло за нимъ много народа [412]. И взошелъ онъ на гору и сѣлъ тамъ съ учениками своими [413]. И увидалъ, что много идетъ народа, и сказалъ: откуда бы намъ достать хлѣба, чтобы накормить весь этотъ народъ [414]?—Филиппъ сказалъ: и 200 динаріевъ не достанетъ, если всѣмъ хоть по немногу дать [415]. У насъ только есть немного хлѣба и рыбы. — И сказалъ другой ученикъ: у нихъ есть хлѣбъ, я видѣлъ: вотъ у мальчика 5 хлѣбовъ и 2 рыбки [416]. — И сказалъ Іисусъ: велите имъ всѣмъ лечь на траву [417].

И взялъ Іисусъ хлѣбы, что̀ были у него̀, и отдалъ ученикамъ, и имъ велѣлъ отдавать другимъ; и такъ всѣ стали отдавать другъ другу, что̀ было, и всѣ насытились, и еще осталось много [418].

На другой день опять пришелъ народъ къ Іисусу, и онъ сказалъ имъ: вотъ, вы приходите ко мнѣ не потому, что вы чудеса видѣли, а потому, что ѣли хлѣбъ и насытились [419]. — И сказалъ имъ: работайте не пищу тлѣнную, но пищу вѣчную, такую, которую даетъ только духъ сына человѣческаго, запечатлѣнный Богомъ [420].

Іудеи сказали: что̀ же надо дѣлать, чтобы дѣлать дѣла Божіи? [421]

И сказалъ Іисусъ; дѣло Божье въ томъ, чтобы вѣрить въ ту жизнь, которую онъ далъ вамъ [422].

Они говорятъ: дай намъ доказательство, чтобы мы повѣрили. Что̀ ты дѣлаешь? [423] Отцы наши ѣли манну въ пустынѣ. Богъ хлѣбъ съ неба далъ имъ ѣсть; и такъ и написано [424].

Іисусъ отвѣчалъ имъ: истинный хлѣбъ небесный — духъ сына человѣческаго, тотъ, который даетъ Отецъ [425]. Потому что питаніе человѣка, это — духъ, сошедшій съ неба. Онъ-то и даетъ жизнь міру [426].

Мое ученіе даетъ истинное питаніе людямъ. Тотъ, кто послѣдуетъ мнѣ, тотъ не будетъ голодать; и кто вѣритъ въ мое ученіе, тотъ не будетъ никогда знать жажды [427]. Но я уже сказалъ вамъ, что вы видѣли это и не вѣрите [428].

Вся та жизнь, которую Отецъ далъ сыну, вся она окажется въ моемъ ученіи, и всякій, вѣрующій въ него, будетъ участникомъ въ ней [429]. Такъ какъ я сошелъ съ неба не затѣмъ, чтобы дѣлать то, что̀ мнѣ хочется, а дѣлать волю Отца, того, который далъ мнѣ жизнь [430]. Воля же Отца, пославшаго меня, въ томъ, чтобы всю ту жизнь, которую онъ далъ мнѣ, я сохранилъ бы и не погубилъ бы изъ нея ничего [431]. И потому, въ томъ и воля Отца, пославшаго меня, чтобы всякій, видящій сына и вѣрующій въ него, имѣлъ бы жизнь вѣчную. И ученіе мое даетъ жизнь въ послѣдній день (плоти) [432].

Евреи смутились тѣмъ, что онъ сказалъ, что его ученіе сошло съ неба [433]. Они говорили: вѣдь это — Іисусъ, сынъ Іосифа; мы знаемъ его отца и мать; какъ же онъ говоритъ, что его ученіе сошло съ неба? [434]

— Не судите о томъ, кто я и откуда пришелъ [435]. Мое ученіе истинно не потому, что я, какъ Моисей, буду васъ увѣрять, что Богъ на Синаѣ говорилъ со мною; но оно истинно потому, что оно въ васъ тоже. Всякій, кто вѣритъ моимъ заповѣдямъ, вѣритъ не потому, что *я* говорю, а потому, что общій

нашъ Отецъ притягиваетъ его къ себѣ, и ученіе мое дастъ ему жизнь въ послѣдній день[436]. И въ пророкахъ написано, что всѣ будутъ научены Богомъ. Всякій, кто пойметъ Отца и научится понимать его волю, тотъ этимъ самымъ отдастся моему ученію[437].

Того, чтобы кто-нибудь видѣлъ Отца, этого никогда не было; а тотъ, кто отъ Бога, тотъ видѣлъ и видитъ Отца[438].

Кто вѣритъ мнѣ (моему ученію), тотъ имѣетъ жизнь вѣчную[439]. Мое ученіе есть питаніе жизни[440]. Отцы ваши ѣли манну, пищу прямо съ неба, и то умерли[441]. А истинное питаніе жизни, сошедшее съ неба, таково, что, кто питается имъ, — тотъ не умретъ[442]. Мое ученіе есть питаніе жизни, сошедшее съ неба. Кто имъ питается, тотъ живетъ вѣчно. И питаніе это, которому я учу, это — плоть моя, которую отдаю для жизни всѣхъ людей[443].

Евреи совсѣмъ не поняли того, что̀ онъ сказалъ, и стали спорить о томъ, какъ можно отдавать и зачѣмъ свою плоть для питанія людей[444].

И сказалъ имъ Іисусъ: если не будете отдавать свою плоть для жизни духа, то и не будетъ въ васъ жизни[445]. Тотъ, кто не отдаетъ свою плоть для жизни духа, у того нѣтъ жизни настоящей[446]. То во мнѣ, что̀ отдаетъ плоть для духа, то только живетъ. И потому наша плоть есть истинная пища для жизни настоящей[447]. То только, что̀ во мнѣ поѣдаетъ мое тѣло, то, что̀ отдаетъ плотскую жизнь за жизнь истинную, то только я, истинно я, то во мнѣ, и я — въ немъ[448]. И какъ по волѣ Отца я живу во плоти, такъ точно и по волѣ моей будетъ жить то, что̀ живетъ во мнѣ[449].

И нѣкоторые ученики, услыхавъ это, сказали: жестокія это слова, и трудно ихъ понять[450].

И Іисусъ сказалъ имъ: вы такъ спутаны, что вамъ кажется труднымъ то, что̀ я говорю о томъ, чѣмъ былъ, и есть, и всегда будетъ человѣкъ[451]. Человѣкъ есть духъ во плоти, и духъ только даетъ жизнь,

а плоть не даетъ жизни. Въ словахъ, которыя кажутся вамъ такъ мудрены, я вѣдь больше ничего не сказалъ, какъ то, что духъ есть жизнь[452].

Потомъ Іисусъ выбралъ изъ своихъ близкихъ 70 человѣкъ и послалъ ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ хотѣлъ самъ побывать[453]. Онъ сказалъ имъ: много людей не знаютъ блага настоящей жизни; всѣхъ жалко мнѣ и всѣхъ желаю научить. Но какъ хозяина не хватаетъ на жатву своего поля, такъ и я не успѣю[454]. Идите вы по разнымъ городамъ и вездѣ разглашайте исполненіе воли Отца.

Говорите, что воля Отца — въ томъ, чтобы не сердиться, не распутничать, не клясться, не противиться злу и не дѣлать различія между людьми. И потому, во всемъ сами исполняйте эти заповѣди[455].

Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ. Будьте мудры, какъ змѣи, и чисты, какъ голуби[456]. Первѣе всего — ничего не имѣйте своего, ничего не берите съ собою: ни мѣшка, ни хлѣба, ни денегъ, — только платье на тѣлѣ да обувь. Потомъ не дѣлайте различія между людьми, не выбирайте хозяевъ, куда вамъ заходить[457]. А въ какой первый придете домъ, въ томъ и оставайтесь. Когда придете въ домъ, поздоровайтесь съ хозяевами[458]. Если примутъ васъ, оставайтесь; не примутъ, — идите въ другой домъ[459].

За то, что̀ вы будете говорить, васъ возненавидятъ и будутъ на васъ нападать и гонять васъ[460]. И когда выгонятъ, вы идите въ другую деревню, а изъ той выгонятъ, идите еще въ другую. Будутъ васъ гонять, какъ волки гоняютъ овецъ; но вы не робѣйте, терпите до послѣдняго часа. И будутъ на суды водить васъ и судить, и будутъ сѣчь васъ, и будутъ водить васъ къ начальникамъ, чтобы вы оправдались передъ ними[461]. И когда васъ будутъ водить на суды, не робѣйте и не придумывайте, что̀ вамъ сказать. Духъ Отца скажетъ въ васъ, что̀ нужно сказать[462]. Не обойдете еще всѣхъ горо-

довъ, какъ уже поймутъ люди ваше ученіе и обратятся къ нему [463].

Такъ и не бойтесь. То, что̀ скрыто въ душахъ людей, то выйдетъ наружу [464]. То, что̀ вы скажете двоимъ или троимъ, разойдется между тысячами [465]. А главное, — не бойтесь тѣхъ, которые могутъ убить ваше тѣло. Душамъ вашимъ они ничего не могутъ сдѣлать. Такъ и не бойтесь ихъ. А бойтесь того, чтобы не уничтожились тѣла и души, если вы отступите отъ исполненія воли Отца, — вотъ чего бойтесь [466]. За копейку пять воробьевъ отдаютъ, а и тѣ не помрутъ безъ воли Отца [467]. И волосъ съ головы не падетъ безъ воли Отца [468]. Такъ чего же вамъ бояться, если вы въ волѣ Отца? [469]

Въ мое ученіе всѣ не повѣрятъ. А тѣ, кто не повѣрятъ, возненавидятъ его, потому что оно лишаетъ того, что̀ они любятъ, и сдѣлается раздоръ [470]. Ученіе мое, какъ огонь, запалитъ міръ [471]. И отъ него долженъ сдѣлаться раздоръ въ мірѣ [472]. Сдѣлается раздоръ въ каждомъ домѣ [473]. Отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью и семейные сдѣлаются ненавистниками того, кто пойметъ мое ученіе, и будутъ убивать ихъ [474]. Потому что тотъ, кто пойметъ мое ученіе, для того не будетъ ничего значить ни отецъ, ни мать, ни жена, ни дѣти, ни все его имущество [475] (38).

И тогда ученые правовѣрные пришли изъ Іерусалима и пошли къ Іисусу. Іисусъ былъ въ одной деревнѣ, и множество народа набилось въ домъ и стояло кругомъ [476].

Правовѣрные стали говорить народу, чтобы они не слушали ученія Іисуса, что Іисусъ бѣсится, что, если жить по его заповѣдямъ, то въ народѣ будетъ еще больше зла, чѣмъ теперь. Они говорили, что онъ зломъ изгоняетъ зло [477].

Іисусъ призвалъ ихъ и сказалъ: вы говорите, что я изгоняю зло зломъ. Но никакая сила не можетъ сама себя уничтожить. Если бы она сама себя

уничтожала, то ея бы и не было [478]. Вы изгоняете зло угрозами, казнями, убійствами, и зло всетаки не уничтожается, именно потому, что не можетъ пойти само на себя; но я изгоняю зло не тѣмъ, чѣмъ вы, — стало быть, не зломъ [479].

Я изгоняю зло тѣмъ, что призываю людей исполнять волю духа Отца, дающаго жизнь всѣмъ. Пять заповѣдей выражаютъ волю духа, дающаго благо и жизнь [480]. И потому онѣ уничтожаютъ зло. И это вамъ и доказательство, что онѣ истинны.

Если бы люди не были сыны одного духа, нельзя бы было побѣдить зло, какъ нельзя войти въ домъ сильнаго и разграбить его. Чтобы разграбить домъ сильнаго, надо прежде связать сильнаго. И такъ связаны люди единствомъ духа жизни [481].

И потому говорю вамъ, что всякая ошибка людская и всякое ложное толкованіе не взыщется, но ложное толкованіе о святомъ духѣ, дающемъ жизнь всѣмъ, не простится людямъ [482].

Если кто скажетъ слово противъ человѣка, то это еще ничего, но если кто скажетъ слово противъ того, что̀ есть святого въ человѣкѣ, о духѣ, то это не можетъ пройти даромъ ему. Меня браните, сколько хотите, но не называйте зломъ тѣ заповѣди жизни, которыя я открылъ вамъ. Не можетъ пройти человѣку даромъ то, что онъ добро будетъ называть зломъ [483].

Надо быть за одно съ духомъ жизни. Кто не за одно съ нимъ, тотъ противъ него. Надо служить духу жизни и добра во всѣхъ людяхъ, а не въ себѣ одномъ [484].

Или вы считайте, что жизнь и благо есть добро для всего міра, тогда любите жизнь и благо для всѣхъ; или считайте жизнь и благо зломъ, и тогда не любите жизни и блага и для себя. Или вы считайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ, или вы считайте дерево дурнымъ и плодъ его дурнымъ. Потому что по плоду цѣнится дерево [485].

ГЛАВА VI.

Ложная жизнь.

И потому, чтобы получить жизнь истинную, человѣкъ долженъ на землѣ отречься отъ ложной жизни плоти и жить духомъ.

И пришли разъ къ Іисусу мать и братья его, и не могли никакъ свидѣться, потому что много было народа около Іисуса [486]. И одинъ человѣкъ увидалъ ихъ, подошелъ къ Іисусу и говоритъ: твои семейные, мать и братья, стоятъ наружу, хотятъ съ тобою повидаться [487].

И Іисусъ сказалъ: мать моя и братья мои тѣ, кто понялъ волю Отца и исполняетъ ее [488].

И женщина одна сказала: блаженна та утроба, которая выносила тебя, и тѣ сосцы, которые ты сосалъ [489].

Іисусъ сказалъ на это: блаженны только тѣ, которые поняли разумѣніе Отца и хранятъ его [490].

И сказалъ одинъ человѣкъ Іисусу; пойду вслѣдъ за тобою, куда бы ты ни пошелъ [491].

И Іисусъ сказалъ ему на это: идти за мной некуда: у меня нѣтъ ни дома, ни мѣста, гдѣ бы я жилъ. У звѣрей только есть логова и норы, а человѣкъ вездѣ дома, если онъ живетъ духомъ [492].

И случилось разъ Іисусу плыть съ учениками въ лодкѣ. Онъ сказалъ: переѣдемъ на ту сторону [493]. — Поднялась на озерѣ буря, и стало заливать ихъ, такъ что чуть не потопило [494]. А онъ лежалъ на кормѣ и спалъ. Они взбудили его и говорятъ: учитель, что̀ же, или тебѣ все равно, что мы погибаемъ? [495] — И когда буря затихла, онъ сказалъ: что̀ же вы такъ робки? Нѣтъ въ васъ вѣры въ жизнь духа [496] (39).

Одному человѣку Іисусъ сказалъ: слѣдуй за мной.

И человѣкъ сказалъ: у меня старикъ отецъ; прикажи мнѣ прежде похоронить его, тогда я пойду за тобой [497].

И сказалъ ему Іисусъ: пускай мертвые хоронятъ мертвыхъ, а ты, если хочешь быть живъ, исполняй волю Отца и разглашай ее [498].

И еще одинъ человѣкъ сказалъ: я хочу быть твоимъ ученикомъ и буду исполнять волю Отца, какъ ты велишь, но позволь мнѣ прежде устроить домашнихъ [499].

И Іисусъ сказалъ ему: если пахарь смотритъ назадъ, то нельзя ему пахать. Сколько ни смотри назадъ, — пока смотришь назадъ, пахать нельзя. Надо обо всемъ забыть, кромѣ той борозды, какую ведешь, тогда только можно пахать. Если ты разсуждаешь о томъ, что̀ выйдетъ для жизни плотской, то ты не понялъ настоящую жизнь и не можешь жить ею [500] (**40**).

Послѣ этого случилось разъ, что зашелъ Іисусъ съ своими учениками въ одну деревню. И женщина одна, Мареа, пригласила его къ себѣ въ домъ [501]. И была у Мареы сестра Марія, и сѣла она у ногъ Іисуса и слушала его ученіе [502]. А Мареа хлопотала о томъ, чтобы было хорошее угощеніе.

И подошла Мареа къ Іисусу и говоритъ: тебѣ и дѣла нѣтъ, что сестра моя оставила одну меня служить. Скажи ей, чтобы и она поработала со мной [503].

И въ отвѣтъ сказалъ ей Іисусъ: Мареа, Мареа! заботишься и хлопочешь о многихъ дѣлахъ, а одно только дѣло нужно [504]. И Марія выбрала то одно, что̀ нужно, и чего никто не отниметъ отъ нея. Для жизни нужна только одна пища духа [505].

И сказалъ Іисусъ всѣмъ:

Кто хочетъ идти вслѣдъ меня, тотъ пусть откажется отъ своей воли и пусть будетъ готовъ на всякія лишенія и страданія плоти на каждый часъ, то̀гда только онъ можетъ идти вслѣдъ меня [506]. Потому что тотъ, кто хочетъ заботиться о своей плотской жизни, тотъ погубитъ истинную жизнь. А кто, если и погубитъ плотскую жизнь, исполняя волю Отца, тотъ спасетъ истинную жизнь [507]. По-

тому что, какая же выгода человѣку, если онъ и весь міръ заберетъ, а жизнь свою загубитъ или повредитъ [508].

И сказалъ Іисусъ: берегитесь же богатства, потому что не отъ того твоя жизнь, что у тебя больше, чѣмъ у другихъ [509].

Былъ богатый человѣкъ, и родилось у него много хлѣба [510]. И думаетъ онъ себѣ: дай перестрою амбары, выстрою бо̀льшіе и соберу туда всѣ мои богатства [511]. И скажу душѣ моей: вотъ тебѣ, душа, всего вволю; отдыхай, ѣшь, пей и живи въ свое удовольствіе [512]. И сказалъ ему Богъ: глупый, въ нынѣшнюю ночь возьмутъ твою душу, и все, что̀ ты припасъ, другимъ достанется [513].

Такъ-то бываетъ со всякимъ, кто готовитъ для плотской жизни, а не живетъ въ Богѣ [514].

И сказалъ имъ Іисусъ: вотъ вы разсказываете, что Пилатъ убилъ галилеянъ. Что̀ же, развѣ галилеяне эти были чѣмъ-нибудь хуже другихъ людей, что это случилось съ ними [515]? Нисколько. Всѣ мы такіе, и всѣ мы также погибнемъ, если не найдемъ спасенія отъ смерти [516]. Или тѣ 18 человѣкъ, какихъ задавила башня, когда завалилась, развѣ они были особенно хуже всѣхъ другихъ жителей іерусалимскихъ? [517]. Нисколько. Если мы не спасемся отъ смерти, не нынче — завтра точно также погибнемъ [518].

Если мы не погибли еще, какъ тѣ, то намъ надо думать про себя вотъ какъ:

У человѣка растетъ въ саду яблоня. Приходитъ хозяинъ въ садъ, посмотрѣлъ на яблоню и видитъ — нѣтъ на ней плода [519]. Хозяинъ и говоритъ садовнику: вотъ, три года хожу, и яблоня эта все холостая. Надо срубить ее, а то она напрасно мѣсто портитъ [520]. — А садовникъ говоритъ: погодимъ еще, хозяинъ, дай я ее окопаю, обложу навозомъ и посмотримъ на лѣто. Можетъ, дастъ плодъ. А и на лѣто не дастъ, ну, тогда срубимъ.

Такъ-то и мы, пока живы плотью и не приносимъ

плода жизни духа, и мы — безплодная яблоня. Только по милости чьей-то мы оставлены еще на лѣто. А не принесемъ плода, такъ же погибнемъ, какъ тотъ, кто амбаръ построилъ, какъ галилеяне, какъ 18 задавленныхъ башней и какъ всѣ неприносящіе плода погибаютъ, умирая навсегда смертью [521].

Чтобы понять это, не нужно никакой мудрости; всякій это самъ видитъ. Вѣдь не то, что въ домашнихъ дѣлахъ, а и въ томъ, что̀ на всемъ свѣтѣ дѣлается, умѣемъ мы разсуждать и впередъ угадывать. Если вѣтеръ съ запада, мы говоримъ: къ дождю, — и такъ и бываетъ [522]. А вѣтеръ съ полдня, мы говоримъ: къ вёдру, — и такъ и бываетъ [523]. Что̀-же, мы погоду узнавать умѣемъ, а того впередъ угадать не можемъ, что всѣ мы помремъ и погибнемъ, и что одно спасеніе для насъ — жизнь духа, исполненіе его воли [524].

И шло за Іисусомъ много народа, и онъ еще разъ сказалъ всѣмъ [525]:

Тотъ, кто хочетъ быть моимъ ученикомъ, тотъ пусть ни во что считаетъ отца и мать, и жену, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и все свое имущество, и пусть на всякій часъ будетъ готовъ на все [526]. И только тотъ, кто дѣлаетъ то, что̀ я, только тотъ слѣдуетъ моему ученію и только тотъ спасается отъ смерти [527].

Потому что всякій, прежде чѣмъ что-нибудь начать, разочтетъ: выгодно ли то, что̀ онъ дѣлаетъ, и если выгодно, то дѣлаетъ, а невыгодно, то бросаетъ. Всякій, кто строитъ домъ, прежде вѣдь сядетъ и сочтетъ: сколько нужно денегъ, сколько у него есть, и достанетъ ли кончить [528]. Чтобы не случилось того, что началъ строить и не кончилъ, — и люди смѣются [529].

Такъ же и тотъ, кто хочетъ жить плотскою жизнью, долженъ прежде разсчитать, можетъ ли онъ докончить то, чѣмъ онъ занятъ [530].

И всякій царь, если хочетъ воевать, то прежде

подумаетъ, можетъ ли онъ съ 10000 идти войной противъ 20000 [531]. Если разочтетъ, что не можетъ, то пошлетъ пословъ и замирится, а не станетъ уже воевать.

Такъ и всякій человѣкъ пускай прежде, чѣмъ отдаться жизни плотской, подумаетъ, можетъ ли онъ воевать противъ смерти, или она сильнѣе его, и тогда не лучше ли ему впередъ замириться [532].

Такъ-то всякій изъ васъ долженъ прежде разобраться съ тѣмъ, что̀ онъ считаетъ своимъ: семейство, деньги, имѣніе? И когда онъ разочтетъ, какая отъ этого польза, и пойметъ, что нѣтъ никакой, тогда только онъ можетъ быть моимъ ученикомъ [533] (41).

И, услыхавъ это, одинъ человѣкъ сказалъ: хорошо, какъ есть жизнь духа. А то, какъ мы все отдадимъ, а жизни этой и нѣтъ [534].

На это Іисусъ сказалъ: неправда, всякій знаетъ жизнь духа. Вы всѣ знаете это, но не дѣлаете того, что̀ знаете, не потому, что сомнѣваетесь, но потому, что отвлекаетесь отъ истинной жизни ложными заботами и отговариваетесь отъ нея.

Вы вотъ что̀ дѣлаете: хозяинъ приготовилъ обѣдъ и пошелъ звать гостей, но гости стали отказываться [535]. Одинъ сказалъ: я землю купилъ, надо пойти поглядѣть [536]. — Другой сказалъ: я быковъ купилъ, надо попытать [537]. — Третій сказалъ: я женился и буду свадьбу играть [538]. — И пришли работники и сказали хозяину, что никто не идетъ. Хозяинъ тогда послалъ работниковъ звать нищихъ. Нищіе не отказались и пришли [539]. И когда пришли, то и еще осталось мѣста [540]. И хозяинъ послалъ звать еще и говоритъ: поди уговаривай всѣхъ, чтобы пришли ко мнѣ на обѣдъ, и чтобы у меня было больше народа. — А тѣ, кто отказались за недосугомъ, тѣ не попали на обѣдъ [541].

Всѣ знаютъ про то, что исполненіе воли Отца даетъ жизнь, но не идутъ потому, что ихъ отвлекаетъ обманъ богатства.

ковъ не слушаютъ, то хоть и мертвый воскреснетъ, и того не послушаютъ [567]. (43)

Что надо дѣлиться съ братомъ и дѣлать добро людямъ, это всѣ знаютъ. И весь законъ Моисея, и всѣ пророки только это и говорили. Вы знаете это, но не можете дѣлать, потому что любите богатство.

И подошелъ къ Іисусу богатый начальникъ изъ правовѣрныхъ и сказалъ ему: ты учитель благой, что̀ мнѣ дѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную? [568].

Іисусъ сказалъ: за что̀ называешь меня благимъ? Благъ только Отецъ. А если хочешь имѣть жизнь, то исполняй заповѣди [569].

Начальникъ говоритъ: заповѣдей много, — какія?

Іисусъ и говоритъ: не убивай, не блуди, не лги, не кради, да еще чти Отца твоего и исполняй его волю, и люби ближняго, какъ самого себя [570].

А правовѣрный начальникъ и говоритъ: эти всѣ заповѣди я исполняю съ дѣтства; а я спрашиваю, еще что̀ нужно сдѣлать по твоему ученію? [571]

Іисусъ посмотрѣлъ на него, на его богатое платье, улыбнулся и говоритъ: одного маленькаго дѣла ты не додѣлалъ, ты не исполнилъ того, что̀ ты говоришь. Если хочешь исполнять эти заповѣди: не убей, не блуди, не кради, не лги и, главное, заповѣдь: люби ближняго, какъ себя,—то сейчасъ же продай все имѣніе и отдай нищимъ; тогда исполнишь волю Отца [572].

Услыхавъ это, начальникъ нахмурился и отошелъ, потому что ему жалко было своего имѣнья [573].

И Іисусъ сказалъ ученикамъ: вотъ видите, что никакъ нельзя быть богатому и исполнять волю Отца [574].

Ученики ужаснулись на эти слова, а Іисусъ еще разъ повторилъ и говоритъ: да, дѣти, нельзя тому, у кого есть свое имѣніе, быть въ волѣ Отца [575]. Скорѣе верблюдъ въ ушко иголки пройдетъ, чѣмъ

то, чтобы тотъ, кто полагается на богатство, исполнилъ волю Отца [576].

И они еще пуще ужаснулись и говорятъ: какъ же, послѣ этого и жизнь свою уберечь нельзя [577]?

А онъ говоритъ: человѣку кажется, что нельзя безъ собственности уберечь свою жизнь, но Богъ и безъ собственности уберегаетъ жизнь человѣка [578] (44).

Одинъ разъ шелъ Іисусъ черезъ городъ Іерихонъ [579]. И былъ въ этомъ городѣ начальникъ откупщиковъ, богачъ, и звали его Закхей [580]. Этотъ Закхей слышалъ про ученіе Іисуса и повѣрилъ въ него. И когда онъ узналъ, что Іисусъ въ Іерихонѣ, онъ захотѣлъ увидать его. Народу около было такъ много, что нельзя было пропихаться до него. А Закхей былъ малъ ростомъ [581]. Тогда онъ забѣжалъ впередъ и взлѣзъ на дерево, чтобы повидаться съ Іисусомъ, когда онъ будетъ проходить мимо дерева [582]. И точно, проходя мимо, Іисусъ увидалъ его и, узнавъ, что онъ вѣритъ его ученію, сказалъ: слѣзай съ дерева и иди домой: я приду къ тебѣ [583]. — Закхей слѣзъ, прибѣжалъ домой, приготовилъ встрѣчу Іисусу и съ радостію принялъ его [584].

Народъ сталъ судить и говорить про Іисуса: вотъ пошелъ въ домъ къ откупщику, къ плуту [585].

А тѣмъ временемъ Закхей сказалъ Іисусу: вотъ, господинъ, что̀ я сдѣлаю: половину имѣнія отдамъ нищимъ, а изъ остальнаго заплачу вчетверо всѣмъ тѣмъ, кого я обидѣлъ [586].

И сказалъ Іисусъ: вотъ и спасся ты; былъ мертвъ и сталъ живъ, пропадалъ и нашелся, потому что ты сдѣлалъ, какъ Авраамъ, когда онъ хотѣлъ заколоть сына своего, показалъ свою вѣру [587]. Потому что въ томъ вся жизнь человѣка, чтобы отыскивать и спасать въ душѣ своей то, что̀ погибаетъ. Жертву нельзя мѣрить величиною ея [588].

Случилось разъ, что Іисусъ съ учениками сидѣлъ противъ кружки. Въ кружку клали люди свое имѣніе для Бога. И подходили къ кружкѣ богатые

особеннаго времени для служенія Богу. Я всегда и вездѣ работаю Богу [608]. Я это самое и показываю людямъ, показываю имъ, что ихъ служеніе Богу ложно, и за это-то они и ненавидятъ меня [609]. Вы идите на праздникъ, а я пойду, когда вздумаю [610].

И братья ушли, а онъ остался и пришелъ уже въ серединѣ праздника [611].

И іудеи смущались тѣмъ, что онъ не почитаетъ ихъ праздника и не пришелъ [612]. И много спорили объ его ученіи. Одни говорили, что онъ правду говоритъ, а другіе говорили, что онъ только смущаетъ народъ [613].

Въ половину праздника Іисусъ вошелъ въ храмъ и сталъ учить народъ о томъ, что ихъ служеніе Богу ложно, что Богу надо служить не въ храмѣ и жертвами, а въ духѣ и дѣломъ [614].

Всѣ слушали его и дивились, что онъ, не учившись, знаетъ всю мудрость [615]. И Іисусъ, услыхавъ то, что всѣ удивлялись его мудрости, сказалъ имъ:

Мое ученіе — не мое, но того, кто меня послалъ [616]. Если кто захочетъ исполнять волю того духа, который послалъ насъ въ жизнь, тотъ узнаетъ, что это не я выдумалъ, а что это ученіе отъ Бога [617]. Потому что, кто отъ себя выдумалъ, тотъ ищетъ того, что̀ ему думается; а тотъ, кто ищетъ того, что̀ думается тому, кто его послалъ, тотъ справедливъ, и нѣтъ въ немъ неправды [618].

Вашъ законъ Моисея — не законъ Отца, и оттого тѣ, кто слѣдуютъ ему, не исполняютъ закона Отца, а дѣлаютъ зло и ложь [619]. Я учу васъ исполненію одной воли Отца, и въ моемъ ученіи не можетъ быть противорѣчія [620]. А вашъ писанный законъ Моисея весь исполненъ противорѣчій [621]. Не судите по внѣшности, а судите по духу [622].

И многіе сказали: однако, вотъ говорили, что онъ лживый пророкъ, а вотъ онъ осуждаетъ законъ, и никто ничего не говоритъ ему [623]. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ настоящій: можетъ быть, и начальники признали его [624]. Только по одному

нельзя вѣрить ему, что сказано, когда придетъ посланный отъ Бога, то никто не будетъ знать, откуда онъ; а мы знаемъ, откуда онъ родомъ, и всю его родню.

Народъ все не понималъ его ученія и все искалъ доказательствъ [625].

Тогда сказалъ имъ Іисусъ: знаете меня и откуда я, по плотскому, но не знаете, откуда я по духу. Вотъ то-то, отъ кого я по духу, того вы пе знаете, а то только и надо знать [626]. Если бы я сказалъ, что я Христосъ, вы повѣрили бы мнѣ, человѣку, а не повѣрили бы Отцу, который во мнѣ и въ васъ. А падо вѣрить одному Отцу [627].

Я здѣсь между вами на недолгое время моей жизни, указываю вамъ путь къ тому источнику жизни, изъ котораго я исшелъ [628]. А вы спрашиваете у меня доказательствъ и хотите засудить меня. Если вы не знаете этого пути, то когда меня не будетъ, вы уже никакъ не найдете его. Не обсуживать меня надо, а надо итти за мной. Кто будетъ дѣлать то, что̀ я говорю, тотъ узнаетъ, правда ли то, что̀ я говорю вамъ [629]. Тотъ, для кого жизнь плотская не стала пищей духа, тотъ, кто не ищетъ истины, какъ жаждущій — воды, тотъ не можетъ понять мепя. Тотъ же, кто жаждетъ истины, тотъ иди ко мнѣ и пей. И кто повѣритъ въ мое ученіе, тотъ получитъ жизнь истинную [630]. Тотъ получитъ жизнь духа [631].

И многіе повѣрили въ его ученіе и говорили: то, что̀ онъ говоритъ, истина и отъ Бога [632]. Другіе не понимали его и все искали по пророчествамъ доказательствъ того, что онъ посланъ отъ Бога [633]. И многіе спорили съ нимъ, но никто не могъ оспорить его [634]. Ученые правовѣрные послали своихъ помощниковъ состязаться съ нимъ [635]. Но помощники ихъ вернулись къ правовѣрнымъ архіереямъ и сказали: ничего не можемъ съ нимъ сдѣлать.

И архіереи сказали: что̀ же вы не уличили его [636]?

Они сказали: нашъ отецъ Авраамъ.

Сказалъ имъ Іисусъ: если бы вы были сыны Авраама, вы бы его дѣла и дѣлали [662]. А вы вотъ хотите убить меня за то, что я сказалъ вамъ то, что̀ понялъ отъ Бога. Авраамъ такъ не дѣлалъ. Стало быть, вы не Богу служите, а служите своему отцу — другому [663].

Они сказали ему: мы не выблядки, а мы всѣ одного Отца дѣти, всѣ — Боговы [664].

И сказалъ имъ Іисусъ: если бы вашъ отецъ былъ одинъ со мною, то вы любили бы меня, потому что я отъ Отца исшелъ. Я вѣдь не самъ отъ себя родился [665]. Вы не одного со мною Отца дѣти, вы оттого моихъ словъ и не понимаете, и не вмѣщается въ васъ мое разумѣніе. Если я отъ Отца, и вы отъ того же Отца, то не можете желать убить меня. Если же вы желаете убить меня, то мы не одного отца [666].

Я отъ Отца-добра, Бога, а вы отъ дьявола, отца зла. Вы хотите похоти вашего отца, дьявола, дѣлать; онъ всегда и былъ убійца и лгунъ, и нѣтъ въ немъ истины. Если онъ что̀ говоритъ, дьяволъ, то онъ говоритъ свое личное, а не общее всѣмъ, и онъ отецъ лжи. Поэтому вы слуги дьявола и сыны его [667].

Вотъ видите, какъ легко обличить васъ въ заблужденіи. Если я заблуждаюсь, то обличите меня; если же нѣтъ заблужденія во мнѣ, то отчего не вѣрите мнѣ [668]?

И стали іудеи ругать его и говорили, что онъ бѣшеный [669].

Онъ сказалъ: я не бѣшеный, но я почитаю Отца, а вы хотите убить меня; стало быть, вы не братья мнѣ, а другого отца дѣти [670].

Не я утверждаю то, что я правъ, но истина говоритъ за меня [671]. И потому повторяю вамъ: кто ученіе мое постигнетъ и совершитъ, тотъ не увидитъ смерти [672].

И іудеи сказали: ну, развѣ мы не правду гово-

римъ, что ты бѣшеный Самарянинъ? Ты самъ себя обличаешь. Пророки умерли, Авраамъ умеръ, а ты говоришь, что кто совершитъ твое ученіе, то не увидитъ смерти [673]. Авраамъ умеръ, а ты не умрешь? Или ты больше Авраама [674]?

Іудеи все разсуждали о томъ, что онъ Іисусъ изъ Галилеи, важный или неважный пророкъ, и забывали все то, что̀ онъ говорилъ имъ, что онъ ничего не говоритъ о себѣ, какъ человѣкъ, но говоритъ о духѣ, который былъ въ немъ.

И Іисусъ сказалъ: я ничѣмъ себя не дѣлаю. Если бы я говорилъ о себѣ, о томъ, что̀ мнѣ кажется, то все, что̀ я говорилъ бы, ничего бы не значило; но есть то начало всего, которое вы называете Богомъ; вотъ про него-то я говорю [675]. А вы не знали и не знаете настоящаго Бога, а я знаю его. И не могу сказать, что не знаю его; я былъ бы лжецъ такой же, какъ вы, еслибы сказалъ, что не знаю его. Я знаю его и знаю его волю и исполняю ее [676]. Авраамъ, вашъ отецъ, видѣлъ и радовался на мое разумѣніе [677].

Іудеи сказали: тебѣ 30 лѣтъ; какъ же ты могъ жить при Авраамѣ [678]?

Онъ сказалъ: прежде чѣмъ былъ Авраамъ, было разумѣніе добра, то, что̀ я говорю вамъ [679].

Іудеи схватили камни, чтобы побить его, но онъ ушелъ отъ нихъ [680].

И по дорогѣ увидѣлъ Іусусъ человѣка темнаго отъ рожденія [681].

И спросили ученики: кто виноватъ въ томъ, что человѣкъ этотъ отъ рожденія темный? Онъ или родные его за то, что не научили его [682]?

И отвѣчалъ Іисусъ: не виноваты ни родители его, ни онъ самъ, но въ томъ дѣло Божіе, чтобы былъ свѣтъ тамъ, гдѣ была тьма [683]. Если есть мое ученіе, то оно — свѣтъ міру [684].

И Іисусъ открылъ темному ученіе о томъ, что онъ сынъ Бога духа; и, познавъ это ученіе, темный позналъ свѣтъ [685] (47). И тѣ, которые прежде знали

человѣка этого, не узнали его. Онъ былъ похожъ на прежняго, но сталъ другимъ человѣкомъ [686]. Онъ же сказалъ: я тотъ же, но Іисусъ открылъ мнѣ, что я сынъ Бога, и мнѣ открылся свѣтъ, и я увидалъ то, чего не видалъ прежде [687].

Призвали этого человѣка къ правовѣрнымъ учителямъ [688]. А была суббота [689].

И спрашивали его правовѣрные, какъ онъ сталъ понимать все, когда прежде былъ темный?

Онъ сказалъ: не знаю какъ, но знаю, что теперь все понимаю [690].

Они сказали: ты это не по-божьи понимаешь, потому что это сдѣлалъ Іисусъ въ субботу; да и не можетъ мірской человѣкъ просвѣщать людей.

И стали они спорить [691]. И потомъ спросили у просвѣщеннаго: что̀ ты объ немъ думаешь?

Онъ сказалъ: думаю, что онъ пророкъ [692].

Іудеи не повѣрили тому, что онъ прежде былъ темный, а теперь просвѣтился, пока не позвали его родителей и не спросили ихъ [693]: это ли вашъ сынъ, тотъ, который отъ рожденія былъ темный? Какъ же онъ теперь просвѣтился [694]?

Родители сказали: мы знаемъ, что онъ нашъ сынъ и темный былъ отъ рожденія [695]. А какъ теперь просвѣтился, мы не знаемъ. Онъ уже большой, спросите его самого [696].

Позвали правовѣрные другой разъ того человѣка и сказали: молись настоящему нашему богу, а тотъ человѣкъ, что̀ тебя просвѣтилъ, тотъ человѣкъ мірской и не отъ Бога, мы вѣрно знаемъ [697].

И просвѣщенный сказалъ: о томъ, что отъ Бога ли тотъ человѣкъ или нѣтъ, этого я не знаю. Одно знаю, что прежде не видалъ свѣта, а теперь вижу [698].

И правовѣрные опять спросили: что̀ онъ съ тобою сдѣлалъ, какъ просвѣтилъ тебя [699]?

Онъ сказалъ: я уже говорилъ вамъ, но вы не вѣрите. Если хотите быть его учениками, то я разскажу вамъ опять [700].

И они стали ругать его и сказали: ты его ученикъ, а мы ученики Моисея [701]. Съ Моисеемъ говорилъ самъ Богъ. А про этого и не знаемъ, откуда онъ [702].

И отвѣчалъ человѣкъ и сказалъ: это-то и удивительно, что онъ просвѣтилъ меня, а вы не знаете, откуда онъ [703]. Богъ не слушаетъ грѣшниковъ, а тѣхъ, кто чтитъ Бога и исполняетъ его волю [704]. Не можетъ быть никогда, чтобы человѣкъ, тотъ, который не отъ Бога, могъ бы просвѣтить темнаго человѣка. Если бы онъ не былъ отъ Бога, онъ бы ничего не могъ сдѣлать [705].

И разсердились правовѣрные и сказали: ты весь погрязъ въ заблужденіяхъ и хочешь насъ учить. — И выгнали его [706].

И сказалъ Іисусъ: ученіе мое есть пробужденіе жизни. Кто вѣритъ въ мое ученіе, тотъ, несмотря на то, что умираетъ плотски, остается живъ, и всякій, кто живетъ и вѣритъ въ меня, тотъ не умретъ [707].

И еще въ третій разъ Іисусъ училъ народъ. Онъ говорилъ:

Люди отдаются моему ученію не потому, что я самъ доказываю его; нельзя доказывать истину. Истина доказываетъ все остальное. Но люди отдаются моему ученію потому, что оно единое и знакомое людямъ и обѣщаетъ жизнь [708] (**48**).

Мое ученіе для людей, какъ знакомый голосъ пастуха для овецъ, когда онъ входитъ къ нимъ дверью и собираетъ ихъ, чтобы вести на пастбища [709]. Вашему же ученію никто не вѣритъ, потому что оно чуждо людямъ, и люди видятъ въ немъ ваши похоти. Оно для людей то же, что̀ для овецъ видъ человѣка, не входящаго въ дверь, но перелѣзающаго черезъ ограду. Овцы не знаютъ его, а чуютъ, что онъ разбойникъ [710] (**49**). Мое ученіе единое истинное, какъ единая дверь для овецъ [711]. Всѣ ваши ученія закона Моисея, всѣ — ложь, всѣ — какъ воры и разбойники для овецъ [712].

Кто отдастся моему ученію, тотъ найдетъ жизнь истинную, точно такъ же, какъ овцы выйдутъ и найдутъ кормъ, если пойдутъ за пастухомъ [713]. Потому что воръ только за тѣмъ и приходитъ, чтобы красть, грабить и убить, а пастухъ за тѣмъ, чтобы дать жизнь. И одно мое ученіе обѣщаетъ и даетъ жизнь истинную [714].

Пастухи бываютъ такіе, для которыхъ овцы составляютъ ихъ жизнь, и которые отдаютъ жизнь свою за овецъ; это пастухи настоящіе [715]. А бываютъ наемные, такіе, которые не заботятся объ овцахъ, ибо они наемники, и овцы не ихнія, такіе, что если идетъ волкъ, то бросаютъ и бѣгутъ отъ нихъ, а волкъ губитъ овецъ [716]. Это не настоящіе. Такъ и учители бываютъ не настоящіе, такіе, которымъ нѣтъ дѣла до жизни людей; а настоящіе — такіе, которые душу свою отдаютъ за жизнь людей [717].

Я такой учитель [718]. Ученіе мое въ томъ, чтобы жизнь свою отдавать за жизнь людей [719]. Никто не отниметъ ее отъ меня, но я самъ свободно отдаю ее за людей, чтобы получить истинную жизнь. Эту заповѣдь получилъ я отъ Отца моего [720]. И какъ знаетъ меня Отецъ, такъ и я знаю его, и потому жизнь свою кладу за людей [721]. За то и любитъ меня Отецъ, что я исполняю его заповѣди [722].

И всѣ люди не только здѣсь и теперь, но всѣ поймутъ мой голосъ, и всѣ сойдутся въ одно и будутъ едины всѣ люди, и едино ихъ ученіе [723] (**50**).

И Іудеи окружили его и сказали: все, что̀ ты говоришь, трудно понять и не сходится съ нашимъ писаніемъ. Не мучай насъ, а просто и прямо скажи намъ, ты ли тотъ Мессія, который по нашему писанію долженъ прійти въ міръ [724]?

И отвѣчалъ имъ Іисусъ: я уже говорилъ вамъ, кто я, но вы не вѣрите. Если не вѣрите моимъ словамъ, то вѣрьте моимъ дѣламъ: по нимъ поймите, кто я и для чего я пришелъ [725].

Но вы не вѣрите, потому что не идете за мной [726].

Кто идетъ по мнѣ и дѣлаетъ то, чтò я говорю, тотъ понимаетъ меня [727]. И кто понимаетъ мое ученіе и исполняетъ его, тотъ получаетъ жизнь настоящую [728]. Отецъ мой соединилъ ихъ со мной, и никто не можетъ разъединить насъ [729]. Я и Отецъ — одно [730] (**51**).

И Іудеи оскорбились этимъ и взялись за каменья, чтобы побить его [731].

Но онъ сказалъ имъ: я много добрыхъ дѣлъ показалъ вамъ и открылъ ученіе объ Отцѣ моемъ; за какое же изъ этихъ добрыхъ дѣлъ хотите побить меня [732]?

Они сказали: не за добро хотимъ побить тебя, но за то, что ты, человѣкъ, дѣлаешь себя Богомъ [733].

И отвѣчалъ имъ Іисусъ: да вѣдь это самое сказано въ вашемъ писаніи. Сказано, что самъ Богъ сказалъ дурнымъ правителямъ: вы Боги [734]. Если онъ уже порочныхъ людей назвалъ богами, то почему вы считаете кощунствомъ то, чтобы называть сыномъ Бога то, чтò Богъ, любя, послалъ въ міръ. Всякій человѣкъ по духу есть сынъ Бога [735]. Если я не живу по-божески, то не вѣрьте, что я сынъ Бога [736]. Если же живу по-божески, то по моей жизни вѣрьте, что я въ Отцѣ, и тогда поймете, что Отецъ во мнѣ и я въ немъ [737].

И стали спорить Іудеи. Одни говорили, что онъ бѣснуется, другіе говорили [738]: не можетъ бѣшеный просвѣщать людей [739].

И Іудеи не знали, чтò съ нимъ дѣлать, и не могли присудить его [740]. И пошелъ онъ опять за Іорданъ и оставался тамъ [741].

И многіе повѣрили въ его ученіе и говорили, что оно истинно, такъ же, какъ и ученіе Іоанна [742]. И такъ многіе вѣрили въ его ученіе [743].

И спросилъ разъ Іисусъ учениковъ своихъ: скажите, какъ люди понимаютъ мое ученіе о сынѣ Бога и сынѣ человѣческомъ [744].

Они сказали: одни понимаютъ такъ, какъ ученіе Іоанна; другіе такъ же, какъ пророчество Исаіи;

Кто отдастся моему
истинную, точно такъ
дутъ кормъ, если пой
что воръ только за тѣм
грабить и убить, а
жизнь. И одно
жизнь истинную [714].

Пастухи бываютъ
ставляютъ ихъ жи
свою за овецъ;
ютъ наемные, такі
цахъ. ибо они н
что если идетъ
нихъ, а волкъ
Такъ и учители
рымъ нѣтъ д
такіе, которы
дей [717].

Я такой
жизнь свою
отниметъ
ее за люде
заповѣдь
знаетъ ме
жизнь сво
меня Оте

И всѣ
поймутъ
дутъ еди

И Іуд
говориш
писаніем
жи нам
писанік

И от
кто я,
словам
кто я

Но

за ученіе Іереміи,

ученіи [746]?
по-моему, твое
ранный сынъ Бога
есть жизнь въ

ты, Симонъ, что
открыть тебѣ это,
въ тебѣ открылъ
ченіе, и не я своими
Отецъ мой, прямо

собраніе людей, для

II

времени.

жизнь въ настоящемъ.

на всѣ плотскія
понялъ меня [750]. Кто
жизни плотской, тотъ
А кто погубитъ свою
мое ученіе, тотъ полу-

Петръ: вотъ мы по-
заботы и имущество,
будетъ намъ награда за

кто отказался отъ
матери, жены, дѣтей
моего ученія, получитъ во
братьевъ, и полей, и
жизни. а кромѣ того, еще
времени [753]. Наградъ въ цар-
Царство небесное есть цѣль

рада. Въ царствѣ небесномъ всѣ равны: нѣтъ первыхъ, ни послѣднихъ [754].

Потому что царство небесное вотъ на что̀ похоже. Хозяинъ дома пошелъ съ утра нанимать рабочихъ въ садъ [755]. Нанялъ рабочихъ по гривнѣ въ день и пришелъ въ садъ, заставилъ работать [756]. И опять пошелъ въ обѣдъ, и еще нанялъ и послалъ въ садъ работать; и ввечеру еще нанялъ и послалъ работать. И со всѣми уговорился по гривнѣ [757]. Пришло время къ расчету; хозяинъ и велѣлъ всѣхъ расчитать по ровну. Прежде тѣмъ, которые пришли послѣдними, а послѣ первымъ [758]. Вотъ увидѣли первые, что послѣднимъ даютъ по гривнѣ [759], и подумали, что имъ больше дадутъ; но первымъ дали тоже по гривнѣ [760]. Они взяли и говорятъ [761]: что̀ же, тѣ только одну упряжку работали, а мы — всѣ четыре; какъ же намъ по ровну? Это несправедливо [762].— А хозяинъ подошелъ и говоритъ: что̀ вы ворчите? Развѣ я обидѣлъ васъ? За что̀ нанялъ, то и отдалъ. Вѣдь у насъ за гривну уговоръ былъ [763]. Возьми свое и иди. А если я послѣднему хочу дать то же, что̀ и вамъ, развѣ я не властенъ въ своемъ? [764] Или оттого, что видите, что я добръ, такъ вамъ завидно стало? [765]

Въ царствѣ небесномъ нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ, — всѣмъ одно [766] (52).

Подошли разъ къ Іисусу два ученика его Іаковъ и Іоаннъ и говорятъ: учитель, обѣщай намъ, что ты сдѣлаешь намъ то, о чемъ мы попросимъ тебя [767].

Онъ говоритъ: чего вы хотите?

Они говорятъ: чтобы мы были равны съ тобою [768].

Іисусъ сказалъ имъ: вы сами не знаете, чего просите. Жить вы можете такъ же, какъ я, и очиститься отъ плотской жизни можете такъ же, какъ я, но сдѣлать васъ такими же, какъ я, не въ моей власти [769]. Каждый человѣкъ можетъ своимъ усиліемъ войти въ царство Отца, вступивъ подъ его власть и исполняя волю его [770].

ченики разсердились на
они хотѣли быть такими
ями изъ учениковъ [771].
ихъ и сказалъ: если вы,
просили меня сдѣлать васъ
того, чтобы быть старшими
если же и вы, другіе
нихъ за то, что эти двое
то и вы ошибаетесь.
цари и начальники, кто
управлять народами [772]. А
ни старшихъ, ни млад-
того, чтобы быть большимъ
слугою [773]. Между вами,
тотъ считай себя послѣд-
въ томъ воля Отца о сы-
онъ не за тѣмъ живетъ,
чтобы самому служить всѣмъ
жизнь, какъ выкупъ за

народу: Отецъ ищетъ спасти
радуется ему такъ же, какъ
найдетъ одну пропавшую
одна, онъ оставляетъ
пропавшую [776]. И если пропа-
то вѣдь всю избу вымететъ
[777]. Отецъ любитъ сына и

притчу о томъ, что нельзя
кто живетъ въ волѣ Божьей.
тебя позовутъ на обѣдъ, то не
уголъ: придетъ кто почетнѣе
скажетъ: [779] выдь оттуда и пусти
тебя: тогда хуже постыдишься
сядь на самое послѣднее мѣсто:
найдетъ тебя и позоветъ на почетное.
будетъ [781].
царствѣ Бога нѣтъ мѣста гордости.
возвышаетъ, тотъ этимъ самымъ себя ро-

няетъ; а кто себя принижаетъ, считаетъ недостойнымъ, тотъ этимъ самымъ поднимаетъ себя въ царствѣ Бога [782] (**54**).

Было у одного человѣка два сына [783]. Меньшой и говоритъ отцу: батюшка, отдѣли меня. И отецъ отдѣлилъ его [784]. Взялъ меньшой свою часть, пошелъ на чужую сторону и промоталъ все имѣніе и сталъ бѣдствовать [785]. И попалъ онъ на чужой сторонѣ въ свинопасы [786]. И такъ голодалъ, что съ свиньями жолуди ѣлъ [787]. И раздумался онъ о своемъ житьѣ и говоритъ: зачѣмъ я отдѣлился и ушелъ отъ отца? У отца всего было много; у отца и работники сыто ѣдятъ. А я вотъ съ свиньями одинъ кормъ ѣмъ [788]. Дай-ка пойду къ отцу, паду ему въ ноги и скажу: виноватъ я, батюшка, передъ тобою и не стою тебѣ сыномъ быть. Возьми меня хоть въ батраки [789]. — Подумалъ и пошелъ къ отцу. И какъ онъ только подходить сталъ, тотчасъ издали узналъ его отецъ, и самъ на встрѣчу побѣжалъ къ нему, обнялъ его и сталъ цѣловать [790]. Сынъ и говоритъ: батюшка, виноватъ я передъ тобою, не стою тебѣ сыномъ быть [791]. — А отецъ и слушать не сталъ и говоритъ работникамъ: несите скорѣе одежу самую лучшую и сапоги самые хорошіе, одѣньте его и обуйте [792]. И бѣгите, ловите теленка поенаго и убейте, будемъ веселиться о томъ [793], что сынъ мой этотъ былъ мертвый, а теперь живой сталъ, пропалъ и теперь нашелся [794]. — Пришелъ большой братъ съ поля и, какъ сталъ подходить, — слышитъ: дома пѣсни играютъ [795]. Онъ подозвалъ мальчика и говоритъ: что̀ это у насъ, веселье идетъ [796]? — А мальчикъ говоритъ: развѣ ты не слыхалъ, что братъ твой вернулся. И отецъ твой радуется и велѣлъ теленка поенаго убить на радости, что сынъ вернулся [797]. — Большой братъ обидѣлся и не пошелъ въ домъ. А отецъ вышелъ къ нему и зоветъ его [798]. А онъ сказалъ отцу: вотъ, батюшка, я сколько лѣтъ на тебя работаю и приказа твоего не ослушаюсь, а ты для меня

[illegible] не рѣзалъ[799]. А меньшой [illegible] да все имѣніе прогулялъ съ [illegible] теперь теленка зарѣзалъ[800]. [illegible] вѣдь ты всегда со мной, и [illegible] тебѣ надо не обижаться, [illegible] твой въ мертвыхъ былъ, и [illegible] нашелся[802].

[illegible] садъ, обдѣлалъ, устроилъ его, [illegible] чтобы садъ давалъ какъ можно [illegible] И послалъ въ этотъ садъ ра- [illegible] работали, — собирали плоды [illegible] ему за садъ[804].

[illegible] садъ — это міръ, работники [illegible] только за тѣмъ и послалъ въ [illegible] человѣческаго, чтобы люди [illegible] жизни, которое онъ вло- [illegible] срокъ, хозяинъ послалъ [illegible]. Отецъ, не переставая, [illegible] что они должны исполнять [illegible] отогнали посланца хозяина [illegible] жить, воображая, что садъ [illegible] сами по своей милости [illegible] прогнали отъ себя напоми- [illegible] продолжали жить каждый для [illegible] живутъ для радостей [illegible] хозяинъ послалъ еще и [illegible] — сына своего, чтобы на- [illegible] долгѣ[806]. Но работ- [illegible] вообразили себѣ, что, если [illegible], который напоминалъ [illegible] ихъ совсѣмъ оставятъ [illegible] его[808].

[illegible] напоминанія о томъ духѣ, [illegible] показываетъ имъ на то, [illegible] вѣчны; и они убили, на- [illegible] завернули въ плато- [illegible] имъ.

[illegible] Больше ничего, какъ [illegible] присылать другихъ.

Что̀ же дѣлать Отцу? Сѣять, пока будетъ плодъ. Онъ то и дѣлаетъ [810].

Люди не понимали и не понимаютъ, что то сознаніе духа, которое есть въ нихъ, и которое они прячутъ, потому что оно мѣшаетъ имъ, — что это разумѣніе есть ихъ жизнь. Они выбрасываютъ тотъ камень, на которомъ все держится [811]. И тѣ, кто не берутъ за основу жизнь духа, тѣ не входятъ въ царство небесное и не получаютъ жизни. Чтобы имѣть вѣру и получить жизнь, надо понимать свое положеніе, а не ждать наградъ [812] **(55)**.

Тогда ученики сказали Іисусу: умножь въ насъ вѣру; скажи намъ такое, чтобы мы сильнѣе вѣрили въ жизнь духа и не жалѣли жизни плотской? Вотъ сколько надо отдавать и все надо отдавать для жизни духа. А награды, ты самъ говоришь, нѣтъ [813].

И на это Іисусъ сказалъ имъ: если бы у васъ была вѣра такая же, какъ вѣра въ то, что изъ зерна березоваго выростаетъ большое дерево, если бы такъ же вѣрили въ то, что въ васъ есть единственный зародышъ духа, изъ котораго выростаетъ жизнь истинная, вы бы не просили меня умножить въ васъ вѣру.

Вѣра не въ томъ, чтобы повѣрить во что-нибудь удивительное, а вѣра въ томъ, чтобы понимать свое положеніе и то, въ чемъ спасеніе. Если ты понимаешь свое положеніе, то ты не будешь ждать награды, а будешь вѣрить въ то, что̀ поручено тебѣ [814].

Когда хозяинъ съ работниками возвращается съ поля, то вѣдь онъ не сажаетъ работника за столъ, [815] а велитъ убрать скотину, да приготовить себѣ поужинать, а ужъ потомъ говоритъ работнику: садись ты, пей и ѣшь [816]. Хозяинъ не станетъ благодарить работника за то, что онъ сдѣлалъ то, что̀ должно. И работникъ, если онъ понимаетъ, что онъ работникъ, не обижается, а работаетъ, вѣря въ то, что онъ получитъ то, что̀ ему слѣдуетъ [817].

Такъ-то и вы исполняйте волю Отца и думайте

что мы негодные работники, только, что̀ должно было, то и сдѣлали, и не ожидайте награды, а довольствуйтесь тѣмъ, что получаете то, что̀ вамъ слѣдуетъ.

Не о томъ надо заботиться, чтобы вѣрить въ то, что будетъ награда и будетъ жизнь: это не можетъ быть иначе; но надо заботиться о томъ, чтобы не погубить эту жизнь, не забыть то, что она дана намъ для того, чтобы мы принесли плоды ея, и исполнять волю Отца [818] (**56**).

И потому будьте всегда готовы, какъ слуги, ожидающіе хозяина, чтобы тотчасъ же, когда онъ придетъ, отвѣтить ему [819]. Слуги не знаютъ, когда онъ вернется, рано или поздно, и всегда должны быть готовы. И если они встрѣтятъ хозяина, то исполнили волю его, и имъ хорошо.

То же самое и въ жизни. Всегда, всякую минуту настоящаго надо жить жизнью духа, не думая о прошедшемъ и будущемъ и не говоря себѣ: тогда или тамъ-то, я сдѣлаю то-то [820].

Если бы хозяинъ зналъ, когда придетъ воръ, то онъ не спалъ бы; такъ и вы не спите никогда, потому что для жизни сына человѣческаго нѣтъ времени, и онъ живетъ только въ настоящемъ и не знаетъ, когда начало и конецъ его жизни [821].

Жизнь наша то же, что̀ жизнь раба, котораго хозяинъ оставилъ старшимъ въ своемъ домѣ. И хорошо тому рабу, если онъ дѣлаетъ волю хозяина всегда [822]. Но если онъ скажетъ: хозяинъ не скоро придетъ, и забудетъ дѣло хозяина [823], то хозяинъ вернется врасплохъ [824] и прогонитъ его [825].

И такъ не унывайте и всегда въ настоящемъ живите духомъ. Для жизни духа нѣтъ времени [826]. Смотрите за собой, чтобы не отягчать себя и не отуманивать пьянствомъ, объяденіемъ, заботами, чтобы не пропустить время спасенія. Время спасенія, какъ сѣть, накинута на всѣхъ; оно всегда. И потому всегда живите жизнью сына человѣческаго [827].

Царство небесное вотъ на что похоже: Пошли десять дѣвицъ съ плошками встрѣчать жениха[828]. Пять было умныхъ, а пять глупыхъ[829]. Глупыя взяли плошки, да не взяли масла[830]. А умныя взяли плошки и на запасъ масла[831]. Пока ждали жениха, онѣ задремали[832]. Когда пришелъ женихъ[833], глупыя увидали, что у нихъ мало масла[834], и пошли искать купить. А пока онѣ ходили, женихъ пришелъ. И умныя дѣвицы, у которыхъ было масло, вошли съ нимъ, и двери затворились. Только на то и нужно было ходить дѣвицамъ, чтобы встрѣтить жениха съ плошками, а онѣ забыли про то, что не то дорого, чтобы горѣли плошки, но чтобы онѣ горѣли во̀-время. А для того, чтобы онѣ горѣли, когда придетъ женихъ, надо было имъ горѣть, не переставая.

Жизнь только затѣмъ, чтобы возвысить сына человѣческаго, а сынъ человѣческій всегда. Онъ не во времени, и потому, служа ему, надо жить внѣ времени, въ одномъ настоящемъ[835].

И потому дѣлайте усилія въ настоящемъ, чтобы войти въ жизнь духа; если не будете дѣлать усилій, не войдете въ нее[836]. Будете говорить: мы то и то говорили, но не будетъ добрыхъ дѣлъ, и не будетъ всей жизни[837]. Потому что сынъ человѣческій, какъ духъ единый, окажется для каждаго тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ для него[838](**57**).

Люди всѣ раздѣляются тѣмъ, какъ они служатъ сыну человѣческому. И своими дѣлами они раздѣлятся на двое, какъ дѣлятъ въ стадѣ овецъ и козловъ. Одни будутъ живы, другіе погибнутъ[839].

Тѣ, которые служили сыну человѣческому, тѣ и получатъ то, что̀ принадлежало имъ отъ начала міра — жизнь, ту, которую они сохраняли. Сохранили же они жизнь тѣмъ, что служили сыну человѣческому: голоднаго кормили, голаго одѣвали, странника принимали, заключеннаго посѣщали. Они жили сыномъ человѣческимъ, чувствовали, что онъ

Кто отдастся моему ученію, тотъ найдетъ жизнь истинную, точно такъ же, какъ овцы выйдутъ и найдутъ кормъ, если пойдутъ за пастухомъ [713]. Потому что воръ только за тѣмъ и приходитъ, чтобы красть, грабить и убить, а пастухъ за тѣмъ, чтобы дать жизнь. И одно мое ученіе обѣщаетъ и даетъ жизнь истинную [714].

Пастухи бываютъ такіе, для которыхъ овцы составляютъ ихъ жизнь, и которые отдаютъ жизнь свою за овецъ; это пастухи настоящіе [715]. А бываютъ наемные, такіе, которые не заботятся объ овцахъ, ибо они наемники, и овцы не ихнія, такіе, что если идетъ волкъ, то бросаютъ и бѣгутъ отъ нихъ, а волкъ губитъ овецъ [716]. Это не настоящіе. Такъ и учители бываютъ не настоящіе, такіе, которымъ нѣтъ дѣла до жизни людей; а настоящіе — такіе, которые душу свою отдаютъ за жизнь людей [717].

Я такой учитель [718]. Ученіе мое въ томъ, чтобы жизнь свою отдавать за жизнь людей [719]. Никто не отниметъ ее отъ меня, но я самъ свободно отдаю ее за людей, чтобы получить истинную жизнь. Эту заповѣдь получилъ я отъ Отца моего [720]. И какъ знаетъ меня Отецъ, такъ и я знаю его, и потому жизнь свою кладу за людей [721]. За то и любитъ меня Отецъ, что я исполняю его заповѣди [722].

И всѣ люди не только здѣсь и теперь, но всѣ поймутъ мой голосъ, и всѣ сойдутся въ одно и будутъ едины всѣ люди, и едино ихъ ученіе [723] **(50)**.

И Іудеи окружили его и сказали: все, что̀ ты говоришь, трудно понять и не сходится съ нашимъ писаніемъ. Не мучай насъ, а просто и прямо скажи намъ, ты ли тотъ Мессія, который по нашему писанію долженъ прійти въ міръ [724]?

И отвѣчалъ имъ Іисусъ: я уже говорилъ вамъ, кто я, но вы не вѣрите. Если не вѣрите моимъ словамъ, то вѣрьте моимъ дѣламъ: по нимъ поймите, кто я и для чего я пришелъ [725].

Но вы не вѣрите, потому что не идете за мной [726].

Кто идетъ по мнѣ и дѣлаетъ то, что̀ я говорю, тотъ понимаетъ меня [727]. И кто понимаетъ мое ученіе и исполняетъ его, тотъ получаетъ жизнь настоящую [728]. Отецъ мой соединилъ ихъ со мной, и никто не можетъ разъединить насъ [729]. Я и Отецъ — одно [730] (51).

И Іудеи оскорбились этимъ и взялись за каменья, чтобы побить его [731].

Но онъ сказалъ имъ: я много добрыхъ дѣлъ показалъ вамъ и открылъ ученіе объ Отцѣ моемъ; за какое же изъ этихъ добрыхъ дѣлъ хотите побить меня [732]?

Они сказали: не за добро хотимъ побить тебя, но за то, что ты, человѣкъ, дѣлаешь себя Богомъ [733].

И отвѣчалъ имъ Іисусъ: да вѣдь это самое сказано въ вашемъ писаніи. Сказано, что самъ Богъ сказалъ дурнымъ правителямъ: вы Боги [734]. Если онъ уже порочныхъ людей назвалъ богами, то почему вы считаете кощунствомъ то, чтобы называть сыномъ Бога то, что̀ Богъ, любя, послалъ въ міръ. Всякій человѣкъ по духу есть сынъ Бога [735]. Если я не живу по-божески, то не вѣрьте, что я сынъ Бога [736]. Если же живу по-божески, то по моей жизни вѣрьте, что я въ Отцѣ, и тогда поймете, что Отецъ во мнѣ и я въ немъ [737].

И стали спорить Іудеи. Одни говорили, что онъ бѣснуется, другіе говорили [738]: не можетъ бѣшеный просвѣщать людей [739].

И Іудеи не знали, что̀ съ нимъ дѣлать, и не могли присудить его [740]. И пошелъ онъ опять за Іорданъ и оставался тамъ [741].

И многіе повѣрили въ его ученіе и говорили, что оно истинно, такъ же, какъ и ученіе Іоанна [742]. И такъ многіе вѣрили въ его ученіе [743].

И спросилъ разъ Іисусъ учениковъ своихъ: скажите, какъ люди понимаютъ мое ученіе о сынѣ Бога и сынѣ человѣческомъ [744].

Они сказали: одни понимаютъ такъ, какъ ученіе Іоанна; другіе такъ же, какъ пророчество Исаіи;

еще другіе говорятъ, что похоже на ученіе Іереміи, понимаютъ, что ты — пророкъ [745].

А вы какъ понимаете о моемъ ученіи [746]?

И сказалъ ему Симонъ Петръ: по-моему, твое ученіе — въ томъ, что ты избранный сынъ Бога жизни. Ты учишь тому, что Богъ есть жизнь въ человѣкѣ [747].

И сказалъ ему Іисусъ: счастливъ ты, Симонъ, что понялъ это. Человѣкъ не могъ открыть тебѣ это, но понялъ ты это потому, что Богъ въ тебѣ открылъ тебѣ это. Не плотское разсужденіе, и не я своими словами открылъ тебѣ это, а Богъ, Отецъ мой, прямо открылъ тебѣ это [748].

И на этомъ основывается то собраніе людей, для которыхъ нѣтъ смерти [749].

ГЛАВА VIII.

Жизнь не во времени.

И потому истинная жизнь есть только жизнь въ настоящемъ.

Іисусъ сказалъ: кто не готовъ на всѣ плотскія страданія и лишенія, тотъ не понялъ меня [750]. Кто пріобрѣтетъ все лучшее для жизни плотской, тотъ погубитъ истинную жизнь. А кто погубитъ свою плотскую жизнь, исполняя мое ученіе, тотъ получитъ жизнь истинную [751].

И на эти слова сказалъ ему Петръ: вотъ мы послушали тебя, отбросили всѣ заботы и имущество, и пошли за тобою. Какая будетъ намъ награда за это? [752]

Іисусъ сказалъ ему: всякій, кто отказался отъ дома, сестеръ, братьевъ, отца, матери, жены, дѣтей и отъ полей своихъ для моего ученія, получитъ во сто разъ больше и сестеръ, и братьевъ, и полей, и всего, что̀ нужно въ этой жизни, а кромѣ того, еще получаетъ жизнь внѣ времени [753]. Наградъ въ царствѣ небесномъ нѣтъ. Царство небесное есть цѣль

и награда. Въ царствѣ небесномъ всѣ равны: нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ [754].

Потому что царство небесное вотъ на что̀ похоже. Хозяинъ дома пошелъ съ утра нанимать рабочихъ въ садъ [755]. Нанялъ рабочихъ по гривнѣ въ день и пришелъ въ садъ, заставилъ работать [756]. И опять пошелъ въ обѣдъ, и еще нанялъ и послалъ въ садъ работать; и ввечеру еще нанялъ и послалъ работать. И со всѣми уговорился по гривнѣ [757]. Пришло время къ расчету; хозяинъ и велѣлъ всѣхъ расчитать по ровну. Прежде тѣмъ, которые пришли послѣдними, а послѣ первымъ [758]. Вотъ увидѣли первые, что послѣднимъ даютъ по гривнѣ [759], и подумали, что имъ больше дадутъ; но первымъ дали тоже по гривнѣ [760]. Они взяли и говорятъ [761]: что̀ же, тѣ только одну упряжку работали, а мы — всѣ четыре; какъ же намъ по ровну? Это несправедливо [762].— А хозяинъ подошелъ и говоритъ: что̀ вы ворчите? Развѣ я обидѣлъ васъ? За что̀ нанялъ, то и отдалъ. Вѣдь у насъ за гривну уговоръ былъ [763]. Возьми свое и иди. А если я послѣднему хочу дать то же, что̀ и вамъ, развѣ я не властенъ въ своемъ? [764] Или оттого, что видите, что я добръ, такъ вамъ завидно стало? [765]

Въ царствѣ небесномъ нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ, — всѣмъ одно [766] (52).

Подошли разъ къ Іисусу два ученика его Іаковъ и Іоаннъ и говорятъ: учитель, обѣщай намъ, что ты сдѣлаешь намъ то, о чемъ мы попросимъ тебя [767].

Онъ говоритъ: чего вы хотите?

Они говорятъ: чтобы мы были равны съ тобою [768].

Іисусъ сказалъ имъ: вы сами не знаете, чего просите. Жить вы можете такъ же, какъ я, и очиститься отъ плотской жизни можете такъ же, какъ я, но сдѣлать васъ такими же, какъ я, не въ моей власти [769]. Каждый человѣкъ можетъ своимъ усиліемъ войти въ царство Отца, вступивъ подъ его власть и исполняя волю его [770].

Услыхавъ это, другіе ученики разсердились на двухъ братьевъ за то, что они хотѣли быть такими же, какъ учитель, и старшими изъ учениковъ [771].

Іисусъ же подозвалъ ихъ и сказалъ: если вы, братья Іоаннъ и Іаковъ, просили меня сдѣлать васъ такими же, какъ я, для того, чтобы быть старшими учениками, то вы ошиблись; если же и вы, другіе ученики, сердитесь на нихъ за то, что эти двое хотятъ быть старше васъ, то и вы ошибаетесь. Только въ мірѣ считаются цари и начальники, кто старше, чтобы имъ управлять народами [772]. А между вами не можетъ быть ни старшихъ, ни младшихъ. Между вами для того, чтобы быть бо̀льшимъ другого, надо быть всѣмъ слугою [773]. Между вами, кто хочетъ быть первымъ, тотъ считай себя послѣднимъ [774]. Потому что въ томъ воля Отца о сынѣ человѣческомъ, что онъ не за тѣмъ живетъ, чтобы ему служили, но чтобы самому служить всѣмъ и отдавать свою плотскую жизнь, какъ выкупъ за жизнь духа [775] (53).

И сказалъ Іисусъ народу: Отецъ ищетъ спасти то, что̀ гибнетъ. Онъ радуется ему такъ же, какъ радуется пастухъ, когда найдетъ одну пропавшую овцу. Когда пропадетъ одна, онъ оставляетъ 99 и идетъ спасать пропавшую [776]. И если пропадетъ копейка у бабы, то вѣдь всю избу вымететъ и ищетъ, пока найдетъ [777]. Отецъ любитъ сына и зоветъ его къ себѣ [778].

И сказалъ имъ еще притчу о томъ, что нельзя возвыситься тѣмъ, кто живетъ въ волѣ Божьей. Онъ сказалъ: если тебя позовутъ на обѣдъ, то не садись въ передній уголъ: придетъ кто почетнѣе тебя, хозяинъ и скажетъ: [779] выдь оттуда и пусти того, кто получше тебя: тогда хуже постыдишься [780]. А ты лучше сядь на самое послѣднее мѣсто: тогда хозяинъ найдетъ тебя и позоветъ на почетное, тогда тебѣ честь будетъ [781].

Такъ и въ царствѣ Бога нѣтъ мѣста гордости. Кто себя возвышаетъ, тотъ этимъ самымъ себя ро-

няетъ; а кто себя принижаетъ, считаетъ недостойнымъ, тотъ этимъ самымъ поднимаетъ себя въ царствѣ Бога [782] (54).

Было у одного человѣка два сына [783]. Меньшой и говоритъ отцу: батюшка, отдѣли меня. И отецъ отдѣлилъ его [784]. Взялъ меньшой свою часть, пошелъ на чужую сторону и промоталъ все имѣніе и сталъ бѣдствовать [785]. И попалъ онъ на чужой сторонѣ въ свинопасы [786]. И такъ голодалъ, что съ свиньями жолуди ѣлъ [787]. И раздумался онъ о своемъ житьѣ и говоритъ: зачѣмъ я отдѣлился и ушелъ отъ отца? У отца всего было много; у отца и работники сыто ѣдятъ. А я вотъ съ свиньями одинъ кормъ ѣмъ [788]. Дай-ка пойду къ отцу, паду ему въ ноги и скажу: виноватъ я, батюшка, передъ тобою и не стою тебѣ сыномъ быть. Возьми меня хоть въ батраки [789]. — Подумалъ и пошелъ къ отцу. И какъ онъ только подходить сталъ, тотчасъ издали узналъ его отецъ, и самъ на встрѣчу побѣжалъ къ нему, обнялъ его и сталъ цѣловать [790]. Сынъ и говоритъ: батюшка, виноватъ я передъ тобою, не стою тебѣ сыномъ быть [791]. — А отецъ и слушать не сталъ и говоритъ работникамъ: несите скорѣе одежу самую лучшую и сапоги самые хорошіе, одѣньте его и обуйте [792]. И бѣгите, ловите теленка поенаго и убейте, будемъ веселиться о томъ [793], что сынъ мой этотъ былъ мертвый, а теперь живой сталъ, пропалъ и теперь нашелся [794]. — Пришелъ большой братъ съ поля и, какъ сталъ подходить, — слышитъ: дома пѣсни играютъ [795]. Онъ подозвалъ мальчика и говоритъ: что̀ это у насъ, веселье идетъ [796]? — А мальчикъ говоритъ: развѣ ты не слыхалъ, что братъ твой вернулся. И отецъ твой радуется и велѣлъ теленка поенаго убить на радости, что сынъ вернулся [797]. — Большой братъ обидѣлся и не пошелъ въ домъ. А отецъ вышелъ къ нему и зоветъ его [798]. А онъ сказалъ отцу: вотъ, батюшка, я сколько лѣтъ на тебя работаю и приказа твоего не ослушаюсь, а ты для ме-

никогда теленка поенаго не рѣзалъ[799]. А меньшой братъ ушелъ изъ дома, да все имѣніе прогулялъ съ пьяницами, а ты ему теперь теленка зарѣзалъ[800]. — Отецъ и говоритъ: вѣдь ты всегда со мной, и все мое — твое[801]. И тебѣ надо не обижаться, а радоваться, что братъ твой въ мертвыхъ былъ, и живой сталъ, пропалъ и нашелся[802].

Хозяинъ насадилъ садъ, обдѣлалъ, устроилъ его, все сдѣлалъ для того, чтобы садъ давалъ какъ можно больше плодовъ[803]. И послалъ въ этотъ садъ работниковъ, чтобы они работали, — собирали плоды и по уговору платили ему за садъ[804].

Хозяинъ — это отецъ, садъ — это міръ, работники — это люди. Отецъ только за тѣмъ и послалъ въ міръ сына своего, сына человѣческаго, чтобы люди отдавали Отцу разумѣніе жизни, которое онъ вложилъ въ нихъ. Пришелъ срокъ, хозяинъ послалъ работника за оброкомъ. Отецъ, не переставая, говорилъ людямъ о томъ, что они должны исполнять его волю. Работники отогнали посланца хозяина ни съ чѣмъ и продолжали жить, воображая, что садъ ихъ собственный, что они сами по своей милости сидятъ въ немъ. Люди прогнали отъ себя напоминаніе о волѣ Отца и продолжали жить каждый для себя, воображая, что они живутъ для радостей плотской жизни[805]. Тогда хозяинъ послалъ еще и еще любимцевъ своихъ, — сына своего, чтобы напомнить работникамъ о ихъ долгѣ[806]. Но работники совсѣмъ одурѣли и вообразили себѣ, что, если они убьютъ хозяйскаго сына, который напоминалъ имъ, что садъ не ихній, то ихъ совсѣмъ оставятъ въ покоѣ[807]. Они и убили его[808].

Люди не любятъ и напоминанія о томъ духѣ, который живетъ въ нихъ и показываетъ имъ на то, что онъ вѣченъ, а они не вѣчны; и они убили, насколько могли, сознаніе духа, завернули въ платочекъ и зарыли гривну, данную имъ.

Что́ же дѣлать хозяину[809]? Больше ничего, какъ изгнать тѣхъ работниковъ и прислать другихъ.

Что̀ же дѣлать Отцу? Сѣять, пока будетъ плодъ. Онъ то и дѣлаетъ [810].

Люди не понимали и не понимаютъ, что то сознаніе духа, которое есть въ нихъ, и которое они прячутъ, потому что оно мѣшаетъ имъ, — что это разумѣніе есть ихъ жизнь. Они выбрасываютъ тотъ камень, на которомъ все держится [811]. И тѣ, кто не берутъ за основу жизнь духа, тѣ не входятъ въ царство небесное и не получаютъ жизни. Чтобы имѣть вѣру и получить жизнь, надо понимать свое положеніе, а не ждать наградъ [812] (**55**).

Тогда ученики сказали Іисусу: умножь въ насъ вѣру; скажи намъ такое, чтобы мы сильнѣе вѣрили въ жизнь духа и не жалѣли жизни плотской? Вотъ сколько надо отдавать и все надо отдавать для жизни духа. А награды, ты самъ говоришь, нѣтъ [813].

И на это Іисусъ сказалъ имъ: если бы у васъ была вѣра такая же, какъ вѣра въ то, что изъ зерна березоваго выростаетъ большое дерево, если бы такъ же вѣрили въ то, что въ васъ есть единственный зародышъ духа, изъ котораго выростаетъ жизнь истинная, вы бы не просили меня умножить въ васъ вѣру.

Вѣра не въ томъ, чтобы повѣрить во что-нибудь удивительное, а вѣра въ томъ, чтобы понимать свое положеніе и то, въ чемъ спасеніе. Если ты понимаешь свое положеніе, то ты не будешь ждать награды, а будешь вѣрить въ то, что̀ поручено тебѣ [814].

Когда хозяинъ съ работниками возвращается съ поля, то вѣдь онъ не сажаетъ работника за столъ, [815] а велитъ убрать скотину, да приготовить себѣ поужинать, а ужъ потомъ говоритъ работнику: садись ты, пей и ѣшь [816]. Хозяинъ не станетъ благодарить работника за то, что онъ сдѣлалъ то, что̀ должно. И работникъ, если онъ понимаетъ, что онъ работникъ, не обижается, а работаетъ, вѣря въ то, что онъ получитъ то, что̀ ему слѣдуетъ [817].

Такъ-то и вы исполняйте волю Отца и думайте,

что мы негодные работники, только, что̀ должно было, то и сдѣлали, и не ожидайте награды, а довольствуйтесь тѣмъ, что получаете то, что̀ вамъ слѣдуетъ.

Не о томъ надо заботиться, чтобы вѣрить въ то, что будетъ награда и будетъ жизнь: это не можетъ быть иначе; но надо заботиться о томъ, чтобы не погубить эту жизнь, не забыть то, что она дана намъ для того, чтобы мы принесли плоды ея, и исполнять волю Отца [818] (56).

И потому будьте всегда готовы, какъ слуги, ожидающіе хозяина, чтобы тотчасъ же, когда онъ придетъ, отвѣтить ему [819]. Слуги не знаютъ, когда онъ вернется, рано или поздно, и всегда должны быть готовы. И если они встрѣтятъ хозяина, то исполнили волю его, и имъ хорошо.

То же самое и въ жизни. Всегда, всякую минуту настоящаго надо жить жизнью духа, не думая о прошедшемъ и будущемъ и не говоря себѣ: тогда или тамъ-то, я сдѣлаю то-то [820].

Если бы хозяинъ зналъ, когда придетъ воръ, то онъ не спалъ бы; такъ и вы не спите никогда, потому что для жизни сына человѣческаго нѣтъ времени, и онъ живетъ только въ настоящемъ и не знаетъ, когда начало и конецъ его жизни [821].

Жизнь наша то же, что̀ жизнь раба, котораго хозяинъ оставилъ старшимъ въ своемъ домѣ. И хорошо тому рабу, если онъ дѣлаетъ волю хозяина всегда [822]. Но если онъ скажетъ: хозяинъ не скоро придетъ, и забудетъ дѣло хозяина [823], то хозяинъ вернется врасплохъ [824] и прогонитъ его [825].

И такъ не унывайте и всегда въ настоящемъ живите духомъ. Для жизни духа нѣтъ времени [826]. Смотрите за собой, чтобы не отягчать себя и не отуманивать пьянствомъ, объяденіемъ, заботами, чтобы не пропустить время спасенія. Время спасенія, какъ сѣть, накинута на всѣхъ; оно всегда. И потому всегда живите жизнью сына человѣческаго [827].

Царство небесное вотъ на что похоже: Пошли десять дѣвицъ съ плошками встрѣчать жениха[828]. Пять было умныхъ, а пять глупыхъ[829]. Глупыя взяли плошки, да не взяли масла[830]. А умныя взяли плошки и на запасъ масла[831]. Пока ждали жениха, онѣ задремали[832]. Когда пришелъ женихъ[833], глупыя увидали, что у нихъ мало масла [834], и пошли искать купить. А пока онѣ ходили, женихъ пришелъ. И умныя дѣвицы, у которыхъ было масло, вошли съ нимъ, и двери затворились. Только на то и нужно было ходить дѣвицамъ, чтобы встрѣтить жениха съ плошками, а онѣ забыли про то, что не то дорого, чтобы горѣли плошки, но чтобы онѣ горѣли во̀-время. А для того, чтобы онѣ горѣли, когда придетъ женихъ, надо было имъ горѣть, не переставая.

Жизнь только затѣмъ, чтобы возвысить сына человѣческаго, а сынъ человѣческій всегда. Онъ не во времени, и потому, служа ему, надо жить внѣ времени, въ одномъ настоящемъ[835].

И потому дѣлайте усилія въ настоящемъ, чтобы войти въ жизнь духа; если не будете дѣлать усилій, не войдете въ нее[836]. Будете говорить: мы то и то говорили, но не будетъ добрыхъ дѣлъ, и не будетъ всей жизни[837]. Потому что сынъ человѣческій, какъ духъ единый, окажется для каждаго тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ для него[838](**57**).

Люди всѣ раздѣляются тѣмъ, какъ они служатъ сыну человѣческому. И своими дѣлами они раздѣлятся на двое, какъ дѣлятъ въ стадѣ овецъ и козловъ. Одни будутъ живы, другіе погибнутъ[839].

Тѣ, которые служили сыну человѣческому, тѣ и получатъ то, что̀ принадлежало имъ отъ начала міра — жизнь, ту, которую они сохраняли. Сохранили же они жизнь тѣмъ, что служили сыну человѣческому: голоднаго кормили, голаго одѣвали, странника принимали, заключеннаго посѣщали. Они жили сыномъ человѣческимъ, чувствовали, что онъ

одинъ во всѣхъ людяхъ, и потому любили ближняго.

Тѣ же, которые не жили сыномъ человѣческимъ, тѣ не служили ему, не понимали, что онъ одинъ во всѣхъ, и потому не соединились съ нимъ и потеряли жизнь въ немъ и погибли [840].

ГЛАВА IX.

Соблазны.

Обманы временной жизни скрываютъ отъ людей истинную жизнь въ настоящемъ.

Привели разъ къ Іисусу дѣтей. Его ученики стали отгонять дѣтей [841]. Іисусъ увидалъ, что ученики гонятъ дѣтей, огорчился и сказалъ:

Напрасно вы дѣтей отгоняете. Они — самые лучшіе люди, потому что дѣти всѣ живутъ по волѣ Отца. Они-то уже навѣрно въ царствѣ небесномъ [842]. Вамъ не гонять ихъ надо, а учиться у нихъ, потому что для того, чтобы жить въ волѣ Отца, надо жить такъ, какъ живутъ дѣти. Дѣти не ругаются, не держатъ зла на людей, не блудятъ, на клянутся ни въ чемъ, не противятся злу, ни съ кѣмъ не судятся, не знаютъ различія между своимъ народомъ и чужимъ, — и потому они лучше большихъ и въ царствѣ небесномъ [843]. Если не откажетесь отъ всѣхъ соблазновъ плоти и не сдѣлаетесь такими же, какъ дѣти, не будете въ царствѣ небесномъ [844].

Только тотъ, кто понимаетъ, что дѣти лучше насъ, потому что не нарушаютъ воли Отца, только тотъ понимаетъ мое ученіе [845]. А кто понимаетъ мое ученіе, тотъ только понимаетъ волю Отца [846]. Намъ нельзя презирать дѣтей, потому что они лучше насъ, и сердца ихъ чисты передъ Отцомъ и всегда съ нимъ [847] (58).

И ни одинъ ребенокъ не погибаетъ по волѣ Отца. Всѣ погибаютъ только отъ людей, потому что люди отманиваютъ ихъ отъ истины [848]. И потому надобно беречь и не отталкивать ихъ отъ Отца и жизни истинной. И дурно дѣлаетъ тотъ человѣкъ, который отманиваетъ ихъ отъ чистоты. Отманивать ребенка отъ добра, соблазнить его такъ же дурно, какъ повѣсить такому ребенку жерновъ на шею и бросить въ воду. Трудно, чтобы выплылъ, а скорѣе потонетъ. Такъ же трудно ребенку выбраться изъ соблазна, въ который введетъ его взрослый [849].

Міръ людей несчастенъ только отъ соблазновъ. Соблазны вездѣ въ мірѣ, всегда были и будутъ, и человѣкъ погибаетъ отъ соблазновъ [850].

И потому все отдай, всѣмъ пожертвуй, только бы не попасть въ соблазнъ. Лисица, если попадетъ въ капканъ, то отвертитъ лапу, а уйдетъ, и лапа заживетъ, и она останется жива. Такъ и ты дѣлай. Все отдай, только бы не завязнуть въ соблазнѣ [851] (**59**).

Берегитесь соблазна противъ первой заповѣди: не имѣй зла на людей, когда люди обижаютъ насъ и мы хотимъ мстить имъ [852].

Если тебя обидѣлъ человѣкъ, помни, что онъ сынъ одного Отца и братъ тебѣ. Если онъ обидѣлъ тебя, поди усовѣсти его съ глазу на глазъ. Если послушаетъ тебя, то тебѣ выгода: у тебя новый братъ будетъ [853]. Если не послушаетъ, то позови съ собою двухъ или трехъ, чтобы уговорили его [854]. И если покается, прости ему. И если семь разъ обидитъ тебя и семь разъ скажетъ прости, то прости ему [855]. Если не послушаетъ, то скажи собранію людей, вѣрующихъ въ мое ученіе. Если и собранія не послушаетъ, то прости его, и не имѣй съ нимъ дѣла [856].

Потому что царство Бога можно вотъ къ чему примѣнить. Сталъ царь считаться со своими оброчниками [857]. И привели ему оброчника такого, что

долженъ былъ милліонъ рублей [858]. И нечѣмъ было ему отдать. И надо бы царю за это продать его имѣніе, жену, дѣтей и его самого [859]. Но сталъ оброчникъ просить милости у царя [860]. И царь помиловалъ его и простилъ весь долгъ [861]. И вотъ этотъ-то оброчникъ пошелъ домой и увидѣлъ мужика. Долженъ былъ ему этотъ мужикъ 50 копеекъ. Схватилъ его царскій оброчникъ, сталъ душить и говорить: давай, что̀ ты мнѣ долженъ [862]. И палъ мужикъ ему въ ноги и говоритъ: потерпи на мнѣ, все отдамъ тебѣ [863]. — Но оброчникъ не помиловалъ и посадилъ мужика въ замокъ, чтобы сидѣлъ, пока не отдастъ всего [864]. Увидали это другіе мужики и пошли къ царю и сказали, что̀ сдѣлалъ оброчникъ [865]. Тогда призвалъ царь оброчника и говоритъ ему: я тебѣ, злая собака, весь оброкъ простилъ, потому что ты умолилъ меня [866]. И тебѣ надо миловать должника своего за то, что я тебя миловалъ [867]. — И прогнѣвался царь и отдалъ оброчника своего на пытку, пока не отдастъ всего своего оброка [868].

Такъ-то и Отецъ сдѣлаетъ съ вами, если не простите отъ всего сердца всѣмъ тѣмъ, кто виноватъ передъ вами [869] (**60**).

Вѣдь ты знаешь, что, если затѣется ссора съ человѣкомъ, такъ лучше съ нимъ помириться, не доходя до суда. Ты знаешь это и дѣлаешь такъ потому, что знаешь, — дойдешь до суда, то больше потеряешь. Ну то же самое и со всякой злобой. Коли ты знаешь, что злоба — худое дѣло и удаляетъ тебя отъ Отца, такъ поскорѣе развязывайся со злобой и мирись [870].

Вѣдь сами знаете, что, какъ завяжетесь на землѣ, таковы будете передъ Отцомъ. А какъ развяжетесь на землѣ, будете развязаны и передъ Отцомъ [871].

Вы поймите, что, если двое или трое соединены на землѣ ученіемъ моимъ, то все, чего они ни желаютъ, они все это уже имѣютъ отъ Отца моего [872]. Потому что, гдѣ двое или трое соединены во имя

духа въ человѣкѣ, то духъ человѣка и живетъ въ нихъ [873](61).

Берегитесь и соблазна противъ второй заповѣди, въ томъ, что люди перемѣняютъ женъ.

Подошли разъ къ Іисусу правовѣрные учители и, выпытывая его, сказали: можно ли человѣку оставлять свою жену [874]?

Онъ сказалъ имъ: съ самаго начала человѣкъ сотворенъ самцомъ и самкой, это воля Отца [875]. И оттого человѣкъ оставляетъ отца и мать и прилѣпляется къ женѣ. И сливаются мужъ и жена въ одно тѣло. Такъ что жена для человѣка то же, что̀ плоть [876]. Потому человѣкъ и не долженъ нарушать естественный Божій законъ и раздѣлять то, что̀ соединено [877]. По вашему Моисееву закону сказано, что можно бросать жену и брать другую; но это неправда. По волѣ Отца это не такъ [878]. И я говорю вамъ, что, кто бросаетъ жену, тотъ вгоняетъ въ распутство ее и того, кто съ ней свяжется. И бросая жену свою, разводитъ на свѣтѣ распутство [879].

И сказали Іисусу ученики: слишкомъ трудно на вѣкъ оставаться съ одной женой. Если такъ надо, то лучше уже вовсе не жениться [880].

Онъ сказалъ имъ: можно и не жениться, но только надо понимать, что̀ это значитъ [881]. Если кто хочетъ жить безъ жены, тотъ будь совсѣмъ чистый и не касайся женщинъ; а кто любитъ женщинъ, тотъ сойдись съ одной женой, не бросай ее и на другихъ не приглядывайся [882].

Берегитесь соблазна противъ третьей заповѣди, въ томъ, что люди заставляютъ исполнять обязательства и клясться.

Подошли разъ сборщики податей къ Петру и спросили его: что̀ же учитель вашъ, — или не платитъ подати [883]? — Петръ сказалъ: нѣтъ, не платитъ. — И пошелъ разсказалъ Іисусу, что его остановили и сказали ему, что всѣ обязаны платить подати.

Тогда Іисусъ сказалъ ему: царь вѣдь не беретъ

съ своихъ сыновей подати, и, кромѣ царя, они никому не обязаны платить. Такъ? Такъ вотъ такъ же и мы. Если мы сыновья Бога, то мы никому, кромѣ Бога, ничѣмъ не обязаны и свободны отъ всякихъ обязанностей [884]. И если потребуютъ съ тебя подати, то отдай, но не потому, что ты обязанъ, но потому, что нельзя противиться злу. А то противленіе злу произведетъ худшее зло [885] (**62**).

Въ другой разъ правовѣрные сошлись съ цезарскими чиновниками и пошли къ Іисусу, чтобы уловить его въ словахъ. Они сказали ему: ты вотъ учишь всему по правдѣ [886]. Скажи намъ, что̀ мы, — обязаны платить подати Кесарю или нѣтъ [887]?

Іисусъ понялъ, что они хотятъ его осудить въ томъ, что онъ не признаетъ обязательства къ Кесарю [888]. Онъ сказалъ имъ: покажите то, чѣмъ платите подать Кесарю. — Они подали ему монету [889]. — Онъ посмотрѣлъ на монету и говоритъ: это что̀ же тутъ? Чье обличье и чья подпись [890]? — Они говорятъ: Кесарево. — Онъ и говоритъ: такъ вотъ и отдавайте Кесарю то, что̀ Кесарево, а то, что̀ Божье, душу свою, никому не отдавайте, кромѣ какъ Богу. Деньги, имущество, трудъ свой, все отдавайте тому, кто будетъ просить ихъ у васъ, но душу свою никому не отдавайте, кромѣ Бога [891] (**63**).

Правовѣрные же учители ваши повсюду разъѣзжаютъ и заставляютъ людей клясться и обѣщаться въ томъ, что они будутъ исполнять законъ. Но этимъ только совращаютъ людей и дѣлаютъ ихъ хуже, чѣмъ какими они были прежде [892]. Нельзя обѣщаться тѣломъ за свою душу. Въ душѣ вашей — Богъ, и потому обѣщаться за Бога не могутъ люди передъ людьми [893].

Берегитесь же! Соблазнъ противъ четвертой заповѣди въ томъ, что люди судятъ и казнятъ людей, и призываютъ другихъ къ участію въ этихъ судахъ казняхъ.

Зашли разъ ученики Іисусовы въ деревню и про-

сились переночевать [894]. Ихъ не пустили [895]. Тогда ученики пошли къ Іисусу жаловаться на это и говорятъ: чтобы громомъ ихъ убило за это [896]!

Іисусъ говоритъ: все вы не понимаете какого вы духа [897]! Я учу не тому, какъ губить, а тому, какъ спасать людей [898].

Разъ къ Іисусу пришелъ человѣкъ и говоритъ: вели брату моему отдать мнѣ наслѣдство [899].

Іисусъ сказалъ ему: меня никто не ставилъ судьей надъ вами, и я никого не сужу. И вы никого судить не можете [900].

Привели разъ къ Іисусу правовѣрные женщину и говорятъ [901]: вотъ эта женщина поймана въ блудѣ [902]. А по закону ее слѣдуетъ побить камнями. Ты что̀ скажешь [903]?

Іисусъ ничего не отвѣчалъ и ждалъ, что они одумаются [904]. Но они пристали къ нему и спрашивали, что̀ онъ присудитъ этой женщинѣ? Тогда онъ сказалъ: кто изъ васъ безъ ошибки, тотъ пусть первый швырнетъ въ нее камень [905]. — И болѣе ничего не сказалъ [906].

Тогда правовѣрные оглянулись на себя, и совѣсть укорила ихъ; и стали передніе прятаться за заднихъ, и всѣ отошли прочь.

И остался Іисусъ одинъ съ женщиной [907]. Онъ оглянулся и видитъ — никого нѣтъ. — Что̀ же, — говоритъ женщинѣ, — или никто тебя не обвинилъ [908]?

Она говоритъ: никто.

Онъ говоритъ: и я не могу тебя обвинить. Поди, да впредь не грѣши [909] (**64**).

Берегитесь же! Соблазнъ противъ пятой заповѣди въ томъ, что люди считаютъ себя обязанными дѣлать добро только своимъ землякамъ, а чужіе народы считаютъ врагами.

Одинъ законникъ хотѣлъ соблазнить Іисуса и сказалъ: что̀ мнѣ дѣлать, чтобы получить жизнь истинную [910]?

Іисусъ сказалъ: ты знаешь — любить своего

Отца-Бога и брата своего по Отцу-Богу, чей бы онъ землякъ ни былъ [911].

И законникъ сказалъ: это хорошо было бы, если бы не было разныхъ народовъ, а то какъ же мнѣ любить врага моего народа [912]?

И Іисусъ сказалъ: былъ одинъ іудей. Онъ попалъ въ бѣду: его избили, ограбили и бросили на дорогѣ [913]. Проходилъ іудей священникъ, посмотрѣлъ на избитаго и прошелъ мимо [914]. Проходилъ іудей левитъ, посмотрѣлъ на избитаго и прошелъ мимо [915]. Прошелъ человѣкъ изъ чужого, вражескаго народа, самарянинъ. Этотъ самарянинъ увидалъ іудея и не подумалъ о томъ, что іудеи ни во что считаютъ самарянъ, и пожалѣлъ избитаго іудея [916]. Обмылъ, перевязалъ его раны, свезъ на своемъ ослѣ въ гостиницу [917], заплатилъ деньги за него гостинику и обѣщалъ еще заѣхать заплатить за него.

Такъ вотъ, — такъ поступайте съ чужими народами, съ тѣми, которые ни во что считаютъ и разоряютъ васъ, и тогда получите жизнь истинную [918].

Іисусъ сказалъ: міръ любитъ своихъ, а Божіихъ ненавидитъ, и потому люди міра — священники, начетники, начальники будутъ мучить тѣхъ, которые будутъ исполнять волю Отца. И я вотъ иду въ Іерусалимъ, и меня будутъ мучить и убьютъ, но духъ мой не можетъ быть убитъ, а будетъ живъ [919].

Услыхавъ про то, что Іисусъ будетъ замученъ и убитъ въ Іерусалимѣ, Петръ огорчился, взялъ за руки Іисуса и сказалъ ему: если такъ, то не ходи лучше въ Іерусалимъ [920].

Тогда Іисусъ сказалъ Петру: не говори этого. То, что̀ ты говоришь, это — соблазнъ. Если ты боишься за меня мученій и смерти, то это значитъ, что ты не думаешь о Божескомъ, о духѣ, а думаешь о человѣческомъ [921].

И, подозвавъ народъ съ учениками, Іисусъ сказалъ: кто хочетъ жить по моему ученію, тотъ пусть отдалится отъ своей плотской жизни и пусть бу-

деть готовъ на всѣ плотскія страданія, потому что, кто боится за свою плотскую жизнь, тотъ погубитъ истинную жизнь; а кто пренебрегаетъ плотскою жизнью, тотъ спасетъ истинную [922].

И они не понимали этого. И вотъ подошли старообрядцы, и онъ объяснилъ всѣмъ, что̀ значитъ истинная жизнь и пробужденіе отъ смерти.

Старообрядцы говорили, что послѣ смерти плотской уже нѣтъ никакой жизни [923]. Они сказали: какъ же могутъ всѣ воскреснуть изъ мертвыхъ? Еслибы всѣ воскресли, то тѣмъ, кто воскреснетъ, никакъ нельзя жить вмѣстѣ [924]. Вотъ было у насъ семь братьевъ. Первый женился и умеръ. Жена вышла за второго брата, и тотъ померъ; она вышла за третьяго, и тотъ умеръ; и такъ до седьмого [925]. Ну, какъ же эти семь братьевъ будутъ жить съ доной женой, если всѣ воскреснутъ [926]?

Іисусъ сказалъ имъ: вы или нарочно путаете, или не понимаете, въ чемъ пробужденіе жизни. Люди въ этой жизни женятся и выходятъ замужъ [927]. Тѣ же, которые заслужатъ жизнь вѣчную и пробужденіе отъ смерти, не женятся и не выходятъ замужъ [928], потому что и умирать уже не могутъ. Они соединяются съ Отцомъ [929]. Въ писаніи вашемъ сказано, что Богъ сказалъ: Я — Богъ Авраама, Іакова. И это Богъ сказалъ, когда Авраамъ и Іаковъ уже умерли для людей. Стало быть, тѣ, кто умерли для людей, живы для Бога. Если есть Богъ и Богъ не умираетъ, то тѣ, кто съ Богомъ, тѣ всегда живы. Пробужденіе отъ смерти есть жизнь въ волѣ Отца. Для Отца нѣтъ времени, и потому, исполняя волю Отца, соединяясь съ нимъ, человѣкъ уходитъ отъ времени и смерти [930] (**65**).

Услыхавъ это, правовѣрные уже не знали, что̀ придумать, чтобы заставить его замолчать, и вмѣстѣ стали выпытывать Іисуса [931]. И одинъ изъ правовѣрныхъ сказалъ [932]:

Учитель! Какая же, по-твоему, главная заповѣдь во всемъ законѣ?

Правовѣрные думали, что Іисусъ запутается въ отвѣтѣ по закону [933].

Но Іисусъ сказалъ: главная — та, чтобы любить всей душой Господа, того, во власти котораго мы находимся; и другая выходитъ изъ нея [934]: любить ближняго своего, такъ какъ въ немъ тотъ же (Богъ) Господь [935]. И въ этомъ все, что̀ написано во всѣхъ вашихъ книгахъ [936].

И Іисусъ сказалъ еще: по-вашему, что̀ такое Христосъ? Что̀ онъ, сынъ чей-нибудь (**66**)?

Они сказали: по-нашему Христосъ — сынъ Давидовъ [937].

Тогда онъ сказалъ имъ: какъ же Давидъ называетъ Христа своимъ Господомъ? Христосъ не сынъ Давида и ничей сынъ (по плоти), а Христосъ, это тотъ самый Господь, Владыка нашъ, котораго мы знаемъ въ себѣ, какъ жизнь нашу. Христосъ, это то разумѣніе, которое есть въ насъ [938].

И Іисусъ сказалъ: смотрите, берегитесь закваски правовѣрныхъ учителей. Берегитесь и закваски старообрядцевъ и закваски правительственной [939]. Но больше всего берегитесь закваски самозванныхъ правовѣрныхъ, потому что въ нихъ-то весь соблазнъ [940].

И когда понялъ народъ, про что̀ онъ говоритъ, онъ сказалъ [941]:

Пуще всего берегитесь ученія книжниковъ, самозванныхъ правовѣрныхъ [942] (**67**). Берегитесь ихъ потому, что заняли они мѣсто пророка, объявлявшаго народу волю Бога. Они самовольно взяли на себя власть проповѣдывать народу волю Бога. Они проповѣдуютъ слова, а ничего не дѣлаютъ [943]. И вышло то, что они только говорятъ: дѣлайте то-то и то-то, а дѣлать нечего, потому что они ничего добраго не дѣлаютъ, а только говорятъ [944]. И говорятъ-то они то, чего нельзя дѣлать, и сами ничего не дѣлаютъ [945]. А только стараются удержать за собою учительство и для этого стараются выказываться: наряжаться, величаться [946]. И потому знайте, что никто не дол-

женъ называть себя учителемъ-пастыремъ [947]. А самозванные правовѣрные называются учителями и этимъ самымъ мѣшаютъ вамъ войти въ царство небесное и сами не входятъ въ него [948]. Эти правовѣрные думаютъ, что можно привести къ Богу внѣшними обрядами, клятвами [949], и, какъ слѣпые, не видятъ, что внѣшнее ничего не значитъ, что все въ душѣ человѣка [950]. Они самое легкое, наружное дѣлаютъ, а что̀ нужно и трудно: любовь, милость, правду, оставляютъ [951]. Имъ бы только наружно быть въ законѣ и другихъ наружно привести къ закону [952]. И отъ этого они, какъ гробы крашеные, снаружи чисто кажутся, а внутри мерзость [953]. Они наружно и святыхъ мучениковъ чтутъ [954]. А по самому дѣлу они — тѣ самые, которые мучаютъ и убиваютъ святыхъ. Они и прежде, и теперь враги всего добраго. Отъ нихъ все зло въ мірѣ, потому что они скрываютъ добро и, вмѣсто добра, выставляютъ зло. И надо больше всего бояться самозванныхъ учителей [955], потому что вы сами знаете, что всякую ошибку можно поправить [956]. Но если люди ошибаются въ томъ, что̀ есть добро, то уже этой ошибки нельзя поправить. А это-то и дѣлаютъ самозванные пастыри [957] (**68**).

И Іисусъ сказалъ: я хотѣлъ здѣсь въ Іерусалимѣ соединить всѣхъ людей въ одно разумѣніе истиннаго блага; но здѣшніе люди только умѣютъ казнить учителей добра [958]. И потому они останутся такими же безбожниками, какими были, и не узнаютъ истиннаго Бога, пока не примутъ, любя, разумѣніе Бога [959].

И Іисусъ пошелъ прочь отъ храма.

Тогда ученики его сказали ему: а какъ же этотъ храмъ Божій со всѣми украшеніями, которыя люди для Бога приносили въ него [960]?

И Іисусъ сказалъ: вѣрно говорю вамъ, что весь этотъ храмъ со всѣми украшеніями его разрушится, и ничего отъ него не останется [961].

масла [984], Іуда Искаріотскій сказалъ [985]: напрасно Марія потратила масло дорогое. Лучше бы это масло продать на триста гривенъ и отдать нищимъ [986].

А Іисусъ сказалъ: нищіе еще будутъ у васъ, а меня уже скоро не будетъ [987]. Она это хорошо сдѣлала: она приготовила мое тѣло къ погребенію [988].

Поутру Іисусъ пошелъ въ Іерусалимъ. Народу было много къ празднику [989]. И когда узнали Іисуса, то окружили его, стали срывать вѣтки съ деревъ и кидали ему одежду свою на дорогу, и всѣ кричали: вотъ онъ, нашъ истинный царь, тотъ, который научилъ насъ истинному Богу [990].

Іисусъ сѣлъ на осленка и ѣхалъ на немъ, а народъ бѣжалъ предъ нимъ и кричалъ [991]. И такъ въѣхалъ Іисусъ въ Іерусалимъ. И когда онъ въѣхалъ такъ въ городъ, взволновался весь народъ и спрашивалъ: кто это такой? [992] — И тѣ, кто знали его, отвѣчали: это Іисусъ, пророкъ изъ Назарета Галилейскаго [993].

И пошелъ Іисусъ въ храмъ и опять повыгналъ оттуда всѣхъ продавцевъ и покупателей [994].

И видѣли все это правовѣрные архіереи и говорили другъ другу: смотрите, что̀ дѣлаетъ этотъ человѣкъ. Весь народъ за нимъ идетъ [995].

Но не смѣли они взять его прямо изъ народа, потому что видѣли, что народъ присталъ къ нему, и придумывали, какъ бы взять его хитростью [996].

Между тѣмъ Іисусъ былъ въ храмѣ и училъ народъ. Въ народѣ, кромѣ іудеевъ, были греки, язычники. Греки слышали про ученіе Іисуса и понимали его ученіе такъ, что онъ учитъ истинѣ не однихъ евреевъ, но всѣхъ людей [997]. И потому они хотѣли быть тоже его учениками, и сказали объ этомъ Филиппу [998]. А Филиппъ сказалъ Андрею.

Ученики боялись сводить Іисуса съ греками. Они боялись, чтобы народъ не озлобился на Іисуса за то, что онъ не признаетъ разницы между евреями и другими народами, и не рѣшались долго сказать это Іисусу, но потомъ оба вмѣстѣ сказали ему.

Услыхавъ то, что греки хотятъ быть его учениками, Іисусъ смутился. Онъ зналъ, что народъ возненавидитъ его за то, что онъ не дѣлаетъ разницы между іудеями и язычниками, за то, что самъ признаетъ себя такимъ же, какъ язычники [999].

Онъ сказалъ: пришелъ часъ объяснить то, что̀ я понимаю подъ сыномъ человѣческимъ. И пускай я погибну за то, что я безъ различія между іудеями и язычниками объясняю значеніе сына человѣческаго, но я буду говорить истину [1000]. Пшеничное зерно только тогда принесетъ плодъ, когда само погибнетъ [1001]. Кто любитъ свою плотскую жизнь, тотъ теряетъ жизнь истинную; а кто небрежетъ жизнью плотской, тотъ сохраняетъ ее въ жизнь вѣчную [1002]. Кто хочетъ служить моему ученію, тотъ пусть дѣлаетъ то же, что̀ и я; и кто дѣлаетъ то же, что̀ и я, тотъ будетъ награжденъ Отцомъ моимъ [1003]. Душа моя борется теперь: отдамся ли я расчетамъ временной жизни, или исполню волю Отца теперь, въ этотъ часъ. И что̀ же, неужели теперь, когда наступилъ тотъ часъ, въ которомъ я живу, я скажу: Отецъ, избавь меня отъ того, что̀ я долженъ дѣлать? Не могу я сказать этого, потому что я живу теперь [1004]. И потому говорю: Отецъ! прояви себя во мнѣ [1005] (**71**).

И сказалъ Іисусъ: отнынѣ приговоренъ къ погибели міръ людей. Отнынѣ то, что̀ владѣетъ этимъ міромъ, будетъ уничтожено [1006]. И когда будетъ возвеличенъ сынъ человѣческій надъ земною жизнью, то онъ всѣхъ соединитъ въ одно [1007].

И тогда іудеи сказали ему: мы понимаемъ по закону, что есть вѣчный Христосъ; какъ же ты говоришь, что долженъ возвеличиться сынъ человѣческій? Что̀ же такое значитъ возвеличить сына человѣческаго? [1008]

На это Іисусъ отвѣчалъ имъ: возвеличить сына человѣческаго значитъ жить тѣмъ свѣтомъ разумѣнія, которое есть въ васъ [1009]. Возвеличить сына человѣческаго надъ земнымъ значитъ вѣрить в

свѣтъ, пока есть свѣтъ, чтобы быть сыномъ разумѣнія [1010] (72).

Тотъ, кто вѣритъ въ мое ученіе, вѣритъ не мнѣ, но тому духу, который далъ жизнь міру [1011]. И тотъ, кто понимаетъ мое ученіе, понимаетъ тотъ духъ, который далъ жизнь міру [1012]. Если же кто слышитъ мои слова и не исполняетъ, то я не виню его, такъ какъ я пришелъ не обвинять, но спасать [1013]. Тотъ, кто не принимаетъ моихъ словъ, того обвиняетъ не мое ученіе, но разумѣніе, которое есть въ немъ. Оно-то и обвиняетъ его [1014]. Потому что я не свое говорилъ, но говорилъ то, что̀ внушилъ мнѣ мой Отецъ, — духъ, живущій во мнѣ [1015]. То, что̀ я говорю, — это то, что̀ сказалъ мнѣ духъ разумѣнія. И то, чему я учу, — это жизнь истинная [1016].

И, сказавъ это, Іисусъ ушелъ и опять скрылся отъ архіереевъ [1017].

И изъ тѣхъ, которые слышали эти слова Іисуса, многіе изъ сильныхъ и богатыхъ людей повѣрили въ ученіе Іисуса, но боялись признаться передъ архіереями, потому что изъ архіереевъ ни одинъ не признавался, что вѣритъ [1018], потому что они привыкли судить по-человѣчески, а не по-божески [1019].

Послѣ того, какъ Іисусъ скрылся, архіереи и старшины опять сошлись во дворъ Каіафы [1020]. И стали придумывать, какъ бы имъ тайно отъ народа взять Іисуса и убить [1021]. Явно же они боялись схватить его [1022].

И къ нимъ на совѣщаніе пришелъ одинъ изъ первыхъ двѣнадцати учениковъ Іисуса, Іуда Искаріотскій [1023]. И сказалъ: если хотите взять Іисуса тайно, такъ, чтобы народъ не видалъ, то я найду время, когда съ нимъ будетъ немного народу, и покажу, гдѣ онъ, и тогда возьмите его. Что̀ же дадите за это мнѣ? — Они обѣщали ему за это тридцать рублей [1024]. Онъ согласился и съ тѣхъ поръ сталъ выбирать время, когда навести на Іисуса архіереевъ, чтобы взять его [1025].

Между тѣмъ Іисусъ скрывался отъ народа, и были съ нимъ только ученики. Когда подошелъ первый праздникъ „опрѣсноковъ", ученики говорятъ Іисусу: гдѣ же мы будемъ справлять пасху? [1026] — Іисусъ и говоритъ: подите куда-нибудь въ деревню и къ кому-нибудь зайдите и скажите, что у васъ нѣтъ времени готовить пасху, и просите его пустить насъ справить пасху [1027].

Ученики такъ и сдѣлали: попросились въ деревнѣ къ одному человѣку, и онъ пустилъ ихъ [1028].

Вотъ они пришли и сѣли за столъ: Іисусъ и двѣнадцать учениковъ и Іуда съ ними [1029].

Іисусъ зналъ, что Іуда Искаріотскій уже обѣщалъ выдать его на смерть; но онъ не обличалъ и не мстилъ за это Іудѣ, а, какъ всю жизнь училъ учениковъ любви, такъ и теперь любовью только укорилъ Іуду [1030]. Когда они всѣ двѣнадцать сидѣли за столомъ, онъ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ: между вами сидитъ тотъ, кто предалъ меня [1031]. Да, кто со мной пьетъ и ѣстъ, тотъ и погубитъ меня [1032]. — И больше онъ ничего не сказалъ; такъ что они и не узнали, про кого онъ говорилъ, и стали ужинать (**73**).

Когда они стали ѣсть, Іисусъ взялъ хлѣбъ, разломилъ его на двѣнадцать частей, далъ каждому изъ двѣнадцати учениковъ по куску и сказалъ: берите, ѣшьте — это мое тѣло [1033]. — И потомъ налилъ въ чашу вина, подалъ ученикамъ и сказалъ: пейте изъ этой чаши всѣ. — И когда они всѣ выпили, онъ сказалъ [1034]: это моя кровь. Я проливаю ее, чтобы люди знали мое завѣщаніе прощать другимъ ихъ грѣхи [1035]. Потому что я скоро умру и больше уже не буду съ вами въ этомъ мірѣ, а соединюсь съ вами только въ царствѣ небесномъ [1036] (**74**).

И послѣ этого Іисусъ всталъ изъ-за стола, опоясался полотенцемъ, взялъ кувшинъ воды [1037] и сталъ всѣмъ ученикамъ мыть ноги [1038]. И подошелъ къ Петру, а Петръ говоритъ: какъ же это ты будешь мыть мнѣ ноги? [1039] — И Іисусъ сказалъ ему: тебѣ

странно, зачѣмъ я тебѣ мою ноги, но ты сейчасъ узнаешь, зачѣмъ я это дѣлаю[1040]. Я дѣлаю это затѣмъ, что хотя вы и чисты, но не всѣ, а между вами есть предатель мой, которому я дамъ изъ своихъ рукъ хлѣба и вина и которому хочу умыть ноги[1041](75).

И когда Іисусъ перемылъ имъ всѣмъ ноги, онъ опять сѣлъ и говоритъ: поняли ли вы, зачѣмъ я это сдѣлалъ?[1042] Я сдѣлалъ это затѣмъ, чтобы вы то же самое всегда дѣлали другъ другу. Я, учитель вашъ, дѣлаю это, чтобы вы знали, какъ надо поступать съ тѣми, которые дѣлаютъ вамъ зло[1043]. Если вы это поняли и будете дѣлать, то будете блаженны[1044]. Когда я сказалъ, что одинъ изъ васъ предастъ меня, я не обо всѣхъ васъ говорилъ, потому что одинъ только изъ васъ, тотъ, кому я умылъ ноги и который ѣлъ хлѣбъ со мной, — погубитъ меня[1045].

И сказавъ это, Іисусъ возмутился духомъ и еще разъ сказалъ: да, да, одинъ изъ васъ предастъ меня[1046].

И опять стали ученики оглядывать другъ друга и не знали, про кого онъ говоритъ[1047]. Одинъ ученикъ сидѣлъ близко къ Іисусу[1048]. Симонъ Петръ кивнулъ ему, чтобы онъ спросилъ его, кто предатель.[1049]. Тотъ спросилъ[1050].

Іисусъ сказалъ: Я обмокну кусокъ и подамъ, и кому подамъ, тотъ — предатель. — И онъ подалъ Іудѣ Искаріотскому[1051]. И сказалъ ему: что̀ хочешь дѣлать, то дѣлай скорѣе[1052].

И Іуда понялъ, что надо уходить, и, какъ только взялъ кусокъ, сейчасъ же ушелъ. И за нимъ гнаться уже нельзя было, потому что была ночь[1053].

И когда ушелъ Іуда, Іисусъ сказалъ: теперь вамъ ясно, что̀ такое сынъ человѣческій, теперь ясно вамъ, что въ немъ — Богъ, что онъ можетъ быть такъ же благъ, какъ и самъ Богъ[1054].

Дѣти! Еще не долго мнѣ быть съ вами. Не мудрствуйте о моемъ ученіи, какъ я говорилъ правовѣрнымъ, а дѣлайте то, что̀ я дѣлаю[1055]. Даю вамъ новую заповѣдь одну: какъ я всегда и д

конца любилъ васъ всѣхъ, такъ и вы всегда и до конца любите другъ друга [1056]. По этому только вы будете отличаться. Только этимъ отличайтесь отъ другихъ людей; любите другъ друга [1057].

И послѣ этого они пошли на гору масличную [1058].

И дорогой сказалъ имъ Іисусъ: вотъ приходитъ время, что случится то, что̀ сказано въ писаніи: что убьютъ пастуха, и овцы всѣ разбѣгутся. И въ эту ночь это будетъ. Меня возьмутъ и вы всѣ оставите меня и разбѣжитесь [1059].

И на отвѣтъ сказалъ ему Петръ: если и всѣ испугаются и разбѣгутся, я не отрекусь отъ тебя. Съ тобой готовъ и въ тюрьму, и на смерть [1060].

Іисусъ и говоритъ ему: а я скажу тебѣ, что нынче ночью до пѣтуховъ, когда возьмутъ меня, ты не разъ, а три раза откажешься отъ меня [1061].

Но Петръ сказалъ, что не откажется; то же и ученики сказали [1062] (**76**).

И тогда Іисусъ сказалъ ученикамъ: прежде ничего не нужно было ни мнѣ, ни вамъ. Вы ходили безъ мѣшка и безъ обуви запасной; и я такъ и велѣлъ вамъ [1063]. А теперь, если меня сочли беззаконникомъ, намъ нельзя уже такъ быть, а надо запастись всѣмъ, и запастись ножами, чтобы насъ напрасно не погубили [1064].

И ученики сказали: вотъ у насъ два ножа есть. Іисусъ сказалъ: хорошо [1065] (**77**).

И сказавъ это, пошелъ Іисусъ съ учениками въ садъ Геѳсиманскій.

И придя въ садъ, Іисусъ сказалъ: побудьте здѣсь, я хочу помолиться [1066].

И подойдя къ Петру и двумъ братьямъ Зеведеевымъ, началъ томиться и тосковать [1067]. И сказалъ имъ: ужъ очень тяжело мнѣ, — тоскую я передъ смертью. Побудьте здѣсь и не унывайте такъ, какъ я [1068].

И отошелъ немного, легъ на землю ничкомъ и сталъ молиться, и сказалъ: Отецъ мой, духъ! пусть будетъ не такъ, какъ я хочу, чтобъ мнѣ не уми-

рать, а такъ какъ ты хочешь. Пускай я умру, но тебѣ, какъ духу, все возможно; сдѣлай такъ, чтобы я не боялся смерти, чтобы для меня не было искушенія плоти[1069].

И потомъ всталъ, подошелъ къ ученикамъ и видитъ, что они пріуныли. И онъ сказалъ имъ: какъ это вы не осилите на одинъ часъ подняться духомъ такъ, какъ я?[1070]. Поднимитесь духомъ, чтобы не впасть въ искушеніе плоти. Духъ силенъ, плоть слаба[1071].

И опять Іисусъ отошелъ отъ нихъ и опять сталъ молиться, и сказалъ: Отецъ! Если нельзя мнѣ не страдать и должно умереть, то пускай я умру, пускай будетъ твоя воля![1072].

И, сказавъ это, опять подошелъ къ ученикамъ и видитъ, — они еще больше пріуныли и готовы плакать[1073].

И онъ опять отошелъ отъ нихъ и въ третій разъ сказалъ: Отецъ! пусть будетъ воля твоя[1074].

Тогда вернулся къ ученикамъ и сказалъ имъ: теперь успокойтесь и будьте тихи, потому что теперь уже рѣшено, что я предамся въ руки мірскихъ людей[1075].

ГЛАВА XI.

Прощальная бесѣда.

Личная жизнь есть обманъ плоти, зло. Истинная жизнь есть жизнь общая всѣмъ людямъ.

И Петръ сказалъ Іисусу: куда ты идешь?

Іисусъ отвѣчалъ: ты не будешь въ силахъ идти туда, куда я иду теперь. Только послѣ ты пойдешь туда же[1076].

И сказалъ Петръ: отчего ты думаешь, что я теперь не въ силахъ идти туда же, куда и ты? Я жизнь свою за тебя отдамъ[1077].

И сказалъ Іисусъ: говоришь, что отдашь свою

жизнь за меня, а какъ бы до пѣтуховъ еще ты не отрекся отъ меня три раза[1078].

И Іисусъ сказалъ ученикамъ: не волнуйтесь и не робѣйте, а вѣрьте въ истиннаго Бога жизни и въ мое ученіе[1079](78).

Жизнь Отца не та только, которая есть на землѣ, но есть и другая жизнь[1080]. Еслибы была только такая жизнь, какъ здѣсь, то я бы сказалъ вамъ, что, когда я умру, я приду въ лоно Авраама и приготовлю тамъ для васъ мѣсто. И приду и возьму васъ, и мы будемъ вмѣстѣ блаженствовать въ лонѣ Авраама[1081]. Но я указываю вамъ только путь къ жизни[1082](79).

Ѳома сказалъ: но мы не знаемъ, куда идешь, и потому не можемъ знать путь. Намъ надо знать, что̀ будетъ тамъ послѣ смерти?[1083]

Іисусъ сказалъ: я не могу показать вамъ, что̀ будетъ тамъ; ученіе мое есть путь, истина и жизнь. И нельзя соединиться съ Отцомъ жизни иначе, какъ только чрезъ мое ученіе[1084]. Если вы будете исполнять мое ученіе, то вы познаете Отца[1085].

Филиппъ сказалъ: но кто такой Отецъ?[1086].

И сказалъ Іисусъ: Отецъ, это то, что̀ даетъ жизнь. Я исполнилъ волю Отца, и потому по жизни моей ты можешь понять, въ чемъ воля Отца[1087]. Я живу Отцомъ, и Отецъ живетъ во мнѣ. Все, что̀ я говорю и дѣлаю, все это я дѣлаю по волѣ Отца[1088]. Мое ученіе въ томъ, что я въ Отцѣ, и Отецъ во мнѣ. Если вы не понимаете моего ученія, то вы видите меня и мои дѣла. И потому можете понять, что̀ есть Отецъ?[1089]. И вы знаете, что, кто будетъ слѣдовать моему ученію, тотъ можетъ сдѣлать то же, что̀ и я; и еще больше того, потому что я умру, а онъ еще будетъ жить[1090]. Кто будетъ жить по моему ученію, тотъ будетъ имѣть все, что̀ онъ желаетъ, потому что тогда сынъ будетъ то же, что̀ Отецъ[1091]. Чего бы вы ни желали по моему ученію, все это будетъ вамъ[1092]. Но для этого надо любить мое ученіе[1093]. Ученіе мое

Бога [1126]. Я объяснилъ имъ, но они не хотѣли слушать меня [1127]. Они не поняли моего ученія, потому что не поняли Отца [1128]. Они видѣли мою жизнь, и жизнь моя показала имъ ихъ ошибку [1129]. И зато еще больше они возненавидѣли меня [1130].

Духъ истины, который придетъ къ вамъ, подтвердитъ то же [1131]. И вы подтвердите это [1132]. Я говорю вамъ это впередъ, чтобы вы не обманулись, когда на васъ будутъ гоненія [1133]. Васъ сдѣлаютъ отверженниками. Всѣ будутъ думать, что, убивая васъ, дѣлаютъ угодное Богу [1134]. Все это они не могутъ не дѣлать, потому что не понимаютъ ни моего ученія, ни истиннаго Бога [1135]. Все это впередъ говорю вамъ, чтобы вы не дивились, когда все это случится [1136].

Такъ вотъ, — я теперь отхожу къ тому духу, который послалъ меня; и теперь вы понимаете, что нельзя спрашивать меня, куда иду [1137]. Прежде же вы огорчались, что я вамъ не сказалъ, куда именно, въ какое мѣсто я отхожу [1138].

Но вѣрно говорю вамъ, что это хорошо для васъ, что я отхожу. Если я не умру, то не явится къ вамъ духъ истины, а если умру, то онъ вселится въ васъ [1139]. Онъ вселится въ васъ, и вамъ будетъ ясно, въ чемъ ложь, въ чемъ истина, въ чемъ рѣшеніе [1140]. Ложь въ томъ, что люди не вѣрятъ въ жизнь духа [1141]. Истина въ томъ, что я одно съ Отцомъ [1142]. Рѣшеніе въ томъ, что власть плотской жизни уничтожена [1143].

Еще многое сказалъ бы вамъ, но вамъ трудно понять [1144]. Когда же вселится въ васъ духъ истины, онъ укажетъ вамъ всю правду, потому что онъ будетъ говорить вамъ не новое, свое, а то, что̀ отъ Бога, и онъ во всѣхъ случаяхъ жизни укажетъ вамъ путь [1145]. Онъ тоже будетъ отъ Отца, какъ я отъ Отца, потому онъ и будетъ говорить то же самое, что̀ и я [1146] (83).

Но и когда я, духъ истины, буду въ васъ, вы не

чтобы на нихъ больше родилось[1108]. Держитесь моего ученія жизни, и жизнь будетъ въ васъ. И какъ побѣгъ живетъ не самъ собой, а деревомъ, такъ и вы живите моимъ ученіемъ[1109]. Мое ученіе дерево, вы — побѣги. Тотъ, кто живетъ моимъ ученіемъ жизни, тотъ приноситъ плода много, такъ что помимо моего ученія жизни нѣтъ[1110]. Кто не живетъ моимъ ученіемъ, тотъ засыхаетъ и гибнетъ, а сухія вѣтки отрѣзаютъ и жгутъ[1111].

Если вы будете жить моимъ ученіемъ и исполнять его, то вы будете имѣть все, что̀ желаете[1112]. Потому что воля Отца въ томъ, чтобы вы жили истинной жизнью и имѣли то, что̀ желаете[1113]. Какъ Отецъ далъ благо мнѣ, такъ и я даю благо вамъ. Держитесь этого блага[1114]. Я живъ потому, что Отецъ любитъ меня, и я люблю Отца; и вы живите тою же любовью[1115]. Если будете этимъ жить, то будете блаженны[1116].

Заповѣдь моя въ томъ, чтобы вы любили другъ друга такъ же, какъ я любилъ васъ[1117]. Больше нѣтъ любви той, какъ жизнью своей пожертвовать для любви къ своимъ, какъ я сдѣлалъ это[1118].

Вы равны мнѣ, если дѣлаете то, чему я васъ научилъ[1119]. Я не почитаю васъ рабами, которымъ приказываютъ, но равными, потому что я разъяснилъ вамъ все, что̀ понялъ объ Отцѣ[1120]. Вы не по своей волѣ выбираете мое ученіе, но потому, что я указалъ вамъ это единое истинное — такое, при которомъ вы будете жить и будете имѣть все, чего желаете[1121].

Ученіе все — въ томъ, чтобы любить другъ друга[1122] **(82)**.

Если міръ васъ будетъ ненавидѣть, то не удивляйтесь этому: онъ ненавидитъ мое ученіе[1123]. Если бы вы были за одно съ міромъ, то онъ бы любилъ васъ. Но я васъ отдѣлилъ отъ міра, и за то онъ будетъ ненавидѣть васъ[1124]. Если меня гнали — и васъ будутъ гнать[1125]. Они будутъ дѣлать это все потому, что не знаютъ истинног

съ вами въ мірѣ. не бойтесь ничего: мое ученіе побѣдитъ міръ [1162] (84).

Послѣ этого Іисусъ поднялъ глаза свои къ небу и сказалъ:

Отецъ мой! Ты далъ своему сыну свободу жизни съ тѣмъ, чтобы онъ получилъ жизнь истинную [1163]. Жизнь есть знаніе истиннаго Бога разумѣнія, открытаго мною [1164]. Я открылъ тебя людямъ на землѣ. Я сдѣлалъ то дѣло, которое ты приказалъ мнѣ [1165]. Я явилъ твою сущность людямъ на землѣ. Они были твои и прежде, но по твоей волѣ я открылъ имъ истину. И они познали тебя [1166]. Они поняли, что все, что̀ они имѣютъ, что ихъ жизнь только отъ тебя [1167]. И что я училъ ихъ не отъ себя, но что я и они отъ тебя изошли [1168]. Прошу же тебя о тѣхъ, которые признаютъ тебя [1169]. Они поняли, что все мое — твое, и твое — мое [1170]. Я уже не въ мірѣ, а возвращусь къ тебѣ; но они въ мірѣ. и потому прошу тебя, Отецъ, соблюди въ нихъ разумѣніе твое [1171]. Не о томъ прошу, чтобы ты взялъ ихъ изъ міра, но о томъ, чтобы ты избавилъ ихъ отъ зла [1172], утвердилъ бы ихъ въ истинѣ твоей. Разумѣніе твое есть истина [1173]. Отецъ мой! желаю, чтобы они были такіе же, какъ я, чтобы они понимали такъ же, какъ я, что жизнь истинная началась до начала міра [1174]. Чтобы они всѣ были одно, какъ ты Отецъ во мнѣ, и я въ тебѣ, такъ чтобы и они въ насъ были одно [1175]. Я въ нихъ, а ты во мнѣ, чтобы всѣ соединились въ одно, и чтобы поняли люди, что они не сами родились, но ты, любя, послалъ ихъ въ міръ такъ же, какъ и меня [1176]. Отче праведный! міръ тебя не позналъ, но я позналъ тебя, и они познали чрезъ меня [1177]. И я объяснилъ имъ, что̀ ты такое. Ты то, чтобы любовь, которою ты полюбилъ меня, была въ нихъ. Ты далъ имъ жизнь, стало быть, полюбилъ ихъ. Я научилъ ихъ познать это и любить тебя такъ, чтобы любовь твоя къ нимъ отъ нихъ возвращалась къ тебѣ [1178].

ГЛАВА XII.

Побѣда духа надъ плотью.

И потому для человѣка, живущаго не личной, а общей жизнью въ волѣ Отца, нѣтъ смерти. Смерть плотская есть соединеніе съ Отцомъ.

И послѣ этого Іисусъ сказалъ: теперь встаньте и пойдемте; уже идетъ тотъ, кто предастъ меня [1179].

И только-что онъ сказалъ это, — вдругъ показался Іуда, одинъ изъ двѣнадцати учениковъ, и съ нимъ большая толпа народа съ дубьемъ и ножами [1180]. Онъ сказалъ имъ: я приведу васъ туда, гдѣ онъ съ учениками, а чтобы вамъ узнать его изо всѣхъ, то смотрите: кого я перваго поцѣлую, то это онъ самый [1181]. — И тотчасъ же подошелъ къ Іисусу и сказалъ: здравствуй, учитель! И поцѣловалъ его [1182].

И Іисусъ сказалъ ему: товарищъ! ты зачѣмъ здѣсь?

Тогда стража окружила Іисуса и хотѣла взять его [1183].

И тутъ Петръ выхватилъ ножъ у архіерейскаго слуги и разсѣкъ ему ухо [1184].

Іисусъ сказалъ: не надо противиться злу. Оставьте это. — И сказалъ Петру: отдай назадъ мечъ тому, у кого взялъ. Кто возьмется за мечъ, тотъ мечемъ и погибнетъ [1185].

И послѣ этого обратился Іисусъ къ толпѣ и сказалъ: зачѣмъ вы, какъ на разбойника, пришли на меня съ оружіемъ? Я вѣдь каждый день былъ среди васъ во храмѣ и училъ васъ; и вы меня не брали [1186]. Теперь же вашъ часъ и власть тьмы [1187].

Тогда, увидавъ, что онъ взятъ, всѣ ученики разбѣжались [1188]

Тогда начальникъ велѣлъ солдатамъ взять Іисуса и связать его. Солдаты связали его и [1189] повели сперва къ Анану; это былъ тесть Каіафы, а Каіафа былъ первосвященникомъ въ этотъ годъ и жилъ на одномъ дворѣ съ Ананомъ [1190]. Это былъ

Бога [1126]. Я объяснилъ имъ, но они не хотѣли слушать меня [1127]. Они не поняли моего ученія, потому что не поняли Отца [1128]. Они видѣли мою жизнь, и жизнь моя показала имъ ихъ ошибку [1129]. И зато еще больше они возненавидѣли меня [1130].

Духъ истины, который придетъ къ вамъ, подтвердитъ то же [1131]. И вы подтвердите это [1132]. Я говорю вамъ это впередъ, чтобы вы не обманулись, когда на васъ будутъ гоненія [1133]. Васъ сдѣлаютъ отверженниками. Всѣ будутъ думать, что, убивая васъ, дѣлаютъ угодное Богу [1134]. Все это они не могутъ не дѣлать, потому что не понимаютъ ни моего ученія, ни истиннаго Бога [1135]. Все это впередъ говорю вамъ, чтобы вы не дивились, когда все это случится [1136].

Такъ вотъ, — я теперь отхожу къ тому духу, который послалъ меня; и теперь вы понимаете, что нельзя спрашивать меня, куда иду [1137]. Прежде же вы огорчались, что я вамъ не сказалъ, куда именно, въ какое мѣсто я отхожу [1138].

Но вѣрно говорю вамъ, что это хорошо для васъ, что я отхожу. Если я не умру, то не явится къ вамъ духъ истины, а если умру, то онъ вселится въ васъ [1139]. Онъ вселится въ васъ, и вамъ будетъ ясно, въ чемъ ложь, въ чемъ истина, въ чемъ рѣшеніе [1140]. Ложь въ томъ, что люди не вѣрятъ въ жизнь духа [1141]. Истина въ томъ, что я одно съ Отцомъ [1142]. Рѣшеніе въ томъ, что власть плотской жизни уничтожена [1143].

Еще многое сказалъ бы вамъ, но вамъ трудно понять [1144]. Когда же вселится въ васъ духъ истины, онъ укажетъ вамъ всю правду, потому что онъ будетъ говорить вамъ не новое, свое, а то, что̀ отъ Бога, и онъ во всѣхъ случаяхъ жизни укажетъ вамъ путь [1145]. Онъ тоже будетъ отъ Отца, какъ я отъ Отца, потому онъ и будетъ говорить то же самое, что̀ и я [1146] (**83**).

Но и когда я, духъ истины, буду въ васъ, вы не

всегда будете видѣть меня. Иногда будете, а иногда не будете слышать меня[1147].

И сказали ученики другъ другу: что̀ это значитъ? — онъ сказалъ: иногда будете видѣть меня, иногда не будете видѣть[1148]? Что значитъ: иногда будете, иногда не будете, — что̀ онъ говоритъ[1149]?

Іисусъ сказалъ имъ: не понимаете, что̀ это значитъ: иногда будете, иногда не будете меня видѣть?[1150]. Вы знаете, какъ всегда бываетъ на свѣтѣ, что одни печалятся и скорбятъ, а другіе радуются. И будете печалиться, а печаль ваша будетъ переходить въ радость[1151]. Женщина, когда родитъ, скорбитъ въ мукахъ; когда же кончитъ, то не помнитъ мукъ отъ радости, что родился человѣкъ въ міръ[1152]. Такъ и вы будете печалиться и вдругъ увидите меня: духъ истины войдетъ въ васъ, и печаль ваша обратится въ радость[1153]. И тогда вы уже ничего не будете просить у меня, потому что тогда вы будете имѣть все, чего желаете. Тогда все, что̀ кто желаетъ въ духѣ, все то онъ будетъ имѣть отъ Отца своего[1154].

Вы прежде ничего не просили для духа, но тогда просите, что̀ хотите для духа, и все будетъ вамъ; такъ что блаженство ваше будетъ полное[1155]. Теперь я, какъ человѣкъ, словами не могу этого ясно сказать вамъ, но тогда, когда я, какъ духъ истины, буду жить въ васъ, то я ясно возвѣщу вамъ объ Отцѣ[1156]. Тогда все, что̀ вы будете просить во имя духа у Отца, не я дамъ вамъ[1157]. Но вамъ Отецъ дастъ, потому что онъ любитъ васъ за то, что вы приняли мое ученіе[1158], — поняли, что разумѣніе отъ Отца происходитъ въ мірѣ и возвращается изъ міра къ Отцу[1159].

Тогда ученики сказали Іисусу: теперь мы все поняли, и намъ нечего больше спрашивать[1160]. Мы вѣримъ, что ты отъ Бога[1161].

И сказалъ Іисусъ: все, что̀ я сказалъ вамъ, все это для того, чтобы вы имѣли увѣренность и спокойствіе въ моемъ ученіи. Какія бы бѣды ни были

свѣтъ, пока есть свѣтъ, чтобы быть сыномъ разумѣнія [1010] (72).

Тотъ, кто вѣритъ въ мое ученіе, вѣритъ не мнѣ, но тому духу, который далъ жизнь міру [1011]. И тотъ, кто понимаетъ мое ученіе, понимаетъ тотъ духъ, который далъ жизнь міру [1012]. Если же кто слышитъ мои слова и не исполняетъ, то я не виню его, такъ какъ я пришелъ не обвинять, но спасать [1013]. Тотъ, кто не принимаетъ моихъ словъ, того обвиняетъ не мое ученіе, но разумѣніе, которое есть въ немъ. Оно-то и обвиняетъ его [1014]. Потому что я не свое говорилъ, но говорилъ то, что̀ внушилъ мнѣ мой Отецъ, — духъ, живущій во мнѣ [1015]. То, что̀ я говорю, — это то, что̀ сказалъ мнѣ духъ разумѣнія. И то, чему я учу, — это жизнь истинная [1016].

И, сказавъ это, Іисусъ ушелъ и опять скрылся отъ архіереевъ [1017].

И изъ тѣхъ, которые слышали эти слова Іисуса, многіе изъ сильныхъ и богатыхъ людей повѣрили въ ученіе Іисуса, но боялись признаться передъ архіереями, потому что изъ архіереевъ ни одинъ не признавался, что вѣритъ [1018], потому что они привыкли судить по-человѣчески, а не по-божески [1019].

Послѣ того, какъ Іисусъ скрылся, архіереи и старшины опять сошлись во дворъ Каіафы [1020]. И стали придумывать, какъ бы имъ тайно отъ народа взять Іисуса и убить [1021]. Явно же они боялись схватить его [1022].

И къ нимъ на совѣщаніе пришелъ одинъ изъ первыхъ двѣнадцати учениковъ Іисуса, Іуда Искаріотскій [1023]. И сказалъ: если хотите взять Іисуса тайно, такъ, чтобы народъ не видалъ, то я найду время, когда съ нимъ будетъ немного народу, и покажу, гдѣ онъ, и тогда возьмите его. Что̀ же дадите за это мнѣ? — Они обѣщали ему за это тридцать рублей [1024]. Онъ согласился и съ тѣхъ поръ сталъ выбирать время, когда навести на Іисуса архіереевъ, чтобы взять его [1025].

Между тѣмъ Іисусъ скрывался отъ народа, и были съ нимъ только ученики. Когда подошелъ первый праздникъ „опрѣсноковъ", ученики говорятъ Іисусу: гдѣ же мы будемъ справлять пасху? [1026] — Іисусъ и говоритъ: подите куда-нибудь въ деревню и къ кому-нибудь зайдите и скажите, что у васъ нѣтъ времени готовить пасху, и просите его пустить насъ справить пасху [1027].

Ученики такъ и сдѣлали: попросились въ деревнѣ къ одному человѣку, и онъ пустилъ ихъ [1028].

Вотъ они пришли и сѣли за столъ: Іисусъ и двѣнадцать учениковъ и Іуда съ ними [1029].

Іисусъ зналъ, что Іуда Искаріотскій уже обѣщалъ выдать его на смерть; но онъ не обличалъ и не мстилъ за это Іудѣ, а, какъ всю жизнь училъ учениковъ любви, такъ и теперь любовью только укорилъ Іуду [1030]. Когда они всѣ двѣнадцать сидѣли за столомъ, онъ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ: между вами сидитъ тотъ, кто предалъ меня [1031]. Да, кто со мной пьетъ и ѣстъ, тотъ и погубитъ меня [1032]. — И больше онъ ничего не сказалъ; такъ что они и не узнали, про кого онъ говорилъ, и стали ужинать (**73**).

Когда они стали ѣсть, Іисусъ взялъ хлѣбъ, разломилъ его на двѣнадцать частей, далъ каждому изъ двѣнадцати учениковъ по куску и сказалъ: берите, ѣшьте — это мое тѣло [1033]. — И потомъ налилъ въ чашу вина, подалъ ученикамъ и сказалъ: пейте изъ этой чаши всѣ. — И когда они всѣ выпили, онъ сказалъ [1034]: это моя кровь. Я проливаю ее, чтобы люди знали мое завѣщаніе прощать другимъ ихъ грѣхи [1035]. Потому что я скоро умру и больше уже не буду съ вами въ этомъ мірѣ, а соединюсь съ вами только въ царствѣ небесномъ [1036] (**74**).

И послѣ этого Іисусъ всталъ изъ-за стола, опоясался полотенцемъ, взялъ кувшинъ воды [1037] и сталъ всѣмъ ученикамъ мыть ноги [1038]. И подошелъ къ Петру, а Петръ говоритъ: какъ же это ты будешь мыть мнѣ ноги? [1039] — И Іисусъ сказалъ ему: тебѣ

Іисусъ ничего не отвѣчалъ ему [1236]. А архіереи и учители, такъ же какъ у Пилата, и передъ Иродомъ обвиняли крѣпко Іисуса и говорили, что онъ бунтовщикъ [1237]. И Иродъ счелъ Іисуса за пустого человѣка и, чтобы посмѣяться надъ нимъ, велѣлъ одѣть его въ красное платье, и послалъ его назадъ къ Пилату [1238]. Иродъ былъ доволенъ тѣмъ, что Пилатъ уважилъ его, пославъ на его судъ Іисуса, и изъ-за этого они помирились, а то прежде были въ ссорѣ [1239].

Вотъ когда привели опять Іисуса къ Пилату, Пилатъ позвалъ опять архіереевъ и начальниковъ іудейскихъ [1240] и сказалъ имъ: приводили вы ко мнѣ этого человѣка за то, что онъ бунтуетъ народъ, и я допрашивалъ его при васъ, и не вижу, чтобы онъ былъ бунтовщикъ [1241]. Посылалъ я его съ вами къ Ироду, и вотъ, видите — и тамъ ничего не нашлось въ немъ вреднаго. И по моему, не за что̀ казнить его смертью; а не лучше ли наказать его и отпустить [1242]?

И когда услыхали это архіереи, всѣ закричали: нѣтъ, казни его по-римски! На крестѣ растяни его [1243]!

Пилатъ выслушалъ и сказалъ архіереямъ: ну, хорошо! Только у васъ въ обычаѣ для праздника пасхи прощать одного злодѣя. Вотъ у меня сидитъ въ тюрьмѣ Варавва — убійца и бунтовщикъ. Такъ одного изъ двухъ надо отпустить: Іисуса или Варавву?

Пилату хотѣлось выручить Іисуса, но архіереи настроили такъ народъ, что всѣ закричали: Варавву, Варавву [1244]!

Пилатъ и говоритъ: а съ Іисусомъ что сдѣлать?

Они опять закричали: по-римски, на крестъ, на крестъ его [1245]!

И сталъ Пилатъ уговаривать ихъ. Онъ сказалъ: за что̀ вы такъ налегаете на него? Ничего онъ не сдѣлалъ такого, чтобы казнить его смертью, и вамъ никакого зла не сдѣлалъ [1246]. Я отпущу его, потому что не нахожу въ немъ вины [1247],

Архіереи и слуги ихъ закричали: распять, распять его!

И Пилатъ сказалъ имъ: если такъ, то берите его и сами распинайте; а я не вижу въ немъ вины [1248].

Отвѣчали архіереи: мы требуемъ того, чтò слѣдуетъ по закону. По закону его слѣдуетъ казнить за то, что онъ сдѣлалъ себя сыномъ Бога [1249].

Когда Пилатъ услыхалъ это слово, онъ смутился, потому что не зналъ, чтò такое значитъ это слово „сынъ Бога" [1250]. И вернувшись въ Правленіе, Пилатъ позвалъ опять Іисуса и спросилъ его: кто ты и откуда ты?

Но Іисусъ не отвѣчалъ ему [1251].

Тогда Пилатъ сказалъ: чтò же ты не отвѣчаешь мнѣ? Развѣ ты не видишь, что ты — въ моей власти, и что я могу распять или отпустить тебя [1252]?

Іисусъ отвѣчалъ ему: не имѣешь никакой власти. Есть власть только свыше [1253] (85).

Пилатъ все-таки желалъ отпустить Іисуса [1254]. И сказалъ: какъ же вы хотите распять царя вашего [1255]?

Но іудеи сказали ему: если ты отпустишь Іисуса, то ты этимъ покажешь, что ты невѣрный слуга Кесарю, потому что тотъ, кто дѣлаетъ себя царемъ, тотъ врагъ Кесарю [1256]. Нашъ царь — Кесарь, а этого распни [1257]!

И когда Пилатъ услыхалъ это слово, онъ понялъ, что ему уже нельзя не казнить Іисуса [1258]. Тогда Пилатъ вышелъ къ іудеямъ, взялъ воды, вымылъ себѣ руки и сказалъ: не я виноватъ въ крови этого праведнаго человѣка [1259].

И весь народъ закричалъ: пусть будетъ кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ [1260]!

Такъ что архіереи пересилили [1261]. Тогда Пилатъ сѣлъ на свое судилищное мѣсто [1262]. И велѣлъ прежде высѣчь Іисуса [1263].

Когда его высѣкли, солдаты, — тѣ, которые сѣкли его, надѣли ему на голову вѣнокъ и дали въ руки палку, и на спину накинули ему красный плащ

ПРИМѢЧАНІЯ.

Л. Н. Толстого.

Примѣчаніе 1-ое.

I.*)

Приведенный разумомъ безъ вѣры къ отчаянію и отрицанію жизни, я, оглянувшись на живущее человѣчество, убѣдился, что это отчаяніе не есть общій удѣлъ людей, но что люди жили и живутъ вѣрою. Я видѣлъ вокругъ себя людей, имѣющихъ эту вѣру и изъ нея выводящихъ такой смыслъ жизни, который давалъ имъ силы спокойно и радостно жить и такъ же умирать. Я не могъ разумомъ выяснить себѣ этого смысла. Я постарался устроить свою жизнь такъ, какъ жизнь вѣрующихъ постарался слиться съ ними, исполнять все то же, что они исполняютъ въ жизни и во внѣшнемъ богопочитаніи, думая, что этимъ путемъ мнѣ откроется смыслъ жизни. Чѣмъ болѣе я сближался съ народомъ и жилъ такъ же, какъ онъ, и исполнялъ всѣ тѣ внѣшніе обряды богопочитанія, тѣмъ болѣе я чувствовалъ двѣ противоположно дѣйствовавшія на меня силы. Съ одной стороны, мнѣ болѣе и болѣе открывался удовлетворявшій меня смыслъ жизни, не разрушаемый смертью; съ другой стороны, я видѣлъ, что въ томъ внѣшнемъ исповѣданіи вѣры и богопочитаніи было много лжи. Я понималъ, что народъ можетъ не видѣть этой лжи по безграмотности, недосугу и неохотѣ думать, и что мнѣ нельзя не видать этой лжи и, разъ увидавъ, нельзя закрыть на нее глаза, какъ это мнѣ совѣтовали вѣрующіе образованные люди. Чѣмъ дальше я продолжалъ жить, исполняя обязанности вѣрующаго, тѣмъ болѣе эта ложь рѣзала мнѣ глаза и требовала изслѣдованія того, гдѣ въ этомъ ученіи кончается ложь и начинается правда. То, что въ христіанскомъ ученіи была сама истина жизни, въ этомъ уже я не сомнѣвался. Внутренній разладъ мой дошелъ, наконецъ, до того, что я не могъ уже умышленно закрывать глаза, какъ я дѣлалъ это прежде, и долженъ былъ неизбѣжно разсмотрѣть то вѣроученіе, которое я хотѣлъ усвоить.

Сначала я спрашивалъ разъясненій у священниковъ, монаховъ, архіереевъ, митрополитовъ, ученыхъ богослововъ. Разъяснены

*) Предисловіе къ книгѣ: „Соединеніе и Переводъ Четырехъ Евангелій“.

были всѣ неясныя мѣста, часто недобросовѣстныя, еще чаще противорѣчивыя, — всѣ ссылались на святыхъ отцовъ, на катехизисы, на богословіе. И я взялъ богословскія книги и сталъ изучать ихъ, и вотъ изученіе это привело меня къ убѣжденію, что та вѣра, которую исповѣдуетъ наша іерархія и которой она учитъ народъ, есть не только ложь, но и безнравственный обманъ. Въ православномъ вѣроученіи я нашелъ изложеніе самыхъ непонятныхъ, кощунственныхъ и безнравственныхъ положеній, не только не допускаемыхъ разумомъ, но совершенно непостижимыхъ и противныхъ нравственности, и никакого ученія о жизни и о смыслѣ ея. Но я не могъ не видѣть, что изложеніе богословія было ясно направлено не на изъясненіе смысла жизни и ученіе о жизни, а только на утвержденіе самыхъ непостижимыхъ, ненужныхъ мнѣ положеній и на отрицаніе всѣхъ тѣхъ, которыя не признаютъ этихъ положеній. Это изложеніе, направленное на отрицаніе другихъ ученій, невольно заставило меня обратить вниманіе на эти другія вѣроученія. Другія, оспариваемыя вѣроученія оказались такими же, какъ и то православное, которое ихъ оспаривало. Одни еще нелѣпѣе, другія менѣе нелѣпы, но всѣ вѣроученія одинаково утверждали положенія, непостижимыя и ненужныя для жизни и во имя ихъ отрицающія другъ друга и нарушающія единеніе людей — *главную основу христіанскаго ученія*.

Я былъ приведенъ къ убѣжденію, что церкви никакой нѣтъ. Всѣ различно вѣрующіе христіане называютъ себя истинными христіанами и отрицаютъ одни другихъ. Всѣ эти отдѣльныя собранія христіанъ называютъ исключительно себя церковью и увѣряютъ, что ихъ церковь истинная, что отъ нея отпали другія, а она устояла. Всѣ вѣрующіе разныхъ толковъ никакъ не видятъ того, что не отъ того, что ихъ вѣра осталась такою или иною, она есть истинная, а отъ того они называютъ ее истинною, что они въ ней родились или ее избрали, и что другія точь въ точь то же самое говорятъ про свою вѣру. Такъ что очевидно, что церкви одной никогда не было и нѣтъ, что церквей не одна, не двѣ, а тысячи двѣ, и что всѣ другъ друга отрицаютъ и только утверждаютъ, что каждая изъ нихъ истинная и единая. Каждая говоритъ одно и то же: наша церковь истинная, святая, соборная, апостольская, вселенская. Писаніе наше святое. Іисусъ Христосъ есть глава нашей церкви, и Духъ Святой руководитъ ею, и она одна преемственно выходитъ отъ Христа Бога.

Если взять какую бы то ни было вѣточку изъ раскидистаго куста, то совершенно справедливо будетъ сказать, что отъ вѣточки къ вѣточкѣ и сучка къ суку и отъ сука къ корню всякая вѣточка преемственна отъ ствола, но не всякая одна исключительно преемственна. Всѣ одинаковы. Сказать, что всякая вѣточка есть одна настоящая вѣточка, будетъ нелѣпо, и это-то самое и говорятъ всѣ церкви. Въ самомъ дѣлѣ, 1000 преданій —

и каждое отрицаетъ, проклинаетъ одно другое, а свое считаетъ истиннымъ; католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, шекеры, мормоны, греко-православные, старовѣры, поповцы, безпоповцы, молокане, менониты, баптисты, скопцы, духоборцы и пр. и пр. всѣ одинаково утверждаютъ про свою вѣру, что она единая истинная, и что въ ней одной Духъ Святой, что глава въ ней Христосъ, и что всѣ другія заблуждаются. Вѣръ 1000, и каждая спокойно считаетъ себя одну святою. И всѣ знаютъ это, и каждый исповѣдующій свою вѣру за единую истинную знаетъ, что другая вѣра точь въ точь такъ же палка о двухъ концахъ, — считаетъ свою истинною, а всѣ другія ересями. И 1800 лѣтъ скоро, какъ идетъ это самообманываніе и все еще продолжается.

Въ дѣлахъ мірскихъ люди умѣютъ разглядѣть самыя хитрыя ловушки и не попадаютъ въ нихъ, а въ этомъ обманѣ 1800 лѣтъ милліоны живутъ, закрывая на него глаза, и въ нашемъ европейскомъ мірѣ, и въ Америкѣ, гдѣ все по новому, всѣ, какъ сговорились, повторяютъ тотъ же самый глупый обманъ: исповѣдываютъ каждый свои истины вѣры, считая ихъ едиными истинными, и не замѣчая того, что другіе точь въ точь то же самое дѣлаютъ.

Мало того, давно уже, очень давно свободомыслящіе люди и тонко, и умно осмѣяли эту людскую глупость, и ясно показали, до какой степени это глупо. Они доказывали ясно, что вся эта христіанская вѣра, со всѣми ея развѣтвленіями, давно отжила, что пришла пора новой вѣры, и даже нѣкоторые придумывали новыя вѣры, но никто не слушаетъ ихъ и не идетъ за ними, а всѣ по старому вѣрятъ каждый въ свою особенную христіанскую вѣру. Католики въ свою, лютеране въ свою, наши раскольники поповцы въ свою, безпоповцы въ свою, мормоны въ свою, молокане въ свою, и православные, тѣ самые, къ которымъ я хотѣлъ пристать, — въ свою. Что же это такое значитъ? Почему люди не отстаютъ отъ этого ученія? Отвѣтъ одинъ, въ которомъ согласны всѣ свободомыслящіе люди, отвергающіе религію, и всѣ люди другихъ религій, — то, что ученіе Христа хорошо и потому такъ дорого людямъ, и они не могутъ жить безъ него. Но почему же люди, вѣрующіе въ ученіе Христа, всѣ раздѣлились на разные толки и все больше и больше дѣлятся, отрицаютъ, осуждаютъ другъ друга и не могутъ сойтись въ одномъ вѣрованіи? Опять отвѣтъ простъ и очевиденъ. Причина раздѣленія христіанъ есть, именно, ученіе о церкви, — ученіе, утверждающее, что Христосъ установилъ единую истинную церковь, которая, по существу своему, свята и непогрѣшима, и можетъ и должна учить другихъ. Не будь этого понятія церкви, не могло бы быть раздѣленія между христіанами. Каждая христіанская церковь, т. е. вѣроученіе, несомнѣнно происходитъ изъ ученія самого Христа, но не оно одно происходитъ, отъ него происходятъ и всѣ другія ученія. Они всѣ выросли изъ одного сѣмени,

и то, что̀ соединяетъ ихъ, что̀ обще всѣмъ имъ, это то, изъ чего они вышли, т. е. сѣмя. И потому, чтобы понять истинно Христово ученіе, не нужно изучать его, какъ это дѣлаетъ единое вѣроученіе отъ вѣтвей къ стволу; не нужно также и такъ же безполезно, какъ это дѣлаетъ наука, исторія религіи, изучать это ученіе, исходя отъ его основанія, исходя отъ ствола къ вѣтвямъ. Ни то, ни другое не даетъ смысла ученія. Смыслъ дается только познаніемъ того сѣмени, того плода, изъ котораго всѣ они вышли и для котораго они всѣ живутъ. Всѣ вышли изъ жизни и дѣлъ Христа и всѣ живутъ только для того, чтобы производить дѣла Христа, т. е. дѣла добра. И только въ этихъ дѣлахъ они всѣ сойдутся.

Меня самого къ вѣрѣ привело отыскиваніе смысла жизни, т. е. исканіе пути жизни — какъ жить. И, увидавъ дѣла жизни людей, исповѣдующихъ ученіе Христа, я прилѣпился къ нимъ. Такихъ людей, исповѣдующихъ дѣлами ученіе Христа, я одинаково и безразлично встрѣчаю и между православными, и между раскольниками всякихъ сектъ, и между католиками, и лютеранами, такъ что, очевидно, общій смыслъ жизни, даваемый ученіемъ Христа, почерпается не изъ вѣроученій, но изъ чего-то другого, общаго всѣмъ вѣроученіямъ. Я наблюдалъ добрыхъ людей не одного вѣроученія, а разныхъ, и во всѣхъ видѣлъ одинъ и тотъ же смыслъ, основанный на ученіи Христа. Во всѣхъ тѣхъ разныхъ сектахъ христіанъ я видѣлъ полное согласіе въ воззрѣніи на то, что̀ есть добро, что̀ есть зло, и на то, какъ надо жить. И всѣ эти люди это воззрѣніе свое объявляли ученіемъ Христа. Вѣроученія раздѣлились, основа ихъ одна; стало быть, въ томъ, что̀ лежитъ въ основѣ всѣхъ вѣръ, есть одна истина. Вотъ эту-то истину я и хочу узнать теперь. Истина вѣры должна находиться не въ обыкновенныхъ толкованіяхъ откровенія Христа, тѣхъ самыхъ толкованіяхъ, которыя раздѣлили христіанъ на 1000 сектъ, а должна находиться въ самомъ первомъ откровеніи самого Христа. Откровеніе это самое первое — слова самого Христа — находится въ Евангеліяхъ. И потому я обратился къ изученію Евангелій.

Знаю, что, по ученію церкви, смыслъ ученія находится не въ одномъ Евангеліи, но во всемъ Писаніи и Преданіи, хранимыхъ церковью. Полагаю, что, послѣ всего сказаннаго прежде, софизмъ этотъ, состоящій въ томъ, что Писаніе, служащее основаніемъ моему толкованію, не подлежитъ изслѣдованію потому, что толкованіе истинное и святое единственно принадлежитъ церкви, — что софизмъ этотъ нельзя уже повторять тѣмъ болѣе, что толкованіе-то каждое разрушено противнымъ толкованіемъ другой церкви, всѣ святыя церкви отрицаютъ одна другую. Запрещеніе этого чтенія и пониманія писанія есть только признакъ тѣхъ грѣховъ толкованій, которые чувствуетъ за собою толкующая церковь.

Богъ открылъ истину людямъ. Я — человѣкъ, и потому не только имѣю право, но долженъ воспользоваться ею и стать къ ней лицомъ къ лицу безъ посредниковъ. Если Богъ говоритъ въ этихъ книгахъ, то онъ знаетъ слабость моего ума и будетъ говорить мнѣ такъ, чтобы не ввести меня въ обманъ. Доводъ церкви о томъ, что нельзя допустить толкованія Писанія для каждаго съ тѣмъ, чтобы толкующіе не заблудились и не распались на большое количество толковъ, для меня не можетъ имѣть значенія. Онъ могъ бы имѣть значеніе тогда, когда толкъ церкви былъ бы понятенъ, и когда была бы одна церковь и одинъ толкъ; но теперь, когда толкованіе церкви о сынѣ Божьемъ и Богѣ, о Богѣ въ 3-хъ лицахъ, о дѣвѣ, родившей безъ поврежденія дѣвства, о тѣлѣ и крови Бога, съѣдаемыхъ въ видѣ хлѣба, и т. п. не можетъ вмѣститься въ здоровую голову, и когда толкъ не одинъ, а ихъ тысяча, то доводъ этотъ, сколько бы его ни повторяли, не имѣетъ никакого смысла. Теперь, напротивъ, толкованіе нужно и нужно такое, въ которомъ бы всѣ согласились. А согласиться могутъ всѣ только тогда, когда толкованіе будетъ разумно. Всѣ мы сходимся, несмотря на различіе, только въ томъ, что̀ разумно. Если откровеніе это — истина, то оно для убѣжденія не должно и не можетъ бояться свѣта разума, оно должно призывать его. Если все то откровеніе окажется глупостью, то тѣмъ лучше и Богъ съ нимъ. Все можетъ Богъ, это правда, но одного не можетъ — это говорить глупости. А написать такое откровеніе, которое нельзя бы было понимать, — было бы глупо.

Откровеніемъ я называю то, что̀ открывается передъ разумомъ, дошедшимъ до послѣднихъ своихъ предѣловъ, — созерцанія Божественнаго, т. е. выше разума стоящей истины. Откровеніемъ я называю то, что̀ даетъ отвѣтъ на тотъ неразрѣшимый разумомъ вопросъ, который привелъ меня къ отчаянію и самоубійству: какой смыслъ имѣетъ моя жизнь? Отвѣтъ этотъ долженъ быть понятенъ и не противорѣчить законамъ разума, какъ противорѣчитъ утвержденіе о томъ, что безконечное число четъ или нечетъ. Отвѣтъ долженъ не противорѣчить разуму, потому что противорѣчивому отвѣту я не повѣрю, и потому онъ долженъ быть не только понятенъ и непроизволенъ, а неизбѣженъ для разума, какъ неизбѣжно признаніе безконечности для того, кто умѣетъ считать.

Отвѣтъ долженъ отвѣчать на мой вопросъ, какой смыслъ имѣетъ моя жизнь? Если онъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, то онъ мнѣ не нуженъ. Отвѣтъ долженъ быть такой, чтобы, хотя сущность его, какъ Бога, и была непостижима въ себѣ, чтобы всѣ выводы и послѣдствія, получаемые отъ него, соотвѣтствовали моимъ разумнымъ требованіямъ, чтобы смыслъ, приданный моей жизни, разрѣшалъ бы всѣ вопросы моей жизни. Отвѣтъ долженъ быть не только разуменъ, ясенъ, но и вѣренъ, т. е. такой, чтобы я повѣрилъ въ него всею душою, неизбѣжно

вѣрилъ бы въ него, какъ я неизбѣжно вѣрю въ существованіе безконечности.

Откровеніе не можетъ быть основано на вѣрѣ, какъ ее понимаетъ церковь, какъ довѣріе впередъ тому, что̀ мнѣ будетъ сказано. Вѣра есть послѣдствіе неизбѣжности, истинности откровенія, вполнѣ удовлетворяющаго разумъ.

Вѣра, по понятіямъ церкви, есть налагаемое на душу человѣка обязательство съ угрозами и заманками.

По моимъ понятіямъ вѣра есть то, что вѣрна та основа, на которой зиждется всякое дѣйствіе разума. Вѣра есть знаніе откровенія, безъ чего невозможно жить и мыслить. Откровеніе есть знаніе того, до чего не можетъ дойти разумомъ человѣкъ, но что̀ выносится всѣмъ человѣчествомъ изъ скрывающагося въ безконечности начала всего. Таково, по мнѣ, должно быть свойство откровенія, производящаго вѣру, и такого я ищу въ Преданіи о Христѣ и потому обращаюсь къ нему съ самыми строгими, разумными требованіями.

Ветхій завѣтъ я не читаю, потому что вопросъ не состоитъ въ томъ, какая была вѣра евреевъ, а въ чемъ состоитъ вѣра Христа, въ которой находятъ люди такой смыслъ, который даетъ имъ возможность жить. Книги еврейскія могутъ быть занятны для насъ, какъ объясненіе тѣхъ формъ, въ которыхъ выр зилось христіанство; но послѣдовательности вѣры отъ Адама до нашего времени мы не можемъ признавать, такъ какъ до Христа вѣра евреевъ была мѣстная. Чуждая намъ вѣра евреевъ занимательна для насъ, какъ вѣра браминовъ. Вѣра же Христова есть та вѣра, которой мы живемъ. Изучать вѣру іудеевъ для того, чтобы понять христіанскую, все равно, что изучать состояніе свѣчи до зажженія ея, чтобы понять значеніе свѣта, происшедшаго отъ горящей свѣчи. Одно, что̀ можно сказать, это то, что свойство, характеръ свѣта можетъ зависѣть отъ самой свѣчи, какъ и форма выраженій Новаго Завѣта можетъ зависѣть отъ связи съ іудействомъ; но свѣтъ не можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ загорѣлся на той, а не на этой свѣчѣ. И потому ошибка, сдѣланная церковью въ признаніи Ветхаго Завѣта такимъ же боговдохновеннымъ писаніемъ, какъ и Новый Завѣтъ, самымъ очевиднымъ образомъ отражается на томъ, что, признавъ это на словахъ, церковь на дѣлѣ не признаетъ этого, и впала въ такія противорѣчія, изъ которыхъ бы она никогда не вышла, если бы считала для себя сколько-нибудь обязательнымъ здравый смыслъ. И потому я оставляю писаніе Ветхаго Завѣта, писаніе откровенное, по церковному выраженію, въ 27-ми книгахъ. Въ сущности же, преданіе это не выражено ни въ 27-ми книгахъ, ни въ 5-ти, ни 138-ми книгахъ, какъ и не можетъ выразиться откровеніе Божіе въ числѣ страницъ и буквъ.

Сказать, что откровеніе Божіе выражено въ 185 листахъ письма на бумагѣ, все равно, что сказать, что душа такого-то

человѣка вѣситъ 15 пудовъ, или свѣтъ отъ лампы мѣрою 7 четвериковъ.

Откровеніе выразилось въ душахъ людей, а люди передали его другъ другу и записали кое-что. Изъ всего записаннаго извѣстно, что было болѣе 100 Евангелій и посла ій, не принятыхъ церковью. Церковь выбр ла 27 книгъ и назвала ихъ кан ническими. Но очевидно, что однѣ книги получше выражали преданія, другія похуже, и эта постепенность не прерывается. Церкви надо было положить гдѣ-нибудь черту, чтобы отдѣлить то, что она признаетъ боговдохновеннымъ. Но очевидно, что нигдѣ черта эта не могла отдѣлить рѣзко полной истины отъ полн й лжи. Преданіе — это тѣнь отъ бѣлаго къ черному, или отъ истины ко л и, и гдѣ бы ни провели черту, неизбѣжно отдѣлены бы были тѣни, гдѣ есть черное Это самое и сд лала церковь, отдѣливъ преданія и назвавъ одни каноническими, а другія апокрифическими. И замѣчательно, какъ хорошо она сдѣлала это. Она выбрала такъ хорошо, что новѣйшія изслѣдованія показали, что прибав ть нечего. Изъ этихъ изслѣдованій ясно стало, что все извѣстное и лучшее захвачено церковью въ каноническихъ книгахъ.

Мало того, какъ бы для того, чтобы поправить свою неизбѣжную, при проведеніи этой черты, ошибку, церковь приняла нѣкоторыя преданія изъ книгъ апокрифическихъ.

Все, что м жно было сдѣлать, сдѣлано отлично. Но при этомъ отдѣленіи церковь погрѣшила тѣмъ, что, желая сильнѣе отринуть непризнанное ею и придать больше вѣса тому, что она признала, она положила огуломъ на все признанное печать непогрѣшимости. Все отъ Духа Святого, и всякое слово истинно. Этимъ она погубила и повредила все то, что она приняла. Принявъ неизбѣжно въ этой полосѣ преданій и бѣлое, и свѣтлое, и сѣрое, т. е. болѣе или менѣе чистое ученіе, наложивъ на все печать непогрѣшимости, она лишила себя саму права соединять, исключать, объяснять принятое, что совершенно составляло ея обязанность, и чего она не дѣлала и не дѣлаетъ. Все свято: и чудеса, и Дѣянія Апостольскія, и совѣты Павла о винѣ, и бредъ Апокалипсиса и т. п., такъ что послѣ 1800-лѣтняго существова ія этихъ книгъ, онѣ лежатъ передъ нами въ томъ же грубомъ, нескладномъ, исполненномъ безсмыслицъ, противорѣчій видѣ, въ какомъ онѣ были. Допустивъ, что каждое слово Писанія святая истина, цер овь старалась сводить, уяснять, развязывать противорѣчія и понимать, и сдѣлала все, что может ъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ, т. е. дала наибольшій смыслъ тому, что безсмысленно. Но первая ошибка была роковая. Признавъ все святою истиною, надо было оправдать все, закрывать глаза, скрывать, подтасовывать, впадать въ противорѣчія и, увы, час о говорить неправду. Принявъ все на словахъ, церковь должна была на дѣлѣ отказаться отъ нѣкоторыхъ книгъ. Таковы вполнѣ Апокалипсисъ и отчасти

Дѣянія Апостоловъ, часто не только не имѣющія ничего поучительнаго, но прямо соблазнительныя. Очевидно, что чудеса писались Лукою для утвержденія въ вѣрѣ, и, вѣроятно, были люди, утверждавшіеся въ вѣрѣ этимъ чтеніемъ; но теперь нельзя найти болѣе кощунственной книги, болѣе подрывающей вѣру. Можетъ быть, нужна свѣча тамъ, гдѣ мракъ. Но если есть свѣтъ, то его нечего освѣщать свѣчкой, онъ и такъ будетъ виденъ. Христовы чудеса — это свѣчи, которыя приносятъ къ свѣту, чтобы освѣтить его. Есть свѣтъ, то онъ и такъ виденъ, а нѣтъ свѣта, то свѣтитъ только поднесенная свѣчка.

И такъ читать 27 книгъ подрядъ, признавая каждое слово истиннымъ, какъ читаетъ церковь, нельзя и не нужно, ибо придешь къ тому же самому, къ чему пришла церковь, т. е. къ отрицанію самого себя. Для того, чтобы понять содержаніе писанія, принадлежащаго къ вѣрѣ христіанской, надо прежде всего рѣшить вопросъ: какія изъ 27-ми книгъ, выдаваемыхъ за Св. Писаніе, болѣе или менѣе существенны, важны, и начать именно съ болѣе важныхъ. Такія книги, несомнѣнно, суть четыре Евангелія. Все предшествующее имъ можетъ быть по большей мѣрѣ только историческій матеріалъ для пониманія Евангелія, все послѣдующее — только объясненіе этихъ же книгъ. И потому не нужно, какъ это дѣлаютъ церкви, непремѣнно соглашать всѣ книги (мы убѣдились, что это болѣе все о привело церковь къ проповѣдыванію непонятныхъ вещей), а отыскивать въ этихъ 4-хъ книгахъ, излагающихъ по ученію же церкви самое существенное откровеніе, — отыскивать самыя главныя основы ученія, не сообразуясь ни съ какимъ ученіемъ другихъ книгъ, и это не потому, что я не хочу этого, а потому, что я боюсь заблужденія другихъ книгъ, которыя имѣютъ такой яркій и очевидный примѣръ.

Отыскивать я буду въ этихъ книгахъ: 1) то, что̀ мнѣ понятно, потому что непонятному никто не можетъ вѣрить, и знаніе непонятнаго равно незнанію, 2) то, что̀ отвѣчаетъ на мой вопросъ о томъ, что̀ такое я, что̀ такое Богъ, и 3) какая главная единая основа всего откровенія? И потому я буду читать непонятныя, неясныя, полупонятныя мѣста не такъ, какъ мнѣ хочется, а такъ, чтобы они были наиболѣе согласны съ мѣстами вполнѣ ясными и сводились бы къ одной основѣ. Читая такимъ образомъ не разъ, не два, а много разъ, какъ самое писаніе, такъ и писанное о немъ, я пришелъ къ тому выводу, что все преданіе христіанское находится въ 4-хъ Евангеліяхъ; что книги Ветхаго Завѣта могутъ служить только объясненіемъ той формы, которую избрало ученіе Христа, могутъ лишь затемнить, но никакъ не объяснить смыслъ ученія Христа; что посланія Іоанна, Іакова суть вызванныя особенностью случая частныя разъясненія ученія, что въ нихъ можно иногда найти съ новой стороны выраженное ученіе Христа, но ничего нельзя найти новаго. Къ несчастію, весьма часто можно найти, осо-

бенно въ посланіяхъ Павла, такое выраженіе ученія, которое можетъ вовлекать читающихъ въ недоразумѣнія, затемняющія самое ученіе. Дѣянія же Апостольскія, какъ и многія посланія Павла, часто не только не имѣютъ ничего общаго съ Евангеліемъ и посланіями Іоанна, Петра и Іакова, но часто противорѣчатъ имъ. Апокалипсисъ прямо уже ничего не открываетъ. Главное же то, что, какъ ни разновременно они написаны, Евангелія составляютъ изложеніе всего ученія, все остальное же есть толкованіе ихъ. Читалъ я по-гречески, на томъ языкѣ, на которомъ оно есть у насъ, и переводилъ такъ, какъ указывалъ смыслъ и лексиконы, изрѣдка отступая отъ переводовъ, на новыхъ языкахъ существующихъ, составленныхъ уже тогда, когда церковь своеобразно поняла и опредѣлила значеніе преданія. Кромѣ перевода, я неизбѣжно былъ приведенъ къ необходимости свести 4 Евангелія въ одно, такъ какъ всѣ они излагаютъ, хотя и разнорѣчиво, одни и тѣ же событія и одно и то же ученіе. Новое положеніе экзегетики о томъ, что Евангеліе Іоанна, какъ исключительно богословское, должно быть разсматриваемо отдѣльно, для меня не имѣло значенія, такъ какъ цѣль моя не есть ни историческая, ни философская, ни богословская критика, а отыскиваніе смысла ученія. Смыслъ ученія выраженъ во всѣхъ 4-хъ Евангеліяхъ, и потому, если они всѣ 4 суть изложеніе одного и того же откровенія истины, то одно должно подтверждать и уяснять другое. И потому я разсматривалъ ихъ, соединяя въ одно всѣ Евангелія, не исключая и Евангеліе Іоанна. Попытокъ соединенія Евангелій въ одно было много, но тѣ всѣ, которыя я знаю: Arnold de Vence, Фарара, Рейса, Гречулевича, всѣ онѣ берутъ историческія основы соединенія и всѣ онѣ безуспѣшны. Ни одно не лучше другого въ смыслѣ историческомъ, и всѣ одинаково удовлетворительны въ смыслѣ ученія. Я совершенно оставляю въ сторонѣ историческое значеніе и соединяю только по смыслу ученія. Соединенія Евангелій на этомъ основаніи имѣютъ ту выгоду, что ученіе истинное представляетъ какъ бы кругъ, котораго всѣ части одинаково опредѣляютъ значеніе другъ друга, и для изученія котораго безразлично начинаніе изученія съ одного или другого мѣста. Изучая такимъ образомъ Евангелія въ которыхъ съ ученіемъ такъ тѣсно связаны историческія событія жизни Христа, для меня историческая потребность оказалась совершенно безразличной, и для послѣдовательности историческихъ событій мнѣ было все равно избрать за основу тотъ или другой сводъ Евангелій. Я избралъ два самые новые свода составителей, воспользовавшихся трудами всѣхъ предшественниковъ: Гречулевича и Рейса; но такъ какъ Рейсъ отдѣлилъ отъ синоптиковъ Іоанна, для меня былъ удобнѣе сводъ Гречулевича, и я его взялъ за основу работы, сличалъ его съ Рейсомъ и отступалъ отъ обоихъ, когда смыслъ того требовалъ.

II.*)

Это краткое изложеніе евангелія есть извлеченіе изъ большого сочиненія, которое лежитъ въ рукописи и не можетъ быть напечатано въ Россіи.

Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ частей:

1. Изложеніе того хода моей личной жизни и моихъ мыслей, который привелъ меня къ убѣжденію о томъ, что въ христіанскомъ ученіи находится истина.

2. Изслѣдованіе христіанскаго ученія сначала по толкованіямъ одной православной церкви, потомъ по толкованіямъ вообще церкви, соборовъ и апостоловъ и раскрытіе того, что̀ есть ложнаго въ этихъ толкованіяхъ.

3. Изслѣдованіе христіанскаго ученія не по этимъ толкованіямъ, а только по тому, что̀ дошло до насъ изъ ученія Христа, приписаннаго ему и записаннаго въ евангеліяхъ, и

4. Изложеніе настоящаго смысла христіанскаго ученія, причинъ, по которымъ оно было извращено, и послѣдствій, которыя должна имѣть его проповѣдь.

Изъ третьей части составилось это изложеніе евангелія.

Соединеніе четырехъ евангелій сдѣлано мною по смыслу ученія. При этомъ соединеніи мнѣ не пришлось почти отступать отъ того порядка, въ которомъ изложены евангелія, такъ что при моемъ соединеніи не только не больше, но скорѣе меньше перемѣщеній стиховъ евангелія, чѣмъ въ большинствѣ извѣстныхъ мнѣ Конкордій и нашего Четвероевангелія Гречулевича. Въ евангеліи Іоанна по моему соединенію нѣтъ совсѣмъ перемѣщенія, а оно все изложено въ томъ же порядкѣ, какъ и въ подлинникѣ.

Раздѣленіе евангелія на двѣнадцать или на шесть главъ (соединяя по двѣ главы въ одну) вытекло само собою изъ смысла ученія.

Каждыя двѣ главы имѣютъ между собою связь слѣдствія и причины.

Кромѣ двѣнадцати главъ, къ изложенію присоединены: введеніе изъ первой главы Іоанна, въ которомъ писатель говоритъ отъ себя о смыслѣ всего ученія, и — заключеніе изъ посланія того же писателя (написаннаго, вѣроятно, прежде, чѣмъ евангеліе), содержащее общій выводъ изъ всего предшествующаго.

Введеніе и заключеніе не составляютъ существенной части ученія. Они суть только общіе взгляды на все ученіе. Несмотря на то, что какъ введеніе, такъ и заключеніе могли бы быть опущены безъ потери для смысла ученія — (тѣмъ болѣе, что эти части написаны отъ лица Іоанна, а не Іисуса) — я удержалъ ихъ потому, что при простомъ пониманіи ученія Христа части эти, подтверждая одна другую и все ученіе, въ

*) Предисловіе къ „Краткому Изложенію Евангелія“.

противоположность страннымъ толкованіямъ церкви, представляютъ самое простое указаніе на тотъ смыслъ, который долженъ быть придаваемъ ученію.

Въ пространномъ изложеніи третьей части, находящейся въ рукописи, евангеліе по четыремъ евангелистамъ изложено все, безъ малѣйшихъ пропусковъ. Въ настоящемъ же изложеніи выпущены слѣдующіе стихи: зачатіе и рожденіе Іоанна Крестителя, его заключеніе и смерть, рожденіе Іисуса, родословіе его, бѣгство съ матерью въ Египетъ, чудеса Іисуса въ Канѣ и Капернаумѣ, изгнаніе бѣсовъ, хожденіе по морю, изсушеніе смоковницы, исцѣленіе больныхъ, воскрешеніе мертвыхъ, воскресеніе самого Христа и указанія на пророчества, совершившіяся въ жизни Христа.

Стихи эти выпущены въ настоящемъ краткомъ изложеніи потому, что, не заключая въ себѣ ученія, а описывая только событія, совершившіяся передъ проповѣдью Іисуса, во время и послѣ нея, усложняютъ изложеніе. Стихи эти, какъ бы они ни были понимаемы, не содержатъ въ себѣ ни противорѣчія съ ученіемъ, ни доказательства его истинности. Единственное значеніе этихъ стиховъ для христіанства было то, что невѣрующему въ божественность Іисуса они доказывали ее. Для человѣка же, понимающаго неубѣдительность разсказовъ о чудесахъ и, кромѣ того, сомнѣвающагося въ божественности Іисуса по его ученію, стихи эти отпадаютъ сами собой по своей ненужности.

Въ большомъ изложеніи каждое отступленіе отъ обычнаго перевода, каждое вставленное разъясненіе, каждый пропускъ объяснены и доказаны сличеніемъ разныхъ варіантовъ евангелія, контекстами, филологическими и другими соображеніями. Въ этомъ краткомъ изложеніи всѣ какъ эти доказательства и опроверженія ложнаго пониманія церкви, такъ и подробныя примѣчанія съ ссылками, опускаются, на томъ основаніи, что, какъ бы ни были точны и правильны разсужденія о каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ, — разсужденія не могутъ убѣдить въ истинности пониманія смысла ученія. Доказательства истинности пониманія находятся не въ разсужденіяхъ объ отдѣльныхъ мѣстахъ, а въ единствѣ, ясности, простотѣ, полнотѣ ученія и въ соотвѣтствіи его съ внутреннимъ чувствомъ всякаго человѣка, ищущаго истину.

Относительно вообще всѣхъ отступленій въ моемъ изложеніи отъ принятаго церквами текста, читатель долженъ не забывать того, что столь привычное намъ представленіе о томъ, что евангелія, всѣ четыре, со всѣми своими стихами и буквами, суть священныя книги, есть, съ одной стороны, самое грубое заблужденіе, съ другой — самый грубый и вредный обманъ.

Читатель долженъ помнить, что Іисусъ никогда самъ не писалъ никакой книги, какъ Платонъ, Филонъ или Маркъ Аврелій, даже никогда, какъ Сократъ, не передавалъ свое ученіе гра-

мотнымъ и образованнымъ людямъ, а говорилъ толпѣ безграмотныхъ, и что только долго послѣ его смерти люди стали записывать то, что̀ слышали о немъ.

Читатель долженъ помнить, что такихъ записокъ было очень много различныхъ, изъ которыхъ церкви выбрали сначала три, потомъ и еще одно Іоанново евангеліе, что, выбирая эти наилучшія евангелія, церкви, по пословицѣ „не выберешь дубинки безъ кривинки“ должны были захватить въ томъ, что̀ онѣ вырѣзали изъ всей огромной литературы о Христѣ, и много кривинки, что много есть мѣстъ въ каноническихъ евангеліяхъ столь же плохихъ, какъ и въ отвергнутыхъ, апокрифическихъ.

Читатель долженъ помнить, что священно можетъ быть ученіе Христа, но никакъ не можетъ быть священно извѣстное количество стиховъ и буквъ, и не могутъ сдѣлаться священными стихи отсюда и досюда только потому, что люди скажутъ, что они священны.

Кромѣ того, читатель долженъ помнить, что эти отобранныя евангелія все-таки — дѣло тысячи разныхъ умовъ человѣческихъ, что они отбирались, прибавлялись и толковались вѣками, что всѣ дошедшія до насъ евангелія IV вѣка писаны слитнымъ письмомъ безъ знаковъ, и потому и послѣ IV и V вѣковъ подлежали самымъ разнообразнымъ чтеніямъ, и что такихъ разночтеній евангельскихъ мѣстъ насчитываютъ до пятидесяти тысячъ.

Все это долженъ помнить читатель, чтобы не сбиться на тотъ привычный намъ взглядъ, что евангелія, какъ они понимаются теперь, такъ точно и пришли къ намъ прямо съ неба.

Читатель долженъ помнить, что не только не предосудительно откидывать изъ евангелій ненужныя мѣста, освѣщая одни другими, но, напротивъ того, неразумно не дѣлать этого, а считать извѣстное число стиховъ и буквъ священными.

Съ другой стороны, я прошу читателя моего изложенія евангелія помнить то, что, если я не смотрю на евангелія, какъ на священныя книги, сошедшія отъ святого духа съ неба, я еще менѣе смотрю на евангелія, какъ на памятники исторіи религіозной литературы. Я понимаю и богословскій, и историческій взглядъ на евангелія, но я смотрю на нихъ иначе, и потому прошу читателя, при чтеніи моего изложенія, не сбиться ни на церковный взглядъ, ни на привычный въ послѣднее время образованнымъ людямъ историческій взглядъ на евангелія, которыхъ я не имѣлъ.

Я смотрю на христіанство не какъ на исключительное божественное откровеніе, не какъ на историческое явленіе; я смотрю на христіанство какъ на ученіе, дающее смыслъ жизни. Я былъ приведенъ къ христіанству тѣмъ, что пятидесяти лѣтъ отъ роду, спросивъ себя и всѣхъ мудрецовъ моей среды о томъ, что̀ такое я, и въ чемъ смыслъ моей жизни, и получивъ отвѣтъ: ты — случайное сцѣпленіе частицъ, смысла въ жизни нѣтъ, и

сама жизнь есть зло, я пришелъ въ отчаяніе и хотѣлъ убить себя, но, вспомнивъ то, что прежде, въ дѣтствѣ, когда я вѣрилъ, для меня былъ смыслъ жизни, и то, что люди, вѣрующіе вокругъ меня, большинство людей, не развращенныхъ богатствомъ, вѣруютъ и имѣютъ смыслъ жизни, я усомнился въ правдоподобности отвѣта, даннаго мнѣ мудростью людей моей среды, и попытался понять смыслъ того отвѣта, который даетъ христіанство людямъ вѣрующимъ. Изучая вѣрованія христіанскія, я увидалъ, что они наполовину состоятъ изъ самыхъ дикихъ суевѣрій. Но дикость суевѣрій не уничтожила того, что люди, которыхъ я зналъ, жили этимъ ученіемъ. И я сталъ изучать источникъ ученія, и въ евангеліяхъ я нашелъ объясненіе смысла моей жизни и жизни вообще, и нашелъ объясненіе, вполнѣ удовлетворившее меня, такое, выше котораго я ничего не знаю и не могу себѣ представить. Восходя отъ того снопа лучей свѣта, который одинъ только давалъ смыслъ и моей жизни, и всему окружающему меня, я нашелъ его источникъ въ евангеліи, несмотря на лживыя толкованія церквей. И, дойдя до чистаго источника свѣта евангелій, я былъ ослѣпленъ имъ и получилъ полные отвѣты на вопросъ о смыслѣ моей жизни и жизни другихъ людей, отвѣты, вполнѣ сходящіеся со всѣми мнѣ извѣстными отвѣтами другихъ народовъ, и на мой взглядъ превосходящіе всѣ.

Я искалъ отвѣта на вопросъ жизни, а не на богословскій и историческій, и потому для меня главный вопросъ не въ томъ, Богъ или не Богъ былъ Іисусъ Христосъ, и отъ кого исшелъ духъ святой; и одинаково не важно и не нужно знать, когда и кѣмъ написано какое евангеліе, и какая притча можетъ или не можетъ быть приписана Христу. Мнѣ важенъ тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ 1800 лѣтъ человѣчество, и освѣщалъ и освѣщаетъ меня; а какъ назвать источникъ этого свѣта, и какіе матеріалы его, и кѣмъ онъ зажженъ, — мнѣ было все равно.

На томъ бы могло и кончиться предисловіе, еслибы евангелія были книги, открытыя теперь, еслибы ученіе Христа не подвергалось 1800 лѣтнимъ лжетолкованіямъ. Но теперь для пониманія ученія Іисуса необходимо ясно сознать главные пріемы этихъ лжетолкованій. Самый привычный и сросшійся съ нами пріемъ лжетолкованія состоитъ въ томъ, что подъ именемъ христіанскаго ученія проповѣдуется не ученіе Христа, а церковное ученіе, составленное изъ объясненій самыхъ противорѣчивыхъ писаній, въ которыя только какъ малая часть входитъ изуродованное и подогнутое подъ требованія объясненій другихъ писаній и ученіе Христа. По этому лжетолкованію ученіе Іисуса есть только одно изъ звеньевъ цѣпи откровенія, начавшагося съ начала міра и продолжающагося въ церкви до сихъ поръ. Лжетолкователи эти называютъ Іисуса Богомъ, но признаніе его Богомъ не заставляетъ ихъ придавать словамъ и ученію,

приписываемымъ Богу, больше значенія, чѣмъ словамъ пятикнижія, псалмовъ, дѣяній апостольскихъ, посланій, апокалипсиса и даже соборныхъ постановленій и писаній отцовъ церкви.

Лжетолкователи эти не допускаютъ иного пониманія ученія Іисуса Христа, какъ такого, которое было бы согласно со всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ откровеніемъ, такъ что по задачѣ своей стремятся только къ тому, чтобы найти наименѣе противорѣчивый смыслъ всѣмъ самымъ невозможно-разнорѣчивымъ писаніямъ, пятикнижію, псалмамъ, евангелію, посланіямъ, дѣяніямъ, т. е. всему, что̀ считается священнымъ писаніемъ.

Объясненій такихъ, имѣющихъ цѣлью не истину, а согласованіе несогласнаго, т. е. писаній ветхаго и новаго завѣта, очевидно, можетъ быть безчисленное количество и таково оно и есть. Соглашали и соглашаютъ каждый по-своему. Но каждый при своемъ согласованіи утверждаетъ, что его согласованіе есть продолжающееся откровеніе св. духа. Таковы посланія Павла, постановленія соборовъ, начинающіяся формулой „изволися намъ и св. духу“. Таковы постановленія папъ, синодовъ, хлыстовъ и всѣхъ лжетолкователей, утверждающихъ, что ихъ устами говоритъ св. духъ. Всѣ они употребляютъ одинъ и тотъ же грубый пріемъ утвержденія истины своего толкованія тѣмъ, что толкованіе ихъ есть не людское толкованіе, а толкованіе св. духа, забывая то, что этотъ самый пріемъ употребляется и другими толкователями, отрицающими ихъ толкованіе.

Не входя въ разборъ самыхъ этихъ вѣръ, называющихъ себя каждая истинной, нельзя не видѣть того, что въ общемъ имъ всѣмъ пріемѣ признанія огромнаго количества такъ называемыхъ писаній ветхаго и новаго завѣта одинаково священными, лежитъ непреодолимая, ими самими поставленная себѣ, преграда для пониманія ученія Христа, и еще того, что изъ этого заблужденія и вытекаетъ самая возможность и даже необходимость безконечно-разнообразныхъ враждебныхъ сектъ. Только согласованіе всѣхъ откровеній можетъ быть безконечно различно; толкованіе же ученія одного лица, почитаемаго за Бога, не можетъ порождать сектъ. Ученіе Бога, сошедшаго на землю, чтобы научить людей, по самой цѣли сошествія Бога на землю не можетъ быть понимаемо различно. Если Богъ сошелъ на землю, чтобы открыть истину людямъ, то наименьшее, что Онъ могъ сдѣлать, это то, чтобы открыть истину такъ, чтобы всѣ ее поняли; если же Онъ этого не сдѣлалъ, то Онъ не былъ Богъ; если же истины божескія таковы, что и Богъ не могъ ихъ сдѣлать понятными для людей, то люди уже никакъ не могутъ этого сдѣлать.

Если Іисусъ не Богъ, а великій человѣкъ, то ученіе его еще менѣе можетъ породить секты. Ученіе великаго человѣка только тѣмъ и велико, что оно понятно и ясно высказываетъ то, что̀ другіе высказывали непонятно и неясно. То, что̀ непонятно въ

ученіи великаго человѣка, то и невелико. Бывали различныя пониманія и толкованія темныхъ мѣстъ ученія великаго мыслителя, но всегда всѣ они сводились къ единству. Всякое болѣе ясное, глубокое, сходящееся съ смысломъ ясныхъ мѣстъ, объединяющее ученіе толкованіе темныхъ мѣстъ, съ радостью принимается всѣми и не можетъ вызывать сектъ и вражды.

Ложное, неясное толкованіе отпадаетъ само собой и ни въ какомъ случаѣ не можетъ породить вражды. И оттого толкованіе мыслей великаго мыслителя не можетъ порождать сектъ и никогда не порождало ихъ. Только такое толкованіе, которое утверждаетъ, что оно есть откровеніе св. духа, что оно единое истинное, что всѣ остальныя ложь, — только такое толкованіе порождаетъ секты.

Причина распаденія вѣръ на секты лежитъ и въ лжетолкованіи о томъ, что евангеліе должно объяснять не само по себѣ, а въ связи со всѣмъ такъ называемымъ св. писаніемъ, и о томъ, что все то, что исповѣдуютъ церкви, есть откровеніе св. духа, и главное, о томъ, что, признавъ послѣднимъ откровеніемъ св. духа, сошедшаго на апостоловъ и перешедшаго и переходящаго на мнимо-избранныхъ, лжетолкователи нигдѣ не выражаютъ прямо, опредѣленно и окончательно, въ чемъ состоитъ это откровеніе, а между тѣмъ на этомъ мнимо-продолжающемся откровеніи основываютъ свою вѣру и называютъ ее Христовой. Такъ что толкователи эти, такъ же какъ и магометане, признаютъ три откровенія: магометане Моисея, Іисуса и Магомета; церковники признаютъ Моисея, Іисуса и св. духа. Но по магометанской вѣрѣ Магометъ есть послѣдній пророкъ, тотъ, который объяснилъ значеніе откровенія Моисея и Іисуса, и онъ есть послѣднее откровеніе, объяснившее все предыдущее, и это откровеніе всякій правовѣрный имѣетъ передъ собою.

Но не то съ церковной вѣрой. Она, какъ и магометанская, признаетъ три откровенія: Моисеево, Іисусово и св. духа, но она не называетъ себя, по имени послѣдняго откровенія, святодуховскою, а утверждаетъ, что основа ея вѣры есть ученіе Христа. Такъ что ученіе они проповѣдуютъ свое, а авторитетъ этого ученія приписываютъ Христу. Лжетолкователи эти, признавая послѣднимъ откровеніемъ, объясняющимъ все предшествовавшее, кто — Павла, кто — одни, кто — другіе соборы, кто однихъ, кто другихъ отцовъ церкви, кто папу, кто патріарховъ, — должны бы были такъ и сказать и называть свою вѣру по имени того, кто имѣлъ послѣднее откровеніе. И если послѣднее откровеніе — отцы, или посланія восточныхъ патріарховъ, или папскія постановленія, или силабусъ, или катехизисъ Лютера или Филарета, то такъ и сказать и такъ и называть свою вѣру, потому что послѣднее откровеніе, объясняющее все предшествующее, всегда и будетъ главнымъ откровеніемъ. Но они не дѣлаютъ этого, а вмѣсто того, проповѣдуя самыя чуждыя Христу ученія, утвержда-

ютъ, что эти ученія проповѣдывалъ Христосъ. Такъ что по ихъ ученію выходитъ, что Христосъ объявилъ то, что онъ искупилъ своею кровью родъ человѣческій, что Богъ — Троица, что св. духъ сошелъ на апостоловъ и перешелъ черезъ рукоположеніе на священство, что для спасенія нужно семь таинствъ, что причастіе должно быть въ двухъ видахъ и т. п. Выходитъ, что все это есть ученіе Христа, когда въ ученіи Іисуса нѣтъ ни одного намека ни о чемъ этомъ. Лжетолкователи эти должны называть свое ученіе, свою вѣру, ученіемъ и вѣрою св. духа, а не Христовой, потому что Христовой вѣрой можно назвать только ту вѣру, которая откровеніе Христа, дошедшее до насъ въ евангеліяхъ, признаетъ послѣднимъ откровеніемъ.

Казалось бы, что это такъ просто, что не стоило бы и говорить про это; но какъ ни странно это сказать, до сихъ поръ еще не отдѣлено ученіе Христа, съ одной стороны, — отъ искусственнаго, ничѣмъ не оправданнаго согласованія его съ ветхимъ завѣтомъ, съ другой стороны — отъ тѣхъ произвольныхъ дополненій и извращеній ученія, которыя дѣлаются во имя св. духа. До сихъ поръ одни, называя Іисуса вторымъ лицомъ Троицы, понимаютъ его ученіе не иначе, какъ въ связи съ тѣми мнимыми откровеніями третьяго лица, которыя они находятъ въ ветхомъ завѣтѣ, въ посланіяхъ соборныхъ, отеческихъ постановленіяхъ, и проповѣдуютъ самыя странныя вѣры, утверждая, что это вѣры Христовы.

Другіе, не признавая Іисуса Богомъ, точно такъ же понимаютъ его ученіе не такъ, какъ оно могло быть проповѣдуемо имъ, но какъ оно понимается Павломъ и другими его толкователями. Признавая Іисуса не Богомъ, а человѣкомъ, эти толкователи лишаютъ Іисуса самаго законнаго человѣческаго права отвѣчать за свои слова, а не за лжетолкователей его словъ. Стараясь объяснить ученіе Іисуса, эти ученые толкователи навязываютъ Іисусу то, чего онъ никогда не думалъ говорить. Представители этой школы толкователей, начиная съ самаго популярнаго изъ нихъ Ренана, не потрудившись выдѣлить изъ ученія Христа того, чему училъ самъ Христосъ, отъ того, что̀ на него наклепали его толкователи, не потрудившись понять это ученіе сколько-нибудь глубже; эти ученые стараются понять смыслъ явленія Іисуса и распространенія его ученія изъ событій жизни Іисуса и условій его времени.

А между тѣмъ казалось бы, что историкамъ-то ужъ никакъ нельзя дѣлать эту ошибку. Задача, которую имъ предстоитъ рѣшить состоитъ въ томъ, что 1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то нищій и что-то наговорилъ. Его высѣкли и повѣсили. И съ тѣхъ поръ несмотря на то, что было много и много проповѣдниковъ, погибшихъ за свою правду, милліарды людей умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и безграмотныхъ, не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что этотъ, только этотъ человѣкъ былъ Богъ. Какъ объяснить это удивительное явленіе? Церковники говорятъ, что это про-

и отреченіе отъ своей лжи, или гоненіе тѣхъ, которые обличаютъ ихъ за то, что̀ они дѣлали и дѣлаютъ.

Если они не отрекутся отъ лжи, имъ остается одно: гнать меня, на что̀ я, оканчивая свое писаніе, готовлюсь съ радостью и со страхомъ за свою слабость.

Примѣчаніе 2-ое.

Заглавіе это опредѣляетъ содержаніе книги. Сказано, что въ книгѣ возвѣщается людямъ благо. Значеніе этого заглавія необходимо помнить для того, чтобы умѣть отбирать въ книгѣ мѣста болѣе существенныя отъ менѣе важныхъ; такъ какъ содержаніе книги есть возвѣщеніе блага людямъ, то все, что̀ опредѣляетъ это благо людямъ, и *есть самое существенное*, все же, не имѣющее цѣлью возвѣстить благо,— менѣе существенное.

Примѣчаніе 3-ье.

Въ предисловіи этомъ сказано, что вѣрою въ то, что Іисусъ Христосъ былъ сынъ Бога, люди будутъ имѣть жизнь. Точно такъ же, какъ въ словахъ *возвѣщеніе о благѣ* подразумѣвается какое-то особенное, болѣе твердое истинное благо, чѣмъ то, что̀ люди считаютъ за благо, — и въ словѣ *жизнь*, которую люди будутъ имѣть, очевидно, подразумѣвается какая-то не та жизнь, которую люди считаютъ жизнью. Эта другая жизнь получается вѣрою въ то, что̀ есть сынъ Бога; указывается на то, что съ этой сыновностью Богу связывается и самое возвѣщеніе о благѣ.

Примѣчаніе 4-ое.

Только разумѣніе даетъ возможность жизни. Истинная жизнь есть только та, которая освѣщена свѣтомъ разумѣнія. Свѣтъ людей есть истинная жизнь, свѣтъ даетъ свѣтъ, и нѣтъ въ немъ темноты. Такъ и разумѣніе даетъ жизнь, въ которой нѣтъ смерти.

Все, что̀ стало истинно живо, стало такимъ только черезъ разумѣніе. Истинная жизнь, по возвѣщенію Іисуса Христа, стала только въ разумѣніи. Или иначе сказать: свѣтъ — разумѣніе людей — сталъ для людей истинною жизнью. Точно такъ же, какъ свѣтъ есть истинное сущее, а темнота есть только отсутствіе свѣта. И темнота не можетъ уничтожить свѣта.

Примѣчаніе 5-ое.

Сказано, что жизнь міра подобна свѣту въ темнотѣ. Свѣтъ свѣтитъ въ темнотѣ, и темнота его не удерживаетъ. Живое живетъ въ мірѣ, но міръ не удерживаетъ жизнь въ себѣ. Теперь, продолжая рѣчь о разумѣніи, говорится о томъ, что оно было тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ всякаго живого человѣка, тотъ настоящій свѣтъ жизни, который извѣстенъ всякому

человѣку, такъ что разумѣніе разлито во всемъ мірѣ, въ томъ мірѣ, который живъ имъ; но весь міръ не знаетъ этого, не знаетъ того, что въ разумѣніи только сила, основа, власть жизни. Разумѣніе было въ отдѣльныхъ людяхъ, и отдѣльные люди не приняли въ себя его, не усвоили его въ себѣ, не поняли, что жизнь только въ немъ; или разумѣніе было въ своемъ собственномъ произведеніи — сынѣ, но сынъ не признавалъ своего Отца.

Ни все человѣчество, ни большинство людей порознь не понимали того, что они живутъ только разумѣніемъ, и жизнь ихъ была, какъ свѣтъ, являющійся въ темнотѣ, вспыхивающій и угасающій.

Была жизнь, проявляющаяся среди смерти и опять поглощавшаяся смертью. Но тѣмъ, кто понялъ разумѣніе, всѣмъ тѣмъ оно дало „возможность, вѣрою въ свое происхожденіе отъ него, сдѣлаться сынами его.“

Примѣчаніе 6-ое.

Смыслъ стиховъ слѣдующій:

Разумѣніе было во всѣхъ людяхъ. Оно было въ томъ, чтò оно произвело; — всѣ люди живы только потому, что они рождены разумѣніемъ. Но люди не признали своего Отца разумѣнія и не жили имъ, а полагали источникъ своей жизни внѣ его. Но всякому человѣку, понявшему этотъ источникъ жизни, разумѣніе давало возможность, вѣрою въ это, сдѣлаться сыномъ Бога-разумѣнія, потому что всѣ люди рождены и живы не отъ кровей женщины и отъ похоти мужчины, а отъ Бога — разумѣнія. Въ Іисусѣ Христѣ проявилось полное разумѣніе.

Примѣчаніе 7-ое.

Смыслъ стиховъ слѣдующій:

Въ Іисусѣ Христѣ разумѣніе слилось съ жизнью и жило между нами, и мы поняли его ученіе о томъ, что жизнь произошла отъ разумѣнія и однородна ему, какъ сынъ произошелъ отъ отца и одинороденъ ему; мы получили законченное ученіе богоугожденія дѣломъ, потому что по исполненію Іисусомъ Христомъ всѣ мы постигли новое богоугожденіе, вмѣсто прежняго, такъ какъ Моисеемъ былъ данъ законъ, богоугожденіе же дѣломъ произошло черезъ Іисуса Христа.

Бога никто не видѣлъ и не видитъ никогда, только жизнь въ разумѣніи показала путь къ нему.

Примѣчаніе 8-ое.

Въ чемъ состояло ученіе Іоанна? Обыкновенно говорятъ, что мы ничего или очень мало знаемъ о томъ, чтò проповѣдывалъ Іоаннъ. И дѣйствительно, если признать то, что Іоаннъ объяснялъ только наступленіе того царства небеснаго, которому

училъ Іисусъ, или проповѣдывалъ, какъ прежніе пророки, пришествіе Бога, то въ проповѣди Іоанна не остается никакого содержанія. Но если мы только перестанемъ относиться къ написаннымъ словамъ, какъ къ волшебной сказкѣ, отыскивая вездѣ чудеса и пророчества, то проповѣдь Іоанна получитъ большое содержаніе. Обыкновенно его представляютъ церковные, какъ предтечу Христа, а вольнодумцы, какъ одного изъ тѣхъ поэтовъ либераловъ, называемыхъ пророками, которые не переводились между іудеями и говорили общія нравственныя мѣста. Но если мы только дадимъ себѣ трудъ понимать слова, которыя передъ нами, просто и безъ предвзятыхъ мыслей, то содержаніе проповѣди Іоанна Крестителя, и очень важное содержаніе, тотчасъ окажется.

Сказано, что царство небесное совсѣмъ приблизилось. Ни одинъ изъ пророковъ не говоритъ этого. Всѣ говорили, что Богъ придетъ, будетъ царемъ, сдѣлаетъ то-то, но все это будетъ когда-то. Іоаннъ сказалъ: царство небесное совсѣмъ приблизилось. Ничего особеннаго, замѣтнаго не случилось, но оно пришло. То, что особенность проповѣди Іоанна состояла въ возвѣщеніи о томъ, что царство небесное совсѣмъ приблизилось или наступило, или, по крайней мѣрѣ, что Іисусъ Христосъ такъ понималъ эти слова, доказывается тѣмъ, что послѣ Іисусъ Христосъ говорилъ: Лк. XVI, 16. *Законъ и пророки до Іоанна.* Съ Іоанна же царство Бога возвѣщается какъ благо, и всякій усиліемъ входитъ въ него.

Стало быть, вотъ значеніе проповѣди Іоанна. Ни одинъ пророкъ еще никогда не говорилъ этого. Всѣ пророки прежніе, кромѣ Іереміи XXXI, 31, предсказывали необыкновенныя внѣшнія событія при пришествіи Бога: казни, холода, заразы, истребленія, войны и плотскія блага. Іоаннъ ничего подобнаго не предсказываетъ. Онъ только говоритъ о томъ, что никому не отбыть воли Божьей, что то, чтò не нужно, то истребится, и останется только то, чтò нужно. Онъ только говоритъ: обновитесь! Это главная особенность его проповѣди, и самое значительное въ ней то, что онъ говоритъ: я очищаю васъ водою, но то, чтò должно васъ очистить, то, чтò очиститъ васъ вполнѣ — это духъ, т. е. что-то невидимое неплотское. Іоаннъ сказалъ: до сихъ поръ говорили вамъ, что царство небесное придетъ когда-то, я говорю вамъ, что оно уже наступило. Для того, чтобы вступить въ него, нужно обновиться, отречься отъ заблужденій. Я могу только внѣшне очищать, очиститъ же васъ только духъ. Вотъ то ученіе, которое слышалъ Іисусъ Христосъ. Царство наступило, но чтобы вступить въ него, нужно очиститься духомъ.

И вотъ, исполненный духа, Іисусъ Христосъ идетъ въ пустыню, чтобы испытать духъ свой.

Примѣчаніе 9-ое.

Говорится объ Іисусѣ Христѣ и о томъ врагѣ, который есть въ каждомъ человѣкѣ, о томъ началѣ борьбы, безъ которой немыслимъ живой человѣкъ. Очевидно, писатель съ простыми пріемами хочетъ выразить мысли Іисуса Христа. Чтобы выразить мысли, надо заставить говорить его, но онъ одинъ. И писатель заставляетъ говорить Христа съ самимъ собою, и онъ называетъ одинъ голосъ — голосомъ Іисуса Христа, а другой — то дьяволомъ, т. е. обманщикомъ, то искусителемъ.

Для всякаго человѣка, свободнаго отъ церковнаго толкованія, будетъ ясно, что слова, приписываемыя искусителю, выражаютъ только голосъ плоти, противный тому духу, въ которомъ находился Іисусъ Христосъ послѣ проповѣди Іоанна.

Всѣ три искушенія суть самыя обычныя выраженія внутренней борьбы, повторяющейся въ душѣ каждаго человѣка. Въ чемъ же состоитъ эта внутренняя борьба? Іисусу 30 лѣтъ. Онъ считаетъ себя сыномъ Бога. Вотъ все, что̀ мы знаемъ о немъ въ то время, какъ онъ слушаетъ проповѣдь Іоанна. Іоаннъ проповѣдуетъ, что пришло царство небесное на землю, что для вступленія въ него, кромѣ очищенія водой, нужно очищеніе духомъ. Никакого внѣшняго поразительнаго состоянія Іоаннъ не обѣщаетъ. Признака внѣшняго наступленія царства небеснаго не будетъ. Единственный признакъ его пришествія есть какое-то внутреннее, неплотское явленіе — очищеніе духомъ. Исполненный мыслью объ этомъ духѣ Іисусъ Христосъ уходитъ въ пустыню. Мысль его о своемъ отношеніи къ Богу выражена въ предшествующемъ. Онъ считаетъ Отцомъ своимъ Бога, онъ сынъ Бога, и для того, чтобы Отецъ его былъ въ мірѣ и въ немъ самомъ, ему надо найти этотъ духъ, который долженъ очистить міръ, и этимъ духомъ очистить себя. И чтобы извѣдать этотъ духъ, онъ подпадаетъ искушенію, удаляется отъ людей и уходитъ въ пустыню. Въ пустынѣ онъ страдаетъ голодомъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ своей сыновности къ Богу и своей духовности, онъ хочетъ ѣсть и страдаетъ голодомъ. И голосъ плоти говоритъ ему: „если ты сынъ Бога, прикажи, чтобы изъ камней стали хлѣбы.“

Съ первыхъ словъ голосъ плоти хочетъ показать Іисусу ложность его убѣжденій въ томъ, что онъ есть духовное существо и сынъ Божій. Ты говоришь: ты сынъ Божій, ушелъ въ пустыню и думаешь освободиться отъ похоти плоти. А похоть плоти мучитъ тебя. Здѣсь не удовлетворишь похоти, камней хлѣбами не сдѣлаешь, такъ лучше поди туда, гдѣ есть изъ чего дѣлать хлѣбъ, и дѣлай его или запасай его и носи съ собою и ѣшь, какъ всѣ люди.

Вотъ что̀ сказалъ голосъ плоти въ первомъ искушеніи. На это Іисусъ Христосъ, вспоминая Израиля въ пустынѣ, сказалъ: Израиль 40 лѣтъ жилъ въ пустынѣ безъ хлѣба и питался, и

живъ остался, потому что Богъ хотѣлъ этого. Стало быть, не хлѣбомъ живъ человѣкъ, а волей Божьей.

Тогда голосъ плоти, представляя ему, что онъ стоитъ на высотѣ, говоритъ: если такъ, и тебѣ, какъ сыну Божію, заботиться о хлѣбѣ не нужно, такъ докажи это — бросься внизъ. Вѣдь ты самъ говоришь, что все происходитъ не отъ заботы человѣка, а отъ воли Божьей. Это истинная правда, и въ псалмѣ Давидовомъ сказано: „на руки подхватятъ тебя и не допустятъ до тебя зло.“ Такъ что́ же ты страдаешь, бросься головой внизъ, до тебя не допустится зло, ангелы сохранятъ тебя. Въ словахъ дьявола „бросься внизъ“ находится возраженіе на то, что Іисусъ надѣется на Бога; но въ слѣдующихъ словахъ изъ псалма выражается и то, что если вѣрить въ волю Божію и жить одною ею, то человѣкъ и не можетъ испытывать страданій; ангелы соблюдутъ его, и потому дьяволъ высказываетъ свою мысль: 1) что если вѣрить, что живъ человѣкъ отъ воли Божіей, а не отъ своей заботы, то и не надо беречь свою жизнь и 2) что для вѣрующаго и не можетъ быть никакихъ лишеній и страданій, ни жажды, ни голода, стоитъ только броситься головой внизъ, отдаться воли Божіей, и ангелы соблюдутъ.

На это Іисусъ отвѣчаетъ отказомъ броситься внизъ. Онъ говоритъ: я не брошусь, потому что написано: не искушай своего Бога.

Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ опять словами изъ книгъ Моисея, напоминая событіе при Массѣ-Меривѣ.

Этимъ воспоминаніемъ Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ на оба разсужденія дьявола. На то, что́ голосъ плоти говоритъ, что онъ не вѣритъ въ Бога, если бережетъ себя, онъ отвѣчаетъ: „нельзя испытывать своего Бога.“ На то, что́ голосъ плоти говоритъ, что, если бы онъ вѣрилъ въ Бога, онъ бы бросился съ храма, чтобы отдаться ангеламъ и избавиться отъ голода, онъ отвѣчаетъ тѣмъ, что онъ не укоряетъ никого за свой голодъ, какъ укоряли израильтяне Моисея при Массѣ. Онъ не отчаивается въ Богѣ, и потому ему и не нужно испытывать Бога, и легко переноситъ свое положеніе.

Третье искушеніе есть строгій выводъ изъ двухъ первыхъ. Оба первыя начинаются словами: „если ты сынъ Божій“; послѣднее же не имѣетъ этого вступленія. Голосъ плоти прямо говоритъ Іисусу Христу, показывая ему всѣ царства міра, т. е. то, какъ живутъ люди, и говоритъ ему: „если поклонишься мнѣ, все это дамъ тебѣ.“ Отсутствіе вступленія и совсѣмъ особенный складъ рѣчи, уже не какъ съ человѣкомъ, съ которымъ спорятъ, а съ человѣкомъ, который покоренъ, — указываетъ на связь этого мѣста съ предшествующими, если предшествующія поняты въ ихъ настоящемъ смыслѣ.

Сначала голосъ плоти разсуждаетъ и говоритъ: если бы ты былъ сынъ Бога и духъ, то ты бы не голодалъ, а если бы и

голодалъ, то могъ бы по своей волѣ изъ камней сдѣлать хлѣбъ и удовлетворять своей волѣ. А если голодаешь и не можешь изъ камня сдѣлать хлѣбъ, значитъ, ты не сынъ Бога и не духъ.

Хочешь ѣсть, такъ и заботься о хлѣбѣ. Если бы правда было то, что ты предаешься волѣ Божіей, то ты бы и не берегъ себя, а ты бережешься — стало быть, ты не правъ. И потому голосъ плоти, торжествуя, говоритъ: не хочешь думать о пищѣ, такъ и не береги свою жизнь, а бережешь свою жизнь, съ крыши не хочешь броситься, такъ отчего хлѣба себѣ не припасешь? Голосъ плоти какъ бы заставилъ Іисуса признать могущество ея и неизбѣжность жизни плотской, и потому онъ и говоритъ: всѣ эти твои надежды на Бога и увѣренность въ немъ — все это слова, а на дѣлѣ ты не ушелъ и не уйдешь отъ плоти. Такой же ты сынъ плоти былъ и есть, какъ и всѣ люди. А сынъ плоти, такъ почти ее и работай ей. Я — духъ плоти. И онъ показываетъ Іисусу царства міра. Видишь, что̀ я даю тѣмъ, кто служитъ мнѣ. Почти меня, работай мнѣ, и тебѣ то же будетъ.

На это Іисусъ отвѣчаетъ опять изъ книги Моисея (Второзаконіе VI, 13): „Господа Бога твоего бойся и ему служи."

Сказано это во Второзаконіи не просто, а сказано израильтянамъ, что тогда, когда они получатъ всѣ блага плоти, то тутъ-то и надо бояться забыть Бога и ему одному работать.

Голосъ плоти замолкаетъ, и сила Божія помогаетъ Іисусу Христу перенести искушеніе.

Все, что̀ нужно было сказать, — все сказано. Церковныя толкованія любятъ представлять это мѣсто, какъ побѣду Іисуса надъ дьяволомъ. Побѣды ни по какому толкованію не выходитъ никакой: дьявола можно считать столько же побѣдителемъ, сколько и Іисуса Христа. Побѣды нѣтъ ни съ одной, ни съ другой стороны, есть только выраженіе двухъ противоположныхъ другъ другу основъ жизни. И ясно выражена и та, которую отрицаетъ Іисусъ Христосъ, и та, которую онъ избралъ. Оба хода разсужденія поразительны тѣмъ, что философскія системы, системы морали, религіозныя секты, различныя направленія жизни въ тотъ или другой историческій періодъ, имѣютъ въ основѣ только различныя стороны обоихъ этихъ разсужденій. Въ каждомъ серьезномъ разговорѣ о значеніи жизни, о религіи, въ каждомъ случаѣ внутренней борьбы отдѣльнаго человѣка повторяются все тѣ же и тѣ же разсужденія этого разговора дьявола съ Іисусомъ, или голоса плоти съ голосомъ духа.

То, что̀ мы называемъ матеріализмомъ, есть только слѣдованіе всему разсужденію дьявола; то, что̀ мы называемъ аскетизмомъ, есть только слѣдованіе первому отвѣту Христа о томъ, *что не хлѣбомъ живъ человѣкъ*.

Секты самоубійствъ, философія Шопенгауера и Гартмана есть только развитіе втораго разсужденія дьявола.

Въ самомъ простомъ видѣ разсужденіе таково:

Дьяволъ. — Сынъ Бога, а голоденъ. Словами хлѣба не сдѣлаешь. Толкуй, не толкуй о Богѣ, а брюхо хлѣба проситъ. Хочешь быть живъ — такъ и работай, запасай хлѣба.

Іисусъ. — Человѣкъ живъ не хлѣбомъ, а Богомъ. Человѣку даетъ жизнь не плотское, а другое — духъ.

Дьяволъ. — А если не плотское даетъ жизнь, то человѣкъ свободенъ отъ плоти и ея требованій. А если свободенъ, такъ бросься съ крыши, ангелы подхватятъ тебя. Убивай свою плоть или сразу убей ее.

Іисусъ. — Жизнь въ тѣлѣ отъ Бога, и потому нельзя роптать на нее и сомнѣваться въ ней.

Дьяволъ. — Говоришь, зачѣмъ хлѣбъ, а самъ голодаешь. Говоришь: жизнь отъ Бога, въ духѣ, а самъ бережешь свою плоть. значитъ, одни разговоры. Не тобой свѣтъ начался и не тобой кончится. Гляди на людей: жили и живутъ и хлѣбъ припасаютъ, и хлѣбъ берегутъ. И припасаютъ не на день, не на годъ, а на года, и не одинъ хлѣбъ, а все, что человѣку нужно. И себя берегутъ, и чтобы самимъ не падать, и чтобы бѣда не убила, и чтобы человѣкъ не обидѣлъ — тѣмъ и живи. Ѣсть хочешь, такъ и трудись. Жалѣешь свое тѣло, такъ и береги себя. Почитай плоть и работай ей, и живъ будешь, и она отплатитъ тебѣ.

Іисусъ. — Живъ человѣкъ не плотью, а Богомъ. Въ жизни отъ Бога нельзя сомнѣваться, и въ жизни этой почитать должно одного Бога и Ему одному работать.

Все разсужденіе дьявола, т. е. плоти — несомнѣнно и неотразимо, если стать на его точку зрѣнія. Разсужденіе Христа точно такъ же неотразимо, если стать на его точку зрѣнія. Разница только въ томъ, что разсужденіе Іисуса Христа включаетъ въ себя разсужденіе плоти. Іисусъ Христосъ понимаетъ разсужденіе плоти, беретъ его за основаніе всего разсужденія. Разсужденіе же плоти не включаетъ въ себя разсужденія Іисуса Христа и не понимаетъ его точки зрѣнія. Непониманіе дьяволомъ Христа начинается съ второго вопроса и отвѣта. Дьяволъ говоритъ: если ты говоришь, что ты можешь быть живъ безъ хлѣба, необходимаго для жизни, то ты можешь отречься отъ всей своей плотской жизни, прямо отрицать ее, и для уничтоженія жизни броситься съ высоты.

Іисусъ отвѣчаетъ: отказываясь отъ хлѣба, я не отказываюсь отъ Бога, но, бросаясь съ храма, я отказываюсь отъ Бога.

А жизнь — отъ Бога, и жизнь есть проявленіе во мнѣ, въ моей плоти Бога. Слѣдовательно, отказываясь отъ жизни, сомнѣваясь въ ней, я сомнѣваюсь въ Богѣ. И потому, можно отказываться отъ всего во имя Бога, но не отъ жизни, потому жизнь проявленіе божества.

Но дьяволъ не хочетъ понимать этого и полагаетъ свое разсужденіе вѣрнымъ и говоритъ: отчего же отъ хлѣба, нужнаго для жизни, можно отказаться, а отъ самой жизни нельзя? Онъ

говоритъ: это непослѣдовательно. И если отъ жизни нельзя отказаться, то нельзя отказаться и отъ всего, что̀ нужно для нея, и дѣлаетъ выводъ. А если не бросаешься съ крыши и считаешь, что надо беречь себя, то надо беречь себя и во всемъ и запасать хлѣбъ.

Іисусъ говоритъ, что приравнять хлѣбъ къ жизни нельзя, что тутъ — разница. И разсужденіе Іисуса ведетъ его къ своему противоположному выводу.

Плоть говоритъ: я вложила въ тебя потребность соблюдать меня. Если ты думаешь, что ты можешь пренебрегать какими-нибудь изъ моихъ похотей и голодать, когда тебѣ ѣсть хочется, то не думай, что ты можешь уйти отъ меня.

Ты жертвуешь одними потребностями для другихъ, но самой плоти ты ни для чего не пожертвуешь. И потому ты не уйдешь отъ меня, и всегда, какъ и всѣ люди, будешь служить мнѣ одной.

И эту-то самую несомнѣнную истину Іисусъ Христосъ беретъ въ основаніе своего разсужденія и съ перваго же слова, признавая всю истинность этого разсужденія, переноситъ вопросъ на другую точку зрѣнія. Онъ спрашиваетъ себя: что̀ такое во мнѣ эта потребность соблюдать плоть — эта похоть и эта внутренняя борьба съ этой похотью? и отвѣчаетъ: это сознаніе жизни во мнѣ. Что̀ же такое это сознаніе жизни? Плоть не есть жизнь. Что̀ же такое жизнь? Жизнь — это что-то такое неизвѣстное, но что-то не похожее на плоть, совсѣмъ другое, чѣмъ плоть. Что̀ же это такое? Это что-то изъ другого источника. И потому признавая первое положеніе о томъ, что есть плоть и потребность соблюдать ее, онъ говоритъ себѣ, что однако все, что̀ онъ знаетъ о плоти и ея потребностяхъ, онъ знаетъ только потому, что въ немъ есть жизнь, и говоритъ себѣ, что жизнь не отъ плоти, а отъ чего-то другого, и это-то другое, противоположное плоти, называетъ Богъ — и говоритъ: человѣкъ живъ не потому, что ѣстъ хлѣбъ, а потому, что въ немъ есть жизнь. А жизнь его происходитъ отъ чего-то другого — отъ Бога. На второе положеніе плоти, на то, что отъ плоти все-таки не уйдешь, что все-таки живешь только потому, что хотя чувствомъ самосохраненія соблюдаешь ее, Іисусъ Христосъ говоритъ, продолжая разсужденіе съ своей точки зрѣнія, что онъ бережетъ жизнь свою не для плоти, а для того, что она отъ Бога, и что жизнь есть проявленіе Бога. И потому въ послѣднемъ выводѣ о томъ, что надо работать плоти, уже совсѣмъ расходится съ искусителемъ и говоритъ: и потому надо работать этому одному духовному началу жизни — Богу.

Іисусъ говоритъ: правда, я всегда буду во власти плоти, она всегда будетъ заявлять свои требованія, но, кромѣ голоса плоти, я знаю еще голосъ Бога, независимый отъ нея. И потому какъ въ этихъ искушеніяхъ въ пустынѣ, такъ и во всей жизни голосъ плоти и голосъ Бога будутъ входить въ противорѣчіе,

и мнѣ надо будетъ, какъ и работнику, ожидающему плату, работать тому или другому. Два голоса будутъ звать меня и требовать работы одному или другому. И усиліе я буду дѣлать въ такихъ противорѣчіяхъ Богу, и отъ Него только буду ждать (награды) платы, т. е. въ случаѣ борьбы избирать всегда усиліе для Бога.

И духъ одерживаетъ побѣду надъ плотью, и Іисусъ находитъ тотъ духъ, который долженъ очистить его для того, чтобы наступило царство небесное. И въ сознаніи этого духа Іисусъ Христосъ возвращается изъ пустыни.

Если дать словамъ *Богъ* и *жизнь* то значеніе, которое эти слова имѣютъ во Введеніи, то слова Іисуса Христа становятся еще яснѣе. На первую рѣчь дьявола о хлѣбѣ Христосъ говоритъ: не хлѣбомъ, а разумѣніемъ живъ человѣкъ. На рѣчь дьявола о томъ, чтобы Іисусъ бросился съ кровли, онъ отвѣчаетъ: я не могу сомнѣваться въ разумѣніи, разумѣніе всегда со мною. Оно даетъ мнѣ жизнь, а жизнь есть свѣтъ разумѣнія, какъ же я могу сомнѣваться въ разумѣніи и испытывать его. И потому я никому иному не могу работать, какъ тому, что̀ есть источникъ моей жизни, что̀ есть сама моя жизнь. Одно разумѣніе почитаю и одному ему служу. Кромѣ внутренняго значенія этого мѣста по отношенію развитія въ самомъ Христѣ его ученія, это мѣсто имѣетъ значеніе выясненія въ сознаніи Іисуса Христа — Бога, какъ разумѣнія.

Въ началѣ искушенія Іисусъ Христосъ говоритъ о Богѣ еврейскомъ, Творцѣ всего, о Богѣ — лицѣ отдѣльномъ отъ человѣка, о Богѣ преимущественно плотскомъ.

Ты можешь сдѣлать хлѣбъ, говоритъ искуситель. И отвѣчая, Христосъ, хотя и не ясно, но уже говоритъ, что Богъ не исключительно плотской Богъ: человѣкъ живъ не хлѣбомъ однимъ, но Богомъ. Слова: бросься внизъ, или: если можно лишать себя хлѣба, то можно лишать себя и жизни, выражаютъ сомнѣніе въ томъ, что жизнь сама отъ Бога, жизнь не отъ Бога, а въ моей власти. И Христосъ, отвѣчая, говоритъ: все въ моей власти, только не жизнь, потому что сама жизнь отъ Бога. Жизнь есть проявленіе Бога, жизнь въ Богѣ.

Тутъ совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ во Введеніи, выводится та же мысль, что жизнь есть свѣтъ людей, а свѣтъ есть разумѣніе, а разумѣніе есть то, что̀ люди называютъ Богъ, т. е. *начало всего*.

Третье искушеніе переноситъ все разсужденіе изъ области внутренней во внѣшнюю, оно говоритъ: не можетъ быть справедливо твое сужденіе, когда весь міръ живетъ иначе.

Отвѣчая и на это, Христосъ повторяетъ свое понятіе о Богѣ внутреннемъ, не плотскомъ. Онъ говоритъ: среди тѣхъ благъ, которыя не я себѣ далъ, я долженъ почитать одного своего Бога и работать долженъ Ему одному.

Примѣчаніе 10-ое.

По прежнему ученію Богъ былъ отдѣльное существо отъ человѣка. Небо — обиталище Бога, и самъ Богъ былъ закрытымъ для человѣка. По ученію Іисуса Христа небо открыто для человѣка. Общеніе Бога съ человѣкомъ установлено. Жизнь человѣка отъ Бога, и Богъ всегда съ человѣкомъ, и потому сила Божія сходитъ къ сыну человѣческому; человѣкъ познаетъ ее въ себѣ и восходитъ на небо. Человѣкъ изъ себя познаетъ Бога. Въ этомъ заключается наступленіе царства Божія, которое проповѣдывалъ Іоаннъ и подтверждаетъ Іисусъ.

Примѣчаніе 11-ое.

Смыслъ царства Божія въ мірѣ Іисусъ выразилъ словами пророка Исаіи. Царство Божіе есть счастіе для несчастныхъ, спасеніе для страдающихъ, свѣтъ для слѣпыхъ, свобода для несвободныхъ. Ученикамъ своимъ Іисусъ сказалъ, что царство небесное въ томъ, что отнынѣ Богъ уже не будетъ тѣмъ Богомъ неприступнымъ, какимъ онъ былъ прежде, а отнынѣ Богъ будетъ въ мірѣ и въ общеніи съ людьми; если Богъ въ мірѣ и въ общеніи съ людьми, то какой это Богъ? Тотъ ли это Богъ творецъ, сидящій на небесахъ, являвшійся патріархамъ и давшій свой законъ Моисею, Богъ мстительный, жестокій и страшный, котораго знали и почитали люди, или это другой Богъ?

И въ этой главѣ Іисусъ опредѣляетъ то, что̀ не есть Богъ. Для того, чтобы это было понятно, необходимо возстановить настоящее значеніе рѣчей Іисуса Христа, значеніе, которое всѣ церкви старательно затемняли. Значеніе рѣчей и дѣйствій Іисуса Христа, приведенныхъ въ этой главѣ, то, что Іисусъ Христосъ отрицаетъ все, рѣшительно все вѣроученіе еврейское. Въ сущности, это до такой степени ясно и несомнѣнно, что какъ-то совѣстно доказывать это. Надо было, чтобы наши церкви постигла та страшная историческая судьба, заставившая ихъ противъ здраваго смысла соединять въ одно несоединимыя, прямо противоположныя ученія: христіанское и еврейское, чтобы она могла утверждать такую нелѣпость и скрывать очевидное. Стоитъ не только прочесть, но пробѣжать пятикнижіе, въ которомъ до малѣйшихъ подробностей опредѣлены всѣ дѣйствія человѣка въ десяткахъ тысячъ самыхъ разнообразныхъ случаевъ, чтобы ясно видѣть, что при такомъ подробномъ, мелочномъ опредѣленіи поступковъ человѣка не можетъ быть мѣста какому-нибудь продолженію, дополненію ученія закона, какъ увѣряютъ церкви. Еще могъ бы быть какой-нибудь просторъ для новаго закона, если бы сказано было, что всѣ законы эти людскіе. Но нѣтъ, ясно и опредѣленно сказано, что все это, о томъ, какъ и когда срѣзать или не срѣзать прыщики

крайней плоти, о томъ, какъ и когда побить всѣхъ женъ и дѣтей, какихъ людей какъ вознаградить за нечаянно убитаго вола, ясно сказано, что все это слова самого Бога. Какъ же дополнять этотъ законъ? Дополнять такой законъ можно только новыми подробностями о прыщикахъ крайней плоти, о томъ, кого еще убить надо и т. д. Но принявъ этотъ законъ боговдохновеннымъ, нельзя уже не только проповѣдывать ученіе Христа, но даже самое неизмѣнное ученіе. Все опредѣлено, нечего проповѣдывать. Для перваго слова какой-нибудь проповѣди въ виду пятикнижія, надо разрушить пятикнижіе, законъ пятикнижія. А въ томъ, что пятикнижіе отъ Бога и евангеліе отъ Бога, въ этомъ-то самомъ должна себя и другихъ увѣрять церковь. Что же ей больше дѣлать, какъ не закрывать глаза на очевидность и напрягать всѣ силы изворотливости ума, чтобы соединить несоединяемое. Сдѣлалось это вслѣдствіе ложнаго ученія Павла, которое предшествовало знанію ученія Христа, и по которому непонятое ученіе Христа было представлено, какъ продолженіе ученія евреевъ. Но когда уже разъ это совершилось, и задача была поставлена не въ томъ, чтобы понять смыслъ ученія Христа, а въ томъ, чтобы соединить несоединимое, что же было дѣлать, какъ не вилять и не говорить тѣ туманныя, несвязныя, выспреннія рѣчи, какъ Павлово посланіе къ евреямъ, и весь тотъ сумбуръ въ томъ же родѣ, который 1800 лѣтъ проповѣдуютъ такъ называемые отцы церкви и богословы?

Въ евангеліи не только убить кого-нибудь, но запрещается сердце имѣть на кого-нибудь. Въ пятикнижіи: убить, убить и убить женъ, дѣтей и скотовъ.

Въ евангеліи богатство зло, въ пятикнижіи — высшее благо и награда.

Въ евангеліи чистота тѣлесная — имѣй одну жену. Въ пятикнижіи — бери женъ, сколько хочешь.

Въ евангеліи всѣ люди братья, въ пятикнижіи — всѣ враги, одни Іудеи братья.

Въ евангеліи никакого внѣшняго богопочитанія, въ пятикнижіи большая половина книгъ опредѣляетъ подробности внѣшняго служенія Богу.

И это-то ученіе евангельское, какъ увѣряютъ, есть дополненіе и продолженіе пятикнижія.

Іисусъ боролся со всѣми законами пятикнижія, само собой разумѣется, исключая нѣкоторыхъ истинъ, которыя должны же были быть въ этой кучѣ безобразія и вздора. Такъ онъ понималъ о заповѣди любить отца и мать, любить ближняго. Но то, что въ пятикнижіи нашлись двѣ, три фразы, которыя могъ признать Іисусъ, не доказываетъ, что онъ дополнялъ и продолжалъ его, такъ же какъ не доказываетъ то, что человѣкъ, оспаривая другого, беретъ его же нѣкоторыя слова для утвержденія своихъ доводовъ. Іисусъ не съ фарисеями спорилъ, а со всѣмъ закономъ, и въ своихъ отрицаніяхъ внѣшняго бого-

почитанія онъ перебралъ все, что̀ только составляло догматъ вѣры внѣшняго богопочитанія каждаго взрослаго еврея.

Примѣчаніе 12-ое.

Въ этомъ мѣстѣ въ евангеліи (Мр. II, 28) говорится: „Сынъ человѣческій есть господинъ и субботы."

Сынъ человѣческій здѣсь никакъ не можетъ пониматься въ смыслѣ божества, такъ какъ сказано, что суббота сдѣлана для человѣка, а не человѣкъ для субботы, и потому выводъ никакъ не можетъ относиться къ новому лицу, сыну человѣческому — Богу. Сынъ человѣческій имѣетъ здѣсь значеніе, какое оно имѣетъ вездѣ — значеніе *человѣка вообще.*

Іисусъ при первомъ столкновеніи съ закономъ внѣшняго богопочитанія всѣми силами прямо подъ корень отрицаетъ его. Суббота есть главный завѣтъ Бога съ своимъ народомъ. Несоблюденіе субботы казнится смертью. Суббота исполнялась и исполняется до сихъ поръ, и половина талмуда трактуетъ о ней. Соблюденіе субботы для евреевъ есть то, что̀ для церковниковъ причастіе. Такъ же какъ не еврей, кто не соблюдаетъ субботы, не православный и не католикъ — кто не причащается. Осквернить субботу и осквернить причастіе — одинаково ужасно.

И вотъ Іисусъ говоритъ, что эта суббота — пустяки, людская выдумка, что важнѣе всякой внѣшней святыни человѣкъ, что для того, чтобы это понять, надо понять, что̀ значатъ слова: милости хочу, а не жертвы, и что субботу, т. е. считающееся самымъ важнымъ внѣшнее богопочитаніе, — не нужно исполнять.

Примѣчаніе 13-ое.

Если бы могло быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, на основаніи чего Іисусъ Христосъ отвергаетъ соблюденіе субботы, то это мѣсто должно бы, казалось, разсѣять его. Не на основаніи своего мнимаго божества Іисусъ отвергаетъ субботу, т. е. внѣшнее богопочитаніе, а на основаніи здраваго смысла, все того же разумѣнія, которое стало въ основу всего. Онъ говоритъ: овцу можно вытащить изъ колодца, а человѣку нельзя помочь, это — безсмысленно. Важнѣе всего человѣкъ и дѣла добра. Всякое внѣшнее богопочитаніе только можетъ препятствовать исполненію дѣла жизни, и потому оно не только не нужно, но вредно. И онъ беретъ считавшееся самымъ важнымъ изъ всѣхъ дѣлъ богопочитанія, приводитъ примѣръ, когда оно становится въ разрѣзъ съ дѣломъ добра и опровергаетъ его.

Развѣ не та же суббота есть воскресенье, трата на свѣчи, на плату попамъ, тѣ богатства церквей, тѣ заботы о внѣшнемъ богопочитаніи, которыя всегда становятся въ разрѣзъ съ исполненіемъ дѣлъ любви, которыя не могутъ не становиться

въ разрѣзъ съ дѣлами любви къ человѣку по той простой причинѣ, что дѣла богопочитанія всегда обращены не на людей, а на что-либо мертвое, а дѣло любви можетъ быть обращено только на человѣка. Никакъ нельзя говорить, какъ мнѣ говорятъ всегда: „обѣдня, причастіе, молитва не помѣшаютъ дѣлать добро людямъ“. Какъ же не помѣшаютъ, когда они направляютъ дѣятельность на что-то другое, чѣмъ на людей?

Надо не забывать, что ученіе Іисуса состоитъ въ томъ, чтобы всякій шагъ жизни направлять на дѣла добра людямъ; какъ же можетъ быть для исполненія этого ученія полезна дѣятельность, направленная прочь отъ людей?

Примѣчаніе 14-ое.

По ученію Іоанна Крестителя для познанія Бога нужно очиститься духомъ. Іисусъ въ пустынѣ очищается духомъ и познаетъ силу духа и возвѣщаетъ царство Бога въ людяхъ; говоритъ ученикамъ, что Богъ въ общеніи съ людьми.

По евангелисту Іоанну первое дѣло Іисуса есть такъ называемое очищеніе храма, въ дѣйствительности же уничтоженіе храма, и не какого-нибудь храма, а храма въ Іерусалимѣ, того, который считается домомъ Бога, святыней изъ святынь. Іисусъ приходитъ въ храмъ и уничтожаетъ все, что̀ нужно для его служенія. Не говоря уже о томъ, что̀ сказано въ Введеніи о Богѣ, о томъ, что Бога никто никогда не видѣлъ и не видитъ, и то, что Іисусъ далъ намъ новое богоугожденіе, вмѣсто прежняго, Іисусъ самъ въ храмѣ говоритъ слова пророковъ о томъ, что храмъ Бога есть весь міръ людей, а не вертепъ разбойниковъ.

И дѣло, и слова ясно говорятъ: ваше богоугожденіе есть мерзкая ложь, вы не знаете настоящаго Бога, и обманъ вашего богоугожденія вреденъ, и его надо уничтожить. Вотъ это-то самое выражаютъ дѣйствія и слова Іисуса въ храмѣ. Онъ отрицаетъ и богослуженіе, и понятіе еврейскаго Бога. На эти дѣйствія и слова его евреи говорятъ: какое право ты имѣешь такъ дѣлать? И онъ отвѣчаетъ: право мое то, что ваше служеніе Богу — ложь, а мое живое служеніе есть истина. Мое служеніе Богу есть служеніе живое, дѣломъ. И многіе вѣрятъ Іисусу. Іисусъ первымъ дѣломъ своей проповѣди отрицаетъ ложнаго еврейскаго видимаго Бога. Въ слѣдующей главѣ онъ говоритъ, что Богъ — духъ, и надо ему служить дѣломъ. И очевидно, что для того, чтобы люди могли вѣрить въ Бога-духа и служить ему, нужно разрушить ложнаго, выдуманнаго Бога и ложное служеніе Ему, и это самое дѣлаетъ Іисусъ.

Для того же, кто хочетъ понимать евангеліе, должно твердо помнить, что первымъ дѣйствіемъ Іисуса прежде проповѣди было отрицаніе Бога внѣшняго и всякаго богоугожденія. Уничтоженіе храма, повторенное всѣми евангелистами (что̀ весьма

рѣдко) есть очищеніе почвы для посѣва. Только послѣ уничтоженія прежняго Бога возможно ученіе о Богѣ Іисуса и о томъ служеніи Богу, которому учитъ Іисусъ.

Примѣчаніе 15-ое.

Іоаннъ прежде объявилъ, что настоящее очищеніе есть очищеніе духомъ. Вотъ явился Іисусъ и уничтожаетъ всѣ внѣшнія формы и очищаетъ безъ храма и даже безъ воды. И является сомнѣніе, какое очищеніе настоящее. И вотъ ученики Іоанна спорятъ съ какимъ-то іудеемъ объ очищеніи, и идутъ къ Іоанну спрашивать его. Іоаннъ говоритъ въ общихъ словахъ то, что̀ онъ сказалъ прежде, что главное очищеніе есть очищеніе духомъ, и что очищеніе это не передается словами. О томъ же, что дѣйствительно ли Іисусъ говоритъ слова Божіи, Іоаннъ говоритъ, что опредѣлить этого никто не можетъ, что доказательствъ того, что слова — Божіи, не можетъ быть. Одно доказательство есть то, что человѣкъ принимаетъ ихъ. Потому что проявленія духа нельзя мѣрить.

Примѣчаніе 16-ое.

Фарисею не нравится, что блудница прикасается къ учителю. Іисусъ говоритъ: было два должника у хозяина; одному онъ мало, другому много простилъ. Какъ же тому, кому онъ много простилъ, не выказать свою благодарность. Должники эти передо мною и передъ всѣми людьми, и передъ Богомъ — ты и эта блудница. Ты считаешь, что тебя нечего прощать, и ты не выказалъ мнѣ особенной любви; она считаетъ, что она виновата передъ всѣми, и передо мной, и передъ тобой. Вѣдь ты самъ подумалъ, что ее и допустить нельзя касаться до меня. Ну, я не прогналъ ее, и какъ тобой не брезгаю, входя къ тебѣ въ домъ, такъ и ею не брезгаю, и за то она выражаетъ мнѣ свою любовь. (Оттого, что ее не упрекнулъ я грѣхами, она и выражаетъ мнѣ свою любовь). Ея грѣховъ много, она и выражаетъ большую любовь. Твоихъ грѣховъ мало, — ты думаешь, ты выражаешь и малую любовь, и мало тебѣ простится. Она вѣритъ, что она грѣшница, и она спасена отъ грѣховъ.

Примѣчаніе 17-ое.

Мысль Никодима та: ты проповѣдуешь царство Бога, а отрицаешь еврейскаго Бога. Что̀ же такое твое царство Бога и твой Богъ? И съ первыхъ словъ Іисусъ говоритъ Никодиму о томъ, что̀ сказано (Лк. XVII, 21), то, что царство Бога всегда есть, что оно внутри насъ, что нельзя не видѣть царство Бога, что тогда только человѣкъ могъ бы не видать царство Бога, если бы онъ могъ быть не зачатъ отъ Бога.

Примѣчаніе 18-ое.

Когда Никодимъ понялъ это зачатіе въ смыслѣ плотскомъ, то Іисусъ сказалъ, что, кромѣ плотского, есть еще зачатіе не отъ плоти. Чтобы выразить то, что̀ есть не плоть, употребилъ слово *духъ*.

Теперь разъясняется то, что въ человѣкѣ есть плоть отъ плоти и духъ отъ духа; онъ опредѣляетъ, что̀ есть начало жизни плотской, и говоритъ: „духъ", т. е. то, что̀ не плоть: „дуетъ, т. е. движется и живетъ, гдѣ и когда хочетъ, т. е. *свободно*, независимо ни отъ чего, самъ отъ себя, и голосъ его понимаешь, т. е. разумно; но не знаешь, откуда онъ и куда, т. е. внѣ причины и внѣ послѣдствій, внѣ закона причинности".

Нужно сказать: „духовное начало живетъ свободно, разумно и внѣ причины и цѣли."

Примѣчаніе 19-ое.

Въ этомъ мѣстѣ въ евангеліи сказано (Ін. III, 13): никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ сынъ человѣческій, сущій на небесахъ.

Въ стихѣ о субботѣ, гдѣ сказано: „суббота сдѣлана сыномъ человѣческимъ", *сынъ человѣческій* имѣетъ значеніе просто — *человѣкъ*. И въ стихѣ: „будутъ ангелы восходить и сходить" — выраженіе это можетъ быть понято просто — человѣкъ, въ томъ особенномъ значеніи, которое приписываетъ ему Іисусъ. Но здѣсь значеніе это точно опредѣлено въ его особенномъ случаѣ.

Прежде сказано, что въ человѣкѣ есть этотъ зачатый съ неба отъ Бога духъ, зачатый духомъ; теперь говорится, что на небѣ у Бога никто не бывалъ, никто не восходилъ до Бога, и потому про Бога мы не можемъ говорить; но отъ Бога съ неба сошелъ, зачался сынъ духа, — духъ человѣка, тотъ самый, который остается всегда на небѣ съ Богомъ. И потому сынъ человѣческій значитъ духъ, сынъ духа въ человѣкѣ.

Для знающаго евангеліе и лишне приводить мѣста, въ которыхъ употребляются выраженія сынъ человѣческій и сынъ Божій, говоря о людяхъ. Всѣ мѣста имѣютъ одно это значеніе.

Ін. VI, 27. *Сынъ человѣческій*, на комъ положилъ свою печать Отецъ-Богъ.

Мѳ. V, 45. Да будетъ *сыномъ Отца*.

Лк. VI, 35. И вы будете *сынами Вышняго* и т. д.

Примѣчаніе 20-ое.

Этотъ стихъ и послѣдующій отвѣчаютъ на ту мысль, которая должна была быть въ Никодимѣ и которая живетъ во всѣхъ людяхъ, когда они думаютъ о значеніи своей жизни. Зачѣмъ кто-то сотворилъ меня для того, чтобы умереть? На это чувство всякаго человѣка и отвѣчаетъ Іисусъ. Онъ прежде

еще сказалъ, что человѣкъ [можетъ не пропасть, не уничтожиться, теперь онъ подтверждаетъ это и говоритъ: Богъ не могъ для *погибели* людей дать имъ сына своего — жизнь, а онъ любилъ міръ и для *блага* его далъ ему жизнь не за тѣмъ, чтобы она пропадала, а чтобы она была вѣчная. Надо понимать тоже, что подъ словомъ Богъ въ этомъ мѣстѣ никакъ нельзя разумѣть не только нашего или еврейскаго Бога, но никакое опредѣленное существо.

Уже сказано, что Бога никто не зналъ и не знаетъ; сказано, что на небѣ никто не бывалъ, а только есть сшедшій съ неба, и сказано, что человѣкъ рожденъ отъ духа, потому здѣсь подъ словомъ Богъ должно разумѣть только источникъ — *начало духа въ человѣкѣ*.

Про начало это сказано только то, что оно любило міръ, т. е. что все, что мы о немъ знаемъ, есть то, что онъ есть субъективно — любовь, объективно — благо.

Примѣчаніе 21-ое.

Богъ послалъ — далъ сына въ міръ, родилъ сына міру. Никто не всходилъ на небо, а только сшедшій сынъ человѣческій. Всякій человѣкъ рожденъ отъ Бога. Стало быть, тотъ духъ, который есть въ человѣкѣ, и который рожденъ отъ Бога, и сынъ человѣческій, сошедшій съ неба, и сынъ Бога, данный міру, и свѣтъ, пришедшій въ міръ — все это одно и то же.

Свѣтъ же есть то, что въ Введеніи названо разумѣніемъ. То, что свѣтъ значитъ то же, что сынъ Бога и сынъ человѣческій и духъ, — подтверждается во всемъ дальнѣйшемъ.

И потому надо помнить, что всѣ эти названія: 1) Богъ; 2) духъ; 3) сынъ Божій; 4) сынъ человѣческій; 5) свѣтъ и 6) разумѣніе — имѣютъ одно и то же значеніе и употребляются соотвѣтственно отношенія, въ которомъ находятся съ предметами рѣчи.

Когда говорится о томъ, что это есть начало всего, — оно называется Богъ; когда говорится, что оно противоположно плоти, — оно называется духъ; когда оно говорится по отношенію къ своему источнику, — оно называется сынъ Божій; когда говорится о проявленіи его, — оно называется сынъ человѣческій; когда говорится о соотвѣтственности его разуму, — оно называется свѣтъ и разумѣніе.

Примѣчаніе 22-ое.

Всѣ эти мысли выражаютъ то, что Іисусъ разумѣетъ подъ словами царство Божіе, которое проповѣдывалъ Іоаннъ, и онъ проповѣдуетъ.

Бесѣда началась съ того, что Іисусъ сказалъ, что всякій человѣкъ уже по зачатію отъ Бога находится въ царствѣ Божіемъ, и вся бесѣда излагаетъ, что надо разумѣть подъ царствомъ Божіимъ и какъ вступить въ него.

Возвеличить сына Бога въ человѣкѣ, полагаться на него, жить въ правдѣ, значитъ быть въ царствѣ Божіемъ. Бесѣда съ Никодимомъ заканчивается слѣдующими словами: Богъ послалъ въ міръ своего сына, такого же, какъ Онъ самъ — жизнь разумѣнія, и сдѣлалъ этимъ то, что всякій человѣкъ можетъ избавиться отъ погибели и быть живымъ невременно, быть сыномъ царства Божія.

Цѣль Бога — не смерть людей, а жизнь. Не для смерти, а для жизни ихъ дана людямъ жизнь — свѣтъ разумѣнія.

Тотъ изъ людей, кто вѣритъ въ духъ сына, тотъ живетъ въ свѣтѣ разумѣнія, тотъ не умираетъ и остается въ царствѣ Божіемъ; а тотъ, кто не вѣритъ въ свѣтъ духа — сына, тотъ не живетъ, а умираетъ.

Только въ томъ и смерть, что людямъ данъ свѣтъ жизни; но они дѣлаютъ дурное и тѣмъ лишаютъ себя жизни.

Всякій, кто дѣлаетъ дурное, выходитъ изъ свѣта разумѣнія и уничтожается, а кто живетъ по правдѣ и остается въ свѣтѣ разумѣнія, тотъ живъ въ царствѣ Божіемъ.

Мысли этихъ стиховъ освѣщаетъ притча о сѣятелѣ: Сѣятель — Богъ, сѣмя — разумѣніе.

Люди держатъ разумѣніе, какъ дорога, камни, рѣпья и хорошая земля — сѣмя. Такъ понимаютъ всѣ, такъ понимаю и я.

Разница моего пониманія съ пониманіемъ церковнымъ состоитъ въ томъ, что я понимаю подъ словомъ Богъ то, что Іисусъ опредѣлилъ подъ этимъ словомъ въ искушеніи, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, въ бесѣдѣ съ Самарянкою, а не того Бога-творца еврейскаго, котораго отрицалъ Іисусъ, и котораго, подъ словомъ Богъ, понимаетъ церковь.

Если Богъ есть творецъ всемогущій, благой и всевѣдущій, какъ понимаетъ Его церковь, то является вопросъ: Зачѣмъ онъ, будучи благимъ, сотворилъ человѣка такимъ, что человѣкъ можетъ быть дуренъ и погибнуть? Зачѣмъ смерть?

Богъ всемогущій, всевѣдущій могъ не сотворить зло и могъ прекратить зло, а допустилъ его продолженіе и размноженіе. За что же онъ погубилъ людей, которыхъ онъ могъ избавить отъ грѣха и смерти? Зачѣмъ сдѣлалъ дьявола и попустилъ его пасть?

Допуская Бога, творца всего, для разъясненія этого противорѣчія необходимо выдумать дьявола, паденіе Адама, искупленіе, благодать.

Непониманіе ученія Христа объ отрицаніи еврейскаго Бога-творца и о замѣнѣ этого Бога единымъ Богомъ-духомъ, Отцомъ сына человѣческаго, разумѣніемъ, — неизбѣжно вело къ изобрѣтенію безсмысленныхъ, соблазнительныхъ и безнравственныхъ догматовъ о твореніи Богомъ злыхъ духовъ, объ искупленіи и о вѣчныхъ мукахъ. Стоитъ только понимать прямо то, что̀ сказано въ предшествующихъ главахъ и во всемъ евангеліи о сынѣ человѣческомъ — однородномъ Отцу, котораго признаетъ

Іисусъ, для того, чтобы противорѣчія этого не существовало. Притчи о сѣятелѣ и другія какъ бы представляютъ вопросъ о томъ, что̀ есть то, что̀ человѣкъ называетъ зломъ, и отвѣчаютъ на него.

Іисусъ объявилъ, что Бога творца, законодателя и судьи никто не знаетъ и не зналъ, а есть только въ человѣкѣ духъ, исшедшій изъ безконечнаго начала — сынъ духа, свѣтъ разумѣнія и въ немъ жизнь.

Въ бесѣдѣ съ Никодимомъ сказано, что источникъ жизни, Богъ, далъ жизнь міру, любя его. Не сказано, что Богъ любилъ каждаго человѣка, какъ и нигдѣ не сказано, но именно сказано, что Богъ любилъ міръ, т. е. людей вообще, и хотѣлъ имъ дать жизнь, и потому далъ міру сына, и тѣмъ далъ міру, т. е. людямъ вообще, жизнь и возможность вступить въ царство Божіе. И съ этимъ-то стихомъ и связываются притчи о сѣятелѣ.

Примѣчаніе 23-ье.

Первая притча о сѣятелѣ есть крайнее представленіе о томъ, что̀ есть тотъ Богъ, который далъ жизнь міру, и зачѣмъ и какъ онъ далъ жизнь міру. Это крайнее представленіе о Богѣ, началѣ всего, можетъ быть выражено только сравненіемъ.

Сравненіе такое: Сѣятель, любящій пшеницу, заботящійся о пшеницѣ, выражаетъ Бога, любящаго міръ, заботящагося о мірѣ, и какъ сѣвецъ не заботится о каждомъ отдѣльномъ зернышкѣ, такъ и Богъ не заботится о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Какъ сѣвецъ заботится объ урожаѣ, зная, что, несмотря на пропажу многихъ зеренъ, урожай будетъ, сѣетъ повсюду, такъ и Богъ сѣетъ повсюду, зная, что, несмотря на погибель многихъ, урожай будетъ.

И Богъ не вступается больше въ дѣла міра, какъ это выражено въ притчѣ (Мр. IV, 26 — 29).

Понимая Бога, какъ его опредѣляетъ Іисусъ, обвиненіе Бога въ томъ, что Онъ сдѣлалъ зло — смерть и потому любитъ зло и смерть, — устраняется. Обыкновенно это становится личнымъ вопросомъ, неправильно перенесеннымъ къ общему явленію. Обвиненіе человѣкомъ Бога въ томъ, что онъ допустилъ смерть, подобно обвиненію въ желаніи смерти, которое бы сдѣлало сѣмячко березовое, одно изъ милліоновъ, за то, что другія проростаютъ, а оно попадаетъ въ рѣку и погибаетъ. Тотъ, кто сдѣлалъ милліоны сѣмячекъ, не затѣмъ сдѣлалъ ихъ милліоны, чтобы они погибали, а напротивъ затѣмъ сдѣлалъ ихъ милліоны, чтобы они не погибали, и потому цѣль его есть жизнь, а не смерть.

Съ точки зрѣнія общей, съ точки зрѣнія Бога, начала всего, — это разумно.

Но если ты спросишь, зачѣмъ смерть въ тебѣ, то отвѣтъ на это есть внутренній (и отвѣтъ этотъ дается въ притчѣ и во

всѣхъ учительныхъ мѣстахъ евангелія). Затѣмъ, что ты ее хочешь. Зерно каждое имѣетъ возможность прорасти и принести плодъ, и каждый человѣкъ имѣетъ возможность стать сыномъ Бога и не знать смерти.

На неточность сравненія въ объясненіи притчи Іисусъ обращаетъ вниманіе, когда онъ говоритъ у Луки: *смотрите какъ понимаете.* Такъ что притча отвѣчаетъ на вопросъ съ двухъ сторонъ — съ внѣшней и внутренней, и дѣлаетъ ясное раздѣленіе между внѣшнимъ пониманіемъ царства Бога — о цѣляхъ и путяхъ Бога, и внутреннимъ пониманіемъ царства Бога — о возможности для каждаго вступить въ него.

Примѣчаніе 24-ое.

Въ безконечномъ непонятномъ мірѣ людей послано кѣмъ-то — явилось разумѣніе. Разумѣніе разсѣяно во всѣхъ людяхъ, какъ безчисленное количество зеренъ разсѣяно сѣвцомъ по всему полю, засѣяно и по дорогѣ, и по камнямъ, и по рѣньямъ.

Какъ сѣвецъ знаетъ, что есть дороги, камни, рѣнья въ его полѣ, что пропадетъ много зеренъ, онъ знаетъ, что все-таки спорѣй сѣять по всему полю, знаетъ, что, несмотря на пропажу многихъ зеренъ, много выраститъ, и урожай будетъ. Несчетныя зерна даютъ урожай не отъ каждаго поровну, небольшая доля погибаетъ, онѣ не нужны; другая же доля даетъ самъ-сто, самъ-пятьдесятъ и самъ-тридцать. Такъ же и жизнь разумѣнія разсѣяна во всѣхъ людяхъ; одни теряютъ эту жизнь, другіе возвращаютъ ее сторицею.

Сѣвецъ сѣялъ зерна, и ему нужны только зерна, и онъ соберетъ только зерна.

Таинственный сѣятель сѣетъ жизнь разумѣнія, и онъ соберетъ только жизнь разумѣнія. Тѣ люди, которые имѣютъ жизнь разумѣнія, тѣ нужны сѣвцу; тѣ, которые утратили ее, тѣ не нужны ему. Всѣ были зерна, и одни погибли въ зернѣ, другіе въ росткѣ, третьи въ былкѣ.

Такъ и люди — одни прежде, другіе послѣ утратили жизнь разумѣнія. Только тѣ, которые берегутъ въ себѣ разумѣніе, чтобы не перестать быть жизнью, быть тѣмъ, изъ чего они вышли, тѣ только живутъ, остальные погибаютъ.

Примѣчаніе 25-ое.

Разумѣніе даетъ жизнь людямъ, но источникъ разумѣнія Богъ, тотъ Богъ, котораго никогда никто не зналъ, не управляетъ людьми, какъ тотъ мужикъ, который посѣялъ зерно и забылъ про него; онъ знаетъ только про свое и принимаетъ его — это разумѣніе; какъ мужикъ убираетъ съ поля то же зерно, которое онъ посѣялъ, такъ разумѣніе въ людяхъ соединяется съ источникомъ разумѣнія.

Ту же мысль выражаетъ притча о закваскѣ.

Примѣчаніе 26-ое.

Баба положила закваску и оставила квашню киснуть, пока сдѣлается тѣсто.

Бабѣ не нужно ничего дѣлать. То, что̀ она сдѣлала, уже достаточно для того, чтобы вышло то, что̀ ей нужно.

Какъ земля самородно родитъ, какъ квашня сама поднимается, такъ жизнь разумѣнія самородно живетъ и не прекращается.

И опять ту же мысль выражаетъ притча о сѣятелѣ и плевелахъ, но съ новымъ и глубокомысленнымъ значеніемъ, дающимъ прямой отвѣтъ на вопросъ людей о томъ, что̀ есть зло? и какъ долженъ человѣкъ понимать зло и относиться къ нему?

Примѣчаніе 27-ое.

Духъ Бога въ человѣкѣ — сынъ человѣческій, все, что̀ мы знаемъ о Богѣ, даетъ жизнь разумѣнія людямъ, такъ же какъ мужикъ сѣетъ хорошія сѣмена въ своемъ полѣ, и они растутъ.

Среди жизни разумѣнія является что-то похожее на жизнь, кончающееся смертью.

У Луки XVI, 16 сказано: „и отнимется то̀, что̀ кажется, что есть у него“. Что̀ же такое это подобіе жизни? Откуда взялось оно?

Вопросъ этотъ не относится къ Богу-духу, а только къ людямъ. Богъ-духъ — источникъ жизни сѣетъ жизнь и собираетъ жизнь. Только глупые работники могутъ совѣтовать топтать жизнь. Жизнь одна нужна, она одна останется, а остального нѣтъ для Бога-духа.

Временная жизнь кончается, временное все пропадаетъ, погибаетъ; не кончается и не погибаетъ жизнь разумѣнія — одно то, что̀ есть духъ, одно то, что̀ отъ Бога.

Въ притчѣ этой двѣ главныя мысли, два отвѣта на предполагаемые вопросы.

1) Что̀ есть зло по отношенію къ Богу? и

2) Что̀ есть зло по отношенію къ человѣку?

Отвѣтъ на первый вопросъ тотъ, что зла для Бога — сына человѣческаго — нѣтъ. Онъ есть Богъ жизни и блага и не знаетъ зла. Такъ какъ Онъ Богъ жизни и добра, то зла для Него нѣтъ, и Онъ не можетъ желать уничтожить его. Желаніе уничтоженія зла есть зло и можетъ быть только въ людяхъ, а не въ Немъ.

Сынъ человѣческій даетъ жизнь и знаетъ только жизнь въ разумѣніи, и потому всякій человѣкъ, перенесъ свою жизнь въ сына, въ духа, не можетъ знать зла и потому не можетъ противиться ему.

Вторая мысль и отвѣтъ на вопросъ, что̀ же есть то, что̀ мы, люди, называемъ зломъ, состоитъ въ томъ, что то, что̀ мы называемъ зломъ, есть свободное удаленіе отъ свѣта и погибель,

про которую сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, есть то, что свѣтъ пришелъ въ міръ, а люди ушли отъ него.

Эта мысль о томъ, что зла для Бога нѣтъ, а что для людей оно есть отдѣленіе отъ разумѣнія, излагается въ притчѣ о неводѣ.

Примѣчаніе 28-ое.

Богъ дѣлаетъ то, что̀ дѣлаютъ рыбаки: негодную рыбу бросаютъ, а оставляютъ одну ту, которая нужна. Рыба отбирается та, какая нужна рыбаку, остальная бросается въ море только потому, что она не нужна. Нѣтъ вопроса о томъ, лучше или хуже ей будетъ. Та рыба, которая въ морѣ, той нѣтъ для рыбака, какъ нѣтъ для Бога тѣхъ людей, которые не сыны Его, жизнь которыхъ не въ свѣтѣ разумѣнія. Для Бога зла нѣтъ, но для человѣка есть зло. Зло для него — это жизнь внѣ разумѣнія.

И потому нужно различать наши понятія о злѣ вообще — объективномъ злѣ, какъ говорятъ философы, внѣшнемъ, и о злѣ для каждаго человѣка — о злѣ субъективномъ, внутреннемъ. Объективнаго зла нѣтъ. Субъективное зло есть удаленіе отъ разумѣнія, оно же есть смерть.

Это раздѣленіе двухъ воззрѣній изложено въ толкованіи притчи о сѣятелѣ и сѣменахъ, попавшихъ въ разныя земли.

Примѣчаніе 29-ое.

И значеніе притчи то, что однимъ открылся смыслъ, а другимъ не открылся. Онъ говоритъ: а причина, по которой я говорю имъ притчами, та, что они, не понимая внутренняго смысла, иначе понять не могутъ. У Луки сказано: вамъ дано знать внутренній смыслъ царства Божія, а остальнымъ — въ примѣрахъ.

Примѣчаніе 30-ое.

Ученики спрашиваютъ: къ чему онъ говоритъ эти притчи, что̀ онъ хочетъ сказать ими? И Іисусъ отвѣчаетъ: то, что однимъ, вамъ, дано понимать царство Божіе, какъ зернамъ, попавшимъ на хорошую землю. Другимъ же, какъ пропадающимъ зернамъ, не дано. И вамъ дано, какъ зерну въ доброй землѣ, увеличиться, а у нихъ отнимется и та жизнь, которая, казалось, что есть въ нихъ, какъ уничтожается зерно на дорогѣ, камнѣ и рѣпьяхъ. Вотъ это-то я и говорю въ притчахъ, потому что они не видятъ, не понимаютъ всего блага. Они, какъ тѣ люди, про которыхъ говоритъ Исаія, что Богъ наказалъ ихъ тѣмъ, что они глядя не видятъ и слушая не слышатъ. Сердце людей этихъ ожирѣло, и оттого они не понимаютъ того, что̀ передъ ними.

Вы счастливы, что понимаете. Таково значеніе притчи съ внѣшней стороны, но внутренній смыслъ совсѣмъ другой.

И Іисусъ объсняетъ внутренній смыслъ.

Внѣшній смыслъ притчи тотъ, что для Бога одни люди предопредѣлены къ смерти, другіе къ жизни. Внутренній же смыслъ тотъ, что нѣтъ предопредѣленія, но каждый можетъ удержать разумѣніе и пріобрѣсть его съ избыткомъ.

Упавшее на дорогу, это — равнодушіе, пренебреженіе къ разумѣнію, и потому Іисусъ предостерегаетъ отъ равнодушія и пренебреженія и говоритъ, что люди должны дѣлать усиліе, чтобы принять въ сердце разумѣніе.

Упавшее на камни — это слабость, и потому Іисусъ предостерегаетъ отъ нея и указываетъ на то, что человѣкъ долженъ сдѣлать усиліе, чтобы не поколебаться отъ обидъ и гоненій.

Рѣпья — это заботы мірскія, и Іисусъ предостерегаетъ и указываетъ на то, что человѣкъ долженъ сдѣлать усиліе, чтобы откинуть ихъ.

Хорошая земля — это пониманіе и исполненіе, несмотря на обиды и заботы.

И Іисусъ указываетъ на то, что, кто сдѣлаетъ это усиліе и исполнитъ, тотъ получитъ жизнь съ избыткомъ.

Примѣчаніе 31-ое.

Изъ всего ученія и примѣра Іисуса вытекаетъ то, что для достиженія царства Божія нужно не заботиться о плотской жизни. Іоаннъ, первый возвѣстившій царство Божіе, жилъ въ пустынѣ. И Іисусъ ушелъ въ пустыню и послѣ пустыни жилъ безъ дома и собственности. Главная мысль искушенія есть отрицаніе благъ земныхъ.

Бесѣда съ Симономъ и блудницею, притча о фарисеѣ и мытарѣ, наставленіе о томъ, что̀ сквернитъ человѣка, бесѣда съ самарянкою, бесѣда съ фарисеями, съ Никодимомъ — выражаютъ безполезность для блага и жизни всего земного и плотского. Притча о произрастающихъ сѣменахъ, гдѣ сказано, что двѣ главныя преграды для вступленія въ царство Божіе — это страхъ передъ гоненіями и любовь къ богатству, — все говоритъ объ отреченіи отъ заботъ земныхъ. Человѣкъ, отрекшійся отъ заботъ земныхъ, есть нищій.

И вотъ Іисусъ прямо называетъ то внѣшнее положеніе, которое нужно для вступленія въ царство Божіе. Онъ говоритъ: „блаженны нищіе — ихъ есть царство Божіе“.

Въ бесѣдѣ по случаю Іоанна Іисусъ сказалъ, что ученіе въ томъ, что нищіе, бродяги — блаженны.

Прежде положеніе о томъ, что для блага не нужно заботиться о земномъ, вытекало изъ другихъ положеній; теперь же Іисусъ, излагая сущность своего ученія, обращаясь къ народу, выражая свою мысль доступно всѣмъ, говоритъ, что только нищій и бродяга могутъ войти въ царство Божіе, что богатые, пресыщенные и восхваляемые не войдутъ, потому что богатство, пресыщенность и слава удаляютъ царство Божіе, и вся дальнѣйшая проповѣдь есть только доказательство этого положенія.

Примѣчаніе 32-ое.

Все 3-е правило говоритъ только: въ старину говорили: „держи присягу“, а я говорю: „не клянись ни Богомъ, ни своею головою, потому что все во власти Бога, и твоя голова, и потому говори да, да, нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ этихъ словъ, то зло. Не понять смысла этого нельзя. Если церковь такъ лжетъ, она знаетъ зачѣмъ, она знаетъ, что устройство общества и ея устройство держится на присягѣ, почему она и не можетъ не лгать. Іисусъ говоритъ именно про ту самую клятву, которую церковь хочетъ оправдать.

Настоящее значеніе этихъ словъ то, какое въ нихъ сказано. Сказано: *не присягай.* Связь со всѣмъ ученіемъ слѣдующая. Когда уговоръ утверждается тѣмъ, что стороны обѣщаются Богу, когда говорятъ: убей меня Богъ, если я это не сдѣлаю, то залогомъ этимъ ставится Богъ, и это есть клятва. Объясняя, почему не должно клясться, Іисусъ говоритъ, что человѣку нельзя дѣлать этихъ уговоровъ, потому что нечего давать въ залогъ. Если онъ ручается небомъ, то онъ залогомъ своего уговора ставитъ Бога, Богъ же вовсе не ручается за него. И потому всѣ эти клятвы безсмысленны.

Если же человѣкъ ручается своею головою, то и это можетъ дѣлать только тотъ, кто не въ царствіи Божіемъ. Въ царствіи Божіемъ всякій человѣкъ знаетъ, что онъ весь во власти Бога и самъ не можетъ ничего сдѣлать, ни даже цвѣта волоса перемѣнить. Всякая клятва есть обѣщаніе того, что человѣкъ то или другое сдѣлаетъ во всякомъ случаѣ; но какъ же человѣкъ, признающій царство Божіе, т. е. власть надъ собою Бога, можетъ обѣщать земное дѣло? Одно и то же дѣло земное можетъ быть хорошо и дурно, согласно или противно волѣ Божіей. Я приду туда-то въ субботу, поклянусь я, и въ субботу будетъ умирать другъ, отецъ, жена, и будетъ меня просить побыть съ нимъ. Я клянусь, что дамъ тогда-то 3 рубля, но у меня будетъ просить умирающій съ голоду эти 3 рубля, какъ же мнѣ не дать ему?

Я клянусь повиноваться Ивану Ивановичу, и онъ велитъ мнѣ убивать людей, а Богъ запрещаетъ мнѣ это. Это можно было дѣлать, когда не извѣстна была воля Божія, когда былъ законъ и учителя (пророки), а не тогда, когда наступило царство Божіе. Человѣкъ весь во власти Божіей. и ей одной повинуется. И дѣло его одно — творить волю Божію. Такъ кому же онъ будетъ клясться? И зачѣмъ? И въ чемъ? И потому не клянитесь вовсе; говорите да, если да, нѣтъ, если нѣтъ; и знайте, что всякое, какое бы ни было обѣщаніе, подтверждаемое клятвою, есть злое дѣло, дѣло, происшедшее отъ зла, дѣло, подъ которымъ кроется злой умыселъ.

Примѣчаніе 33-ье.

Какъ это правило, такъ и предшествующія, ясно показываютъ, что Іисусъ, говоря о законѣ, никогда не разумѣлъ закона Моисеева, а законъ общій и вѣчный, нравственный законъ людей. Іисусъ не учитъ тому, какъ исполнять положенія Моисеевыхъ книгъ о клятвѣ, а учитъ тому, какъ выполнять законъ вѣчный, запрещающій всякую клятву.

То же самое и по отношенію къ правосудію Іисусъ не учитъ выполнять законъ Моисеевъ, а прямо говоритъ, что людское правосудіе есть зло, и учитъ исполнять законъ вѣчный — непротивленіе злу. Онъ удерживаетъ одно — цѣль закона, какъ поводъ для высказыванія своихъ правилъ. Цѣль закона человѣческаго правосудія есть благо людей. И онъ говоритъ: для того, чтобы достигнуть этого блага, вамъ сказано въ законѣ: выколоть глазъ тому, кто выкололъ глазъ, выбить зубъ тому, кто выбилъ зубъ, отрубить руку и убить того, кто убилъ. Я же вамъ говорю: для того, чтобы достигнуть блага, не защищайтесь отъ злыхъ людей. Не защищайтесь совсѣмъ. Ударилъ тебя въ одну скулу, подставь другую. Хочетъ, чтобы ты сработалъ для него, — работай для него вдвое. Знаешь, что занять хочетъ у тебя, не бѣгай отъ него, а давай; и если дашь, не проси назадъ; хочетъ засудить тебя, снять рубаху, — отдай и кафтанъ.

Христосъ съ подробностью останавливается на этомъ и перечисляетъ случаи, въ которыхъ злой можетъ обижать не злого, и во всѣхъ случаяхъ прямо и понятно говоритъ, что̀ надо дѣлать и чего не надо дѣлать; надо все отдать и не прибѣгать къ человѣческому правосудію — суду, и не участвовать въ немъ.

Цѣль закона та, чтобы никто не посягалъ на другого, на свободу, на цѣлость, на жизнь его, и потому и законъ не можетъ посягать на свободу, цѣлость и жизнь другого. И не можетъ же быть законъ *не убій* и законъ *убій* того-то и того-то.

Правило это вытекаетъ само собою изъ перваго правила: не сердись и мирись съ братомъ. Главный смыслъ его есть только отрицаніе суда человѣческаго, утвержденнаго ложнымъ закономъ.

Іисусъ говоритъ: „не судите и не судитесь, а прощайте, все прощайте. Вы будете прощать, и вамъ будутъ прощать. А если вы будете судить, и васъ будутъ судить, и зло никогда не кончится.

И какъ и въ прежнихъ правилахъ, давъ правило, Іисусъ съ двухъ сторонъ объясняетъ его: съ внутренней — для каждаго, и съ внѣшней для всѣхъ. Для каждаго онъ говоритъ: какъ можетъ кто-нибудь изъ людей судить другого? Вѣдь судящій долженъ видѣть, что̀ хорошо и что̀ дурно; но какъ же ему

крайней плоти, о томъ, какъ и когда побить всѣхъ женъ и дѣтей, какихъ людей какъ вознаградить за нечаянно убитаго вола, ясно сказано, что все это слова самого Бога. Какъ же дополнять этотъ законъ? Дополнять такой законъ можно только новыми подробностями о прыщикахъ крайней плоти, о томъ, кого еще убить надо и т. д. Но принявъ этотъ законъ боговдохновеннымъ, нельзя уже не только проповѣдывать ученіе Христа, но даже самое низменное ученіе. Все опредѣлено, нечего проповѣдывать. Для перваго слова какой-нибудь проповѣди въ виду пятикнижія, надо разрушить пятикнижіе, законъ пятикнижія. А въ томъ, что пятикнижіе отъ Бога и евангеліе отъ Бога, въ этомъ-то самомъ должна себя и другихъ увѣрять церковь. Что же ей больше дѣлать, какъ не закрывать глаза на очевидность и напрягать всѣ силы изворотливости ума, чтобы соединить несоединяемое. Сдѣлалось это вслѣдствіе ложнаго ученія Павла, которое предшествовало знанію ученія Христа, и по которому непонятое ученіе Христа было представлено, какъ продолженіе ученія евреевъ. Но когда уже разъ это совершилось, и задача была поставлена не въ томъ, чтобы понять смыслъ ученія Христа, а въ томъ, чтобы соединить несоединимое, что же было дѣлать, какъ не вилять и не говорить тѣ туманныя, несвязныя, выспреннія рѣчи, какъ Павлово посланіе къ евреямъ, и весь тотъ сумбуръ въ томъ же родѣ, который 1800 лѣтъ проповѣдуютъ такъ называемые отцы церкви и богословы?

Въ евангеліи не только убить кого-нибудь, но запрещается сердце имѣть на кого-нибудь. Въ пятикнижіи: убить, убить и убить женъ, дѣтей и скотовъ.

Въ евангеліи богатство зло, въ пятикнижіи — высшее благо и награда.

Въ евангеліи чистота тѣлесная — имѣй одну жену. Въ пятикнижіи — бери женъ, сколько хочешь.

Въ евангеліи всѣ люди братья, въ пятикнижіи — всѣ враги, одни Іудеи братья.

Въ евангеліи никакого внѣшняго богопочитанія, въ пятикнижіи большая половина книгъ опредѣляетъ подробности внѣшняго служенія Богу.

И это-то ученіе евангельское, какъ увѣряютъ, есть дополненіе и продолженіе пятикнижія.

Іисусъ боролся со всѣми законами пятикнижія, само собой разумѣется, исключая нѣкоторыхъ истинъ, которыя должны же были быть въ этой кучѣ безобразія и вздора. Такъ онъ понималъ о заповѣди любить отца и мать, любить ближняго. Но то, что въ пятикнижіи нашлись двѣ, три фразы, которыя могъ признать Іисусъ, не доказываетъ, что онъ дополнялъ и продолжалъ его, такъ же какъ не доказываетъ то, что человѣкъ, оспаривая другого, беретъ его же нѣкоторыя слова для утвержденія своихъ доводовъ. Іисусъ не съ фарисеями спорилъ, а со всѣмъ закономъ, и въ своихъ отрицаніяхъ внѣшняго бого-

почитанія онъ перебралъ все, что̀ только составляло догматъ вѣры внѣшняго богопочитанія каждаго взрослаго еврея.

Примѣчаніе 12-ое.

Въ этомъ мѣстѣ въ евангеліи (Мр. II, 28) говорится: „Сынъ человѣческій есть господинъ и субботы.“

Сынъ человѣческій здѣсь никакъ не можетъ пониматься въ смыслѣ божества, такъ какъ сказано, что суббота сдѣлана для человѣка, а не человѣкъ для субботы, и потому выводъ никакъ не можетъ относиться къ новому лицу, сыну человѣческому — Богу. Сынъ человѣческій имѣетъ здѣсь значеніе, какое оно имѣетъ вездѣ — значеніе *человѣка вообще*.

Іисусъ при первомъ столкновеніи съ закономъ внѣшняго богопочитанія всѣми силами прямо подъ корень отрицаетъ его. Суббота есть главный завѣтъ Бога съ своимъ народомъ. Несоблюденіе субботы казнится смертью. Суббота исполнялась и исполняется до сихъ поръ, и половина талмуда трактуетъ о ней. Соблюденіе субботы для евреевъ есть то, что̀ для церковниковъ причастіе. Такъ же какъ не еврей, кто не соблюдаетъ субботы, не православный и не католикъ — кто не причащается. Осквернить субботу и осквернить причастіе — одинаково ужасно.

И вотъ Іисусъ говоритъ, что эта суббота — пустяки, людская выдумка, что важнѣе всякой внѣшней святыни человѣкъ, что для того, чтобы это понять, надо понять, что̀ значатъ слова: милости хочу, а не жертвы, и что субботу, т. е. считающееся самымъ важнымъ внѣшнее богопочитаніе, — не нужно исполнять.

Примѣчаніе 13-ое.

Если бы могло быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, на основаніи чего Іисусъ Христосъ отвергаетъ соблюденіе субботы, то это мѣсто должно бы, казалось, разсѣять его. Не на основаніи своего мнимаго божества Іисусъ отвергаетъ субботу, т. е. внѣшнее богопочитаніе, а на основаніи здраваго смысла, все того же разумѣнія, которое стало въ основу всего. Онъ говоритъ: овцу можно вытащить изъ колодца, а человѣку нельзя помочь, это — безсмысленно. Важнѣе всего человѣкъ и дѣла добра. Всякое внѣшнее богопочитаніе только можетъ препятствовать исполненію дѣла жизни, и потому оно не только не нужно, но вредно. И онъ беретъ считавшееся самымъ важнымъ изъ всѣхъ дѣлъ богопочитанія, приводитъ примѣръ, когда оно становится въ разрѣзъ съ дѣломъ добра и опровергаетъ его.

Развѣ не та же суббота есть воскресенье, трата на свѣчи, на плату попамъ, тѣ богатства церквей, тѣ заботы о внѣшнемъ богопочитаніи, которыя всегда становятся въ разрѣзъ съ исполненіемъ дѣлъ любви, которыя не могутъ не становиться

въ разрѣзъ съ дѣлами любви къ человѣку по той простой причинѣ, что дѣла богопочитанія всегда обращены не на людей, а на что-либо мертвое, а дѣло любви можетъ быть обращено только на человѣка. Никакъ нельзя говорить, какъ мнѣ говорятъ всегда: „обѣдня, причастіе, молитва не помѣшаютъ дѣлать добро людямъ". Какъ же не помѣшаютъ, когда они направляютъ дѣятельность на что-то другое, чѣмъ на людей?

Надо не забывать, что ученіе Іисуса состоитъ въ томъ, чтобы всякій шагъ жизни направлять на дѣла добра людямъ; какъ же можетъ быть для исполненія этого ученія полезна дѣятельность, направленная прочь отъ людей?

Примѣчаніе 14-ое.

По ученію Іоанна Крестителя для познанія Бога нужно очиститься духомъ. Іисусъ въ пустынѣ очищается духомъ и познаетъ силу духа и возвѣщаетъ царство Бога въ людяхъ; говоритъ ученикамъ, что Богъ въ общеніи съ людьми.

По евангелисту Іоанну первое дѣло Іисуса есть такъ называемое очищеніе храма, въ дѣйствительности же уничтоженіе храма, и не какого-нибудь храма, а храма въ Іерусалимѣ, того, который считается домомъ Бога, святыней изъ святынь. Іисусъ приходитъ въ храмъ и уничтожаетъ все, что̀ нужно для его служенія. Не говоря уже о томъ, что̀ сказано въ Введеніи о Богѣ, о томъ, что Бога никто никогда не видѣлъ и не видитъ, и то, что Іисусъ далъ намъ новое богоугожденіе, вмѣсто прежняго, Іисусъ самъ въ храмѣ говоритъ слова пророковъ о томъ, что храмъ Бога есть весь міръ людей, а не вертепъ разбойниковъ.

И дѣло, и слова ясно говорятъ: ваше богоугожденіе есть мерзкая ложь, вы не знаете настоящаго Бога, и обманъ вашего богоугожденія вреденъ, и его надо уничтожить. Вотъ это-то самое выражаютъ дѣйствія и слова Іисуса въ храмѣ. Онъ отрицаетъ и богослуженіе, и понятіе еврейскаго Бога. На эти дѣйствія и слова его евреи говорятъ: какое право ты имѣешь такъ дѣлать? И онъ отвѣчаетъ: право мое то, что ваше служеніе Богу — ложь, а мое живое служеніе есть истина. Мое служеніе Богу есть служеніе живое, дѣломъ. И многіе вѣрятъ Іисусу. Іисусъ первымъ дѣломъ своей проповѣди отрицаетъ ложнаго еврейскаго видимаго Бога. Въ слѣдующей главѣ онъ говоритъ, что Богъ — духъ, и надо ему служить дѣломъ. И очевидно, что для того, чтобы люди могли вѣрить въ Бога-духа и служить ему, нужно разрушить ложнаго, выдуманнаго Бога и ложное служеніе Ему, и это самое дѣлаетъ Іисусъ.

Для того же, кто хочетъ понимать евангеліе, должно твердо помнить, что первымъ дѣйствіемъ Іисуса прежде проповѣди было отрицаніе Бога внѣшняго и всякаго богоугожденія. Уничтоженіе храма, повторенное всѣми евангелистами (что̀ весьма

рѣдко) есть очищеніе почвы для посѣва. Только послѣ уничтоженія прежняго Бога возможно ученіе о Богѣ Іисуса и о томъ служеніи Богу, которому учитъ Іисусъ.

Примѣчаніе 15-ое.

Іоаннъ прежде объявилъ, что настоящее очищеніе есть очищеніе духомъ. Вотъ явился Іисусъ и уничтожаетъ всѣ внѣшнія формы и очищаетъ безъ храма и даже безъ воды. И является сомнѣніе, какое очищеніе настоящее. И вотъ ученики Іоанна спорятъ съ какимъ-то іудеемъ объ очищеніи, и идутъ къ Іоанну спрашивать его. Іоаннъ говоритъ въ общихъ словахъ то, что̀ онъ сказалъ прежде, что главное очищеніе есть очищеніе духомъ, и что очищеніе это не передается словами. О томъ же, что дѣйствительно ли Іисусъ говоритъ слова Божіи, Іоаннъ говоритъ, что опредѣлить этого никто не можетъ, что доказательствъ того, что слова — Божіи, не можетъ быть. Одно доказательство есть то, что человѣкъ принимаетъ ихъ. Потому что проявленія духа нельзя мѣрить.

Примѣчаніе 16-ое.

Фарисею не нравится, что блудница прикасается къ учителю. Іисусъ говоритъ: было два должника у хозяина; одному онъ мало, другому много простилъ. Какъ же тому, кому онъ много простилъ, не выказать свою благодарность. Должники эти передо мною и передъ всѣми людьми, и передъ Богомъ — ты и эта блудница. Ты считаешь, что тебя нечего прощать, и ты не выказалъ мнѣ особенной любви; она считаетъ, что она виновата передъ всѣми, и передо мной, и передъ тобой. Вѣдь ты самъ подумалъ, что ее и допустить нельзя касаться до меня. Ну, я не прогналъ ее, и какъ тобой не брезгаю, входя къ тебѣ въ домъ, такъ и ею не брезгаю, и за то она выражаетъ мнѣ свою любовь. (Оттого, что ее не упрекнулъ я грѣхами, она и выражаетъ мнѣ свою любовь). Ея грѣховъ много, она и выражаетъ большую любовь. Твоихъ грѣховъ мало, — ты думаешь, ты выражаешь и малую любовь, и мало тебѣ простится. Она вѣритъ, что она грѣшница, и она спасена отъ грѣховъ.

Примѣчаніе 17-ое.

Мысль Никодима та: ты проповѣдуешь царство Бога, а отрицаешь еврейскаго Бога. Что̀ же такое твое царство Бога и твой Богъ? И съ первыхъ словъ Іисусъ говоритъ Никодиму о томъ, что̀ сказано (Лк. XVII, 21), то, что царство Бога всегда есть, что оно внутри насъ, что нельзя не видѣть царство Бога, что тогда только человѣкъ могъ бы не видать царство Бога, если бы онъ могъ быть не зачатъ отъ Бога.

Примѣчаніе 18-ое.

Когда Никодимъ понялъ это зачатіе въ смыслѣ плотскомъ, то Іисусъ сказалъ, что, кромѣ плотского, есть еще зачатіе не отъ плоти. Чтобы выразить то, что есть не плоть, употребилъ слово *духъ*.

Теперь разъясняется то, что въ человѣкѣ есть плоть отъ плоти и духъ отъ духа; онъ опредѣляетъ, что есть начало жизни плотской, и говоритъ: „духъ", т. е. то, что не плоть: „дуетъ, т. е. движется и живетъ, гдѣ и когда хочетъ, т. е. *свободно*, независимо ни отъ чего, самъ отъ себя, и голосъ его понимаешь, т. е. разумно; но не знаешь, откуда онъ и куда, т. е. внѣ причины и внѣ послѣдствій, внѣ закона причинности".

Нужно сказать: „духовное начало живетъ свободно, разумно и внѣ причины и цѣли."

Примѣчаніе 19-ое.

Въ этомъ мѣстѣ въ евангеліи сказано (Ін. III, 13): никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ сынъ человѣчеcкі , сущій на небесахъ.

Въ стихѣ о субботѣ, гдѣ сказано: „суббота сдѣлана сыномъ человѣческимъ", *сынъ человѣческій* имѣетъ значеніе просто — *человѣкъ*. И въ стихѣ: „будутъ ангелы восходить и сходить"— выраженіе это можетъ быть понято просто — человѣкъ, въ томъ особенномъ значеніи, которое приписываетъ ему Іисусъ. Но здѣсь значеніе это точно опредѣлено въ его особенномъ случаѣ.

Прежде сказано, что въ человѣкѣ есть этотъ зачатый съ неба отъ Бога духъ, зачатый духомъ; теперь говорится, что на небѣ у Бога никто не бывалъ, никто не восходилъ до Бога, и потому про Бога мы не можемъ говорить; но отъ Бога съ неба сошелъ, зачался сынъ духа, — духъ человѣка, тотъ самый, который остается всегда на небѣ съ Богомъ. И потому сынъ человѣческій значитъ духъ, сынъ духа въ человѣкѣ.

Для знающаго евангеліе и лишне приводить мѣста, въ которыхъ употребляются выраженія сынъ человѣческій и сынъ Божій, говоря о людяхъ. Всѣ мѣста имѣютъ одно это значеніе.

Ін. VI, 27. *Сынъ человѣческій*, на комъ положилъ свою печать Отецъ-Богъ.

Мѳ. V, 45. Да будетъ *сыномъ Отца*.

Лк. VI, 35. И вы будете *сынами Вышняго* и т. д.

Примѣчаніе 20-ое.

Этотъ стихъ и послѣдующій отвѣчаютъ на ту мысль, которая должна была быть въ Никодимѣ и которая живетъ во всѣхъ людяхъ, когда они думаютъ о значеніи своей жизни. Зачѣмъ кто-то сотворилъ меня для того, чтобы умереть? На это чувство всякаго человѣка и отвѣчаетъ Іисусъ. Онъ прежде

еще сказалъ, что человѣкъ можетъ не пропасть, не уничтожиться, теперь онъ подтверждаетъ это и говоритъ: Богъ не могъ для *погибели* людей дать имъ сына своего — жизнь, а онъ любилъ міръ и для *блага* его далъ ему жизнь не за тѣмъ, чтобы она пропадала, а чтобы она была вѣчная. Надо понимать тоже, что подъ словомъ Богъ въ этомъ мѣстѣ никакъ нельзя разумѣть не только нашего или еврейскаго Бога, но никакое опредѣленное существо.

Уже сказано, что Бога никто не зналъ и не знаетъ; сказано, что на небѣ никто не бывалъ, а только есть сшедшій съ неба, и сказано, что человѣкъ рожденъ отъ духа, потому здѣсь подъ словомъ Богъ должно разумѣть только источникъ — *начало духа въ человѣкѣ.*

Про начало это сказано только то, что оно любило міръ, т. е. что все, что мы о немъ знаемъ, есть то, что онъ есть субъективно — любовь, объективно — благо.

Примѣчаніе 21-ое.

Богъ послалъ — далъ сына въ міръ, родилъ сына міру. Никто не всходилъ на небо, а только сшедшій сынъ человѣческій. Всякій человѣкъ рожденъ отъ Бога. Стало быть, тотъ духъ, который есть въ человѣкѣ, и который рожденъ отъ Бога, и сынъ человѣческій, сошедшій съ неба, и сынъ Бога, данный міру, и свѣтъ, пришедшій въ міръ — все это одно и то же.

Свѣтъ же есть то, что въ Введеніи названо разумѣніемъ. То, что свѣтъ значитъ то же, что сынъ Бога и сынъ человѣческій и духъ, — подтверждается во всемъ дальнѣйшемъ.

И потому надо помнить, что всѣ эти названія: 1) Богъ; 2) духъ; 3) сынъ Божій; 4) сынъ человѣческій; 5) свѣтъ и 6) разумѣніе — имѣютъ одно и то же значеніе и употребляются соотвѣтственно отношенія, въ которомъ находятся съ предметами рѣчи.

Когда говорится о томъ, что это есть начало всего, — оно называется Богъ; когда говорится, что оно противоположно плоти, — оно называется духъ; когда оно говорится по отношенію къ своему источнику, — оно называется сынъ Божій; когда говорится о проявленіи его, — оно называется сынъ человѣческій; когда говорится о соотвѣтственности его разуму, — оно называется свѣтъ и разумѣніе.

Примѣчаніе 22-ое.

Всѣ эти мысли выражаютъ то, что Іисусъ разумѣетъ подъ словами царство Божіе, которое проповѣдывалъ Іоаннъ, и онъ проповѣдуетъ.

Бесѣда началась съ того, что Іисусъ сказалъ, что всякій человѣкъ уже по зачатію отъ Бога находится въ царствѣ Божіемъ, и вся бесѣда излагаетъ, что надо разумѣть подъ царствомъ Божіимъ и какъ вступить въ него.

Возвеличить сына Бога въ человѣкѣ, полагаться на него, жить въ правдѣ, значитъ быть въ царствѣ Божіемъ. Бесѣда съ Никодимомъ заканчивается слѣдующими словами: Богъ послалъ въ міръ своего сына, такого же, какъ Онъ самъ — жизнь разумѣнія, и сдѣлалъ этимъ то, что всякій человѣкъ можетъ избавиться отъ погибели и быть живымъ невременно, быть сыномъ царства Божія.

Цѣль Бога — не смерть людей, а жизнь. Не для смерти, а для жизни ихъ дана людямъ жизнь — свѣтъ разумѣнія.

Тотъ изъ людей, кто вѣритъ въ духъ сына, тотъ живетъ въ свѣтѣ разумѣнія, тотъ не умираетъ и остается въ царствѣ Божіемъ; а тотъ, кто не вѣритъ въ свѣтъ духа — сына, тотъ не живетъ, а умираетъ.

Только въ томъ и смерть, что людямъ данъ свѣтъ жизни; но они дѣлаютъ дурное и тѣмъ лишаютъ себя жизни.

Всякій, кто дѣлаетъ дурное, выходитъ изъ свѣта разумѣнія и уничтожается, а кто живетъ по правдѣ и остается въ свѣтѣ разумѣнія, тотъ живъ въ царствѣ Божіемъ.

Мысли этихъ стиховъ освѣщаетъ притча о сѣятелѣ: Сѣятель — Богъ, сѣмя — разумѣніе.

Люди держатъ разумѣніе, какъ дорога, камни, рѣпья и хорошая земля — сѣмя. Такъ понимаютъ всѣ, такъ понимаю и я.

Разница моего пониманія съ пониманіемъ церковнымъ состоитъ въ томъ, что я понимаю подъ словомъ Богъ то, что Іисусъ опредѣлилъ подъ этимъ словомъ въ искушеніи, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, въ бесѣдѣ съ Самарянкою, а не того Бога-творца еврейскаго, котораго отрицалъ Іисусъ, и котораго, подъ словомъ Богъ, понимаетъ церковь.

Если Богъ есть творецъ всемогущій, благой и всевѣдущій, какъ понимаетъ Его церковь, то является вопросъ: Зачѣмъ онъ, будучи благимъ, сотворилъ человѣка такимъ, что человѣкъ можетъ быть дуренъ и погибнуть? Зачѣмъ смерть?

Богъ всемогущій, всевѣдущій могъ не сотворить зло и могъ прекратить зло, а допустилъ его продолженіе и размноженіе. За что же онъ погубилъ людей, которыхъ онъ могъ избавить отъ грѣха и смерти? Зачѣмъ сдѣлалъ дьявола и попустилъ его пасть?

Допуская Бога, творца всего, для разъясненія этого противорѣчія необходимо выдумать дьявола, паденіе Адама, искупленіе, благодать.

Непониманіе ученія Христа объ отрицаніи еврейскаго Бога-творца и о замѣнѣ этого Бога единымъ Богомъ-духомъ, Отцомъ сына человѣческаго, разумѣніемъ, — неизбѣжно вело къ изобрѣтенію безсмысленныхъ, соблазнительныхъ и безнравственныхъ догматовъ о твореніи Богомъ злыхъ духовъ, объ искупленіи и о вѣчныхъ мукахъ. Стоитъ только понимать прямо то, что̀ сказано въ предшествующихъ главахъ и во всемъ евангеліи о сынѣ человѣческомъ — однородномъ Отцу, котораго признаетъ

Іисусъ, для того, чтобы противорѣчія этого не существовало. Притчи о сѣятелѣ и другія какъ бы представляютъ вопросъ о томъ, что̀ есть то, что̀ человѣкъ называетъ зломъ, и отвѣчаютъ на него.

Іисусъ объявилъ, что Бога творца, законодателя и судьи никто не знаетъ и не зналъ, а есть только въ человѣкѣ духъ, исшедшій изъ безконечнаго начала — сынъ духа, свѣтъ разумѣнія и въ немъ жизнь.

Въ бесѣдѣ съ Никодимомъ сказано, что источникъ жизни, Богъ, далъ жизнь міру, любя его. Не сказано, что Богъ любилъ каждаго человѣка, какъ и нигдѣ не сказано, но именно сказано, что Богъ любилъ міръ, т. е. людей вообще, и хотѣлъ имъ дать жизнь, и потому далъ міру сына, и тѣмъ далъ міру, т. е. людямъ вообще, жизнь и возможность вступить въ царство Божіе. И съ этимъ-то стихомъ и связываются притчи о сѣятелѣ.

Примѣчаніе 23-ье.

Первая притча о сѣятелѣ есть крайнее представленіе о томъ, что̀ есть тотъ Богъ, который далъ жизнь міру, и зачѣмъ и какъ онъ далъ жизнь міру. Это крайнее представленіе о Богѣ, началѣ всего, можетъ быть выражено только сравненіемъ.

Сравненіе такое: Сѣятель, любящій пшеницу, заботящійся о пшеницѣ, выражаетъ Бога, любящаго міръ, заботящагося о мірѣ, и какъ сѣвецъ не заботится о каждомъ отдѣльномъ зернышкѣ, такъ и Богъ не заботится о каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Какъ сѣвецъ заботится объ урожаѣ, зная, что, несмотря на пропажу многихъ зеренъ, урожай будетъ, сѣетъ повсюду, такъ и Богъ сѣетъ повсюду, зная, что, несмотря на погибель многихъ, урожай будетъ.

И Богъ не вступается больше въ дѣла міра, какъ это выражено въ притчѣ (Мр. IV, 26 — 29).

Понимая Бога, какъ его опредѣляетъ Іисусъ, обвиненіе Бога въ томъ, что Онъ сдѣлалъ зло — смерть и потому любитъ зло и смерть, — устраняется. Обыкновенно это становится личнымъ вопросомъ, неправильно перенесеннымъ къ общему явленію. Обвиненіе человѣкомъ Бога въ томъ, что онъ допустилъ смерть, подобно обвиненію въ желаніи смерти, которое бы сдѣлало сѣмячко березовое, одно изъ милліоновъ, за то, что другія проростаютъ, а оно попадаетъ въ рѣку и погибаетъ. Тотъ, кто сдѣлалъ милліоны сѣмячекъ, не затѣмъ сдѣлалъ ихъ милліоны, чтобы они погибали, а напротивъ затѣмъ сдѣлалъ ихъ милліоны, чтобы они не погибали, и потому цѣль его есть жизнь, а не смерть.

Съ точки зрѣнія общей, съ точки зрѣнія Бога, начала всего, — это разумно.

Но если ты спросишь, зачѣмъ смерть въ тебѣ, то отвѣтъ на это есть внутренній (и отвѣтъ этотъ дается въ притчѣ и во

всѣхъ учительныхъ мѣстахъ евангелія). Затѣмъ, что ты ее хочешь. Зерно каждое имѣетъ возможность прорасти и принести плодъ, и каждый человѣкъ имѣетъ возможность стать сыномъ Бога и не знать смерти.

На неточность сравненія въ объясненіи притчи Іисусъ обращаетъ вниманіе, когда онъ говоритъ у Луки: *смотрите какъ понимаете.* Такъ что притча отвѣчаетъ на вопросъ съ двухъ сторонъ — съ внѣшней и внутренней, и дѣлаетъ ясное раздѣленіе между внѣшнимъ пониманіемъ царства Бога — о цѣляхъ и путяхъ Бога, и внутреннимъ пониманіемъ царства Бога — о возможности для каждаго вступить въ него.

Примѣчаніе 24-ое.

Въ безконечномъ непонятномъ мірѣ людей послано кѣмъ-то — явилось разумѣніе. Разумѣніе разсѣяно во всѣхъ людяхъ, какъ безчисленное количество зеренъ разсѣяно сѣвцомъ по всему полю, засѣяно и по дорогѣ, и по камнямъ, и по рѣпьямъ.

Какъ сѣвецъ знаетъ, что есть дороги, камни, рѣпья въ его полѣ, что пропадетъ много зеренъ, онъ знаетъ, что все-таки спорѣй сѣять по всему полю, знаетъ, что, несмотря на пропажу многихъ зеренъ, много выраститъ, и урожай будетъ. Несчетныя зерна даютъ урожай не отъ каждаго поровну, небольшая доля погибаетъ, они не нужны; другая же доля даетъ самъ-сто, самъ-пятьдесятъ и самъ-тридцать. Такъ же и жизнь разумѣнія разсѣяна во всѣхъ людяхъ; одни теряютъ эту жизнь, другіе возвращаютъ ее сторицею.

Сѣвецъ сѣялъ зерна, и ему нужны только зерна, и онъ соберетъ только зерна.

Таинственный сѣятель сѣетъ жизнь разумѣнія, и онъ соберетъ только жизнь разумѣнія. Тѣ люди, которые имѣютъ жизнь разумѣнія, тѣ нужны сѣвцу; тѣ, которые утратили ее, тѣ не нужны ему. Всѣ были зерна, и одни погибли въ зернѣ, другіе въ росткѣ, третьи въ былкѣ.

Такъ и люди — одни прежде, другіе послѣ утратили жизнь разумѣнія. Только тѣ, которые берегутъ въ себѣ разумѣніе, чтобы не перестать быть жизнью, быть тѣмъ, изъ чего они вышли, тѣ только живутъ, остальные погибаютъ.

Примѣчаніе 25-ое.

Разумѣніе даетъ жизнь людямъ, но источникъ разумѣнія Богъ, тотъ Богъ, котораго никогда никто не зналъ, не управляетъ людьми, какъ тотъ мужикъ, который посѣялъ зерно и забылъ про него; онъ знаетъ только про свое и принимаетъ его — это разумѣніе; какъ мужикъ убираетъ съ поля то же зерно, которое онъ посѣялъ, такъ разумѣніе въ людяхъ соединяется съ источникомъ разумѣнія.

Ту же мысль выражаетъ притча о закваскѣ.

Примѣчаніе 26-ое.

Баба положила закваску и оставила квашню киснуть, пока сдѣлается тѣсто.

Бабѣ не нужно ничего дѣлать. То, что̀ она сдѣлала, уже достаточно для того, чтобы вышло то, что̀ ей нужно.

Какъ земля сам родно родитъ, какъ квашня сама поднимается, такъ жизнь разумѣнія самородно живетъ и не прекращается.

И опять ту же мысль выражаетъ притча о сѣятелѣ и плевелахъ, но съ новымъ и глубокомысленнымъ значеніемъ, дающимъ прямой отвѣтъ на вопросъ людей о томъ, что̀ есть зло? и какъ долженъ человѣкъ понимать зло и относиться къ нему?

Примѣчаніе 27-ое.

Духъ Бога въ человѣкѣ — сынъ человѣческій, все, что̀ мы знаемъ о Богѣ, даетъ жизнь разумѣнія людямъ, такъ же какъ мужикъ сѣетъ хорошія сѣмена въ своемъ полѣ, и они растутъ.

Среди жизни разумѣнія является что-то похожее на жизнь, кончающееся смертью.

У Луки XVI, 16 сказано: „и отнимется то, что̀ кажется, что есть у него". Что̀ же такое это подобіе жизни? Откуда взялось оно?

Вопросъ этотъ не относится къ Богу-духу, а только къ людямъ. Богъ-духъ — источникъ жизни сѣетъ жизнь и собираетъ жизнь. Только глупые работники могутъ совѣтовать топтать жизнь. Жизнь одна нужна, она одна остается, а остального нѣтъ для Бога-духа.

Временная жизнь кончается, временное все пропадаетъ, погибаетъ; не кончается и не погибаетъ жизнь разумѣнія — одно то, что̀ есть духъ, одно то, что̀ отъ Бога.

Въ притчѣ этой двѣ главныя мысли, два отвѣта на предполагаемые вопросы.

1) Что̀ есть зло по отношенію къ Богу? и

2) Что̀ есть зло по отношенію къ человѣку?

Отвѣтъ на первый вопросъ тотъ, что зла для Бога — сына человѣческаго — нѣтъ. Онъ есть Богъ жизни и блага и не знаетъ зла. Такъ какъ Онъ Богъ жизни и добра, то зла для Него нѣтъ, и Онъ не можетъ желать уничтожить его. Желаніе уничтоженія зла есть зло и можетъ быть только въ людяхъ, а не въ Немъ.

Сынъ человѣческій даетъ жизнь и знаетъ только жизнь въ разумѣніи, и потому всякій человѣкъ, перенеся свою жизнь въ сына, въ духа, не можетъ знать зла и потому не можетъ противиться ему.

Вторая мысль и отвѣтъ на вопросъ, что̀ же есть то, что̀ мы, люди, называемъ зломъ, состоитъ въ томъ, что то, что̀ мы называемъ зломъ, есть свободное удаленіе отъ свѣта и погибель,

про которую сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, есть то, что свѣтъ пришелъ въ міръ, а люди ушли отъ него.

Эта мысль о томъ, что зла для Бога нѣтъ, а что для людей оно есть отдѣленіе отъ разумѣнія, излагается въ притчѣ о неводѣ.

Примѣчаніе 28-ое.

Богъ дѣлаетъ то, что̀ дѣлаютъ рыбаки: негодную рыбу бросаютъ, а оставляютъ одну ту, которая нужна. Рыба отбирается та, какая нужна рыбаку, остальная бросается въ море только потому, что она не нужна. Нѣтъ вопроса о томъ, лучше или хуже ей будетъ. Та рыба, которая въ морѣ, той нѣтъ для рыбака, какъ нѣтъ для Бога тѣхъ людей, которые не сыны Его, жизнь которыхъ не въ свѣтѣ разумѣнія. Для Бога зла нѣтъ, но для человѣка есть зло. Зло для него — это жизнь внѣ разумѣнія.

И потому нужно различать наши понятія о злѣ вообще — объективномъ злѣ, какъ говорятъ философы, внѣшнемъ, и о злѣ для каждаго человѣка — о злѣ субъективномъ, внутреннемъ. Объективнаго зла нѣтъ. Субъективное зло есть удаленіе отъ разумѣнія, оно же есть смерть.

Это раздѣленіе двухъ воззрѣній изложено въ толкованіи притчи о сѣятелѣ и сѣменахъ, попавшихъ въ разныя земли.

Примѣчаніе 29-ое.

И значеніе притчи то, что однимъ открылся смыслъ, а другимъ не открылся. Онъ говоритъ: а причина, по которой я говорю имъ притчами, та, что они, не понимая внутренняго смысла, иначе понять не могутъ. У Луки сказано: вамъ дано знать внутренній смыслъ царства Божія, а остальнымъ — въ примѣрахъ.

Примѣчаніе 30-ое.

Ученики спрашиваютъ: къ чему онъ говоритъ эти притчи, что̀ онъ хочетъ сказать ими? И Іисусъ отвѣчаетъ: то, что однимъ, вамъ, дано понимать царство Божіе, какъ зернамъ, попавшимъ на хорошую землю. Другимъ же, какъ пропадающимъ зернамъ, не дано. И вамъ дано, какъ зерну въ доброй землѣ, увеличиться, а у нихъ отнимется и та жизнь, которая, казалось, что есть въ нихъ, какъ уничтожается зерно на дорогѣ, камнѣ и рѣпьяхъ. Вотъ это-то я и говорю въ притчахъ, потому что они не видятъ, не понимаютъ всего блага. Они, какъ тѣ люди, про которыхъ говоритъ Исаія, что Богъ наказалъ ихъ тѣмъ, что они глядя не видятъ и слушая не слышатъ. Сердце людей этихъ ожирѣло, и оттого они не понимаютъ того, что̀ передъ ними.

Вы счастливы, что понимаете. Таково значеніе притчи съ внѣшней стороны, но внутренній смыслъ совсѣмъ другой.

И Іисусъ объясняетъ внутренній смыслъ.

Внѣшній смыслъ притчи тотъ, что для Бога одни люди предопредѣлены къ смерти, другіе къ жизни. Внутренній же смыслъ тотъ, что нѣтъ предопредѣленія, но каждый можетъ удержать разумѣніе и пріобрѣсть его съ избыткомъ.

Упавшее на дорогу, это — равнодушіе, пренебреженіе къ разумѣнію, и потому Іисусъ предостерегаетъ отъ равнодушія и пренебреженія и говоритъ, что люди должны дѣлать усиліе, чтобы принять въ сердце разумѣніе.

Упавшее на камни — это слабость, и потому Іисусъ предостерегаетъ отъ нея и указываетъ на то, что человѣкъ долженъ сдѣлать усиліе, чтобы не поколебаться отъ обидъ и гоненій.

Рѣпья — это заботы мірскія, и Іисусъ предостерегаетъ и указываетъ на то, что человѣкъ долженъ сдѣлать усиліе, чтобы откинуть ихъ.

Хорошая земля — это пониманіе и исполненіе, несмотря на обиды и заботы.

И Іисусъ указываетъ на то, что, кто сдѣлаетъ это усиліе и исполнитъ, тотъ получитъ жизнь съ избыткомъ.

Примѣчаніе 31-ое.

Изъ всего ученія и примѣра Іисуса вытекаетъ то, что для достиженія царства Божія нужно не заботиться о плотской жизни. Іоаннъ, первый возвѣстившій царство Божіе, жилъ въ пустынѣ. И Іисусъ ушелъ въ пустыню и послѣ пустыни жилъ безъ дома и собственности. Главная мысль искушенія есть отрицаніе благъ земныхъ.

Бесѣда съ Симономъ и блудницею, притча о фарисеѣ и мытарѣ, наставленіе о томъ, что̀ сквернитъ человѣка, бесѣда съ самарянкою, бесѣда съ фарисеями, съ Никодимомъ — выражаютъ безполезность для блага и жизни всего земного и плотского. Притча о произрастающихъ сѣменахъ, гдѣ сказано, что двѣ главныя преграды для вступленія въ царство Божіе — это страхъ передъ гоненіями и любовь къ богатству, — все говоритъ объ отреченіи отъ заботъ земныхъ. Человѣкъ, отрекшійся отъ заботъ земныхъ, есть нищій.

И вотъ Іисусъ прямо называетъ то внѣшнее положеніе, которое нужно для вступленія въ царство Божіе. Онъ говоритъ: „блаженны нищіе — ихъ есть царство Божіе“.

Въ бесѣдѣ по случаю Іоанна Іисусъ сказалъ, что ученіе въ томъ, что нищіе, бродяги — блаженны.

Прежде положеніе о томъ, что для блага не нужно заботиться о земномъ, вытекало изъ другихъ положеній; теперь же Іисусъ, излагая сущность своего ученія, обращаясь къ народу, выражая свою мысль доступно всѣмъ, говоритъ, что только нищій и бродяга могутъ войти въ царство Божіе, что богатые, пресыщенные и восхваляемые не войдутъ, потому что богатство, пресыщенность и слава удаляютъ царство Божіе, и вся дальнѣйшая проповѣдь есть только доказательство этого положенія.

Примѣчаніе 32-ое.

Все 3-е правило говоритъ только: въ старину говорили: „держи присягу“, а я говорю: „не клянись ни Богомъ, ни своею головою, потому что все во власти Бога, и твоя голова, и потому говори да, да, нѣтъ, нѣтъ, а что̀ сверхъ этихъ словъ, то зло. Не понять смысла этого нельзя. Если церковь такъ лжетъ, она знаетъ зачѣмъ, она знаетъ, что устройство общества и ея устройство держится на присягѣ, почему она и не можетъ не лгать. Іисусъ говоритъ именно про ту самую клятву, которую церковь хочетъ оправдать.

Настоящее значеніе этихъ словъ то, какое въ нихъ сказано. Сказано: *не присягай*. Связь со всѣмъ ученіемъ слѣдующая. Когда уговоръ утверждается тѣмъ, что стороны обѣщаются Богу, когда говорятъ: убей меня Богъ, если я это не сдѣлаю, то залогомъ этимъ ставится Богъ, и это есть клятва. Объясняя, почему не должно клясться, Іисусъ говоритъ, что человѣку нельзя дѣлать этихъ уговоровъ, потому что нечего давать въ залогъ. Если онъ ручается небомъ, то онъ залогомъ своего уговора ставитъ Бога, Богъ же вовсе не ручается за него. И потому всѣ эти клятвы безсмысленны.

Если же человѣкъ ручается своею головою, то и это можетъ дѣлать только тотъ, кто не въ царствіи Божіемъ. Въ царствіи Божіемъ всякій человѣкъ знаетъ, что онъ весь во власти Бога и самъ не можетъ ничего сдѣлать, ни даже цвѣта волоса перемѣнить. Всякая клятва есть обѣщаніе того, что человѣкъ то или другое сдѣлаетъ во всякомъ случаѣ; но какъ же человѣкъ, признающій царство Божіе, т. е. власть надъ собою Бога, можетъ обѣщать земное дѣло? Одно и то же дѣло земное можетъ быть хорошо и дурно, согласно или противно волѣ Божіей. Я приду туда-то въ субботу, поклянусь я, и въ субботу будетъ умирать другъ, отецъ, жена, и будетъ меня просить побыть съ нимъ. Я клянусь, что дамъ тогда-то 3 рубля, но у меня будетъ просить умирающій съ голоду эти 3 рубля, какъ же мнѣ не дать ему?

Я клянусь повиноваться Ивану Ивановичу, и онъ велитъ мнѣ убивать людей, а Богъ запрещаетъ мнѣ это. Это можно было дѣлать, когда не извѣстна была воля Божія, когда былъ законъ и учителя (пророки), а не тогда, когда наступило царство Божіе. Человѣкъ весь во власти Божіей. и ей одной повинуется. И дѣло его одно — творить волю Божію. Такъ кому же онъ будетъ клясться? И зачѣмъ? И въ чемъ? И потому не клянитесь вовсе; говорите да, если да, нѣтъ, если нѣтъ; и знайте, что всякое, какое бы ни было обѣщаніе, подтверждаемое клятвою, есть злое дѣло, дѣло, происшедшее отъ зла, дѣло, подъ которымъ кроется злой умыселъ.

Примѣчаніе 33-ье.

Какъ это правило, такъ и предшествующія, ясно показываютъ, что Іисусъ, говоря о законѣ, никогда не разумѣлъ закона Моисеева, а законъ общій и вѣчный, нравственный законъ людей. Іисусъ не учитъ тому, какъ исполнять положенія Моисеевыхъ книгъ о клятвѣ, а учитъ тому, какъ выполнять законъ вѣчный, запрещающій всякую клятву.

То же самое и по отношенію къ правосудію Іисусъ не учитъ выполнять законъ Моисеевъ, а прямо говоритъ, что людское правосудіе есть зло, и учитъ исполнять законъ вѣчный — непротивленіе злу. Онъ удерживаетъ одно — цѣль закона, какъ поводъ для высказыванія своихъ правилъ. Цѣль закона человѣческаго правосудія есть благо людей. И онъ говоритъ: для того, чтобы достигнуть этого блага, вамъ сказано въ законѣ: выколоть глазъ тому, кто выкололъ глазъ, выбить зубъ тому, кто выбилъ зубъ, отрубить руку и убить того, кто убилъ. Я же вамъ говорю: для того, чтобы достигнуть блага, не защищайтесь отъ злыхъ людей. Не защищайтесь совсѣмъ. Ударилъ тебя въ одну скулу, подставь другую. Хочетъ, чтобы ты сработалъ для него, — работай для него вдвое. Знаешь, что занять хочетъ у тебя, не бѣгай отъ него, а давай; и если дашь, не проси назадъ; хочетъ засудить тебя, снять рубаху, — отдай и кафтанъ.

Христосъ съ подробностью останавливается на этомъ и перечисляетъ случаи, въ которыхъ злой можетъ обижать не злого, и во всѣхъ случаяхъ прямо и понятно говоритъ, что̀ надо дѣлать и чего не надо дѣлать; надо все отдать и не прибѣгать къ человѣческому правосудію — суду, и не участвовать въ немъ.

Цѣль закона та, чтобы никто не посягалъ на другого, на свободу, на цѣлость, на жизнь его, и потому и законъ не можетъ посягать на свободу, цѣлость и жизнь другого. И не можетъ же быть законъ *не убій* и законъ *убій* того-то и того-то.

Правило это вытекаетъ само собою изъ перваго правила: не сердись и мирись съ братомъ. Главный смыслъ его есть только отрицаніе суда человѣческаго, утвержденнаго ложнымъ закономъ.

Іисусъ говоритъ: „не судите и не судитесь, а прощайте, все прощайте. Вы будете прощать, и вамъ будутъ прощать. А если вы будете судить, и васъ будутъ судить, и зло никогда не кончится.

И какъ и въ прежнихъ правилахъ, давъ правило, Іисусъ съ двухъ сторонъ объясняетъ его: съ внутренней — для каждаго, и съ внѣшней для всѣхъ. Для каждаго онъ говоритъ: какъ можетъ кто-нибудь изъ людей судить другого? Вѣдь судящій долженъ видѣть, что̀ хорошо и что̀ дурно; но какъ же ему

видѣть, что̀ хорошо, что̀ дурно, когда онъ самъ судитъ, т. е. хочетъ мстить и наказывать? Онъ тѣмъ самымъ, что судитъ, уже утверждаетъ зло, и потому, если онъ судитъ, то онъ самъ слѣпой, который хочетъ вести слѣпого. Такъ выходитъ для каждаго.

Для всѣхъ же выходитъ то, что во 1-ыхъ, если онъ судитъ, то и его будутъ судить, а во 2-хъ то, что онъ думалъ исправлять, учить, а самъ только портитъ и развращаетъ. „Хорошо! Онъ учитъ, наказываетъ. Но вѣдь ученикъ можетъ выучиться только тому, что̀ знаетъ учитель. Учитель учитъ тому, что надо людямъ мстить. Этому самому и выучится ученикъ". Такъ люди учатъ другихъ наказаніямъ, и такъ-то все глубже и глубже идутъ во тьму. Они говорятъ, что они дѣлаютъ это для блага. Убиваютъ! Не можетъ убійство произойти отъ добраго желанія, такъ какъ не можетъ вырасти дурной плодъ на добромъ деревѣ, и какъ съ добраго дерева получается хорошій плодъ, такъ и отъ добраго дерева не можетъ отродиться месть и наказаніе. И потому, если они наказываютъ, — не вѣрьте, что они добры. Вотъ смыслъ этого мѣста.

Примѣчаніе 34-ое.

5-ое, послѣднее изъ маленькихъ правилъ, выражено, даже въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, съ такою ясностью, что, казалось бы, не можетъ быть сомнѣнія въ его значеніи.

Вамъ сказано: люби своего русскаго, а презирай жида, нѣмца, француза; а я говорю: люби людей чужихъ народовъ, если даже они нападаютъ на тебя, дѣлай имъ добро. Богъ одинъ у нѣмцевъ и у русскихъ и всѣхъ любитъ, и вы будьте равными сынами Его, такъ же добры будьте ко всѣмъ, какъ Онъ.

Что̀ можетъ быть связнѣе, проще, яснѣе этого? Но если подумать только, для чего говорилась эта рѣчь, кто говорилъ эту рѣчь, то еще очевиднѣе, что она не можетъ имѣть другого смысла.

Для чего говорится вся рѣчь?

Іисусъ учитъ людей истинному благу, какъ же ему умолчать о томъ явленіи, которое и тогда, и теперь представляется какъ величайшее зло — враждѣ народовъ и войнѣ. Неужели мы только такъ умны, а онъ просмотрѣлъ это зло и этотъ неистощимый источникъ зла, а говорилъ только о томъ, какъ причащаться хлѣбомъ или виномъ, а объ обществахъ милліоновъ, о войнахъ ничего не сказалъ? И тотъ Іисусъ, тотъ, который сказалъ, что онъ не однимъ евреямъ проповѣдуетъ благо, тотъ, который не признаетъ ни матери, ни братьевъ, ни семьи, ни вѣры старинной, а говоритъ такимъ же, какъ онъ, бродягамъ; неужели же онъ признаетъ государство и не говоритъ объ отношеніяхъ народовъ, потому что признаетъ, что эти отноше-

нія и войны очень хороши, потому, что войны, заставляющія милліоны страдать и другіе милліоны быть причиной страданій, не касаются его ученія?

Въ началѣ рѣчи Іисусъ говоритъ, что не только не надо убивать, но гнѣва нельзя имѣть на человѣка; такъ какъ же ему было не упомянуть о томъ вѣчномъ явленіи войнъ, при которомъ не только гнѣваются на людей, но убиваютъ людей? Неужели мы только такъ умны, что видимъ зло войнъ, а Іисусъ не видалъ этого? Поразительно въ этомъ непониманіи самыхъ простыхъ словъ то, отчего оно происходитъ и какъ оно оправдывается.

Происходитъ это непониманіе отъ того, что ученіе Христа не признается ученіемъ о томъ, какова должна быть жизнь людей, а признается какъ бы нѣкоторымъ дополненіемъ и украшеніемъ той жизни, которая существуетъ и которая считается настоящею. Не подходитъ ученіе Христа къ жизни, — значитъ, надо его перетолковать. Іисусъ запрещаетъ всякую вражду къ чужеземцу, запрещаетъ защиту и велитъ покоряться всякому врагу, — а у насъ есть государства, право и т. д. Ученіе не подходитъ, и надо перетолковать его. Ученіе перетолковываютъ. И продолжаются государства и войны. И если спросить, да какъ же войны въ христіанскихъ народахъ? Отвѣчаютъ: Іисусъ ничего не говоритъ о государствахъ, о войнахъ. Выходитъ, что Іисусъ, запрещая грубымъ словомъ назвать человѣка, запрещая имѣть хоть одного человѣка обиженнаго и не примиреннаго, разрѣшаетъ насилія, убійства въ огромныхъ размѣрахъ. Онъ забылъ сказать про это, или это не касается ученія о благѣ. Если же читаешь, какъ написано, выходитъ слѣдующее:

Первое маленькое правило Іисуса — законъ о человѣкѣ, одномъ въ самомъ себѣ, въ его сердцѣ; взявъ заповѣдь: не убій, имѣющую цѣлью то, чтобы люди по злобѣ не вредили другъ другу, Іисусъ говоритъ не то, что не убій, а не имѣй зла на брата, и если братъ имѣетъ зло на тебя, мирись съ нимъ.

Второе маленькое правило о человѣкѣ съ женщиною — о семьѣ; взявъ заповѣдь: не прелюбодѣйствуй, имѣющую цѣлью то, чтобы люди своими половыми отношеніями не вредили другъ другу, Іисусъ говоритъ: не считай похоть плотскую хорошимъ дѣломъ.

Третье маленькое правило о человѣкѣ въ своихъ частныхъ мірскихъ сношеніяхъ съ другими; взявъ заповѣдь о клятвѣ, имѣющую цѣлью вѣрность отношеній, Іисусъ говоритъ, что источникъ зла — это обязательства, которыя беретъ на себя человѣкъ. Нельзя обѣщаться ни въ чемъ; не присягай ни въ чемъ.

Четвертое маленькое правило объ отношеніи человѣка къ своему государству и къ законамъ государства: взявъ статью

изъ законовъ своего народа, Христосъ учитъ, что наказаніемъ исправлять нельзя, а надо отдавать все, что у тебя берутъ, все спускать и никогда не судиться.

Пятое и послѣднее маленькое правило ученія, начавшагося съ жизни одного человѣка и захватывающаго все больше и больше людей, тутъ относится до всего человѣчества, относится до тѣхъ людей, которыхъ мы называемъ непріятелями, когда нашъ народъ въ войнѣ съ ними, до чужихъ народовъ, до всего человѣчества: вражескихъ народовъ, непріятелей не должно быть для васъ. Если они воюютъ съ вами, — подчиняйтесь, дѣлайте добро и не воюйте. Дѣлайте какъ Богъ, для котораго нѣтъ различія между добрыми и злыми. Будьте ко всѣмъ людямъ добры, какого бы они народа ни были, не дѣлайте различія.

Примѣчаніе 35-ое.

Ни на что не сердись, какъ бы ни обижали тебя; не ищи плотскихъ утѣхъ, если есть жена, съ ней одной живи; ни въ чемъ не обѣщайся; ни въ чемъ не защищай ни своего труда, ни своего досуга; все не судясь отдавай тѣмъ, которые хотятъ отнять отъ тебя; не считай себя членомъ какого-нибудь народа, не признавай никакого различія народностей, и изъ-за различія народностей не воюй, ни нападая, ни защищаясь. Будьте бродяги — это и не что иное сказано въ маленькихъ правилахъ Христа. Въ нихъ и въ томъ, чтобы дѣлать другимъ, что себѣ хочешь, — *весь законъ и пророки.*

Каковы люди теперь, каково ихъ устройство жизни теперь, точно такое же оно было и тогда. И то самое, что говорили, говорятъ и скажутъ люди теперь объ этомъ ученіи, то самое думали и говорили люди тогда. И теперь говорятъ и скажутъ, и тогда говорили: но если не противиться злу и отдавать все, что отнимаютъ, то весь смыслъ нашей жизни уничтожится. Нѣтъ ни государства, ни собственности, ни семьи. Я приготовилъ, собралъ, скопилъ для себя, для семьи, для своего народа, а всякій злой человѣкъ придетъ, потянетъ съ меня, и я долженъ отдать. Придетъ нѣмецъ, французъ, турокъ, заберетъ то, что я собралъ, и я долженъ покориться? И Іисусъ Христосъ прямо отвѣчаетъ на это. Онъ не говоритъ ни о семьѣ, ни объ обществѣ, ни о государствѣ, онъ говоритъ только о томъ одномъ, что составляетъ предметъ его ученія, о томъ одномъ, что есть свѣтъ людей, о божественной сущности человѣка, о его душѣ. Но онъ прямо отвѣчаетъ на естественный вопросъ о томъ, что же будетъ съ плодомъ моихъ трудовъ, съ сокровищемъ, съ капиталомъ, который я собралъ? Онъ отвѣчаетъ: человѣкъ въ жизни можетъ пріобрѣсти два богатства: одно богатство — *духа въ Богѣ*, и другое, то, что вы называете богатствами. Ваше богатство гибнетъ, вы это знаете; не нынче, — завтра, черезъ 100 лѣтъ оно погибнетъ, и ничего не останется.

Богатство въ Богѣ, жизнь духа, — одно не погибнетъ и не подлежитъ земнымъ переворотамъ. Копите то, которое не погибнетъ. Если то, чтò ты желаешь, то, къ чему ты стремишься, — богатство, которое ты копишь, есть зло, то какова же будетъ твоя жизнь, вся направленная къ одному злу? Если глаза твои видятъ хорошо, они и тѣло приведутъ туда, гдѣ ему будетъ хорошо; но если глаза твои слѣпы, то и все тѣло заведутъ въ зло. Желанія, стремленія твои — это глаза, которые ведутъ тебя. Чтò же будетъ съ тобою, если желанія направлены ко злу?

И потому невозможно работать за одно — на мамона, т. е. для гибнущаго богатства, и на Бога, для негибнущаго духа.

Любовь къ богатству есть обманъ. Стоитъ только подумать, чтобы понять его. Зачѣмъ оно? Мы привыкли говорить: какъ мнѣ не заботиться, чтò буду ѣсть. Да кто ѣсть-то хочетъ? Душа, жизнь. Откуда же она-то? Вѣдь не изъ хлѣба она выросла, а прежде она родилась, а потомъ уже мы ее кормимъ хлѣбомъ. Она-то откуда? Отъ Бога. Стало быть, Богъ сдѣлалъ и жизнь, и хлѣбъ. Ну чтò же для Бога дороже, жизнь или хлѣбъ? Ужъ навѣрно жизнь. Такъ о жизни той, чтò отъ Бога, о той надо заботиться. А Богъ, если сдѣлалъ жизнь, такъ и сдѣлалъ то, чтò напитаетъ ее. Вѣдь кормитъ же Богъ птицъ, а онѣ не сѣютъ, не жнутъ, такъ и васъ прокормитъ; то же и объ одеждѣ и обо всемъ, чтò вамъ каждому нужно. Такъ не заботьтесь ни объ ѣдѣ, ни о чемъ. Отецъ вашъ, Богъ, знаетъ, чтò вамъ нужно; не заботьтесь впередъ, довольно зла отъ заботы и одного дня, отъ котораго вы не уйдете. Зачѣмъ прибавлять себѣ еще новое зло, заботясь о завтра. Держитесь только минуты настоящаго, стараясь всегда только въ эту минуту исполнять волю Бога, и вы войдете въ жизнь. Ищите только, чтобы быть въ царствѣ Бога, исполнять волю Отца, а все остальное само придетъ. Желайте, ищите только одного этого, и Отецъ дастъ вамъ эту жизнь, не тѣлесную, но духовную. Онъ знаетъ, чтò для васъ добро, и то самое даетъ вамъ. Это кажется вамъ труднымъ, потому что вы не видите пути. Вамъ кажется, что вездѣ путь. Одинъ только путь, тотъ, который я вамъ показываю, — путь этихъ правилъ, и по немъ вы войдете въ царство Божіе. Не бойтесь, вы войдете, потому что Богъ самъ хочетъ этого.

Примѣчаніе 36-ое.

На мой взглядъ, особенность этого чуда отъ другихъ та, что въ другихъ среди естественнаго является чудо, какъ доказательство божественности Іисуса; здѣсь же, напротивъ, среди чудеснаго является естественное, какъ доказательство божественности Іисуса. Больной ждетъ 20 лѣтъ чуда, а Іисусъ говоритъ ему: ничего не жди; чтò въ тебѣ есть, то и будетъ.

Другіе не исполнили волю хозяина, не приняли его одежды, и тѣхъ хозяинъ велѣлъ выбросить вонъ. Съ тѣми сталось то же, что̀ съ тѣми, которые побили работниковъ. Одни, соединясь съ разумѣніемъ, исполняютъ его, другіе не исполняютъ. Тѣ, которые не исполняютъ, уничтожаются такъ же, какъ и тѣ, которые враждебны къ нему.

II.

Стр. 46, стихъ 550.

Притча эта считается самой непонятной и соблазнительной притчей. И ее всячески толкуютъ, и все ничего не выходитъ. Но стоитъ только не перетолковывать, что бродяги, нищіе только въ царствіи Бога, что кто имѣетъ собственность, тотъ не то, что не допустится, но не можетъ войти въ ворота царства Бога, что первое условіе вступленія въ царство Бога состоитъ въ томъ, чтобы отбросить собственность, что нельзя служить Богу и мамону, какъ нельзя однимъ глазомъ смотрѣть на небо, другимъ на землю. Все это, что̀ столько разъ сказано со всѣхъ возможныхъ сторонъ, сто̀итъ только нарочно не перетолковывать этого, и притча такъ ясна и проста, что даже толковать нечего.

Смыслъ притчи, если вѣрить словамъ евангелія, самый простой: человѣкъ, чтобы обезпечить свою жизнь, отдаетъ другимъ имѣніе ложное, не принадлежащее ему. Черезъ чужое, ложное богатство человѣкъ этотъ обезпечилъ себя, т. е. онъ отдалъ чужое, ложное и получилъ настоящее. Іисусъ говоритъ: и вы то же дѣлайте, чтобы получить жизнь, отдавайте мнимую собственность — жизнь плотскую со всѣмъ тѣмъ, что̀ мнимо нужно для нея. Если же не отдаете эту ложную собственность, ту, которая не въ вашей власти, то какъ же вы получите жизнь настоящую? Жизнь плотская выражается имуществомъ, даже слово „животъ“ имѣетъ и значеніе собственности, и значеніе жизни. Отдавайте имущество, чтобы получить жизнь.

Примѣчаніе 43-ье.

Смыслъ притчи теоретическій тотъ, что время жизни дано для того, чтобы вознести сына человѣческаго, отдать свою плотскую жизнь для того, чтобы получить жизнь истинную. Придетъ смерть, и человѣкъ лишится этой возможности. Христосъ въ самой грубой, насмѣшливой формѣ выражаетъ, съ одной стороны, ту мысль, что когда кончится жизнь, придетъ смерть, то все житейское окажется ненужнымъ, и съ другой, что воротить ее, эту возможность жизни, — уже нельзя. И прибавляетъ, что доказательствъ недостаточности одной земной жизни не нужно искать нигдѣ, что это ясно всякому, что мертвый не можетъ уже прійти разсказать, что̀ съ нимъ сдѣлалось, когда онъ умеръ, какъ это разсказываетъ богачъ.

притчѣ о сѣятелѣ и плевелахъ. Возвращеніе родовитаго человѣка домой, это — совершеніе всей жизни, то самое, что̀ выражено въ притчѣ о плевелахъ, сожженіе ихъ; то же, что̀ выражено въ притчѣ о неводѣ; то же, что̀ выражено у Іоанна словами смерть.

Отчетъ рабовъ — это состояніе тѣхъ, которые имѣли разумѣніе, какъ зерно. Отчетъ первыхъ двухъ рабовъ — это состояніе тѣхъ, которые удержали въ себѣ разумѣніе, какъ зерна на доброй землѣ; награда ихъ есть соединеніе съ хозяиномъ. Отчетъ послѣдняго раба — это состояніе того, который, имѣя разумѣніе, не удержалъ его, какъ зерна на дорогѣ, на камняхъ и въ рѣпьяхъ. Онъ ненужный рабъ, его нѣтъ для разумѣнія. Земляки, не признавшіе царя, — это люди внѣ разумѣнія, ихъ тоже нѣтъ для разумѣнія.

Гривна — это разумѣніе въ человѣкѣ. Тотъ работникъ, который работалъ надъ этой гривной, тотъ пріобрѣлъ, исполнилъ волю хозяина, хозяинъ принялъ его въ товарищи, онъ соединился съ хозяиномъ.

Разумѣніе и жизнь остались разумѣніемъ и жизнью. Но злой работникъ спряталъ свою гривну, онъ сказалъ себѣ: не хочу знать хозяина, хочу на себя работать; но хозяйская гривна обличила его, и онъ, чтобы не думать о хозяинѣ, зарылъ эту гривну. Злому работнику дана жизнь разумѣнія, но онъ не хочетъ работать на нее, онъ думаетъ, что она чужая и не нужна ему, и онъ прячетъ ее самъ отъ себя, чтобы можно было работать для плоти, для пищи тѣлесной, а не для исполненія воли хозяина. Злой работникъ не понялъ того, что гривна, жизнь разумѣнія, дана не для хозяина, а для него самого. Онъ сказалъ себѣ: хозяинъ хочетъ взять у меня то, чего онъ не давалъ мнѣ — плотскія радости; такъ не дамъ же ихъ ему, а буду жить для нихъ. А жизнь разумѣнія, какая есть, такая и будетъ. Но хозяинъ пришелъ и, увидавъ, что жизнь рузумѣнія не растетъ въ человѣкѣ этомъ, отнялъ ее.

Сѣмя духа Божія посѣяно равно во всѣхъ сердцахъ, и каждый человѣкъ можетъ увеличить въ себѣ это сѣмя духа. Богъ далъ каждому духа. Одни, получивъ этотъ духъ, полюбили его, возрастили въ себѣ, удвоили и дали плодъ каждый по силамъ; но другіе, какъ тѣ, которые объявили владѣтелю, что не хотятъ быть подъ его властью, какъ тотъ послѣдній рабъ, сказали себѣ: за что̀ отдамъ я плотскую свою жизнь, плотскія наслажденія, ради духа, который не мой. Онъ хочетъ, чтобы я, ради этого духа, отдалъ ему то, чего онъ не давалъ мнѣ, — плотскую мою жизнь. А лучше я спрячу подальше этотъ зародышъ духа, данный мнѣ, а буду жить плотью. Но онъ потерялъ и послѣдній зародышъ духа Божія, и плотская жизнь его кончилась смертью.

Жизнь разлита во всѣхъ. Тотъ, кто сознаетъ въ себѣ сына человѣческаго, будетъ жить жизнью истинной, тотъ пріобрѣтетъ

жизнь истинную. Жизнь же истинная не можетъ быть ни больше, ни меньше. Если въ жизни земной намъ кажутся одни люди имѣющими больше, а другіе меньше, одни пять гривенъ, другіе двѣ и одну, то для жизни истинной они всѣ равны, они всѣ существуютъ въ радости хозяина. Только тотъ, кто зарылъ эту жизнь, тотъ самъ себя лишаетъ жизни и выходитъ изъ области свѣта въ тьму.

Притча эта выражаетъ еще и то, что людскія понятія о справедливости неприложимы къ вопросу жизни и смерти.

Понятіе ветхозавѣтное о томъ, что за такія-то дѣла Богъ награждаетъ, за такія-то наказываетъ — ложно. Нѣтъ ни наградъ, ни наказаній. Кто держится жизни, тому дается еще больше; кто не держится жизни, у того послѣдняя отнимется. Какъ и въ началѣ евангелія, такъ и въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, такъ и во всѣхъ притчахъ и бесѣдахъ Іисусъ говоритъ одно, что жизнь есть только разумѣніе. Жизнь только настолько жизнь, насколько она есть разумѣніе. Жизнь животную Іисусъ называетъ смертью, и потому такъ называетъ, что она и точно только моментъ, кончающійся вѣчною смертью. И потому не надо думать, что человѣкъ съ своими руками, ногами весь живой. Живое только то, что̀ сознаетъ свое божество. Люди не должны смотрѣть на себя, какъ на живыя существа только потому, что они движутся, ѣдятъ, дышатъ, но только потому, что они сознаютъ себя сынами Бога. Гдѣ начало того всего міра земного, мы не знаемъ и не можемъ знать. Все, что̀ мы знаемъ, это то разумѣніе, которое дано намъ, и имъ мы только можемъ жить. Владѣлецъ далъ свои гривны людямъ, оставилъ ихъ въ своемъ владѣніи и ушелъ. Богъ вложилъ людямъ свое разумѣніе и оставилъ ихъ въ мірѣ смерти. Если люди и не чувствуютъ надъ собою власть владѣтеля, то все-таки у нихъ есть тѣ гривны владѣльца ихъ, которыя даны имъ, и имъ надо что-нибудь дѣлать съ ними. Людямъ дано разумѣніе. Оно дано въ размѣрѣ, но оно дано всѣмъ, и имъ надо что-нибудь съ нимъ дѣлать. И каждый дѣлаетъ съ этимъ разумѣніемъ, что̀ хочетъ. Одинъ работаетъ много, другой меньше, третій ничего не дѣлаетъ, четвертый и вовсе не признаетъ его. Но дѣло не въ томъ, что̀ онъ сработалъ, но въ томъ, что онъ понялъ, что въ немъ жизнь, и работалъ надъ тѣмъ, что̀ есть жизнь, стремился увеличить жизнь.

И съ людьми совершается совсѣмъ не то, что̀ мы привыкли считать справедливымъ, т. е. чтобы за большой трудъ была соотвѣтственная награда, чтобы человѣкъ, ничего вреднаго не сдѣлавшій, не пострадалъ, чтобы человѣкъ отвѣчалъ за то, въ чемъ онъ виноватъ.

Все это такъ, когда мы себѣ представляемъ какую-то власть человѣческую, казнящую за то, что̀ мы считаемъ дурнымъ, и награждающую за то, что̀ мы считаемъ хорошимъ, но это не такъ, когда мы созерцаемъ самую сущность жизни.

Съ самаго начала и до конца Іисусъ говоритъ, что никакихъ наградъ и наказаній ни отъ людей, ни отъ Бога быть не можетъ. Истинное благо есть разумѣніе, само въ себѣ и цѣль, и средство, и жизнь. Стало быть, кто имѣетъ разумѣніе и въ него перенесъ свою жизнь, тотъ имѣетъ жизнь Кто не имѣетъ и не въ него кладетъ свои усилія, тотъ не имѣетъ жизни.

Съ общей точки зрѣнія: хотя и много попадетъ зеренъ на камни и на дороги, — другія зерна, попавшія на хорошую землю, наверстаютъ, и урожай будетъ. И не виновато, и не наказано зерно, упавшее на камни и на дорогу, и не награждены тѣ, которыя попали на добрую землю; но для того, чтобы былъ урожай, упавшія на добрую землю должны родить самъ-пятьдесятъ и больше. Разумѣніе въ мірѣ вообще возвращается къ Богу, хотя и много человѣческихъ существъ живутъ безъ этого разумѣнія: многіе выносятъ это разумѣніе и увеличиваютъ его въ себѣ. Съ личной точки зрѣнія: каждому дана гривна, нельзя забыть про нее. Если забудешь, то покажешь, что она не нужна тебѣ, и ее возьмутъ у тебя. Если забылъ, какъ тотъ рабъ, и станешь утверждать свою справедливость, то самъ себя обвинишь. На что̀ же тебѣ ее, коли ты зарылъ ее? Ее отдать надо тому, кто заработалъ на ней. Разумѣніе есть въ каждомъ, оно — жизнь.

Если ты не хочешь идти къ жизни, то жизнь уйдетъ отъ тебя. Нѣтъ наградъ, нѣтъ наказаній для людей. Не люди живутъ для себя. Если бы они жили для себя, то были бы награды и наказанія для нихъ. *Не люди живутъ для себя, а Богъ въ людяхъ живетъ для себя.* Если человѣкъ живетъ для Бога, то онъ живетъ. Если онъ живетъ для себя безъ Бога, то онъ не живетъ; и какъ жить нельзя ни меньше, ни больше, такъ и не жить нельзя ни меньше, ни больше; *человѣкъ живетъ или не живетъ.* Тутъ нѣтъ ни наказанія, ни награды, а есть жизнь и смерть.

Ученіе Христа есть только ученіе о томъ, что̀ — жизнь, что̀ — смерть. Жизнь — разумѣніе, остальное — смерть.

Примѣчаніе 38-ое.

Ничто яснѣе этой рѣчи Іисуса къ ученикамъ предъ ихъ посланіемъ на проповѣдь, повторенной у всѣхъ трехъ евангелистовъ, не опредѣляетъ настоящаго значенія Іисуса. Если бы значеніе проповѣди Іисуса было бы только то, которое признаютъ церкви, то вся эта рѣчь была непонятна. За что̀, въ самомъ дѣлѣ, бить учениковъ и убивать, если проповѣдь, которую они разносятъ, есть проповѣдь только о примиреніи съ братомъ, чистотѣ тѣлесной, неосужденіи ближняго, прощеніи своихъ враговъ, и о томъ, что Богъ прислалъ сына на землю. Нельзя себѣ представить достаточно глупыхъ и праздныхъ людей, которые дали бы себѣ трудъ за это гнать и бить людей. Нельзя себѣ представить поводовъ, которые могли придумать

эти гонители, чтобы бить, мучить, убивать безобидныхъ проповѣдниковъ хорошихъ нравственныхъ правилъ и выдумки о сынѣ Божіемъ. Кому они могли помѣшать? Кто хотѣлъ, слушалъ ихъ; кто не хотѣлъ, — не слушалъ. За что же ихъ бить и ненавидѣть? Если бы это было хорошее, но неясное, парадоксальное нравственное ученіе, какъ его представляютъ свободо-мыслящіе историки, то тоже не за что было гнать. Если это ученіе было о томъ, что Богъ прислалъ сына на землю искупить родъ человѣческій, то еще меньше было поводовъ сердиться на людей, которые воображали себѣ это и находили въ этомъ удовольствіе. Если это было отрицаніе еврейскаго закона, тоже не за что было гнать, особенно не евреямъ; но гнали и тогда, и послѣ, и теперь — не евреи. Если бы это было политическое ученіе, возмущеніе противъ богатыхъ и сильныхъ, то такія возмущенія и прежде, и послѣ, и теперь подавляются богатыми и сильными, и тогда бы подавилось и кончилось бы. Это было что-то другое.

Только если понимаешь ученіе вполнѣ, такъ, какъ оно выражено въ нагорной проповѣди и во всемъ евангеліи, если понимать, что Іисусъ запрещаетъ прямо всякаго рода не только убійство, но противленіе злу, запрещаетъ присягу (то кажущееся неважнымъ дѣло, которое ведетъ ко всѣмъ ужаснѣйшимъ насиліямъ), запрещаетъ судъ, т. е. наказанія, всякое противодѣйствіе насилію и похищенію, и потому запрещаетъ собственность, какъ и поняли его первые ученики, запрещаетъ отдѣльность народовъ, пресловутую любовь къ отечеству, — тогда только понятны тѣ гоненія, которымъ подвергается Іисусъ, ученики его первые и послѣдующіе, и понятно предвидѣніе Іисуса о гоненіяхъ, предвидѣніе, очевидно, раздѣляемое и учениками. Понятно и раздѣленіе, которое должно произойти, о которомъ онъ говоритъ.

Понятно, что если одинъ человѣкъ изъ семьи, понявъ ученіе, отказывается или дать клятвенное обѣщаніе, или быть судьей, или идти на судъ, или отказывается отъ содѣйствія власти, отъ участія въ войнѣ или собиранія податей, или исполненія наказаній, или пренебрегаетъ богатствомъ, — понятно, что раздѣленіе должно возникнуть въ семьѣ, если другіе члены не поняли ученія.

И Іисусъ, очевидно, зналъ это, зналъ, что это такъ будетъ и не можетъ быть иначе, онъ зналъ, что его ученіе — не ученіе, но искра, которая зажигаетъ сознаніе Бога въ сердцахъ людей, и, разъ загорѣвшись, не можетъ потухнуть. Потому что Іисусъ Христосъ зналъ, что въ каждомъ домѣ раздѣлятся пятеро, и будутъ одни противъ другихъ. Одни загорятся, а другіе будутъ тушить разгорѣвшихся. И онъ томился желаніемъ видѣть скорѣе пламя, которое охватитъ всѣхъ. И пламя это разгорѣлось и горѣло послѣ, и горитъ до сихъ поръ, и будетъ горѣть всегда, пока будутъ люди.

Если бы это было только нравственное ученіе о томъ, какъ вести себя въ существующемъ порядкѣ вещей, то понятно, что проповѣдники этого ученія никому бы не мѣшали, и это не было бы пламя, которое охватываетъ все, а была бы свѣчка, которая горѣла бы, освѣщая тѣхъ, которые близки къ ней.

Если бы это было только ученіе церковное о томъ, что Богъ сходилъ въ міръ спасти людей, ученіе это никто бы и не зналъ, какъ мы не знаемъ вѣрованія зулу и чувашъ, и никто бы не заботился о немъ. Оно не только потухло бы, но никогда бы и не разгорѣлось.

Если бы это было ученіе соціально-революціонное, то оно давно бы разгорѣлось и потухло, какъ разгорѣлись и потухли такія ученія въ Китаѣ, вездѣ, гдѣ есть люди: или бѣдные отняли бы имѣнія у богатыхъ и сильныхъ и опять стали бы богатые и сильные, или богатые и сильные задушили бы бѣдныхъ, и искра потухла бы. Но искра не потухла и не потухнетъ, потому что Іисусъ не говоритъ ни о правилахъ, какъ жить человѣку въ обществѣ наилучшимъ образомъ при существующемъ порядкѣ, ни о томъ, какъ молиться Богу, и что̀ такое Богъ, ни о томъ, какъ перестроить общества. Онъ говоритъ истину о томъ, что̀ есть человѣкъ, въ чемъ его жизнь. И человѣкъ, понявшій, въ чемъ его жизнь, будетъ жить этою жизнью. Человѣкъ, понявшій смыслъ жизни, не можетъ уже въ другомъ видѣть смысла. Когда онъ понялъ, что̀ есть жизнь, и что̀ есть смерть, онъ не можетъ не идти къ жизни и не бѣжать отъ смерти. И что̀ бы ни стояло на дорогѣ къ жизни: нравственныя правила, Богъ, вѣрованія людей, общественное устройство, — человѣкъ, понявшій жизнь, будетъ идти къ ней, не обращая ни на что вниманія, и въ своемъ стремленіи включая всѣ явленія жизни: и нравственность, и богопочитаніе, и общественное устройство.

Іисусъ Христосъ открылъ свое ученіе не для того, чтобы сообщить людямъ о томъ, что онъ Богъ, не для того, чтобы улучшить жизнь людей на землѣ, не для того, чтобы свергнуть власти, а — потому что въ душѣ своей, какъ въ душѣ каждаго человѣка, пришедшаго въ міръ, онъ зналъ, что лежитъ сознаніе Бога, которое и есть жизнь, и которому противно всякое зло. Іисусъ Христосъ зналъ и постоянно повторялъ, что не онъ говоритъ то, что̀ онъ говоритъ, а что говоритъ то *Богъ* въ душѣ каждаго человѣка. И, посылая учениковъ, Іисусъ Христосъ говоритъ: не бойтесь никого, не жалѣйте ничего и не думайте впередъ, что̀ вамъ сказать. Живите жизнью истинной, она есть разумѣніе Бога, и когда вамъ нужно будетъ говорить, не заботьтесь: духъ Божій скажетъ за васъ. И слова ваши, сказанныя немногимъ, разнесутся вездѣ, потому что они истина.

Примѣчаніе 39-ое.

I.

Стр. 40, стихъ 483.

Значеніе всего мѣста то, что ученые люди — законники упрекали Христа, что отъ его ученія произойдетъ еще большее зло, чѣмъ то, которое онъ хочетъ исправлять. Іисусъ говоритъ, что не онъ, а они зломъ исправляютъ міръ. И что міръ стоитъ не зломъ, а чѣмъ-то другимъ. Я, говоритъ онъ про себя, исправляю міръ не зломъ, а духомъ Божіимъ, тѣмъ духомъ Божіимъ, который живетъ въ васъ. Если бы я истреблялъ зломъ, то я бы не имѣлъ власти. А я исправляю духомъ Божіимъ, и онъ имѣетъ власть. Только слѣдуйте моему ученію, и все зло будетъ побѣждено въ мірѣ, все зло будетъ разрушено. Духъ Божій — единая жизнь. Кто не въ духѣ Божіемъ живетъ, тотъ противъ него тѣмъ, что онъ губитъ свою жизнь, какъ губитъ человѣкъ свой хлѣбъ, не собирая его съ поля. И потому самая важная для жизни ошибка людей есть ложное пониманіе духа Божія. Тѣ люди, которые такъ перетолковываютъ ложно духъ Божій, обманываютъ людей, губятъ себя и другихъ. Они тѣ, чрезъ которыхъ разрастается зло въ мірѣ.

II.

Стр. 41, стихъ 496.

Іисусъ не выказываетъ никакого страха передъ опасностью земною, онъ спитъ, когда буря бьетъ лодку и заливаетъ ее. Когда его будятъ и говорятъ, что они погибаютъ, онъ удивляется и дѣлаетъ имъ упрекъ. Они говорили, что вѣрятъ истинной жизни внѣ времени и пространства, а при первомъ случаѣ они своею робостью передъ земными бѣдствіями показали, что не вѣрятъ въ нее. Какъ заботы о похоронахъ отцовъ и о домашнихъ распорядкахъ, какъ кровныя связи, какъ отношенія къ другимъ людямъ не могутъ вліять на жизнь духа, такъ и опасность смерти земной и самая смерть земная не могутъ помѣшать жизни духа. И Іисусъ спитъ, и, возбудившись, также остается спокоенъ.

Примѣчаніе 40-ое.

Это послѣднее изреченіе включаетъ въ себя смыслъ и первыхъ двухъ, и въ немъ главная мысль всего мѣста. Смыслъ его тотъ, что кто позналъ жизнь въ царствѣ Бога — жизнь духа, и при этомъ заботится о чемъ-нибудь плотскомъ, тотъ этой заботой о плотской жизни признаетъ то, что онъ не живетъ жизнью духа. Если человѣкъ, живя жизнью духа, заботится о плотской жизни, то онъ такъ же мало успѣетъ въ жизни духа, какъ и тотъ, кто будетъ пахать, глядя не передъ собой, а позади себя.

Сравненіе это имѣетъ еще одно значеніе. Человѣкъ, воображающій, что онъ живетъ духомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ соображающій, какія послѣдствія будетъ имѣть то, что̀ онъ дѣлаетъ

въ жизни, подобенъ тому пахарю, который, чтобы провести борозду, смотритъ не впередъ на то, что̀ онъ дѣлаетъ, а назадъ на то, что̀ онъ сдѣлалъ.

Примѣчаніе 41-ое.

Іисусъ говоритъ: для того, чтобы быть наученнымъ мною истинной жизни, спасающей отъ смерти, необходимо отречься отъ всего. А чтобы не жалѣть то, отъ чего отрекаешься, нужно только расчесть выгоды и невыгоды плотской и духовной жизни. Обдумай свое положеніе здѣсь, на этомъ свѣтѣ, такъ, какъ обдумываютъ его строящій домъ и царь, собирающійся воевать.

Ну, хорошо, ты любишь своего отца, мать, дѣтей, свою жизнь. Ну, хорошо: можешь ты достроить эту жизнь, какъ домъ, можешь ты противостать смерти, которая идетъ на тебя съ своими силами; можешь или думаешь, что можешь, такъ строй свою жизнь. Если же увидишь, что не можешь, что домъ твой останется недостроеннымъ, что царя того, который идетъ войной на тебя, тебѣ не побѣдить, такъ брось строить, замирись и иди за мной къ той жизни, которую я показываю вамъ. И потому середины не можетъ быть. Вѣришь, что только та жизнь, которая даетъ разумѣніе, есть жизнь, живи разумѣніемъ, и тогда не будешь ничего жалѣть, но съ радостью будешь отдавать плотскую жизнь; а не вѣришь и жалѣешь плотскую жизнь, то лучше и не ходи за мной. Смыслъ моего ученія есть отреченіе отъ плотской жизни. Если хочешь быть моимъ ученикомъ и не отрекся отъ всего, жалѣешь что-нибудь, то ты, какъ соль несоленая, никуда уже не годишься.

Примѣчаніе 42-ое.

I.

Стр. 45, стихъ 541.

Разумѣніе зоветъ къ себѣ всѣхъ. Одни слышатъ и понимаютъ его, но не хотятъ отдаться ему, — тѣ остаются, какими они были, съ возможностью жизни; другіе прямо не признаютъ разумѣнія и враждебны ему, — тѣ этимъ самымъ уничтожаются; еще другіе соединяются съ разумѣніемъ.

Одна часть мысли выражена, но остается другая о тѣхъ, которые признаютъ разумѣніе. Одни гости и исполнившіе волю хозяина приняли то благо, которое онъ даетъ имъ — одежду брачную. Сравненіе исполненія воли хозяина съ одеждой, подаренной хозяиномъ, указываетъ на то, что исполненіе воли хозяина не трудно, что оно, кромѣ исполненія воли хозяина, есть само въ себѣ благо. Мѳ. XI, 28: придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. 29. Возьмите иго мое на себя, и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ, и найдете покой душамъ вашимъ. 30. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко.

Другіе не исполнили волю хозяина, не приняли его одежды, и тѣхъ хозяинъ велѣлъ выбросить вонъ. Съ тѣми сталось то же, что съ тѣми, которые побили работниковъ. Одни, соединясь съ разумѣніемъ, исполняютъ его, другіе не исполняютъ. Тѣ, которые не исполняютъ, уничтожаются такъ же, какъ и тѣ, которые враждебны къ нему.

II.
Стр. 46, стихъ 550.

Притча эта считается самой непонятной и соблазнительной притчей. И ее всячески толкуютъ, и все ничего не выходитъ. Но стоитъ только не перетолковывать, что бродяги, нищіе только въ царствіи Бога, что кто имѣетъ собственность, тотъ не то, что не допустится, но не можетъ войти въ ворота царства Бога, что первое условіе вступленія въ царство Бога состоитъ въ томъ, чтобы отбросить собственность, что нельзя служить Богу и мамону, какъ нельзя однимъ глазомъ смотрѣть на небо, другимъ на землю. Все это, что̀ столько разъ сказано со всѣхъ возможныхъ сторонъ, сто̀итъ только нарочно не перетолковывать этого, и притча такъ ясна и проста, что даже толковать нечего.

Смыслъ притчи, если вѣрить словамъ евангелія, самый простой: человѣкъ, чтобы обезпечить свою жизнь, отдаетъ другимъ имѣніе ложное, не принадлежащее ему. Черезъ чужое, ложное богатство человѣкъ этотъ обезпечилъ себя, т. е. онъ отдалъ чужое, ложное и получилъ настоящее. Іисусъ говоритъ: и вы то же дѣлайте, чтобы получить жизнь, отдавайте мнимую собственность — жизнь плотскую со всѣмъ тѣмъ, что̀ мнимо нужно для нея. Если же не отдаете эту ложную собственность, ту, которая не въ вашей власти, то какъ же вы получите жизнь настоящую? Жизнь плотская выражается имуществомъ, даже слово „животъ“ имѣетъ и значеніе собственности, и значеніе жизни. Отдавайте имущество, чтобы получить жизнь.

Примѣчаніе 43-ье.

Смыслъ притчи теоретическій тотъ, что время жизни дано для того, чтобы вознести сына человѣческаго, отдать свою плотскую жизнь для того, чтобы получить жизнь истинную. Придетъ смерть, и человѣкъ лишится этой возможности. Христосъ въ самой грубой, насмѣшливой формѣ выражаетъ, съ одной стороны, ту мысль, что когда кончится жизнь, придетъ смерть, то все житейское окажется ненужнымъ, и съ другой, что воротить ее, эту возможность жизни, — уже нельзя. И прибавляетъ, что доказательствъ недостаточности одной земной жизни не нужно искать нигдѣ, что это ясно всякому, что мертвый не можетъ уже прійти разсказать, что̀ съ нимъ сдѣлалось, когда онъ умеръ, какъ это разсказываетъ богачъ.

Смыслъ притчи практическій тотъ же, но сказано, что̀ именно дѣлать, чтобы получить жизнь истинную. Отдавать плотскую жизнь, отдавать ее не на словахъ можно только тѣмъ, чтобы не держать за собой богатствъ, когда есть нищіе, голодные. И потому держаніе собственности, когда есть нищіе, несовмѣстимо съ жизнью. Чтобы отдавать жизнь, надо прежде всего отдавать собственность, а кто не отдаетъ, тотъ не можетъ получить жизнь.

Примѣчаніе 44-ое.

Смыслъ бесѣды тотъ, что богатый и важный человѣкъ приступаетъ къ Іисусу и говоритъ: ты учитель блага и счастья, такъ скажи же, какому же благу и счастью ты учишь?

Іисусъ говоритъ: я учу не благу и счастью: благъ и счастливъ только Богъ-Отецъ, *а я учу жизни, — тому, какъ получить жизнь.* И чтобы получить жизнь, надо исполнять заповѣди, и заповѣди вотъ какія: кромѣ старыхъ „не убій“, не „прелюбодѣйствуй“, еще: *чти Бога такъ, чтобы любить ближняго, какъ самого себя.*

Богатый человѣкъ говоритъ: я всѣ эти заповѣди исполнилъ. Іисусъ говоритъ: если бы ты исполнилъ двѣ послѣднія заповѣди, хоть одну послѣднюю, у тебя не было бы имѣнія.

Если бы ты точно исполнялъ эту заповѣдь о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, не было бы у тебя ничего своего, ты все бы уже раздалъ тѣмъ, у кого нѣтъ; а хочешь исполнить, такъ поди раздай.

Начальникъ нахмурился и ушелъ. Тогда Іисусъ и говоритъ ученикамъ: видите, что правда, что̀ я говорилъ, что нищимъ принадлежитъ царство Божіе, что вамъ нельзя служить Богу и мамону. Никакъ нельзя тому, у кого есть собственность, войти въ царство Божіе.

Ученики ужаснулись. А онъ опять сказалъ имъ: нельзя войти въ царство Божіе тому, у кого есть имѣніе; легче верблюду въ игольное ушко пройти, чѣмъ тому, у кого есть имѣніе, войти въ царство Божіе. Они еще болѣе ужаснулись и говорятъ: какъ же это можно? А онъ говоритъ: судя по-человѣчески нельзя, а судя по духу, по-божьему, не только можно, но и нельзя подумать иначе.

Никакая притча, кажется, не давала своимъ толкователямъ болѣе труда, чѣмъ эта.

Церковь старается растолковать все такъ, что можно быть богатымъ, зная, что нищіе дохнутъ съ голоду, и быть христіаниномъ. И она уродуетъ ученіе, толкуетъ. А казалось бы, какъ рѣшиться перетолковать обратно то, что̀ столько разъ такъ ясно и настоятельно сказано.

Начинается евангеліе съ того, что Іоаннъ бѣжитъ въ пустыню, дѣлается нищимъ, проповѣдуетъ то, чтобы тотъ, у кого

есть двѣ одежды, отдалъ бы одну нищему, и у кого есть пища — тоже, и упрекаетъ богатыхъ за ихъ богатство и жестокость.

По толкованіямъ церковнымъ это значитъ только то, что Іоаннъ креститель какъ-то мазалъ на царство Іисуса. А о богатствѣ и нищенствѣ, — это для красоты слога.

Іисусъ идетъ въ пустыню нищимъ и борется съ соблазномъ богатства, — это ничего не значитъ, это только дьяволъ искушаетъ Бога.

Іисусъ возвращается въ міръ, отрекается отъ дома, семьи, собственности и сближается съ нищими и проповѣдуетъ нищимъ — это ничего не значитъ. Это только показываетъ смиреніе Бога.

Іисусъ говоритъ, что Богу противны богатыя жертвы, что Онъ радуется только на любовь и милосердіе людей другъ къ другу, — это только цитата изъ пророковъ.

Іисусъ объясняетъ, что царствіе Божіе состоитъ въ томъ, чтобы отречься отъ жизни плоти и жить духомъ, — это есть разъясненіе отношеній лицъ св. Троицы и больше ничего не значитъ.

Іисусъ, отвѣчая ученикамъ Іоанна, говоритъ, что нищіе узнаютъ о своемъ благѣ, — это тоже только для красоты слога сказано; наконецъ, Іисусъ говоритъ свою проповѣдь въ ясныхъ, доступныхъ всѣмъ словахъ, прямо говоря, чтò должны дѣлать люди, чтобы исполнить его ученіе. Проповѣдь эта и учеными, и неучеными считается самымъ яркимъ и яснымъ мѣстомъ евангелія. И проповѣдь эту Іисусъ начинаетъ словами: „Блаженны вы, нищіе, бродяги, потому что ваше царство Божіе, и несчастны вы, богатые, потому что вы дорожите наградой плотской“. Слова эти толкуютъ какъ чувствительныя фразы, относящіяся къ смиренію; а о томъ, что богатство, собственность есть источникъ зла, есть жестокость — объ этомъ (по толкованію церкви) Іисусъ ничего не говоритъ. „Это не Христосъ сказалъ, а Прудонъ. Прудонъ же все вретъ, онъ соціалистъ и безбожникъ.“ Во всей проповѣди только разъясняется и утверждается это ученіе о нестяжаніи.

Въ 5-ой главѣ даются правила, которыя ведутъ къ тому, чтобы невозможна была собственность. Если прощать всѣ обиды, не защищать своего, не судиться, не защищаться отъ враговъ, то и не мыслима собственность. Всѣ правила эти откидываютъ и признаютъ только чувствительными фразами.

Въ главѣ 6-ой сказано: не собирайте, не копите ничего, т. е. не имѣйте ничего, а если будете копить, то не будете сынами Бога. Нельзя, сказано прямо, нельзя, невозможно соединить служеніе Богу и мамону. Ясно, что если собираешь, скопилъ что-нибудь, то ты, чтò скопилъ, не отдалъ нищему. А нищіе всегда есть. И потому нельзя копить и незачѣмъ копить, потому что ты во власти Бога. И скопишь, — то помрешь. На завтра и то не заботься. Кажется, точно и ясно

Но Іисусъ какъ будто предвидитъ, что люди захотятъ скрыть это, перетолкуютъ, и онъ прибавляетъ еще притчи: о пирѣ, на который приходятъ только нищіе, о невѣрномъ управителѣ, о богачѣ и Лазарѣ, со всѣхъ сторонъ выбираетъ и высказываетъ то же, что войти въ царство Божіе нельзя съ собственностью.— Нѣтъ, это только говорится обо всемъ другомъ, только не о моей кубышкѣ, и богатство ничему не мѣшаетъ, даже очень прекрасно.

Но мало всего этого, въ бесѣдѣ съ юношею то же и то же высказывается уже съ такою простотой и ясностью, что нельзя ничего перетолковать. Но они толкуютъ, выдумываютъ за Іисуса правила, клонящіяся къ тому, чтобы кубышка была цѣла. Страшныя напряженія изворотливости мысли и рѣчи направлены на то, чтобы доказать эту возможность. Выдуманъ какой-то Эбіонъ, котораго никогда не было, и который будто основалъ секту, признающую необходимость бѣдности для вступленія въ царство Божіе. Эбіонъ же — это то самое, чѣмъ велѣлъ быть Іисусъ, и ученики называли себя эбіонами. Эбіониты, т. е. исполняющіе ученіе, это — секта (по церковному толкованію), а тѣ, которые выдумали Троицу и таинства и допускаютъ богатство, суды, войны, — это истинные послѣдователи. Первые ученики Іисуса, апостолы не такъ понимали ученіе.

Дѣян. Ап. II, 44. Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее.

45. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго.

46. И каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца.

47. Хваля Бога и находясь въ любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагалъ спасаемыхъ къ церкви.

Дѣян. Ап. IV, 32. У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее.

33. Апостолы же съ великою силою свидѣтельствовали о воскресеніи Господа Іисуса Христа; и великая благодать была на всѣхъ ихъ.

34. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго.

35. И полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду.

Но нѣтъ, имъ хочется удержать кубышку и считать себя сынами царства.

Но Богъ съ ними, съ ихъ кубышками. Владѣли бы ею, но оставили бы въ покоѣ ученіе Іисуса. Ученію этому нельзя слѣдовать немножко, они сами говорятъ что оно истина. Если же оно истина, то истины немножко не можетъ быть — истина

или ложь? Для того, чтобы понимать истину немножко, надо уже совсѣмъ одурѣть, какъ одурѣли люди ни мой науки: Ренанъ, Штраусъ, Бауръ, Рейсъ и всѣ реторически разсматривающіе религію.

Ренанъ напр. въ „Les Apôtres“ (стр. 381) говоритъ:

„Абсолютная вѣра — фактъ совершенно чуждый для насъ. Внѣ положительныхъ наукъ, внѣ того, что̀ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ матеріальную достовѣрность, всякое мнѣніе въ нашихъ глазахъ лишь приблизительно вѣрно: оно отчасти истинно, отчасти ошибочно. Доля ошибки можетъ быть сдѣлана какъ угодно малой. Но она никогда не будетъ доведена до нуля, когда рѣчь идетъ о нравственныхъ вещахъ, подразумѣвающихъ въ себѣ вопросы искусства, языка, литературной формы, человѣческихъ отношеній. Не такъ, однако, смотрятъ на вещи люди съ узкимъ и упрямымъ умомъ, какъ напр. люди Востока. У этихъ людей не такіе глаза, какъ у насъ: ихъ глаза неподвижные, мертвые, точно эмалевые глаза въ мозаичныхъ изображеніяхъ. Они умѣютъ видѣть только...“, т. е. онъ говоритъ: „мы ни во что̀ не вѣримъ, и мы обо всемъ судимъ. Мы правы, а тѣхъ, которые вѣрятъ, тѣхъ мы обсуживаемъ.“ Мы такъ привыкли къ этому научному сумбуру, что насъ и не поражаетъ такое изреченіе, а вѣдь если это разобрать, то это бредъ сумасшедшаго, который говоритъ: я царь, и всѣ, кто не признаютъ моего царства, тѣ ошибаются.

Человѣкъ, который ни во что̀ не вѣритъ, тотъ ничего не знаетъ, тотъ человѣкъ духовно-больной. А ученый во всей книгѣ высказываетъ это и прямо заявляетъ. Онъ во всѣхъ книгахъ своихъ часто съ сочувствіемъ говоритъ объ ученіи Христа, а потомъ вдругъ съ высоты какого-то невысказаннаго имъ принципа осуждаетъ ученіе Христа. Да если кто-нибудь что-нибудь говоритъ, то онъ что-нибудь знаетъ, что̀ же онъ знаетъ? Напрасно ищешь отвѣта. „La critique et la science.“ Да что̀ такое la critique et la science? Высокимъ слогомъ выражаясь такъ, какъ они сами бы сказали про свое дѣло — наука исторія и историческая критика есть одна изъ сторонъ всеобщаго, преемственнаго человѣческаго знанія, постоянно нарастающаго и освящающаго человѣчество. Отрасль, которой мы занимаемся, есть исторія жизни человѣчества, образованія его отношеній народныхъ, государственныхъ, общественныхъ, образовательныхъ. Отдѣлъ, которымъ мы занимаемся, есть исторія развитія *религій*. Частный случай, которымъ мы заняты, это развитіе христіанства. Прекрасно. Первый вопросъ: преемственность человѣческаго знанія одна или нѣсколько? Индѣйское, китайское знаніе, кажется, не вошло въ нашу преемственность, и оно отрицаетъ нашу. Мнѣ отвѣтятъ: наша включаетъ или включитъ въ себя все, потому что она свободная и ищетъ одного свѣта. Китайцы говорятъ другое; но хорошо, я соглашаюсь.

Второй вопросъ: не слишкомъ ли великъ предметъ для знанія — жизнь человѣчества? Вѣдь описать жизнь одного человѣка не достанетъ трудовъ тысячи человѣкъ; какъ же описать всю жизнь человѣчества? мнѣ отвѣчаютъ: есть обобщенія формы жизни человѣчества, ихъ-то мы находимъ и потомъ подводимъ подъ нихъ явленія жизни, сличаемъ, находимъ новые законы, провѣряемъ фактами, и такое-то ученіе составляетъ науку исторіи.

Я спрашиваю: что̀ же эти обобщенія формы, въ которыхъ проявляется жизнь человѣческая, всегда одни и тѣ же, неизмѣнны, абсолютны?

Мнѣ отвѣчаютъ: да, формы эти — развитіе народностей, государствъ, учрежденія ихъ, законы, образованіе, религія.

Хорошо. Я понимаю эти формы, но не вижу, почему онѣ именно, эти формы васъ занимаютъ. Я знаю еще другія: земледѣліе, промышленность, торговля.

Мнѣ говорятъ: и это мы включаемъ, насколько имѣемъ матеріаловъ.

Хорошо; я знаю еще другія формы: воспитаніе, семейная жизнь.

И это мы включаемъ. — Я знаю еще увеселенія, наряды. — И это мы включаемъ. — Я знаю еще отношенія къ животнымъ, къ домашнимъ, къ дикимъ, знаю еще постройки домовъ, изготовленіе пищи. Еще знаю отношеніе къ пространству, живутъ ли на мѣстѣ или ходятъ съ мѣста на мѣсто, много или мало. Еще знаю, какъ распредѣляютъ работы, еще знаю, какъ относятся другъ къ другу въ дружбѣ и во враждѣ, и еще до безконечности.

Если избраны однѣ извѣстныя формы и до сихъ поръ избраны и успѣшно излѣдованы формы государственности, то это происходитъ отъ того, что эти формы не столько насъ занимаютъ, но что мы считаемъ ихъ важными, и извѣстныя государственныя формы считаемъ лучшими, а другія худшими, такъ что историческія изслѣдованія въ этомъ смыслѣ дѣлаются на основаніи идеала, который мы имѣли о государственной жизни.

Изслѣдованіе другихъ состоитъ въ повѣркѣ того, насколько изучаемыя явленія подходятъ къ тѣмъ, которыя мы считали хорошими, и все это возможно по отношенію ко всѣмъ явленіямъ жизни человѣческой до тѣхъ поръ, пока у насъ есть наивное убѣжденіе въ томъ, что мы въ данномъ отношеніи знаемъ наилучшее. Но тутъ случилась съ историками маленькая непріятность. Въ разгарѣ своей игры они стали захватывать въ свою корзиночку, какъ ребенокъ собираетъ разсыпавшіяся игрушки, все, что̀ попало: и торговлю, и образованіе, и нравы, и бытовую сторону жизни (это слово очень они любятъ), все это хоть и не влѣзло въ ихъ корзиночку, но не разрушило ихъ игры. Если люди убѣждены, что Парижъ 1880-го года есть идеалъ бытовой жизни, то можно, примѣряя къ этому идеалу, описывать всякую бытовую жизнь; но тутъ въ разгарѣ

игры, они захватили и религію. Какъ же! религіи есть разныя, онѣ различно вліяютъ на жизнь народовъ, и это игрушка, тащи ее. Но игрушка эта была горячій уголекъ. Онъ пожегъ всѣ игрушки, и ничего не осталось.

И въ самомъ дѣлѣ, какое ни возьмите явленіе жизни людской, если я наивно увѣренъ, что я знаю, какъ къ этому явленію отнестись наилучшимъ образомъ, то я могу описывать его во всѣхъ случаяхъ, слѣдить за его развитіемъ и упадкомъ; но что̀ дѣлать съ религіями — по-русски съ вѣрой. Вѣдь вѣра это не отношеніе человѣка къ государству, къ базару, къ подачѣ голосовъ, а это то, что̀ онъ вѣрно знаетъ, и на чемъ вся его жизнь строится, то, изъ чего вытекаетъ его отношеніе ко всѣмъ явленіямъ жизни: и къ государству, и къ семьѣ, и къ имуществу, и къ увеселеніямъ, и къ искусствамъ, и къ наукамъ, и ко всему. И потому, во-первыхъ, вѣру никакъ не ухватишь и не всунешь въ историческую корзиночку, а и всунешь, такъ нечего съ ней дѣлать, потому что о государственномъ строѣ можно судить только по тому строю, который я считаю наилучшимъ, и объ образованіи и о законахъ можно судить только по тѣмъ, которыя я считаю лучшими, такъ и о религіи можно что-нибудь сказать только потому, что я знаю наилучшую, а никто не знаетъ такой.

И вдругъ оказывается, что историкъ говоритъ, что вѣры никакой нѣтъ теперь, а была прежде, а вѣра — основа жизни, т. е. историкъ признается, что онъ собственно не знаетъ, въ чемъ смыслъ жизни, и потому пропадаетъ смыслъ того, что̀ онъ говорилъ прежде о другомъ — и всѣ игрушки сгорѣли.

Но историки не видятъ этого, а пренаивно, не зная никакой религіи настоящей, судятъ о религіи, о томъ, изъ чего вытекаетъ жизнь людская, на основаніи маленькихъ проявленій общественной жизни, т. е. государственной, экономической и другихъ.

Примѣчаніе 45-ое.

Люди привыкли мѣрить добро по пользѣ, которую приноситъ жертва, и потому Іисусъ, указавъ на двѣ полушки вдовы, сказалъ, что та, которая отдала все, что̀ имѣла, всю свою жизнь, та только дала, а остальные ничего не дали, потому что дали то, что̀ для нихъ лишнее.

Маленькая притча эта очень важна. Она прямо совершенно съ другой стороны подтверждаетъ то, что для того, чтобы быть въ возможности исполнять волю Бога, неизбѣжно надо быть нищимъ. Чтобы отдать что-нибудь, надо прежде отдать все, не имѣть ничего. А отдать $^3/_4$ имѣнія и не лишить себя ни въ чемъ въ жизни, значитъ ничего не отдать.

Обыкновенно люди, которымъ не нравится это требованіе и толкованіе Іисуса, а оно не нравится всѣмъ богатымъ, говорятъ: велѣно все отдать, этого никто не дѣлаетъ и нельзя сдѣлать, —

стало быть, это неправда, а все-таки лучше отдать хоть что-нибудь изъ своего излишка, — по крайней мѣрѣ, бѣдные будутъ сыты, и голые одѣты.

Но это разсужденіе основано на непониманіи ученія. Іисусъ Христосъ нигдѣ не велитъ отдавать бѣднымъ, чтобы бѣдные были сыты и довольны; онъ говоритъ, что человѣкъ долженъ отдать все бѣднымъ для того, чтобы самъ онъ былъ счастливъ. Онъ не велитъ, не говоритъ, что̀ долженъ всякій отдать, но возвѣщаетъ людямъ истинное благо и говоритъ, что человѣкъ, постигнувшій истинное благо и ищущій жизни истинной, непремѣнно отдастъ все свое имѣніе и въ этомъ найдетъ счастье. „Нельзя служить Богу и мамону“ — не есть правило, но такъ оно въ дѣйствительности, не то, что не годится, а нельзя.

Кто не оставитъ дома, имѣнія и семьи и не идетъ за мной, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ, т. е. тотъ не понялъ меня; кто понялъ, тотъ уже потому, что понялъ, сдѣлаетъ это.

Юноша, хвалившійся тѣмъ, что онъ исполняетъ всѣ заповѣди, даже и заповѣдь о любви къ ближнему какъ къ самому себѣ, обличенъ этимъ самымъ. Онъ еще не вступилъ въ возможность исполнять заповѣди, если не избавился отъ богатства. Богатство мѣшаетъ входу въ царство Божіе. Поэтому тѣ, которые увѣряютъ, что если нельзя дѣлать того, что̀ велитъ дѣлать Іисусъ Христосъ, то лучше хоть что-нибудь дать для пользы нищихъ, — говорятъ не о томъ, о чемъ говоритъ Іисусъ. Іисусъ не только не говоритъ о пользѣ матеріальной, онъ не знаетъ ея. Онъ велитъ отдавать имѣніе только затѣмъ, чтобы оно не было препятствіемъ жизни; послѣ же того, какъ человѣкъ отдастъ имѣніе, онъ учитъ о томъ, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобы жалѣть и любить людей.

Стало быть, прежде всего, для того, чтобы получить возможность отдавать свою жизнь, надо прежде всего отдать неправедное богатство, и потому тѣ, которые даютъ или устанавливаютъ подать на бѣдныхъ, пускай оставятъ въ покоѣ Іисуса Христа и его ученье. Онъ этого не велитъ. Если они это дѣлаютъ, то для своего удовольствія, и пускай дѣлаютъ, но такъ пускай и говорятъ. А давать изъ своего излишка Іисусъ Христосъ считаетъ безразличнымъ, т. е. ничего не говоритъ про это, не говоря уже о томъ, что давать такъ, чтобы другіе видѣли, Іисусъ Христосъ прямо запрещаетъ.

Примѣчаніе 46-ое.

Ученики мѣрятъ добро по пользѣ и за то осуждаютъ женщину, смущаютъ ее, она уже не знаетъ, хорошо ли, дурно ли она сдѣлала, пожалѣвъ Христа, отдавъ ему все, что̀ она имѣла драгоцѣннаго. Особенно не доволенъ Іуда.

Христосъ говоритъ: не смущайте ее, она сдѣлала добро самое большое, какое могла. Не говорите о нищихъ, которыхъ вы

не видите, не жалѣете, не любите. Она увидала меня, я ей жалокъ былъ, и она отдала все, что̀ имѣла.

Если бы къ словамъ: *нищихъ всегда имѣете* не было прибавки *а меня не всегда имѣете*, то значеніе словъ Іисуса было бы то, что не укоряйте женщины за то, что она не дала тѣмъ нищимъ, которыхъ вы не видите, а дала мнѣ; нищіе всегда предъ вами, кого жалко, тотъ и нищій. Я нищій, и она меня пожалѣла, и хорошо сдѣлала. Но слова „меня же не всегда имѣете" и слѣдующій стихъ о томъ, что она сдѣлала это, приготавливая его къ погребенію, показываютъ, что онъ намекаетъ на свою смерть. По моему мнѣнію, Іисусъ, отвѣчая на разсужденіе Іуды о пользѣ, говоритъ: въ добромъ дѣлѣ нѣтъ пользы, и всякое дѣло можно растолковать такъ, что оно будетъ полезно и безполезно, какъ хочешь. Безразсуднѣе поступка этой женщины нельзя сдѣлать, но и этотъ поступокъ можно растолковать въ смыслѣ пользы.

Она облила мое тѣло масломъ. Вы говорите: напрасно. Почему вы знаете, я сейчасъ умру, и тогда окажется, что она прекрасно сдѣлала — приготовила тѣло мое къ погребенію.

Іисусъ облитъ масломъ, какъ обливаютъ мертвое тѣло, и онъ шутливо выражаетъ свою мысль о томъ, что человѣкъ не можетъ ничего знать о томъ, что̀ полезно и безполезно.

. Лучше этого ничего нельзя сдѣлать. Женщина погубила задаромъ 300 динаріевъ, потому что она пожалѣла Іисуса Христа и хотѣла сдѣлать ему добро. Хорошій это поступокъ или нѣтъ? Мы такъ привыкли жить по закону Іуды Искаріотскаго, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы не сказалъ, увидавъ подобный поступокъ, что это безумное и даже дурное дѣло. Примѣръ какъ нельзя болѣе поразительный. Сосудъ съ драгоцѣннымъ масломъ, какъ теперь розовыя масла, разбитъ и пролито на 300 рублей масла, потеряно задаромъ, напрасно. Зачѣмъ? кому какая польза?

А тамъ на улицѣ сотни нищихъ, голодныхъ. Не лучше ли имъ дать? Іисусу Христу даже удовольствія это не могло доставить. Онъ самъ жалѣетъ бѣдныхъ, какъ же не осудить эту глупую бабу? И Іуда осудилъ, и всѣ ученики за нимъ. И разсужденіе, почему баба — дурна и сдѣлала глупость, такъ просто и ясно, что ничего сказать нельзя. Но Іисусъ Христосъ не только не осудилъ, но похвалилъ, онъ сказалъ: вездѣ, во всемъ мірѣ, гдѣ возвѣщено будетъ истинное добро, скажется то, что̀ она сдѣлала. Она отбросила богатство во имя жалости. Она сдѣлала безумное для сыновъ міра сего, для свѣта, ради жалости. Она въ своемъ поступкѣ соединила оба основанія ученія Іисуса: *отдать все, что̀ у тебя есть, и жалѣть и любить ближняго*. Она однимъ поступкомъ и отдала, и пожалѣла, разбила склянку съ масломъ, потеряла все, что̀ имѣла, и полила голову Іисуса, потому что пожалѣла его. А что̀ выйдетъ изъ этого, — это думалъ, это зналъ Іуда. Онъ сказалъ, что масло это даромъ потеряно. И вотъ мы, одни изъ тѣхъ, которымъ

возвѣщено истинное благо, понимаемъ смыслъ евангелія по глупости этой бабы. Осудить не только такой поступокъ, но всякій поступокъ любви и сострадания — легко. Всегда можно дѣлать что-нибудь полезнѣе, но всякій поступокъ любви и сострадания вызываетъ не въ Іудѣ, а въ сынахъ Божіихъ желаніе подражать такому дѣлу, сдѣлать больше или хоть то же; только въ Іудѣ онъ вызываетъ разсужденіе о пользѣ.

Но Іоаннъ евангелистъ объяснилъ и значеніе разсужденія Іуды: „онъ сказалъ это не потому, что ему была забота о нищихъ, а потому что онъ былъ воръ, и онъ носилъ ящикъ для бѣдныхъ.“ Какъ послѣ этихъ словь простыхъ, ясныхъ, мѣткихъ въ христіанскихъ обществахъ могутъ быть благотворительныя учрежденія, — непонятно. Вѣдь они прямо основан на разсужденіи Іуды, прямо противорѣчатъ словамъ Іисуса Христа: „нищіе всегда есть у васъ.“ И объясненія Іоанна Богослова прямо объясняютъ значеніе людей, заводящихъ такія учрежденія: „они дѣлаютъ это не потому, что они заботятся о нищихъ, но потому что они носятъ денежные ящики, и потому что они воры.“

Воры, къ несчастью, слишкомъ часто и въ прямомъ смыслѣ, и всегда въ переносномъ смыслѣ, что не забота о нищихъ, а забота о мірскихъ выгодахъ, соображеніяхъ, тщеславіе заставляетъ ихъ разсуждать такъ, какъ Іуда, и дѣлать то же, что̀ онъ.

Примѣчаніе 47-ое.

Глава эта есть изложеніе все той же мысли и отвѣтъ на тотъ же вопросъ: какія есть доказательства ложности закона Моисея и истинности ученія Іисуса?

Разбирая эту главу, никакъ нельзя признать, чтобы писатель хотѣлъ говорить о плотскомъ исцѣленіи слѣпого. Если и признать, что рѣчь идетъ о плотскомъ исцѣленіи, то непонятно, для чего Іисусъ, исцѣливъ его, говоритъ, что онъ свѣтъ міру, и что надо ходить, пока свѣтъ. Непонятно, почему слѣпой говоритъ про Іисуса, что онъ *пророкъ;* непонятно, почему фарисеи говорятъ ему: *воздай славу Богу;* непонятно, почему они говорятъ ему: *ты ученикъ его.* Непонятно, зачѣмъ Іисусъ встрѣчаетъ еще разъ слѣпого и говоритъ ему: ты видѣлъ сына Бога и видишь его. И главное — непонятны и совершенно излишни слова 39, 40 и 51 стиховъ, въ которыхъ Іисусъ говоритъ:

Ін. IX. 39. И сказалъ Іисусъ: на судъ пришелъ я въ міръ сей, чтобы невидящіе видѣли, а видящіе стали слѣпы?

40. Услышавъ сіе, нѣкоторые изъ фарисеевъ, бывшихъ съ нимъ, сказали ему: неужели, а мы слѣпы?

41. Іисусъ сказалъ имъ: если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха; но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ.

Если это только чудо, то вся учительная сторона мѣста отпадаетъ. Если же это поученіе, то отпадаютъ только слова о бреніи и мазаніи имъ. Я избираю послѣднее, и это тѣмъ болѣе естественно въ этомъ случаѣ, что во всей этой главѣ непонятнаго и лишняго только и есть слова: онъ сдѣлалъ изъ плевка бреніе и помазалъ имъ глаза.

Разумѣніе есть свѣтъ міра. Но что̀, если человѣкъ съ самаго рожденія не видалъ свѣта? Виноватъ онъ или не виноватъ? спрашиваютъ ученики. Іисусъ отвѣчаетъ: никто не виноватъ. Если мы видимъ темнаго, то намъ не спрашивать нужно, кто виноватъ, а намъ надо дѣлать дѣла Божіи, тѣ самыя дѣла, которыя не могли и проявляться для насъ, если бы не было слѣпыхъ; намъ надо давать свѣтъ темному; не потому, чтобы Богъ нарочно ослѣплялъ людей, но потому, что все проявленіе Бога состоитъ въ освященіи тьмы, въ прозрѣніи слѣпыхъ. Пока день, мы должны работать для проявленія свѣта въ тьмѣ. Пока мы въ мірѣ, мы свѣтъ міра, и въ этомъ наша жизнь истинная.

Примѣчаніе 48-ое.

Въ предшествующихъ двухъ главахъ Іисусъ сказалъ, что все богопочитаніе евреевъ ложное, что Моисеевъ законъ исполненъ противорѣчій и есть ложь, и что они не знаютъ Бога и служатъ похоти дьявола, называя его Богомъ, а что онъ даетъ имъ ученіе истиннаго служенія Богу дѣломъ.

На вопросъ ихъ о доказательствахъ истинности своего ученія, онъ говоритъ, что ученіе его не есть его ученіе, а того, отъ котораго мы всѣ произошли — ученіе жизни. И чтобы узнать, истинно ли это ученіе, надо жить по его ученію. Ученіе же его состоитъ въ томъ, чтобы жить, какъ онъ учитъ. Тотъ, кто будетъ такъ жить, тотъ узнаетъ, что онъ сдѣлается свободнымъ, что для него не будетъ никакого страха, ни зла, ни смерти. Тотъ, кто будетъ жить, тотъ почувствуетъ, что онъ будетъ участникомъ начала жизни — Бога. Тотъ, кто живетъ для своей плоти, тотъ живетъ противно началу жизни — Бога, какъ работникъ живетъ въ домѣ хозяина, не заботясь о хозяйской волѣ. А надо жить, какъ въ домѣ Отца, слиться съ волей Отца, и тогда всегда будешь жить съ Отцомъ. Для жизни въ Богѣ нѣтъ смерти. Она всегда была, есть и будетъ, она есть прежде начала міра. Тотъ, кто не живетъ въ Богѣ, тотъ и не знаетъ Бога, и нельзя разсказать его. Чтобы его понять, надо жить въ Богѣ.

Такъ что доказательствъ истинности своего ученія такихъ, какихъ требовали іудеи, Іисусъ не могъ дать. И чтобы показать имъ еще яснѣе невозможность этихъ доказательствъ, онъ говоритъ имъ притчу объ исцѣленіи слѣпорожденнаго. Кто понимаетъ сердцемъ, тотъ видитъ, а кто не понимаетъ, тотъ не видитъ, пока у него не откроются глаза. И доказывать

истину ученія жизни нельзя другому; тотъ, кто понялъ главный смыслъ жизни, тотъ понялъ и не можетъ уже останавливаться ни передъ какими бы то ни было соображеніями, тотъ знаетъ, что былъ слѣпъ и теперь видитъ, знаетъ, что прежде вся жизнь была мракъ, а теперь стала свѣтъ. И отчего прежде не видѣлъ свѣта, и правъ или неправъ тотъ, кто въ субботу открылъ ему свѣтъ, онъ не знаетъ и не можетъ объ этомъ думать, — былъ слѣпъ, а теперь вижу. И другихъ доказательствъ нѣтъ.

Примѣчаніе 49-ое.

Рѣчь идетъ все о томъ же, о доказательствахъ ложности вѣры іудейской и истинности ученія Іисуса. Послѣ притчи о прозрѣвшемъ слѣпомъ и о томъ, что прозрѣніе это всегда будетъ происходить, потому что ученіе Іисуса состоитъ въ томъ, что̀ знаютъ всѣ люди, что онъ только напоминаетъ, освѣщаетъ имъ то, что̀ они знали прежде, что̀ лежитъ въ сердцахъ людей. Что его ученіе въ сравненіи съ ученіями ложными — то же, что появленіе въ овчарнѣ своего пастуха въ сравненіи съ воромъ, залѣзающимъ въ овчарню: его всѣ тотчасъ же узнаютъ, какъ узнаютъ овцы своего пастуха: онѣ чуютъ, что онъ накормитъ ихъ и дастъ имъ жизнь, а отъ ученія ложнаго люди шарахаются, какъ овцы отъ разбойника, который лѣзетъ черезъ заборъ. Онѣ не узнаютъ его и боятся, чуя зло. Если бы Іисусъ что-нибудь необыкновенное, несвойственное людямъ говорилъ имъ, тогда бы они могли пугаться его, какъ шарахаются овцы отъ перелѣзающаго черезъ ограду, — но онъ говоритъ о томъ, что̀ всѣ знаютъ въ себѣ, о томъ пути, который одинъ ведетъ къ жизни, онъ входитъ въ ту дверь, которая одна ведетъ на пастбище — въ жизнь. И то, что̀ онъ говоритъ, знакомо людямъ, какъ знакомъ овцамъ голосъ пастуха, и потому они пойдутъ за нимъ и получатъ жизнь.

Примѣчаніе 50-ое.

Притча эта объ овцахъ и пастухѣ, уже представлявшаяся Іисусу Христу прежде, когда ему народъ казался подобнымъ овцамъ, разогнаннымъ безъ пастуха, разъясняется Іисусомъ Христомъ теперь съ трехъ сторонъ:

1) Онъ говоритъ, что̀ онъ говорилъ не разъ, что всякихъ дорогъ много, но входъ всегда одинъ. Онъ говоритъ, что въ овчарню одна дверь и изъ овчарни одинъ выходъ на пастбище, т. е. чтобъ кормиться — жить. И для жизни людей есть выходъ, этотъ выходъ есть разумѣніе жизни, то, чему онъ учитъ. Всякое ученіе, которое не основано на разумѣніи жизни, — ложно, и всѣ знаютъ это, какъ знаютъ овцы, когда воръ лѣзетъ черезъ ограду.

2) Онъ говоритъ, что онъ вошелъ этой дверью и зоветъ людей

Тѣмъ, которые скрали пять заповѣдей нагорной проповѣди, никакъ нельзя угадать этого. Только тѣмъ, кто понялъ эти заповѣди, отвѣтъ самый простой и ясный.

Въ пяти правилахъ сказано:

1) не сердиться и прощать обиды, сдѣлать такъ, чтобы никто не имѣлъ гнѣва на тебя; дѣти дѣлаютъ это всегда, никто не сердится на дѣтей.

2) Не блудить, — дѣти не блудятъ.

3) Не клясться, — дѣти не понимаютъ, что̀ такое клятва.

4) Не судить, — они только боятся суда.

5) Не имѣть враговъ государственныхъ, — они и не понимаютъ этого.

Такъ вотъ что̀ значитъ быть какъ дѣти: не имѣть вѣры въ тѣ людскія учрежденія, которыя породили зло — вражду, блудъ, обѣщанія, суды, насиліе и войны. У Матѳея въ главѣ XVIII-й ст. 6, тутъ же, послѣ указанія на то, чтобы войти въ царство Бога, сказано: И горе тому, кто соблазнитъ, обманетъ, введетъ во зло этихъ невинныхъ. Только понимая это, можно понять и значеніе словъ: кто пойметъ, что̀ такое ребенокъ по моему ученію, тотъ пойметъ все мое ученіе и волю Отца. Понять надо то, что ребенокъ — это душа Божія, сынъ Бога, только знающій Отца и не знающій еще заблужденій плоти; что все ученіе Іисуса состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать зла, — а ребенокъ еще не дѣлаетъ его.

Примѣчаніе 59-ое.

Сказано, что дѣти родятся вѣрующими въ ученіе Іисуса, что они въ царствѣ Бога, и что погибаютъ они только отъ того, что взрослые люди отманиваютъ ихъ отъ царства Бога и соблазняютъ.

Соблазны есть и будутъ, но надо бояться ихъ, потому что они губятъ и дѣтей, и тѣхъ, которые сами соблазнъ для другихъ. Соблазнъ это то, что̀ отманиваетъ отъ добра и истины, это зло и ложь, которыя кажутся добромъ и правдой, это та привада въ западню, которая кажется птицѣ и звѣрю добромъ до тѣхъ поръ, пока обманутый не попадется въ нее. Такія-то ловушки, обманы составляютъ несчастія міра. Люди добры, но эти обманы губятъ ихъ. Они есть въ мірѣ и не могутъ не быть, какъ не можетъ не быть тьма, если есть свѣтъ; не можетъ не быть заблужденія, если есть истина. Но надо знать ихъ, потому что въ нихъ главная бѣда людей. Берегитесь и того, чтобы не попасть въ нихъ, и того, чтобы, попавшись, не быть участниками въ нихъ. Есть же соблазны противъ пяти правилъ нагорной проповѣди.

Соблазнъ гнѣва — тотъ, который приводитъ человѣка къ убійству, къ обидѣ.

всѣ евангелисты прямо записали это, записали именно эту жестокость его, если онъ былъ Богъ, какъ понимаетъ церковь; это уклоненіе его, если онъ былъ человѣкъ, какъ понимаютъ историки. Онъ не сказалъ имъ ни того, ни другого, а повторилъ яснѣе, сильнѣе то, что̀ онъ прежде говирилъ.

Объясняя, кто онъ такой, что̀ онъ такое и во имя чего онъ учитъ, и въ какомъ смыслѣ онъ Христосъ, избранникъ, помазанникъ Божій, и въ какомъ смыслѣ онъ не Христосъ, онъ сказалъ: я и Отецъ — одно. Онъ отвѣтилъ все то, что̀ могъ, онъ не могъ отвѣтить иначе, потому что онъ признавалъ себя Христомъ, избранникомъ Божіимъ, но не въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимали слово Христосъ, Мессія — іудеи. Если бы онъ сказалъ имъ, что онъ Христосъ, они бы поняли въ немъ пророка, царя, но уже не могли бы понять того, чѣмъ онъ исповѣдывалъ себя, человѣкомъ, вознесшимъ въ себѣ разумѣніе жизни для того, чтобы освятить во всѣхъ другихъ это разумѣніе. Если бы онъ сказалъ имъ, что онъ не Христосъ, они бы лишены были того истиннаго блага, которое онъ проповѣдывалъ людямъ, и это была бы неправда, потому что онъ чувствовалъ себя Христомъ, избранникомъ Божіимъ. Онъ сказалъ имъ прежде, что онъ пришелъ отъ пославшаго его Отца, что онъ только творитъ волю этого Отца, что онъ только пастухъ, указывающій дверь овцамъ, что онъ даетъ жизнь вѣчную тѣмъ, которые вѣрятъ ему, и что Отецъ людей — Богъ ведетъ ихъ къ нему, и что онъ и Отецъ — одно, т. е. что онъ разумѣніе.

Примѣчаніе 52-ое.

Всѣмъ людямъ дана возможность жизни истинной. Кто хочетъ, беретъ ее; кто не хочетъ, не беретъ ее. Тотъ, кто получаетъ жизнь истинную, тотъ имѣетъ ее, и она не то, что ровна для всѣхъ, но съ ней не могутъ совмѣститься наши понятія: больше и меньше, раньше и позже. Она — внѣ категорій пространства, времени, причинности, сказали бы философскимъ языкомъ.

Но мы такъ привыкли къ возмездію жизни земной, что не можемъ отрѣшиться отъ мысли о томъ, что тотъ, кто сдѣлаетъ все то, что̀ считается хорошимъ и угоднымъ какому-то богу, котораго мы представляемъ себѣ внѣ себя (тогда какъ Іисусъ сначала до конца толкуетъ одно и одно, что Бога никто никогда не зналъ, одинъ сынъ явилъ), что намъ хочется установить наши отношенія къ Богу подобно человѣческимъ отношеніямъ барина и холопа. Намъ хочется угождать кому-то, дѣлать то, что̀ мы не понимаемъ и не хотимъ, для того, чтобы угодить барской волѣ; но за то хоть мы и допускаемъ, что мы должны быть наказаны за неугожденіе, какъ мы сами любимъ наказывать за то рабовъ, мы хотимъ тоже и быть награждены за угодливость исполненія чужой воли. И несмотря на то, что все

живо представляетъ безсмыслицу жизни, если нѣтъ хозяина и нѣтъ опредѣленной воли хозяина. Какъ только люди забудутъ хозяина или не захотятъ знать его, такъ жизнь является какою-то безумною игрою: работать всю жизнь, мучиться на чужого, слышать какія-то требованія совѣсти, ни къ чему не ведущія, заглушать ихъ и потомъ погибнуть. И если не признавать хозяина, нѣтъ и не можетъ быть другой жизни. Жизнь — безсмыслица. Только тогда эта жизнь получаетъ смыслъ, когда люди признаютъ хозяина и отдаютъ ему плоды его, только когда люди признаютъ Бога, работаютъ Ему и сливаютъ свою жизнь съ волею Бога.

Хозяинъ нанялъ рабочихъ. Одни пришли съ утра, другіе въ полдень, третьи подъ вечеръ. Хозяинъ отдалъ всѣмъ поровну. И когда работающіе съ утра упрекнули хозяина, хозяинъ сказалъ: развѣ я вамъ обѣщалъ больше? Если ты недоволенъ, то только потому, что ты золъ.

Людямъ дана жизнь плотская затѣмъ, чтобы отдавать ее за жизнь не временную. И отдавая эту жизнь и получая эту жизнь, ты спрашиваешь, какая тебѣ будетъ награда, или отчего тебѣ не такая награда, какую тебѣ хочется. Когда слуга твой служитъ тебѣ, развѣ ты благодаришь его за это? спрашиваешь его, какія ему нужны награды за это? онъ сдѣлалъ то, чтò долженъ былъ сдѣлать, и онъ получаетъ разъ на всегда опредѣленную за трудъ награду — питаніе и кровъ.

Такъ и всякій, вступившій въ царство Бога, живущій волею Божьею, не можетъ ни сравнивать себя съ другими, ни находить награду свою ни большою, ни малою. Это одна жизнь истинная, одно благо, и не можетъ быть большей и меньшей, ни иного блага.

Примѣчаніе 56-ое.

Мѣсто это имѣетъ глубокое значеніе. Ученики говорятъ: увеличь въ насъ вѣру. И онъ говоритъ имъ про то, чтò есть вѣра. Онъ говоритъ: если бы у васъ была та вѣра, которую я вамъ опредѣлялъ подобіемъ зерна горчичнаго, меньшаго всѣхъ сѣмянъ, но такого, изъ котораго разрастаются самыя большія деревья, вы бы не искали еще другой вѣры. Вѣра, подобная зерну горчичному, есть вѣра въ то, что самое зернышко, кажущееся самымъ малымъ, есть зародышъ огромнаго, вѣра въ то, что самое незамѣтное въ васъ — жизнь, духъ — есть зародышъ жизни истинной. Если бы вы вѣрили въ это, т. е. знали такъ же несомнѣнно, какъ то, что изъ зерна горчичнаго вырастаетъ дерево, вы бы не просили увеличенія вѣры. Вѣра есть несомнѣнное знаніе. И тутъ онъ говоритъ тѣ слова, которыя могутъ имѣть двоякое объясненіе. Если послѣднія слова стиха 6-го значатъ то, чтò понимаетъ подъ ними церковь, то онъ говоритъ: если бы вы имѣли такую вѣру, то вы бы не спрашивали, и

ничто не казалось бы вамъ удивительнымъ; если же слова эти имѣютъ вопросительный смыслъ, то онъ говоритъ: вѣра есть несомнѣнное знаніе того, что если вы знаете, что̀ вы такое, знаете, что въ васъ зародышъ духа Божія — по притчѣ зерна горчичнаго. — то для васъ не нужно чудесъ. Чудеснѣе того, что въ васъ зародышъ духа Божія, ничего быть не можетъ. Такъ что въ обѣихъ этихъ версіяхъ стихъ этотъ указываетъ на то, что основа всего сознаніе въ себѣ духа Божія. И что чудеснѣе этого, убѣдительнѣе этого ничего быть не можетъ. И тогда послѣдующая притча о работникѣ съ поля прямо вытекаетъ изъ этого. Вся убѣдительность въ зернѣ горчичномъ, въ томъ, что въ тебѣ зародышъ Бога. въ томъ, что въ тебѣ сынъ человѣческій, посланный къ тебѣ отъ Бога, и твое дѣло только исполнять то, на что̀ ты посланъ.

То, что̀ мы зовемъ жизнью земною, есть смерть. Она не нынче — завтра кончится; стоитъ только сообразить то, что̀ мы можемъ пріобрѣсти въ ней, чтобы понять, что все земное есть, какъ начало постройки дома, который мы не можемъ окончить, и что значеніе ея есть только возможность жизни въ Богѣ, которая не уничтожается. Надо пользоваться этой возможностью; въ этомъ одномъ — жизнь истинная. Хорошо ли, дурно ли это, нравится ли намъ это или не нравится? Находимъ ли мы это, по нашимъ понятіямъ, справедливымъ или нѣтъ? это все равно, это такъ, и другого ничего нѣтъ. Когда мы находимъ это несправедливымъ, то это только оттого, что мы мѣряемъ земнымъ. Въ жизни же истинной нѣтъ бо̀льшаго и меньшаго. Онъ говоритъ: хозяинъ добрый всѣмъ даетъ поровну, и тѣмъ, которые съ утра работаютъ, и тѣмъ, которые съ полудника. И за то, что хозяинъ добръ, за то ты и обижаешься. Видно ты золъ, если ты не можешь понять истиннаго добра, не мѣряющаго и награждающаго, а изливающагося всегда и вездѣ. И онъ говоритъ имъ: ты говоришь, награда какая тебѣ? стало быть, благодарности ты хочешь себѣ отъ кого-то. За что̀ же это слѣдуетъ тебѣ, по твоему, благодарность? за то, что ты дѣлаешь то самое, что̀ тебѣ необходимо нужно дѣлать для того, чтобы жить; за это благодарность? Если уже ты хочешь смотрѣть на Бога, какъ холопъ на барина, т. къ и смотри такъ. Холопъ работаетъ, и за работу его кормятъ, и больше ничего. Можетъ быть, намъ и хотѣлось бы и сидѣть на престолѣ на небѣ, и женъ сто имѣть, и всего этого, но вѣдь не я виноватъ, не я выдумалъ это, что всего этого нельзя имѣть, что все это смерть. Нынче живъ, завтра умрешь, сгніешь, и ничего не останется. Вѣдь это такъ, и отъ этого никуда не уйдешь.

Въ этомъ-то мірѣ смерти я учу васъ пріобрѣтенію жизни истинной, среди погибели даю вамъ доску спасенія. А вы спрашиваете: какая мнѣ будетъ награда за то, что ты спасъ меня. Не награды спрашивай, а старайся, какъ бы спастись.

Примѣчаніе 57-ое.

Объяснивъ то, что присутствіе сына человѣческаго не находится нигдѣ и не во времени, Іисусъ Христосъ притчами разъясняетъ это. Онъ говоритъ, что такъ какъ дни сына человѣческаго — внѣ времени, то и люди, носящіе въ себѣ разумѣніе Бога, не должны представлять его себѣ во времени, а всегда внѣ времени, жить жизнью сына человѣческаго, сливаться съ нимъ. Если въ сравненіи съ хозяиномъ дома и дѣвушками — видѣть, какъ дѣлаетъ церковь, именно указаніе на время, подъ женихомъ разумѣть Христа, приходящаго во времени, то смыслъ всего ученія теряется, и утверждается какъ-разъ то самое, что̀ отвергалъ Іисусъ.

Притчи именно означаютъ то, что времени для сына человѣческаго нѣтъ. Ночной сторожъ затѣмъ только и ночной сторожъ, затѣмъ и поставленъ, чтобы не спать всю ночь, потому что онъ не можетъ знать времени, когда онъ нуженъ. Точно такъ же и дѣвы только затѣмъ и явились, чтобы встрѣтить жениха. И точно такъ же и съ сыномъ человѣческимъ. Сынъ человѣческій затѣмъ только и сынъ человѣческій, чтобы жить всегда какъ сынъ въ домѣ отца, а не какъ рабъ, и всегда сознавать Бога въ себѣ.

Хозяинъ, къ которому подкопался воръ, не далъ бы украсть у себя, если бы узналъ, когда придетъ воръ. Стало быть, время знать нельзя. Всегда и никогда. Надо, чтобы хозяинъ такъ устроилъ свой домъ, чтобы нельзя было украсть у него. Такъ и съ разумѣніемъ Бога. Оно не приходитъ и не уходитъ, для него нѣтъ времени. Есть разумѣніе, то значитъ, что уже началась жизнь сына человѣческаго внѣ времени.

У Іисуса спрашиваютъ послѣ этого, много ли будетъ такихъ, которые спасутся? Онъ не отвѣчаетъ на это, потому что не можетъ отвѣчать.

Для сына человѣческаго нѣтъ ни мѣста, ни времени, и потому ни много, ни мало. Во всѣхъ брошено сѣмя. Но на это онъ говоритъ: не разсуждать нужно о томъ, кто и какъ спасется. а нужно работать, биться, силою входить въ дверь, потому что тѣ, кто будутъ разсуждать, тѣ не войдутъ. Было время входить, не вошли, и дверь затворилась. И никакія разсужденія помочь не могутъ. Не разсуждать надо, а дѣлать. А входятъ тѣ, кто борются и дѣлаютъ правду. А дѣлатели неправды не могутъ войти, потому что хозяинъ не знаетъ ихъ, ихъ нѣтъ для него.

Поучая о жизни сына человѣческаго во всѣхъ людяхъ, о независимости его отъ мѣста и часа, Іисусъ Христосъ говоритъ о жизни людей вообще. Говоря о сынѣ человѣческомъ, онъ не говоритъ о смерти людей. Смерти для сына человѣческаго нѣтъ, смерть есть только явленіе тьмы. Смерть есть все, что̀ не есть сынъ человѣческій. Если бы Іисусъ говорилъ о смерти людей,

то онъ бы долженъ былъ сказать, что духъ людей воскресаетъ, но онъ этого нигдѣ не говоритъ и какъ бы избѣгаетъ вопроса о видимой смерти. Онъ не избѣгаетъ, но этого понятія нѣтъ въ его ученіи. Смерть отдѣльнаго человѣка есть та же тьма, какъ и всякое дѣйствіе всѣхъ людей, не живущихъ разумѣніемъ Бога. Смерть отдѣльныхъ людей есть въ его ученіи только такое состояніе, въ которомъ уже невозможно жить разумѣніемъ Бога; это то, чтò онъ въ сравненіяхъ изображаетъ затворенными дверями.

Примѣчаніе 58-ое.

Человѣку дана жизнь духа. Жизнь эта выражается въ жизни плоти. Если человѣкъ будетъ жить одной плотской жизнью, онъ погибнетъ, какъ всякая плоть.

Одно спасеніе его въ томъ, чтобы жить духомъ. Если человѣкъ созналъ въ себѣ духъ, то онъ живетъ имъ, и этимъ спасается отъ смерти.

Всякій человѣкъ знаетъ это, но жизнь плотская соблазняетъ каждаго человѣка и отводитъ отъ жизни духа.

Въ чемъ соблазны плоти и какъ избѣгнуть ихъ?

Чтобы войти въ царство Бога, надо быть какъ ребенокъ. Если не вернетесь назадъ къ своему дѣтству и не будете какъ дѣти, то не можете быть въ волѣ Бога.

Прежде сказано: будьте бродяги, нищіе, какъ дѣти, не потому что вы не умѣли пріобрѣсти отечества, имущества, семьи, а какъ дѣти, которыя не знаютъ ни про отечество, ни про государство, ни про суды, ни про собственность, ни про блудъ, ни про клятву, — будьте какъ дѣти. Словамъ этимъ такъ же, какъ и блудницѣ, побиваемой камнями, особенно посчастливилось, и безчисленное количество разсужденій, чувствительныхъ фразъ и картинъ написано на эту тему, но смыслъ этихъ много разъ повторенныхъ словъ остается не только туманнымъ, но совсѣмъ непонятнымъ.

Слова эти вовсе не чувствительныя и туманныя фразы, а очень опредѣленныя и ясныя, строгія слова; такія же значительныя, строгія и ясныя слова, какъ слова о томъ, что если не будете какъ бродяги, нищіе, не войдете въ царство Бога. И такъ же часто повторено и то, и другое, и такъ же выражено: если не будете бродяги и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство Бога.

Чтò же значитъ быть какъ дѣти?

Быть глупымъ какъ дѣти, этого не могъ сказать Іисусъ, увѣщевавшій къ разумѣнію. Быть слабымъ какъ дѣти, это ни къ чему не нужно. Быть незлобнымъ какъ дѣти, это неправда: дѣти бываютъ очень злы. Быть готовымъ на все, любить Бога и ближняго, — дѣти уже никакъ не могутъ, дѣти самыя эгоистическія существа. Такъ въ чемъ надо быть похожими на дѣтей?

Тѣмъ, которые скрали пять заповѣдей нагорной проповѣди, никакъ нельзя угадать этого. Только тѣмъ, кто понялъ эти заповѣди, отвѣтъ самый простой и ясный.

Въ пяти правилахъ сказано:

1) не сердиться и прощать обиды, сдѣлать такъ, чтобы никто не имѣлъ гнѣва на тебя; дѣти дѣлаютъ это всегда, никто не сердится на дѣтей.

2) Не блудить, — дѣти не блудятъ.

3) Не клясться, — дѣти не понимаютъ, что̀ такое клятва.

4) Не судить, — они только боятся суда.

5) Не имѣть враговъ государственныхъ, — они и не понимаютъ этого.

Такъ вотъ что̀ значитъ быть какъ дѣти: не имѣть вѣры въ тѣ людскія учрежденія, которыя породили зло — вражду, блудъ, обѣщанія, суды, насиліе и войны. У Матѳея въ главѣ XVIII-й ст. 6, тутъ же, послѣ указанія на то, чтобы войти въ царство Бога, сказано: И горе тому, кто соблазнитъ, обманетъ, введетъ во зло этихъ невинныхъ. Только понимая это, можно понять и значеніе словъ: кто пойметъ, что̀ такое ребенокъ по моему ученію, тотъ пойметъ все мое ученіе и волю Отца. Понять надо то, что ребенокъ — это душа Божія, сынъ Бога, только знающій Отца и не знающій еще заблужденій плоти; что все ученіе Іисуса состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать зла, — а ребенокъ еще не дѣлаетъ его.

Примѣчаніе 59-ое.

Сказано, что дѣти родятся вѣрующими въ ученіе Іисуса, что они въ царствѣ Бога, и что погибаютъ они только отъ того, что взрослые люди отманиваютъ ихъ отъ царства Бога и соблазняютъ.

Соблазны есть и будутъ, но надо бояться ихъ, потому что они губятъ и дѣтей, и тѣхъ, которые сами соблазнъ для другихъ. Соблазнъ это то, что̀ отманиваетъ отъ добра и истины, это зло и ложь, которыя кажутся добромъ и правдой, это та привада въ западню, которая кажется птицѣ и звѣрю добромъ до тѣхъ поръ, пока обманутый не попадется въ нее. Такія-то ловушки, обманы составляютъ несчастія міра. Люди добры, но эти обманы губятъ ихъ. Они есть въ мірѣ и не могутъ не быть, какъ не можетъ не быть тьма, если есть свѣтъ; не можетъ не быть заблужденія, если есть истина. Но надо знать ихъ, потому что въ нихъ главная бѣда людей. Берегитесь и того, чтобы не попасть въ нихъ, и того, чтобы, попавшись, не быть участниками въ нихъ. Есть же соблазны противъ пяти правилъ нагорной проповѣди.

Соблазнъ гнѣва — тотъ, который приводитъ человѣка къ убійству, къ обидѣ.

Соблазнъ блуда, который приводитъ человѣка къ нечистотѣ тѣлесной и раздору съ ближними.

Соблазнъ клятвы, вовлекающій человѣка въ поступки, противные волѣ Божіей, подъ предлогомъ обѣщанія.

Соблазнъ насилія, вызывающій человѣка къ возмездію такимъ же зломъ, каково то зло, которое онъ потерпѣлъ отъ другого.

Соблазнъ различія между своимъ народомъ и чужимъ и признанія необходимости защищать своихъ и вредить чужимъ.

Противъ этихъ правилъ разставлены западни по всему міру, и противъ нихъ-то теперь остерегаетъ Іисусъ Христосъ. Это соблазны того, что̀ всѣми принято, всѣми считается хорошимъ и важнымъ, то, что̀ высоко передъ людьми, но мерзость передъ Богомъ. Онъ не называетъ ихъ зломъ, но онъ называетъ ихъ западнями, черезъ которыя зло входитъ въ міръ, и которыхъ должны бояться люди. Разрушать ихъ не нужно, они не важны, они не зло, не добро, но не надо въ нихъ участвовать.

Примѣчаніе 60-ое.

Представленіе о томъ, что кто-нибудь изъ людей можетъ быть виноватъ передъ нами, есть обманъ. Если мы считаемъ другихъ виноватыми передъ собой, то только потому, что мы забываемъ всѣ вины наши, что мы забываемъ все то, что̀ мы должны были сдѣлать, и что̀ мы не сдѣлали, и потому не только не удивительно прощать 70 X 7 разъ, но удивительно думать о томъ, чтобы кто-нибудь могъ быть должнымъ передъ нами. Вина чья бы то ни было есть обманъ — отводъ отъ истины. Чтобы не впасть въ этотъ соблазнъ, надо исполнять первое правило нагорной проповѣди: не имѣть гнѣва на брата и мириться со всѣми.

Примѣчаніе 61-ое.

Это одно изъ главныхъ и яснѣйшихъ мѣстъ евангелія совершенно потеряно по непостижимо нелѣпому толкованію церкви.

Сказавъ о томъ, что понятіе вины есть обманъ, Іисусъ Христосъ учитъ о томъ, что для исполняющихъ его ученіе не можетъ и представляться случая вины и наказаній, прощенія, и для исполняющихъ его ученіе не можетъ быть раздора. Онъ говоритъ: если тебя обидѣли, одинъ на одинъ уговори брата, чтобы сойтись съ нимъ; не послушаетъ, — другихъ позови; ихъ не послушаетъ, — всѣхъ жителей возьми въ судьи; и ихъ не послушаетъ, — оставь его, терпи обиду свою и не ссорься съ нимъ, потому что всякое земное дѣло, въ которое вы ввяжетесь, связываетъ и душу, и ваше отношеніе къ Богу, и потому всякая развязка въ земномъ дѣлѣ — развязка и для души.

И вы сами знаете: если вы соединяетесь здѣсь на землѣ, во всемъ согласны, любовны, то тогда всякій отдаетъ что̀ у него

просятъ; потому-то, когда двое или трое соединены моимъ ученіемъ, то мое ученіе любви и правды и будетъ среди нихъ, т. е. основаніемъ ихъ отношеній между собою.

Примѣчаніе 62-ое.

Іисусъ, и по ученію всѣхъ церквей, пришелъ установить царство Божіе, преподать нравственный законъ. Чтò же, неужели онъ не замѣтилъ, просмотрѣлъ то, что одна половина людей душитъ и обдираетъ другую, собирая съ нихъ подати во имя государства, каждый царь для себя, и не нашелъ въ этомъ ничего противнаго своему ученію? По ученію церковниковъ это такъ. Іисусъ поговорилъ чувствительныя слова, подѣлалъ чудеса и, оставивъ поповъ мазать людей масломъ, ушелъ опять на небо.

Но это мѣсто и мѣсто о подати Кесарю ясно показываютъ, что Іисусъ не просмотрѣлъ зло и видѣлъ и показалъ на то, какъ надо относиться къ нему. Это мѣсто *и Кесарю — кесарево* прямо, ясно опредѣляетъ вопросъ о томъ, хорошее ли дѣло подати, и какъ надо смотрѣть на нихъ, и какъ относиться къ тѣмъ, которые требуютъ отъ насъ податей. На вопросъ, нужно ли, вообще, обязательно ли, по ученію Іисуса, платить подати, отвѣтъ тотъ, что ни онъ, ни ученики не считаютъ подать обязательною, потому что сыны Бога зависимы только отъ Отца, своего Бога, и не могутъ ни требовать, ни платить податей.

На второй же вопросъ, какъ относиться къ требованію подати, Іисусъ отвѣчаетъ: хотя люди и не могутъ быть обязаны чѣмъ-нибудь предъ царями, но есть люди, которые считаютъ, что это нужно, и потому надо думать только о тѣхъ, которые требуютъ подати. Люди эти требуютъ, и если мы не дадимъ имъ, то они нагрѣшатъ, и потому, чтобы не ввести ихъ въ грѣхъ, надо дать имъ того, чего они требуютъ; и хотя подать не можетъ быть обязательно нужна для людей, живущихъ волею Божіею, для сыновъ Бога, Іисусъ велитъ отдать подать, чтобы не ввести ихъ въ соблазнъ. Онъ признаетъ подать зломъ, но, по своему правилу непротивленія злу, велитъ отдать подать. Не отдать подать потому, что она несправедлива, значило бы отдаться соблазну разсужденія о томъ, чтò справедливо и несправедливо. И человѣкъ, противящійся злу, самъ соблазняется и вводитъ другихъ въ соблазнъ.

Примѣчаніе 63-ье.

По всему ученію Іисуса Христа, отрицающему суды, власть, войны, то самое, на чтò шла и идетъ всегда подать, ясно было, что онъ не могъ считать нужной уплату подати. Самый вопросъ явно указываетъ на то, что ученіе Іисуса такъ и понималось, что подати платить не нужно. Фарисеи, пригласивъ служащихъ Ирода, спрашиваютъ у него это, желая, чтобы онъ прямо при

народѣ высказался. Толкованіе этого текста церковью исполнено высокаго комизма.

Текстъ этотъ, явно отрицающій власть, читается въ царскіе дни и служитъ главной опорой власти. Они толкуютъ, что Іисусу предложенъ былъ хитрый вопросъ, чтобы уловить его. Но въ чемъ же хитрость, если Іисусъ Христосъ признаетъ власть? Ему только сказать то, что̀ сказалъ апостолъ Павелъ: *всякая власть отъ Бога*, и все хорошо. Но дѣло въ томъ, что Іисусъ не только не признаетъ власти, не только презираетъ ее, но считаетъ ее по существу своему зломъ, становится самъ и становитъ людей выше ея. Все ученіе его, признающаго каждаго человѣка своимъ судьей и свободнымъ, прямо исключаетъ всякую власть, считая ее зломъ и потому тьмою.

По ученію Іисуса выходитъ, что тотъ, кто вѣритъ въ жизнь и Бога, тотъ не будетъ противиться злу, не будетъ судиться, не будетъ воевать, не будетъ собирать имѣнья для себя, и потому, очевидно, и не будетъ платить подати, потому что не изъ чего будетъ платить, да и не зачѣмъ платить человѣку, не признающему судовъ, государствъ и народностей. Но фарисеи думаютъ, что онъ только этому и учитъ, и съ иродіанами подходятъ къ нему и спрашиваютъ: слѣдуетъ ли давать подати Кесарю? Онъ говоритъ: что̀ такое давать подати? покажите мнѣ, какія подати, чѣмъ платите? Они показываютъ деньгу. Онъ глядитъ на изображеніе Кесаря и спрашиваетъ: что̀ такое тутъ вычеканено? Онъ даже не знаетъ и знать не хочетъ, что есть какой-то Кесарь. Они говорятъ: это Кесарь. — Кесарь? его монета? Ну, такъ отдайте ему назадъ, что̀ его. Іисусъ говоритъ, что человѣкъ не можетъ быть ни въ какой зависимости отъ Кесаря, а всегда находится въ зависимости отъ Бога. Отдать назадъ то, что̀ принадлежитъ Кесарю, значитъ раздѣлаться съ нимъ, не имѣть съ нимъ сношеній, не брать отъ него ничего. Отдать же назадъ Богу Божье — значитъ отдать Богу разумѣніе, которое онъ далъ человѣку.

Выбора не можетъ быть; или надо понимать такъ, какъ понимаютъ попы, что царь почти Богъ, и надо воздавать царю и Богу почти равное, или надо понимать, что надо презирать одно, а другое чтить. Смыслъ всей бесѣды, заведенной фарисеями только для того, чтобы ввести въ соблазнъ Іисуса, тотъ, что онъ, какъ при требованіи подати въ Капернаумѣ, отстраняетъ соблазнъ, исполняя свое ученіе. Чтобы не соблазнить ихъ, отдай, по правилу непротивленія злу, не поддавайся соблазну закваски, не противясь, не участвуя въ ней.

Примѣчаніе 64-ое.

Въ этомъ разсказѣ фарисеи прямо съ вызовомъ на соблазнъ приступаютъ къ Христу, привели блудницу и спрашиваютъ, что̀ скажешь? Ему нечего говорить. Ну блудница, ну согрѣшила,

ну чтò-жъ? Жалко, что согрѣшила, вотъ все, чтò онъ можетъ сказать. Онъ и молчитъ. Они не спрашиваютъ прямо, чтò имъ дѣлать, и потому онъ молчитъ. Но когда они прямо спросили, чтò имъ дѣлать, побивать или не побивать? онъ сказалъ: кто безъ грѣха, пусть бьетъ женщину. И они ушли. Они поняли, что творить казнь могъ бы только тотъ, кто безъ грѣха, но такъ какъ такихъ нѣтъ и не бываетъ, то и казнить некому. И когда они ушли, онъ спросилъ: чтò-жъ, никто не присудилъ? Никто. И я не могу присудить, поди, не грѣши. И ты не грѣши, и тѣ пускай не грѣшатъ, вотъ все. И соблазнъ суда уничтоженъ.

Удивительна судьба этой притчи. Несмотря на то, что она полуапокрифическая, притчѣ этой особенно посчастливилось. Ее почему-то очень любятъ и находятъ въ ней что-то особенно чувствительное и поэтическое. Божественный учитель, блудница... Онъ въ задумчивости чертитъ пальцемъ на пескѣ. И картины, и стихи на это пишутъ. Но видятъ въ этомъ только что-то чувствительное, а не видятъ того грубаго, здраваго смысла, по которому выходятъ невозможны своды законовъ, сенатъ, окружной, мировой, уѣздный суды. Возможны они только тогда, когда у людей нѣтъ даже той правдивости, которая была у фарисеевъ. Фарисей ни одинъ не рѣшился сказать, что онъ безъ грѣха, и они поняли, что казнить могъ бы только тотъ, кто имѣлъ бы дерзость сказать, что онъ безъ грѣха.

Удивительная судьба этой притчи. Какъ яснѣе еще и разсужденіемъ, и въ образѣ показать невозможность суда, какъ показана она въ этой притчѣ? Невозможно. И чтò же? Чувствительность, черченіе пальцемъ на землѣ, все это очень нравится; а значеніе, смыслъ тотъ, для чего она сказана, совсѣмъ какъ будто не существуетъ. И чувствительность пріятна, и жалованіе получать пріятно, а смыслъ — это такъ, это значитъ, что въ разговорѣ не осуждай ближняго, не говори про Марью Ивановну, что у нея любовники; а вѣшать и головы рубить — это можно, это совсѣмъ не объ этомъ.

Примѣчаніе 65-ое.

Жизнь въ духѣ есть единое пробужденіе жизни, про которое говоритъ Іисусъ. Саддукеи знаютъ и понимаютъ это, но они хотятъ показать ему противорѣчивость его ученія. Опираясь на букву закона Моисея и на его слова о бракѣ, по смыслу которыхъ онъ не могъ не допускать бракъ вдовцовъ, они говорятъ ему, что воскресеніе безсмысленно, потому что нельзя представить себѣ всѣхъ воскресшими. Они говорятъ по мысли то же самое, чтò сказалъ бы теперешній матеріалистъ на ученіе о воскресеніи. Частицы матеріи не могутъ возвратиться во всѣ тѣла, потому что однѣ и тѣ же частицы составляли тѣла многихъ. На это возраженіе матеріализма, на этотъ-то самый

матеріалистическій доводъ Іисусъ отвѣчаетъ тѣмъ, что объясняетъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ *возстановленіемъ жизни*.

Возстановленіе жизни состоитъ въ томъ, что жизнь людей сливается съ волей Божіей, человѣкъ становится волей Бога, и потому нельзя говорить о брачныхъ отношеніяхъ воли Бога. Для человѣка духа, воскресшаго такъ, какъ понимаетъ воскресеніе Іисусъ, не можетъ быть вопроса о брачныхъ отношеніяхъ.

Опять какъ и на подвохъ фарисеевъ и иродіанъ о подати, на который бы нельзя ничего больше отвѣтить, какъ да или нѣтъ, такъ и на соблазнъ саддукеевъ, Іисусъ отвѣчаетъ прямо на вопросъ и высказываетъ все свое ученіе. И мало того, что высказываетъ все свое ученіе, высказываетъ его, не осуждая никого, обращаетъ вопросъ противъ спрашивающихъ; они сами видятъ, что виноваты и достигли совсѣмъ противнаго, — того, чего они не хотѣли. Фарисеи съ Иродомъ думали: ему не вывернуться. Осудитъ царей и власть, онъ виноватъ и передъ царями, и передъ своимъ ученіемъ, осуждая; одобритъ покорность власти и — разрушитъ свое ученіе. Но онъ отвѣчаетъ, не хитря, прямо все, что̀ думаетъ о томъ, чтобы отдавать гривну или не отдавать кому-нибудь: я никогда ничего не говорилъ, какъ и не хотѣлъ судить васъ о наслѣдствѣ и спорахъ.

Вопросы земные рѣшаютъ по земному, но вопросъ Божій, это — тотъ, про который одинъ я учу: Божіе никому не отдавай, кромѣ Бога, слѣдовательно, и царю, если требованіе его противъ Бога. И вопросъ обратился противъ нихъ.

Саддукеи подтруниваютъ надъ воскресеніемъ и доказываютъ ему, что воскресеніе изъ мертвыхъ — глупость.

Онъ говоритъ имъ, что̀ значитъ возстановленіе отъ смерти. Возстановленіе отъ смерти есть жизнь въ Богѣ. Для жизни въ Богѣ ничего не значатъ браки, и понимать возстановленіе жизни, какъ пробужденіе мертвыхъ, не надо; а надо понимать ее, какъ пробужденіе жизни истинной въ жизни плотской и соединеніе ея съ Богомъ. Для Бога нѣтъ времени, и потому, соединяясь съ Богомъ, человѣкъ уходитъ отъ времени, слѣдовательно отъ смерти. Если умершій Авраамъ соединился съ Богомъ, то онъ и остался съ Богомъ. И если есть Богъ, — то есть и Авраамъ. И если Іисусъ, какъ онъ сказалъ въ бесѣдѣ: Ін. X, соединился съ Богомъ, то онъ могъ сказать, что прежде чѣмъ былъ Авраамъ, онъ есть. Это — положительная сторона ученія, выраженная въ этомъ мѣстѣ, но есть еще другая сторона, отрицательная — разрушеніе соблазна — закваски саддукейской; она тоже выражена въ этомъ мѣстѣ, и ее опускаютъ, а она-то и уничтожаетъ всѣ тѣ заблужденія, которыя основаны на ложно понятомъ ученіи Іисуса.

Саддукеи представляютъ себѣ возобновленіе жизни, которое проповѣдуетъ Іисусъ, какъ продолженіе во плоти, во времени и пространствѣ той самой плотской жизни, которую мы знаемъ.

Это то самое представленіе о будущей жизни, которое со-

ставилось во всѣхъ церковныхъ мистическихъ ученіяхъ, и это-то представленіе есть та самая закваска саддукейская, противъ которой предостерегаетъ Іисусъ. Онъ твердо и ясно отвергаетъ это ученіе. На ученіи Христа, послѣ этого мѣста, уже нельзя основать ученія о будущей жизни въ тѣлѣ. Можно вѣрить въ такое ученіе, но нельзя связывать его съ ученіемъ Іисуса. Во всѣхъ учительскихъ мѣстахъ Іисусъ, опредѣляя то, что̀ онъ разумѣетъ подъ жизнью истинной, говоритъ о жизни, не зависящей ни отъ времени, ни отъ пространства; но здѣсь онъ прямо говоритъ о томъ, что нельзя и не должно понимать его ученіе, какъ ученіе о жизни во времени и пространствѣ. Вопросъ саддукеевъ выражаетъ только въ грубой формѣ то самое, что̀ говорятъ мистики и церковь, описывая будущую жизнь въ царствѣ небесномъ.

На это представленіе о будущей жизни Іисусъ отвѣчаетъ: Одна сторона ученія въ томъ, чтобы отвергнуться плотской жизни, потому что истинная жизнь есть жизнь въ волѣ Божіей. Жизнь состоитъ въ томъ, чтобы слиться съ Богомъ. А тотъ, кто слилъ свою жизнь съ жизнью Бога, для того нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго.

А другая сторона та, что всякое представленіе о будущемъ показываетъ то, что человѣкъ не понялъ того, что̀ значитъ истинная жизнь.

Примѣчаніе 66-ое.

Во всѣхъ спискахъ, гдѣ говорится о Христѣ, видна борьба Іисуса съ своими слушателями; они хотятъ понять его Христомъ въ смыслѣ человѣка, сына Давида, имѣющаго прійти въ извѣстное время, а онъ возстановляетъ другое понятіе Христа, не зависящее отъ времени. Только самарянкѣ, которая сказала: „Христосъ возвѣститъ намъ истинное благо,“ и Петру, сказавшему, „что Христосъ — сынъ Бога жизни,“ онъ сказалъ: да, я тотъ самый Христосъ, тотъ, кто возвѣститъ благо, и тотъ, кто сынъ Бога жизни.

Во всѣхъ же другихъ случаяхъ онъ упорно отрицается отъ того, что онъ Христосъ, Мессія, сынъ Давида.

Ін. X, 24. Ему говорятъ: Не мучь насъ, если ты Христосъ, скажи прямо, — и онъ не отвѣчаетъ, потому что, если онъ скажетъ прямо, какъ они хотятъ, онъ именно скажетъ то, что̀ онъ думаетъ. Точно такъ же онъ и не отвѣчаетъ на судѣ. Мало того, Мѳ. XVI, 20, онъ, послѣ того, какъ одобрилъ Петра за то, что онъ призналъ его Христомъ въ смыслѣ сына Бога жизни, онъ запрещаетъ ученикамъ говорить, что онъ, Іисусъ, есть Христосъ. Онъ Христосъ въ томъ смыслѣ, что онъ ученіемъ о сыновности возвѣстилъ истинное благо. Но, какъ Іисусъ, онъ не Христосъ и запрещаетъ ученикамъ говорить это кощунство. Поразительно нодоразумѣніе объ

ученіи Христа, начавшееся при его жизни, приведшее его на висѣлицу и продолжающееся до сихъ поръ. Основа ученія Христа есть ученіе о сыновности человѣка Богу, то, чтò сказано въ бесѣдѣ Никодима.

Вопросъ вѣры въ народѣ, среди котораго проповѣдуетъ Іисусъ, одинъ и тотъ же всегда, и вездѣ состоитъ въ томъ: мы несчастны, мы гибнемъ, — кто и когда, и какъ спасетъ насъ? Христосъ, Мессія, Спаситель, это все одно и то же. Іисусъ говоритъ: спасеніе человѣка въ немъ самомъ, въ его сыновности Богу. И эту мысль онъ выражаетъ со всѣхъ сторонъ, стараясь отдѣлить ее отъ грубаго представленія спасенія и счастья во времени. И теперь нельзя выразить его мысль иначе, какъ именно такъ, какъ онъ выражаетъ ее со всѣхъ возможныхъ сторонъ, все одна и та же мысль о духовности спасенія. И во всѣхъ формахъ, въ которыхъ онъ ни выражалъ эту мысль, во всѣхъ ее перевернутъ, поймутъ навыворотъ — или признаютъ его Мессіею, Христомъ, Богомъ и обоготворяютъ его, или распинаютъ его за то, что онъ называетъ себя Богомъ. А онъ одинаково отталкиваетъ отъ себя и боготворящихъ, и потому не понимающихъ и распинающихъ его.

Для толкователей это мѣсто представляется отрывочнымъ, и весь смыслъ его для нихъ только въ тонкости діалектики Іисуса. А мѣсто это, кромѣ того, что есть ключъ къ пониманію того, чтò хотѣлъ Іисусъ, чтобы люди разумѣли подъ словомъ Христосъ, и чтò люди разумѣли и разумѣютъ подъ нимъ, есть еще и изъясненіе въ самой сжатой формѣ всего ученія.

Послѣ всѣхъ попытокъ, споровъ и опроверженій ученія Іисуса, фарисеи и саддукеи собираются вмѣстѣ и задаютъ ему вопросъ о томъ, какъ онъ понимаетъ законъ и ученіе.

И онъ говоритъ: одна есть только заповѣдь, т. е. одинъ законъ жизни человѣка. Законъ этотъ такой, что онъ не приказаніе извнѣ, но что это такъ было и будетъ и иначе быть не можетъ. Законъ этотъ, что ты будешь любить всѣми силами своего владыку — Бога, т. е. то разумѣніе, которое есть въ тебѣ, и будешь любить ближняго, потому что онъ — тоже разумѣніе. И спасителя нѣтъ другого, какъ только этотъ владыко жизни, и не было другого ни во времена Давида, ни Авраама. Этотъ владыко жизни одинъ во всѣхъ людяхъ, всегда онъ одинъ есть.

Примѣчаніе 67-ое.

Высказавъ свое ученіе, Іисусъ предостерегаетъ противъ закваски. Слово закваска ученики понимаютъ въ смыслѣ ученія, но Іисусъ сказалъ бы *ученіе*, если бы онъ разумѣлъ ученіе. Кромѣ того, онъ не могъ бы сказать ученіе Иродово: Иродова царскаго ученія не было. То, про чтò онъ говоритъ, онъ называетъ закваской, т. е. тѣмъ, чтò, какъ теперь бы мы сказали,

химически соединяется съ тѣломъ и вполнѣ измѣняетъ его. Закваска, положенная женщиною въ квашню и измѣнившая всю муку, была сравненіемъ для того, чтобы выразить то, что̀ совершается передъ лицомъ Бога и всѣмъ міромъ людей оттого, что въ міръ вложено разумѣніе блага. То же сравненіе Іисусъ употребляетъ для того, чтобы выразить то начало, которое, соединяясь съ людьми, производитъ зло. Такая же закваска — закваска фарисейская, саддукейская и Иродова — измѣняетъ совсѣмъ человѣка, переставляетъ для него добро и зло, дѣлаетъ то, что добро кажется зломъ и наоборотъ. И Іисусъ говоритъ, что необходимо беречься такой закваски. Заквасокъ этихъ — началъ зла Іисусъ называетъ три и обращаетъ особенное вниманіе на закваску фарисейскую. Опредѣляя ее, онъ говоритъ, что она есть притворство, комедіанство.

Закваска саддукейская — это закваска разсудительности.

Саддукеи, по тому, что̀ признано о нихъ наукой, это люди, не признававшіе ничего, кромѣ писаннаго закона. Они не признавали ничего, кромѣ земной жизни. Во всемъ остальномъ они сомнѣвались. Жизнь вели развратную и сладкую.

По евангелію саддукеи это тѣ, которые просятъ знаменія, чтобы повѣрить; это тѣ, которые съ улыбкой спрашиваютъ: чья будетъ жена изъ семи братьевъ, чтобы не было имъ никакого отвѣта; это тѣ, которые спрашиваютъ точнаго опредѣленія ближняго; тѣ, которые не скрываютъ своего невѣдѣнія. И потому подъ закваской саддукейской надо разумѣть научный матеріализмъ.

Закваска Иродова — это закваска власти. Иродіане это тѣ, которые считаютъ, что насилія власти необходимы для блага людей; тѣ, которые, считая Іоанна святымъ, посадили въ тюрьму и потомъ убили его въ угоду плясуньѣ; это тѣ, которые собираютъ подати, судятъ, казнятъ, воюютъ. Это тѣ, которые обрадовались, увидѣвъ Іисуса, и все-таки распяли его.

Подъ закваской Иродовой надо разумѣть ученіе государственности, юриспруденціи.

Закваска фарисейская — это закваска церковности. Фарисеи, по евангелію, это тѣ, которые упрекаютъ за несоблюденіе субботы, за нечистыя руки, за сближеніе съ грѣшниками и грѣшницами; тѣ, которые привели казнить блудницу; тѣ, которые всегда были съ иродіанами; тѣ, которые особенно настаиваютъ на томъ, чтобы мужу можно было мѣнять женъ, и которые подкупаютъ Іуду, чтобы предать Христа; тѣ, которые молятся громко, благодаря Бога за то, что они лучше всѣхъ, и тѣ, которые распинаютъ Іисуса.

Къ нимъ-то преимущественно и говоритъ Іисусъ, говоритъ гнѣвно одинъ только разъ во всю жизнь свою. Пуще всего берегитесь этой закваски!

Примѣчаніе 68-ое.

Человѣкъ можетъ грѣшить, ошибаться, ругаться надъ всѣми въ мірѣ, и все-таки онъ можетъ носить въ себѣ духъ Бога.

Но когда надругается надъ самымъ этимъ духомъ, надъ тѣмъ, что̀ есть его жизнь, то уже онъ самъ отнялъ у себя жизнь. Ужасны и страшны всѣ соблазны. Соблазны личные: похоти, корыстолюбіе, тщеславіе; ужасны общіе соблазны: соблазны земныхъ разсужденій саддукеевъ, производящіе равнодушіе къ истинной жизни, прилѣпленіе людей къ одному земному и гордость ума; ужасны соблазны, выставляющіе высокимъ то, что̀ мерзость передъ Богомъ; соблазны властей, производящіе суды, казни, грабежъ, войны, убійства; но ужаснѣе всѣхъ соблазновъ соблазны, выходящіе изъ закваски фарисейской: притворство, выставленіе неправды, вмѣсто божеской правды, презрѣніе Бога въ душѣ, пользованіе именемъ Его для заблужденія людей и достиженія своихъ цѣлей. Іисусъ зналъ впередъ, что какъ ни враждебно его ученіе иродіанамъ и саддукеямъ, они не стоятъ на дорогѣ этого ученія, отъ нихъ можно еще освободиться, но фарисеи заграждаютъ, заграждали и всегда будутъ заграждать путь къ его ученію.

Тысячи и тысячи прежде меня, и теперь я, старались приблизиться къ Богу; мы на дорогѣ нашей встрѣчали и саддукеевъ, и иродіанъ, но мы чувствуемъ, что они заблуждающіеся такъ же, какъ и мы заблуждались, что мы можемъ съ ними вмѣстѣ искать истину, они могутъ понять ее; но на самой серединѣ дороги нашей стоятъ фарисеи и заграждаютъ намъ путь, и съ ними уже не можемъ сговориться. Ихъ жизнь есть ложь и утвержденіе своей лжи. Вся жизнь ихъ есть ложь, и потому имъ нельзя отступиться отъ нея. Насколько мы близки Богу, настолько мы враги имъ. Я вникаю въ смыслъ ученія, радуюсь открытію для меня истинъ, ищу помощи, указанія, общенія своихъ мыслей, и знаю впередъ, что, кромѣ ненависти къ себѣ за свою любовь къ истинѣ и Богу, я ничего не долженъ ждать отъ нихъ. И чѣмъ ближе я буду къ Іисусу, тѣмъ больше я буду ненавистенъ имъ.

Обличеніе фарисеевъ само по себѣ есть мѣсто отрицательное, оно не даетъ прямого ученія, но въ немъ предостереженіе отъ принимания лжи за откровеніе. И это предостереженіе очевидно важно, потому что Іисусъ нѣсколько разъ возвращался къ нему, съ такой силой и ясностью выражая его. Ясно и точно обозначено то, что̀ есть источникъ обмана; положена печать, по которой несомнѣнно могутъ быть узнаны обманщики. Онъ говоритъ про ту самую хулу на Святого Духа, которая одна не простится по словамъ его. Всякій грѣхъ можетъ быть прощенъ, но хула духа, обманъ учителей, выдающихъ ложь за единую истину, уничтожаетъ самый признакъ добра и зла, под-

тасовываетъ дьявольскія дѣла подъ божескія. Они тѣ самые, про которыхъ сказано: „горе тѣмъ, кто соблазнитъ"... Еще удивительнѣе въ этомъ обличеніи то, что это обличеніе фарисеевъ 1880 лѣтъ тому назадъ какъ будто написано въ каждый изъ послѣдующихъ 1800 годовъ и для насъ, въ нашемъ 1879 году, кажется, написано прямо противъ нашихъ архіереевъ, митрополитовъ и поповъ во вчерашней газетѣ, ускользнувшей какъ-то отъ цензуры.

Читая евангеліе по нашимъ церковнымъ изданіямъ, мнѣ всякій разъ кажется, что это мѣсто будетъ пропущено или измѣнено, но способность заблужденія людей необычайна. Читаешь и удивляешься, какъ могутъ церковные пастыри читать это мѣсто не только безъ стыда, но какъ они просто могутъ читать это, вѣрить въ евангеліе и оставаться тѣмъ, чѣмъ они есть.

Но они представляютъ себѣ какихъ-то другихъ обманщиковъ и къ себѣ не относятъ того, что̀ отъ самой сущности до малѣйшей подробности выражаетъ тотъ самый соблазнъ, которымъ живутъ и который проповѣдуютъ. Что̀ такое фарисеи? Церковники утверждали и утверждаютъ, что это была секта. Секта есть, по смыслу своему, расколъ, отдѣльное отъ коренного ученія ученіе. Какого же коренного ученія было отдѣльное ученіе фарисейское? Отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ. Во время Христа гдѣ, въ чемъ выражалось это коренное ученіе, отъ котораго фарисейское есть секта? Сколько бы мы и гдѣ бы ни искали отвѣтовъ на этотъ вопросъ, мы нигдѣ ихъ не находимъ. Іисусъ, по синоптикамъ, боролся все время, когда онъ противопоставлялъ свое ученіе закону, только съ фарисеями. Въ концѣ его жизни сказано, что на него напалъ и первосвященникъ, и фарисеи безразлично. Въ евангеліи Іоанна говорится, что Іисусъ боролся съ іудеями, и подъ іудеями разумѣются фарисеи и первосвященники.

Павелъ говоритъ про себя: Дѣян. Апост. XXII, 3 — 5, что онъ былъ наученъ въ самомъ истинномъ храненіи закона предковъ и былъ приверженъ къ Богу, и преслѣдовалъ Христа, гоняя и заключая христіанъ, какъ можетъ то засвидѣтельствовать архіерей и пресвитерство. Въ главѣ же Дѣян. Апост. XXVI, 5, онъ говоритъ, что онъ жилъ фарисеемъ и что служилъ Богу самымъ истиннымъ и несомнѣннымъ путемъ. Про Никодима сказано, что онъ былъ начальникъ фарисеевъ, и потому Іисусъ говоритъ: какъ же ты учишь Израиля? Опять не видно, гдѣ же было настоящее то ученіе, отъ котораго фарисейство было сектой. Павелъ называетъ себя принадлежащимъ къ настоящему ученію тогда, когда онъ ужъ не держится его, а не говоритъ, что онъ принадлежалъ къ сектѣ. Никодимъ — фарисей, былъ учитель Израиля. Для Іосифа Флавія, я понимаю, что фарисейство представлялось сектой такъ же, какъ для историка теперешняго религіознаго состоянія *Россіи, теперешнее* православіе должно представляться сектой,

молоканство же другой сектой, какъ Іосифу Флавію представлялись невѣрующіе въ ученіе фарисеевъ саддукеи. Но тѣмъ, которые, какъ наши церковники, увѣряютъ, что Іисусъ не отмѣнялъ закона Моисея, и что они вѣруютъ въ законъ Моисея, никакъ нельзя называть фарисеевъ сектою, когда это одно ученіе Моисеева закона намъ извѣстно и дошло до насъ. Для того, чтобы называть фарисейство сектой, надо показать, гдѣ, кѣмъ блюлось истинное ученіе Моисеева закона, а такихъ учителей не только нѣтъ, но по всѣмъ книгамъ Новаго Завѣта видно, что эти самые учителя и были фарисеи, и другихъ никакихъ не было и не могло быть.

Удивительно странная исторія такого пошлаго и очевиднаго обмана и заблужденія. Іисусъ излагаетъ свое божественное ученіе, и ученіе мнимо божественное существуетъ въ томъ народѣ, которому онъ проповѣдуетъ, и существуетъ не со вчерашняго дня, не смутное, туманное ученіе, дающее просторъ разъясненіямъ; но существуетъ сложное, разработанное до малѣйшихъ подробностей, грубое, жестокое, безбожное ученіе Моисеевыхъ книгъ, которое мы всѣ знаемъ. Тамъ объ убійствѣ, о свиньѣ, объ обрѣзаніи — рядъ безобразій; но все это такъ разработано, что нѣтъ мѣста никакому новому ученію. Все опредѣлено, все предписано, и къ каждому безобразному предписанію прибавлено: это сказалъ самъ Богъ.

Не только Іисусъ со своимъ божественнымъ ученіемъ смиренія, прощенія, любви, но Симонъ волхвъ, но предсѣдатель Тульскаго суда со своими понятіями о справедливости, если бы захотѣли народу Моисееву преподать свои понятія о нравственности, не могли бы иначе поступить, какъ начать съ того, чтобы откинуть безобразныя, все опредѣляющія правила книгъ Моисеевыхъ. И Іисусъ съ первыхъ шаговъ приходитъ въ храмъ, упраздняетъ всѣ жертвы, отвергаетъ все ученіе Моисеево и говоритъ свои божескія истины. Очевидно, что соединить ученіе Христа и ученіе Моисея это все равно, что соединить огонь и воду, это высшее выраженіе для того, чтобы выразить полнѣйшую невозможность.

Іисусъ учитъ, живетъ противно всѣмъ преданіямъ Моисеевымъ, его распинаютъ за это, вдругъ оказывается, что онъ не нарушалъ, а продолжалъ законъ Моисея. Казалось бы, нельзя выдумать ничего безумнѣе, а это-то самое и сдѣлано. И когда вникнешь въ смыслъ всего, то видишь, что это не безумно; оно не логично, но оно умно и цѣлесообразно. За ученіе распяли Христа, думая уничтожить ученіе, но ученіе было живо, и надо было скрыть его. О томъ, какъ это было сдѣлано фарисеемъ Павломъ, перемѣнившимъ имя своего Бога, но удержавшимъ закваску фарисейскую, будетъ сказано послѣ. Теперь же я хочу сказать о томъ, почему неизбѣжно появился этотъ прожившій 1900 лѣтъ глупый, очевидный обманъ о томъ, что фарисеи были секта, а не представители закона Моисея, и что

тасовываетъ дьявольскія дѣла подъ божескія. Они тѣ самые, про которыхъ сказано: „горе тѣмъ, кто соблазнитъ“... Еще удивительнѣе въ этомъ обличеніи то, что это обличеніе фарисеевъ 1880 лѣтъ тому назадъ какъ будто написано въ каждый изъ послѣдующихъ 1800 годовъ и для насъ, въ нашемъ 1879 году, кажется, написано прямо противъ нашихъ архіереевъ, митрополитовъ и поповъ во вчерашней газетѣ, ускользнувшей какъ-то отъ цензуры.

Читая евангеліе по нашимъ церковнымъ изданіямъ, мнѣ всякій разъ кажется, что это мѣсто будетъ пропущено или измѣнено, но способность заблужденія людей необычайна. Читаешь и удивляешься, какъ могутъ церковные пастыри читать это мѣсто не только безъ стыда, но какъ они просто могутъ читать это, вѣрить въ евангеліе и оставаться тѣмъ, чѣмъ они есть.

Но они представляютъ себѣ какихъ-то другихъ обманщиковъ и къ себѣ не относятъ того, что̀ отъ самой сущности до малѣйшей подробности выражаетъ тотъ самый соблазнъ, которымъ живутъ и который проповѣдуютъ. Что̀ такое фарисеи? Церковники утверждали и утверждаютъ, что это была секта. Секта есть, по смыслу своему, расколъ, отдѣльное отъ коренного ученія ученіе. Какого же коренного ученія было отдѣльное ученіе фарисейское? Отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ. Во время Христа гдѣ, въ чемъ выражалось это коренное ученіе, отъ котораго фарисейское есть секта? Сколько бы мы и гдѣ бы ни искали отвѣтовъ на этотъ вопросъ, мы нигдѣ ихъ не находимъ. Іисусъ, по синоптикамъ, боролся все время, когда онъ противопоставлялъ свое ученіе закону, только съ фарисеями. Въ концѣ его жизни сказано, что на него напалъ и первосвященникъ, и фарисеи безразлично. Въ евангеліи Іоанна говорится, что Іисусъ боролся съ іудеями, и подъ іудеями разумѣются фарисеи и первосвященники.

Павелъ говоритъ про себя: Дѣян. Апост. XXII, 3 — 5, что онъ былъ наученъ въ самомъ истинномъ храненіи закона предковъ и былъ приверженъ къ Богу, и преслѣдовалъ Христа, гоняя и заключая христіанъ, какъ можетъ то засвидѣтельствовать архіерей и пресвитерство. Въ главѣ же Дѣян. Апост. XXVI, 5, онъ говоритъ, что онъ жилъ фарисеемъ и что служилъ Богу самымъ истиннымъ и несомнѣннымъ путемъ. Про Никодима сказано, что онъ былъ начальникъ фарисеевъ, и потому Іисусъ говоритъ: какъ же ты учишь Израиля? Опять не видно, гдѣ же было настоящее то ученіе, отъ котораго фарисейство было сектой. Павелъ называетъ себя принадлежащимъ къ настоящему ученію тогда, когда онъ ужъ не держится его, а не говоритъ, что онъ принадлежалъ къ сектѣ. Никодимъ — фарисей, былъ учитель Израиля. Для Іосифа Флавія, я понимаю, что фарисейство представлялось сектой такъ же, какъ для историка теперешняго религіознаго состоянія Россіи, теперешнее православіе должно представляться сектой,

молоканство же другой сектой, какъ Іосифу Флавію представлялись невѣрующіе въ ученіе фарисеевъ саддукеи. Но тѣмъ, которые, какъ наши церковники, увѣряютъ, что Іисусъ не отмѣнялъ закона Моисея, и что они вѣруютъ въ законъ Моисея, никакъ нельзя называть фарисеевъ сектою, когда это одно ученіе Моисеева закона намъ извѣстно и дошло до насъ. Для того, чтобы называть фарисейство сектой, надо показать, гдѣ, кѣмъ блюлось истинное ученіе Моисеева закона, а такихъ учителей не только нѣтъ, но по всѣмъ книгамъ Новаго Завѣта видно, что эти самые учителя и были фарисеи, и другихъ никакихъ не было и не могло быть.

Удивительно странная исторія такого пошлаго и очевиднаго обмана и заблужденія. Іисусъ излагаетъ свое божественное ученіе, и ученіе мнимо божественное существуетъ въ томъ народѣ, которому онъ проповѣдуетъ, и существуетъ не со вчерашняго дня, не смутное, туманное ученіе, дающее просторъ разъясненіямъ; но существуетъ сложное, разработанное до малѣйшихъ подробностей, грубое, жестокое, безбожное ученіе Моисеевыхъ книгъ, которое мы всѣ знаемъ. Тамъ объ убійствѣ, о свиньѣ, объ обрѣзаніи — рядъ безобразій; но все это такъ разработано, что нѣтъ мѣста никакому новому ученію. Все опредѣлено, все предписано, и къ каждому безобразному предписанію прибавлено: это сказалъ самъ Богъ.

Не только Іисусъ со своимъ божественнымъ ученіемъ смиренія, прощенія, любви, но Симонъ волхвъ, но предсѣдатель Тульскаго суда со своими понятіями о справедливости, если бы захотѣли народу Моисееву преподать свои понятія о нравственности, не могли бы иначе поступить, какъ начать съ того, чтобы откинуть безобразныя, все опредѣляющія правила книгъ Моисеевыхъ. И Іисусъ съ первыхъ шаговъ приходитъ въ храмъ, упраздняетъ всѣ жертвы, отвергаетъ все ученіе Моисеево и говоритъ свои божескія истины. Очевидно, что соединить ученіе Христа и ученіе Моисея это все равно, что соединить огонь и воду, это высшее выраженіе для того, чтобы выразить полнѣйшую невозможность.

Іисусъ учитъ, живетъ противно всѣмъ преданіямъ Моисеевымъ, его распинаютъ за это, вдругъ оказывается, что онъ не нарушалъ, а продолжалъ законъ Моисея. Казалось бы, нельзя выдумать ничего безумнѣе, а это-то самое и сдѣлано. И когда вникнешь въ смыслъ всего, то видишь, что это не безумно; оно не логично, но оно умно и цѣлесообразно. За ученіе распяли Христа, думая уничтожить ученіе, но ученіе было живо, и надо было скрыть его. О томъ, какъ это было сдѣлано фарисеемъ Павломъ, перемѣнившимъ имя своего Бога, но удержавшимъ закваску фарисейскую, будетъ сказано послѣ. Теперь же я хочу сказать о томъ, почему неизбѣжно появился этотъ прожившій 1900 лѣтъ глупый, очевидный обманъ о томъ, что фарисеи были секта, а не представители закона Моисея, и что

не законъ Моисея въ его лучшихъ представителяхъ распялъ Христа, а какая-то фантастическая секта фарисеевъ.

Учители, тѣ, что̀ у насъ называются учителями церкви, пастырями, что̀ у евреевъ назывались учителями закона, эти учители и только потому, что они были учителями, — распяли Христа. Въ ученіи Христа на каждой почти страницѣ и въ отдѣльныхъ, сильнѣйшихъ мѣстахъ обличаются эти учители.

Ученіе Христа проповѣдуетъ непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ, отвергаетъ всякое учительство, утверждаетъ, что учительство есть источникъ всего зла въ мірѣ. И вотъ первый фарисей Павелъ, не понимая ученія, подхватываетъ слова и торопится поскорѣе всѣхъ научить какой-то внѣшней вѣрѣ въ воскресшаго и искупившаго міръ Христа. Самъ учитъ, устраиваетъ учительство, тѣ же синедріоны, пресвитеровъ, архіереевъ. И то самое учительство, которое распяло его, во имя его разноситъ зло въ мірѣ.

Когда Павелъ учитъ, евангелія еще нѣтъ, и ученіе Христа почти неизвѣстно, и Павелъ, перемѣнивъ одно суевѣріе на другое, проповѣдуетъ его міру. И многіе приняли его, одни замѣняя имъ іудейство, другіе эллинство. Но являются евангелія Матѳея и Луки, и въ нихъ выясняется вся сторона ученія Христа; его подгибаютъ подъ суевѣріе Павла, примѣшиваютъ іудейства, и вѣра въ Христа представляется вѣрой въ новаго прибавочнаго Бога — Мессію.

Въ этой путаницѣ понятій все сходитъ съ рукъ, отдѣляется вся этическая сторона евангелія. Весь смыслъ сосредоточивается на тонкостяхъ разъясненія закона, сліянія его съ ученіемъ, на мечтаніяхъ, но одно противорѣчіе рѣжетъ глаза. Учители закона Моисея повѣсили Христа. Съ ними одними онъ боролся, ихъ однихъ обличалъ. Какъ же объяснить то, что его ученіе есть продолженіе закона Моисея и подтвержденіе его? Если бы онъ продолжалъ ученіе Моисея, ему бы не съ кѣмъ было бороться, никого бы онъ не обличалъ, никто бы его не распялъ. И вотъ представляется самый глупый, но единственный выходъ: учители, съ которыми онъ боролся, и которые распяли его, не были учители закона Моисея, но это была секта фарисейская, — какая секта, чего секта, чѣмъ она отличалась отъ того, что̀ не секта, — ничего этого нѣтъ и нельзя сказать.

Но нѣтъ ничего скрытаго, что̀ бы не стало явнымъ, и вотъ кому-нибудь, какъ ребенку, не знающему всѣхъ мудрствованій, по которымъ нужно думать навыворотъ, вдругъ становится ясно, что это грубый, глупый обманъ, и онъ говоритъ это, и у всѣхъ соскакиваютъ съ глазъ бѣльмы.

Слово фарисей можетъ имѣть два значенія: *толкователя* и *отдѣленнаго*. Что̀ же другое значатъ эти слова, какъ не учитель и пастырь? Если бы это была секта, то она бы и носила названіе, свойственное ей; названіе же ея есть названіе, соотвѣт-

ствующее нашему *православный*. Слова Павла въ Дѣян. XXII, 3—5 значатъ только то, что „я былъ православный іудей“.

Теперь, что̀ такое эта такъ называемая секта? Вотъ опредѣленіе ея по всѣмъ церковнымъ источникамъ: „они признавали себя истинными и единственными толкователями закона Божія; основой истинности своей они признавали преданіе, дошедшее до нихъ отъ Авраама; они имѣли іерархію, синедріоны и синагоги, они отличались отъ не-учителей одеждой и внѣшнимъ, видимымъ благочестіемъ.“

Пускай кто-нибудь опишетъ то, что̀ такое пастыри церкви. Пастыри церкви — это люди, признающіе себя истинными и единственными толкователями закона Бога. Основой истинности своего толкованія они признаютъ преданіе, дошедшее до нихъ отъ Іисуса Христа. Они составляютъ отдѣльное отъ другихъ людей учрежденіе, управляемое синедріономъ, архіереями и пастырями. Они отличаются отъ не-учителей одеждой и внѣшнимъ видомъ благочестія.

Такъ опредѣляетъ церковь и фарисеевъ, и саму себя. Для человѣка внѣ церкви очевидно, что опредѣленіе фарисеевъ, какъ людей, установившихъ много лишнихъ обрядовъ, притворщиковъ, злодѣевъ, погубившихъ Христа, будетъ точно то же до малѣйшихъ подробностей вѣрно и по отношенію къ церковникамъ.

Христосъ боролся не съ какими-то фарисеями, и фарисей не значитъ только лицемѣръ, но значитъ человѣкъ, берущій на себя право учить.

Христосъ боролся съ отдѣльными учителями и такъ и сказалъ это по-еврейски. Сказалъ по-еврейски: фарисеи, т. е. пастыри, — люди, признающіе за собой знаніе полной истины и учащіе ей. Какъ скоро поймешь это и переводишь, какъ и слѣдуетъ перевести слово *фарисей — церковные учители*, такъ на всю исторію, на положеніе Христа въ народѣ, на слова его, и даже на все ученіе проливается новый яркій свѣтъ. И не такой свѣтъ, который бы измѣнялъ въ чемъ-нибудь смыслъ ученія Христа, но такой, при которомъ разсѣеваются всѣ неясности, темноты, прежде непріятно нарушавшія ясность божественнаго ученія.

Мѳ. III, 7. Къ Іоанну приходятъ очищаться фарисеи и саддукеи. И Іоаннъ говоритъ имъ: „Порожденія ехидны, кто научилъ васъ и т. д.“ Обращеніе это, непонятное прежде, если понимать фарисеевъ и саддукеевъ сектой, ясно, если понимать ихъ, какъ представителей истинной вѣры. Что̀ Іоаннъ сказалъ, сказалъ бы теперь проповѣдникъ, если бы къ нему пришли православные и протестанты. Онъ сказалъ бы: что̀ же вы-то, исповѣдующіе знаніе истины, зачѣмъ приходите?

Ін. IV, 1—3. Когда Іисусъ узналъ, что до фарисеевъ (пастырей народа) дошелъ слухъ о немъ, онъ удалился. Понятно, что онъ удалился отъ признанныхъ пастырей народа, но не отъ секты.

Ін. XI, 57; Мѳ. XXVII, 57. Очевидно, что фарисеи значатъ здѣсь пастыри Но пастыри бываютъ законники, книжники и архіереи. Почему поставлено „и фарисеи“ вмѣсто того, чтобы сказать „изъ фарисеевъ“, можно объяснить тѣмъ, что ложное пониманіе того, чтò были фарисеи, было у всѣхъ церковныхъ переписчиковъ, и они должны были стремиться къ тому, чтобы запутать эти мѣста, давъ фарисеямъ значеніе ложной секты.

Лк. V, 30; Мѳ. IX, 14. Фарисеи требуютъ соблюденія постовъ и необщенія съ мытарями отъ всѣхъ; стало быть, они не секта.

Лк. VI, 7. Фарисеи блюдутъ исполненіе субботы, она же есть завѣтъ съ Богомъ по Моисею. Стало быть, они не секта.

Мр. III, 6. Фарисеи дѣлаютъ совѣтъ съ Иродомъ, какъ бы погубить Іисуса за неисполненіе субботы; стало быть, они не секта, а царствующая вѣра — православіе.

Ін. VII, 32. Фарисеи и первосвященники посылаютъ взять Іисуса. Стало быть, фарисеи были одно съ первосвященниками, были православные.

Ін. VII, 48. Никто изъ начальниковъ и фарисеевъ не повѣрили Іисусу; стало быть, фарисеи были начальниками вѣры.

Ін. VIII, 3. Фарисеи книжники приводятъ женщину для исполненія надъ нею казни по закону; стало быть, они царствующее единое истинное ученіе, а не секта.

Ін. IX, 13. Чтобы рѣшить вопросъ о слѣпомъ, его ведутъ къ фарисеямъ, какъ къ истиннымъ толкователямъ закона.

Ін. XI, 57. Фарисеи первосвященники дали повелѣніе. Если бы они были секта, то не могли давать повелѣнія.

Ін. XII, 42. Изъ начальниковъ многіе увѣровали въ Іисуса, но для фарисеевъ не исповѣдывали, чтобы не быть изгнанными изъ синагоги. Какая же это секта?

Мѳ. XXIII, 2. На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники фарисеи. Такъ самъ Іисусъ опредѣлилъ фарисеевъ. Это не секта, это православные.

Ін. XVIII, 3. Іуда взялъ отрядъ отъ первосвященниковъ и фарисеевъ.

Это не секта, а единая духовная власть. Смѣшно и странно доказывать то, что слово значитъ то, чтò оно значитъ. И не нужно бы было доказывать, если бы обманъ не былъ такъ глупъ и такъ старъ и, кромѣ того, не былъ такъ обыкновененъ въ людскихъ дѣлахъ. Революція борется съ монархической властью. Бонапартъ выходитъ изъ революціи и устанавливаетъ ту же власть, но онъ говоритъ, что монархисты — это секта роялистовъ. И всѣ проглатываютъ эту пилюлю и пресерьезно говорятъ о роялистахъ и бонапартистахъ. Для бонапартистовъ и роялистовъ, разумѣется, есть разница, но для людей, ищущихъ смысла вещей, нѣтъ никакой, и явно, что бонапартисты, называя роялистовъ сектой, играютъ словами или говорятъ о томъ, чтò должно служить для нихъ, но чтò не имѣетъ никакого зна-

ченія для болѣе глубокой точки зрѣнія. Для людей Павловой вѣры, установившихъ новыя суевѣрія вмѣсто старыхъ, фарисеи могутъ представляться чѣмъ-то отличнымъ отъ секты Павла; но для людей, понявшихъ вѣру Христа, нѣтъ никакого между ними различія.

Въ вѣрѣ Христа этотъ обманъ особенно поразителенъ тѣмъ, что Іисусъ предвидѣлъ его и, насколько только возможно, подъ корень подкопалъ его и, указавъ прямо на этотъ поводъ заблужденій, сказалъ: берегитесь закваски фарисейской, и опредѣлилъ ясно и точно, въ чемъ она состоитъ.

Обличеніе пастырей, представляющееся при обыкновенномъ чтеніи выраженіемъ негодованія или даже предупрежденія и предвидѣнія того, что̀ можетъ быть, — есть собственно самое точное опредѣленіе этого зла и источника его.

Примѣчаніе 69-ое.

Если оставимъ его, всѣ повѣрятъ, а всѣ повѣрятъ, то римляне заберутъ насъ. Стихъ этотъ замѣчателенъ потому, что онъ ясно опредѣляетъ то значеніе ученія Христа, которое понимали іудеи и ихъ пастыри, и котораго умышленно хотятъ не понимать наши пастыри.

Іисусъ учитъ тому, что Богъ — духъ, что служить Ему надо духомъ и на дѣлѣ, что противиться злу нельзя, что надо покоряться ему, что разныхъ царствъ и народностей нѣтъ, потому что вмѣсто прежнихъ царствъ земныхъ проповѣдуется царство Божіе, гдѣ каждый свободенъ и зависитъ только отъ Бога. И понятно, что если повѣрятъ этому, то придутъ римляне и совсѣмъ заберутъ насъ. Римляне теперь все-таки чувствуютъ, что они имѣютъ дѣло съ народомъ, а тогда заберутъ, какъ стадо барановъ. И это то самое ученіе, которому всѣ начинаютъ вѣрить. Понятно, почему, если всѣ повѣрятъ, то римляне заберутъ насъ, и почему надо прекратить эти фантазіи.

Не понимая ученія, какъ оно есть, выходитъ путаница, и нужно искусственное объясненіе, что будто бы возстанетъ народъ, и римляне вынуждены будутъ подавить возстаніе. Всѣ одинаково говорятъ это, но всѣ одинаково, очевидно, говорятъ вздоръ, потому что не отъ чего быть возстанію. Если всѣ повѣрятъ, то всѣ будутъ подставлять лѣвую послѣ правой, всѣ будутъ отдавать кафтанъ и рубаху. Отчего же возстаніе? Не возстаніе, а то, что если всѣ повѣрятъ, государства іудейскаго не будетъ, войскъ не будетъ, судовъ не будетъ, богатствъ, податей не будетъ — это понятно.

Примѣчаніе 70-ое.

Каіафа говоритъ просто, что ему надо умереть и для блага народа, и для единства вѣры, то самое, что̀ всегда говорили гонители еретиковъ. Кажется, совершенно ясно. Въ евангеліи,

по случаю казни Христа послѣ обличенія пастырей и указаній на то, что вся кровь невинная отъ Авеля до нашихъ дней на нихъ, указывается, какъ именно они проливаютъ эту кровь во имя какихъ-то разсужденій. И церковь такъ привыкла безнаказанно лгать, что она наивно выставляетъ преступность разсужденій Каіафы, забывая, что она точно такъ же разсуждала 1800 лѣтъ, и теперь разсуждаетъ передъ казнями; но церковь забыла то, что она сама себя уличаетъ, потому что для насъ весь центръ тяжести этихъ трехъ стиховъ заключается въ томъ, что по ея понятіямъ тутъ высшій каламбуръ, и Каіафа нечаянно сталъ пророкомъ.

На совѣщаніи Каіафа говоритъ: разумѣется, погибнетъ народность наша и вся наша гражданская жизнь, если мы допустимъ этого человѣка продолжать свою проповѣдь. Надо скорѣе убить его. Лучше одинъ человѣкъ погибнетъ, чѣмъ народность, государство, и рѣшили убить его. И рѣшился убить его не Каіафа человѣкъ, но Каіафа *первосвященникъ*. Онъ, во имя своего пророчества о томъ, что будетъ хуже для народа, отступилъ отъ закона *не убей*. Необычайная слѣпота людей, утверждавшихъ себя христіанами. Все зло, совершенное ими, предвидѣно въ евангеліи и прямо указано на него. Государственныя соображенія становятся въ разрѣзъ съ ученіемъ Бога, и слѣдованіе государственнымъ соображеніямъ приводитъ къ убійству Іисуса-Бога по ученію церквей. Можно ли сильнѣе и очевиднѣе показать зло, вытекающее изъ государственныхъ соображеній, и можно ли сильнѣе запретить его? И вотъ 1800 лѣтъ христіане казнятъ во имя государственныхъ соображеній.

Примѣчаніе 71-ое.

Вся рѣчь Іисуса, послѣ того какъ онъ узналъ, что греки, или вообще язычники, хотятъ быть его учениками, вызвана сознаніемъ того, что наступила рѣшительная минута. Но для объясненія не нужно допускать никакихъ пророческихъ мыслей въ Іисусѣ. Самое положеніе и безъ того ясно. По всему ученію своему, Іисусъ, безъ всякаго сравненія, ближе къ язычникамъ, чѣмъ къ іудеямъ. Говоря съ іудеями, онъ говорилъ еще словами ихъ писанія, обходилъ ихъ святыни, но вотъ являются язычники, желающіе быть его учениками.

Язычники, по понятіямъ іудеевъ, — это отверженцы, безбожники, подлежащіе избіенію, и вдругъ онъ оказывается заодно съ язычниками. То онъ, какъ будто, исправлялъ законъ іудейскій, былъ пророкомъ іудейскимъ, и вдругъ однимъ сближеніемъ съ язычниками оказывается явно, что онъ, по понятіямъ іудеевъ, — язычникъ. А если онъ язычникъ, то онъ долженъ погибнуть, и уже нѣтъ ему спасенія.

И вотъ это-то сближеніе съ язычниками вызываетъ въ немъ рѣшительныя слова, выражающія непреклонность его убѣжденія.

Язычникъ — ну язычникъ, говоритъ онъ себѣ. Я то, что̀ есмь. И вы, какъ хотите, понимайте меня. Я погибну, но зерно должно погибнуть, чтобы дать плодъ.

Примѣчаніе 72-ое.

Іисусъ и евреи понимаютъ, о чемъ говорятъ они. Іисусъ говоритъ о томъ, что онъ привлечетъ всѣхъ къ себѣ, что когда онъ возвысится надъ землей, то и будетъ то, что̀ соединитъ всѣхъ, т. е. владыко жизни — Христосъ. Евреи очень ясно понимаютъ его слова и говорятъ: но какъ же сказано, что Христосъ всегда неизмѣненъ, а ты говоришь, что Христосъ этотъ, владыко, есть не что̀ иное какъ человѣкъ, который вознесется надъ землею? Что̀ же такое этотъ вознесенный надъ землею человѣкъ? И Іисусъ прямо отвѣчаетъ на ихъ вопросъ, что этотъ вознесенный надъ землею человѣкъ есть свѣтъ разумѣнія.

Такъ вотъ что̀ сказалъ Іисусъ про язычниковъ, когда его вызвали на то, чтобы онъ ясно сказалъ, что̀ такое ихъ Христосъ и его сынъ человѣческій. Онъ просто и ясно сказалъ: сынъ человѣческій — владыко жизни, основа его ученія есть свѣтъ. Въ каждомъ изъ васъ есть этотъ свѣтъ, и живите этимъ свѣтомъ, и будете сынами свѣта. И больше ничего.

Примѣчаніе 73-ье.

Іисусъ зналъ, что онъ долженъ быть преданъ, и догадывался или зналъ, что предастъ его одинъ изъ учениковъ; и вотъ онъ, въ то время, когда въ душѣ одного изъ учениковъ составленъ заговоръ, исполняетъ свое ученіе любви и только любовью укоряетъ и обличаетъ своихъ учениковъ.

Какъ предложеніе хлѣба и вина, такъ и омовеніе ногъ есть не что̀ иное, какъ дѣла любви, которыми онъ отвѣчаетъ на ненависть и предательство. Всѣ толкователи согласны, что то, что̀ описано Іоанномъ, есть только дополненіе того, что̀ описано синоптиками. И потому слова, передаваемыя Іоанномъ, есть вступленіе ко всей тайной вечери. Во всѣхъ евангеліяхъ дѣйствія Іисуса за этимъ ужиномъ неразрывно связаны съ предательствомъ Іуды; но всѣ толкователи хотятъ непремѣнно отдѣлить одно отъ другого и отдѣляютъ. Но когда эти два событія отдѣлены, оба теряютъ смыслъ.

Зачѣмъ нужно пить вино и ѣсть хлѣбъ, называя это тѣломъ и кровью, — какъ ни толкуй, остается не только непонятнымъ, но, очевидно, чѣмъ-то безобразнымъ. Зачѣмъ намъ нужно знать, что Іуда предалъ и мокалъ хлѣбъ въ солонку, — тоже непонятно и безобразно.

Примѣчаніе 74-ое.

Іисусъ сказалъ ученикамъ, что между ними предатель; онъ это зналъ, какъ сказано у Іоанна: предатель, отдающій его на смерть. Они отреклись всѣ и продолжаютъ ѣсть; тогда онъ

беретъ хлѣбъ, разламываетъ его и подаетъ имъ и говоритъ: ѣшьте вотъ это. Тотъ, кто меня предастъ на смерть, тотъ будетъ ѣсть мое тѣло.

Всѣ пейте, всѣ двѣнадцать, такъ, чтобы непремѣнно пилъ и предатель. И пили изъ стакана всѣ. Если бы это не касалось предателя, то не стоило бы и записывать.

Іисусъ вмѣсто того, чтобы укорить, обличить предателя, котораго онъ знаетъ, даетъ ему вмѣстѣ со всѣми ѣсть и пить изъ своихъ рукъ и говоритъ, что тотъ предатель, который будетъ ѣсть и пить этотъ хлѣбъ и вино, зная, что онъ на смерть отдаетъ мое тѣло и готовится пролить мою кровь, тотъ предатель будетъ ѣсть не хлѣбъ, а мое тѣло, будетъ пить не вино, а мою кровь. И когда они всѣ выпили, онъ и говоритъ имъ: воля въ томъ, чтобы не противиться злу, а добромъ платить за зло, отдавать свою жизнь, кровь тѣмъ, которые пьютъ ее, вотъ въ этомъ-то состоитъ мое завѣщаніе. Завѣщаніе мое то, которое даетъ благо многимъ, состоитъ въ прощеніи ошибокъ.

Почему къ этому мѣсту присоединились тѣ идолопоклонническія толкованія, которыя породили столько зла, казней, сжиганій, мученій людямъ, было бы совершенно непонятно, если бы мы не знали, что эти толкованія всѣ выросли изъ вѣры, проповѣдуемой Павломъ, которую онъ называлъ Христовой и которую онъ проповѣдывалъ, не зная евангелія и издалека, даже не понимая смысла ученія Іисуса. Какъ ни понимать слова объ ужинѣ во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ, никакъ нельзя изъ нихъ вывести ничего, даже близко подходящаго къ тому, что̀ выведено изъ него. Ну, положимъ, что мы переведемъ, что Іисусъ сказалъ: дѣлайте это въ мое воспоминаніе. Что̀ же можетъ выйти изъ этого? Какъ ни поварачивай это мѣсто, отдѣливъ его, какъ это сдѣлала церковь, отъ предательства Іуды, оно остается однимъ изъ самыхъ ничтожныхъ и ненужныхъ. Пей вино или не пей въ воспоминаніе — это совершенно все равно по ученію Христа, который только о томъ и говоритъ, что надо дѣлать дѣла добра, и что, кромѣ дѣлъ добра, ничего не нужно. И вотъ является что-то необычайное, что-то такое дикое, чему подобнаго нельзя найти ни въ какой дикой вѣрѣ. И сотни тысячъ, милліоновъ людей убиваютъ и убиваемы изъ-за этой странной выдумки. Все это было бы непонятно, если бы не остался источникъ. Источникъ — безобразное посланіе Павла, 1 Кор. XI, 1. „Будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу.“

Павелъ учитъ своей вѣрѣ, которую онъ называетъ Христовой, и вотъ какъ онъ учитъ по ученію церкви.

Съ первыхъ словъ онъ говоритъ: *подражайте мнѣ, т. е. я вашъ учитель*, тогда какъ Іисусъ сказалъ, что нѣтъ учителей, кромѣ владыки; потомъ о причастіи и т. д. Только послѣ этого можно понять не то что самый смыслъ толкованій церкви: понять это невозможно, — но понять то, какъ можетъ ученіе, называемое Христовымъ, такъ низко пасть.

Примѣчаніе 75-ое.

Тайная вечеря, по Іоанну, можетъ служить продолженіемъ тайной вечери по синоптикамъ, какъ признаетъ это церковь. Дѣйствительно, мысль та же: Іисусъ знаетъ, что Іуда предастъ его, и, вмѣсто того, чтобы судить его, онъ только дѣлами любви уличаетъ его и точно такъ же при этомъ говоритъ, въ чемъ заповѣдь или завѣщаніе его. По Іоанну дѣло любви, которое дѣлаетъ Іисусъ ученикамъ и предателю въ ихъ числѣ, только поразительнѣе и сильнѣе; тамъ онъ даетъ хлѣбъ и вино, здѣсь онъ униженно моетъ ноги всѣмъ и въ томъ числѣ и предателю. Можно соединить обѣ версіи, но въ дѣйствительности очевидно, что обѣ написаны независимо одна отъ другой. Іоаннъ описываетъ дѣйствіе болѣе сильное и поразительное, чѣмъ предложеніе хлѣба и вина; предложенію хлѣба даетъ другой слыслъ, чѣмъ синоптики. Онъ говоритъ, что подача куска хлѣба былъ признакъ, по которому Христосъ указалъ предателя.

Примѣчаніе 76-ое.

Значеніе мѣста то, что только тотъ, кто, какъ Іисусъ, уже отдѣлился отъ міра и живетъ однимъ духомъ Божіимъ, можетъ, не соблазнившись, перенести всѣ страхи и мученія плоти, что представленіе объ отреченіи отъ міра легко, но самое отреченіе трудно, и что впередъ обѣщаться за себя нельзя. Нельзя клясться, нельзя обѣщаться за будущее, нельзя жизнь истинную, жизнь настоящую ставить порукой за жизнь временную. Сдѣлать все можно въ настоящемъ; въ настоящемъ человѣкъ свободенъ, но будущее есть тьма, и его мы не знаемъ.

Обѣщаться нельзя, но бодрствовать и молиться надо всякую минуту. Мѣсто это находится въ связи съ молитвой въ саду Геѳсиманскомъ. Петръ и ученики легкомысленно здѣсь обѣщаются за будущее, за то, что они не отрекутся отъ него въ саду Геѳсиманскомъ, тамъ, гдѣ уже близко подходитъ минута искушенія. Когда Іисусъ увѣщеваетъ молиться съ нимъ, они падаютъ духомъ и не хотятъ бодриться, и вслѣдствіе этого не выдерживаютъ искушенія и отрекаются.

Примѣчаніе 77-ое.

Сколько ни бились толкователи надъ этимъ мѣстомъ, нѣтъ никакой возможности придать ему другого значенія, какъ то, что Іисусъ собирается защищаться. Передъ этимъ онъ говоритъ ученикамъ о томъ, что они отрекутся отъ него, т. е. не защитятъ его, убѣгутъ отъ него. Потомъ онъ напоминаетъ имъ то время, когда не было еще на нихъ уголовнаго обвиненія. Тогда, онъ говоритъ, не нужно было бороться. Вы тогда были безъ сумы и ни въ чемъ не нуждались, но теперь пришло

время борьбы, надо запасаться сумой и ножами, чтобы защищаться. Произошло это отъ того, что меня сочли за беззаконника.

Исаія LIII, 12. Посему я дамъ ему часть между великими, и съ сильными будетъ дѣлить добычу за то, что предалъ душу свою на смерть, и къ злодѣямъ причтенъ былъ, тогда какъ онъ понесъ на себѣ грѣхъ многихъ, и за преступниковъ сдѣлался ходатаемъ.

На это мѣсто ссылается Іисусъ. Онъ говоритъ о физической борьбѣ и что намъ всѣмъ приходитъ конецъ. Понимать иначе никакъ нельзя, потому что ученики отвѣчаютъ на это: *вотъ у насъ два ножа*. И потомъ нельзя понимать такъ, что будто ученики не поняли его, потому что Іисусъ отвѣчаетъ имъ: *ладно*.

Церковныя толкованія такъ испортили евангеліе и такъ спутали насъ, что ясное и глубокое, трогательное и значительное мѣсто это или теряется для насъ, или, какъ бѣльмо на глазу, являетъ очевидное противорѣчіе. Главная помѣха пониманію этого мѣста та, что Іисусъ — Богъ, и потому не могъ ослабѣть и впасть въ соблазнъ. Здѣсь же прямо и ясно разсказана не такая внутренняя минута колебанія, какая показана при бесѣдѣ съ греками, въ саду Геѳсиманскомъ и на крестѣ, а разсказана минута колебанія — упадка духа, перешедшая почти въ дѣло. Онъ велитъ доставить ножи и одобряетъ учениковъ за то, что они припасли ножи. Онъ хочетъ бороться зломъ противъ зла и даже объясняетъ это тѣмъ, что онъ не боролся, когда его не преслѣдовали, но что онъ не можетъ не бороться, когда его считаютъ беззаконникомъ.

Послѣ той высоты любви, которую онъ высказалъ при обличеніи предателя на тайной вечерѣ, ночью на него находитъ соблазнъ, и онъ говоритъ: давайте бороться, биться ножами, т. е. дѣлать то, что̀ противно его ученію. Мѣсто это было бы соблазнительно, если бы оно не было связано съ послѣдующимъ, если бы оно не было необходимымъ вступленіемъ и освѣщеніемъ минуты въ саду Геѳсиманскомъ съ поступками Іисуса при взятіи его, когда ученики хотѣли ударить въ ножи и отрубили ухо Малху; но въ связи съ этимъ оно не только не соблазнительно, но необходимо, и есть одно изъ высочайшихъ и поучительнѣйшихъ мѣстъ евангелія. Двѣ опасности предстоятъ тѣмъ, которые исповѣдуютъ ученіе Христа: соблазнъ трусости — отреченіе отъ ученія, то самое, о чемъ Іисусъ предупреждаетъ Петра, и соблазнъ насилія — борьба зла со зломъ. Противъ перваго зла Іисусъ борется всю свою жизнь. Онъ уходитъ, когда его гонитъ. Онъ отвѣчаетъ на искушеніе фарисеевъ такъ, чтобы менѣе всего противорѣчить имъ. Сильнѣе всего соблазнъ этотъ проявляется въ бесѣдѣ въ храмѣ при язычникахъ, Іисусъ борется съ соблазномъ и остается побѣдителемъ. Теперь наступаетъ второй соблазнъ — противленіе злу, и Іисусъ

на мгновеніе отдается ему, но тотчасъ же онъ идетъ молиться, бороться съ соблазномъ и побѣждаетъ его. Непониманіе этого мѣста происходитъ отъ того, что̀ оно отдѣляется отъ молитвы въ саду Геѳсиманскомъ, раздѣляется одно отъ другого, какъ это дѣлаетъ церковь, и оба мѣста темны, особенно молитва въ саду Геѳсиманскомъ.

Примѣчаніе 78-ое.

Жизнь Іисуса приходитъ къ концу. Онъ знаетъ это, и ученики знаютъ это. Конецъ проповѣди его объ единомъ истинномъ благѣ и жизни, которую онъ велъ, по этому ученію тотъ, что міръ возненавидитъ его, и что, какъ вреднаго для спокойствія народа преступника, его хотятъ убить. Понятно, что ученикамъ должно прійти сомнѣніе, неужели это гоненіе, казнь, ненависть міра — истинное единое благо, единая истинная жизнь, данная отъ Бога людямъ. Какъ успокоить учениковъ, разрушить эти сомнѣнія? Сказать ли, что это только несчастная судьба, постигшая Іисуса; что онъ и они были бы счастливы и на землѣ, если бы не виноваты были злые люди?

Сказать, что если и здѣсь, я и вы, мы потерпимъ несчастіе, какъ потерпѣли пророки, мы будемъ вознаграждены въ томъ вѣкѣ, послѣ воскресенія?

И то, и другое могло бы утѣшить учениковъ. Но то и другое было бы неправда и было бы утѣшеніе, не вытекающее изъ ученія.

И Іисусъ не говоритъ ни того, ни другого, но только яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, выясняетъ смыслъ своего ученія, того, что̀ онъ называетъ истиннымъ благомъ, истинною жизнью; выясняетъ смыслъ жизни человѣческой не потому, что онъ такъ думаетъ, а потому, что она такова, и другой нѣтъ, и это-то и составляетъ содержаніе прощальной бесѣды.

Примѣчаніе 79-ое

Іисусъ говоритъ: въ Божьемъ мірѣ духъ пребываетъ самыми разнообразными проявленіями. Мы знаемъ проявленіе духа въ живомъ человѣкѣ, но я вотъ умираю, выхожу изъ жизни вамъ понятной, но духъ мой гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь новомъ проявленіи будетъ жить; и, вслѣдъ за этимъ, онъ говоритъ, что духъ его будетъ жить въ ученикахъ.

Христосъ прямо говоритъ: выкиньте изъ головы мысль о мѣстѣ, гдѣ вы будете блаженствовать послѣ смерти — такого мѣста нѣтъ. Что̀ съ нами будетъ, какъ мы будемъ жить послѣ нашей смерти, мы не можемъ знать. Жизнь въ Богѣ самая разнообразная и непонятная для насъ. Сказать, какъ законники, что я пойду къ Аврааму и приготовлю вамъ тамъ мѣсто, я не могу, это была бы ложь. Одно могу сказать, что въ жизни я показалъ вамъ то, къ чему надо стремиться. Это вы знаете.

Примѣчаніе 80-ое.

Казалось бы, что̀ можетъ быть проще и яснѣе. Іисусъ, говоря о своей смерти, о томъ, что онъ отходитъ, утѣшаетъ учениковъ. Онъ говоритъ, что, кромѣ жизни во плоти, есть жизнь духа въ Отцѣ, что онъ отойдетъ къ Отцу, Отецъ же живетъ во всякомъ человѣкѣ, исполняющемъ Его волю, и потому, отошедши отъ міра, Іисусъ будетъ жить въ тѣхъ, кто будетъ соблюдать его ученіе о жизни въ Отцѣ. И для тѣхъ, кто будетъ соблюдать его ученіе, утѣшителемъ будетъ онъ же Іисусъ, но въ духѣ.

А вотъ, что̀ говоритъ церковь. („*Толк. Еванг.*, стр. 479.)

„Дастъ вамъ другого утѣшителя: или ходатая, заступника, защитника — слово, употребляемое только въ этой рѣчи Господа и въ первомъ посланіи Іоанновомъ (II, 1.) Говоря *другого* (т. е. кромѣ меня), Господь, очевидно, и къ себѣ прилагаетъ понятіе утѣшителя, и св. Іоаннъ дѣйствительно и самъ прямо называетъ его этимъ именемъ; но этимъ же словомъ *другого* — Господь и отличаетъ его отъ себя, какъ другое лицо. „Сказавъ *иного*, Христосъ указываетъ на различіе его упостаси; а сказавъ утѣшителя — на единство существа“ (Злат.). Это третье лицо достопоклоняемыя Троицы — Духъ Святый, отъ Отца исходящій.“

Бываютъ церковныя толкованія, которыя можно опровергать, потому что они на чемъ-нибудь ложно основываются; но это одно изъ тѣхъ толкованій, которое нельзя опровергать, потому что нельзя понять, на чемъ оно основывается. Опровергать это толкованіе все равно, что опровергать толкованіе того мужика, который говорилъ, что настоящее имя распятаго — *жезана*, потому что сказано: *распятаго же за ны.* Нужно только объяснить настоящій, простой смыслъ словъ.

Примѣчаніе 81-ое.

На вопросъ Іуды, почему онъ не явится всѣмъ, Іисусъ отвѣчаетъ, что онъ можетъ явиться только тѣмъ, которые любятъ его и, любя его, исполняютъ его ученіе.

Въ этомъ мѣстѣ Іисусъ прямо отвергаетъ, какъ и во многихъ мѣстахъ, грубое понятіе о воскресеніи. Онъ говоритъ о своемъ духѣ, что духъ тотъ явится тому, кто будетъ любить его и исполнять его заповѣди. Только въ этомъ смыслѣ Іисусъ не умретъ и явится. И явится онъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Отцомъ, и поселится въ душѣ того, кто будетъ любить его.

Во многихъ спискахъ нѣтъ „Духъ святый“. Іисусъ говоритъ: я, будучи человѣкомъ, какъ вы, не могу всего сказать, но духъ истины, который отъ Отца, будетъ въ васъ, тотъ скажетъ вамъ.

Рѣчь начата о томъ, что имъ не надо смущаться его смертью. Въ серединѣ рѣчи объяснено, почему. Сказано, что онъ соеди-

нится съ Отцомъ, а Отецъ живетъ въ тѣхъ, кто любятъ его и потому исполняютъ волю его Отца; поэтому онъ, Іисусъ, хотя не будетъ жить плотски, но будетъ съ Отцомъ своимъ жить въ душѣ того, кто будетъ исполнять его ученіе о сыновности Богу. И въ концѣ рѣчи онъ говоритъ: и такъ вы не только не должны огорчаться моей смертью, но должны имѣть полное спокойствіе, потому что, если будете исполнять мое ученіе, вы будете вмѣсто того, чтобы быть со мной, — со мной и съ Отцомъ, который будетъ въ васъ.

Іисусъ говоритъ, что жизнь въ разумѣніи, а не въ плоти, и потому онъ не можетъ умереть. И, заключая рѣчь, онъ говоритъ: вотъ приходитъ смерть, но во мнѣ уже ничего нѣтъ подвластнаго ей. И вотъ, чтобы зналъ міръ, что истинная жизнь есть жизнь въ разумѣніи, въ исполненіи воли Отца, вы всѣ проснитесь отъ жизни плотской и выдьте изъ нея, изъ заботы о жизни міра. Слова эти заключаютъ первую часть рѣчи и составляютъ вступленіе ко второй, въ которой Іисусъ отвѣчаетъ на вопросъ Филиппа: покажи намъ отца. Это первая часть рѣчи, вся XIV глава, есть изложеніе того, что̀ есть смерть видимая, плотская. Іисусъ говоритъ, что у Бога (въ домѣ Отца) есть много разныхъ проявленій жизни, и что онъ, умирая плотски, соединяется съ Отцомъ и вернется къ нимъ какъ утѣшитель ихъ — духъ истины. И потому имъ, если они живутъ въ Отцѣ, не надо ни огорчаться, ни бояться, а надо радоваться тому, что онъ соединяется съ Отцомъ, потому что онъ соединяется и съ ними. Теперь уже онъ чувствуетъ себя освобожденнымъ отъ смерти и увѣщеваетъ ихъ также проснуться и освободиться отъ смерти.

Примѣчаніе 82-ое.

Отецъ рѣшилъ, что только въ разумѣніи люди могутъ приносить плодъ, т. е. жить оплодотворяясь, т. е. вѣчно, и получать все то, чего они желаютъ, т. е. быть удовлетворенными. Жизнь одна истинная есть жизнь въ разумѣніи, только она приноситъ плодъ — не уничтожается. Какъ только на корнѣ можетъ жить вѣтвь, такъ только на разумѣніи можетъ быть жизнь. Корень жизни людей есть разумѣніе, выраженное Іисусомъ. Помимо нѣтъ жизни. Кто не живетъ на корнѣ, тотъ отрѣзается и погибаетъ. Только если вы будете едины со мною, будете исполнять мои заповѣди, только тогда вы будете жить, и только тогда во имя жизни истинной все, что̀ вы будете просить, все то дастся вамъ, потому что Отецъ Богъ такъ рѣшилъ, что только основанныя на разумѣніи желанія людей могутъ быть исполняемы. Только живя духомъ, человѣкъ свободенъ и всегда удовлетворенъ. Только тотъ мой ученикъ.

Жизнь настоящая состоитъ только въ любви. Она исходитъ изъ любви и продолжается только любовью.

Іисусъ уже прежде сказалъ, что заповѣдь его есть любовь другъ къ другу; но теперь онъ, пользуясь сравненіемъ лозы, объясняетъ, почему это такъ. Онъ говоритъ, что начало жизни есть любовь Отца. Отецъ, любя міръ, далъ ему сына своего — разумѣніе. Іисусъ называетъ себя разумѣніемъ и говоритъ, что и разумѣніе есть любовь.

Іисусъ говоритъ, что онъ не повелѣваетъ, а объясняетъ все то, что̀ онъ знаетъ, что жизнь есть дѣло любви Отца и потому жизнь есть любовь.

Въ этой главѣ (съ 1-го по 17-ый стихъ XV гл. Ін.) находится собственно отвѣтъ на вопросъ Филиппа: „покажи намъ Отца", и то возбужденіе отъ жизни плотской, къ которому Іисусъ призываетъ въ концѣ предшествующей главы. Іисусъ говоритъ, что Отецъ — это тотъ невидимый садовникъ, который очищаетъ корень и побѣги, которые приносятъ плодъ. Жизнь же побѣговъ — это разумѣніе. Это та же мысль, какъ и въ притчахъ о сѣятелѣ и талантахъ. Но здѣсь Іисусъ говоритъ и то, что̀ сказано въ бесѣдѣ съ Никодимомъ. Онъ говоритъ, что источникъ этой жизни есть любовь. Отецъ любитъ тѣ побѣги или благотворитъ тѣмъ побѣгамъ, которые приносятъ плодъ. Точно такъ же и корень благотворитъ, питаетъ тѣ побѣги, которые приносятъ плодъ. Приносить же плодъ значитъ исполнять заповѣди — волю Отца. И воля Отца та, чтобы корень любилъ, благотворилъ, питалъ побѣги. Слѣдовательно, приносить плодъ значитъ благотворить — любить. И потому заповѣдь и Отца, и Іисуса та, чтобы любить другъ друга, благотворить другъ другу. Здѣсь отъ имени Іисуса выражается то, что̀ сказано въ вступленіи Ін., глава I: Бога никто не знаетъ. Богъ отъ начала далъ сына своего — разумѣніе міру, и все живое — жизнь — есть только разумѣніе. Не было бы этого дѣйствія Бога, не было бы жизни. Все, что̀ мы любимъ, — это жизнь; все, что̀ мы не любимъ, чего мы боимся, — это смерть. Стало быть, дарованіе намъ жизни есть дарованіе намъ блага. Дарованіе блага мы понимаемъ, какъ плодъ любви. Если причина жизни — любовь, то, возвращаясь къ причинѣ, мы возвращаемся къ жизни единой, истинной.

Чтобы яснѣе понять это Іисусово пониманіе жизни, надо противопоставить ему обычное пониманіе жизни. Обычное пониманіе это такое: Я, съ тѣхъ поръ, какъ знаю себя, живу и ничего иного не знаю, какъ мою земную жизнь, со всѣми ея радостями и горестями. Жизнь и радости — хорошо, смерть и страданія — дурно. Буду пользоваться радостями и жизнью и избѣгать страданій и смерти. Жизнь хорошо, смерть не только дурно, но безумно. Я живу и ничего другого хорошаго не знаю, кромѣ жизни. Зачѣмъ же смерть? Жизнь должна быть, она моя, я имѣю на нее право. Смерть есть что-то чужое мнѣ, чье-то чужое насиліе. Я живу по праву законно, разумно, хорошо; и незаконно, глупо, жестоко то, что у меня

кто-то отнимаетъ жизнь. Лучше бы и не давали мнѣ ее, если нужно такъ жестоко отнять ее. Вотъ обычное пониманіе жизни, вмѣсто котораго Іисусъ даетъ новое. Онъ не оправдываетъ смерти, не дѣлаетъ того, что̀ дѣлаютъ ложныя религіи, не старается увѣрить людей, что послѣ плотской смерти будетъ что-то особенное. Онъ говоритъ: мысль ваша должна быть о томъ, что жизнь ваша не только не естественное явленіе, но это самое удивительное чудо, какое можетъ быть и которое должно имѣть какое-нибудь объясненіе. Ложный взглядъ вашъ и ужасъ передъ смертью происходятъ отъ того, что вы принимаете удивительнѣйшее чудо, послѣдствіе чего-то, за естественное основное явленіе. Вы говорите ту удивительную глупость, что самое чудесное, что̀ есть въ мірѣ, ваша мгновенная жизнь послѣ вѣчности смерти и передъ такой же вѣчностью есть самое простое, законное, понятное явленіе.

Очевидно, что послѣ этого смерть представится вамъ непонятной. Онъ говоритъ: напротивъ, не смерть — отсутствіе жизни, въ которой мы были, не вѣчность — непонятна, но непонятна жизнь, и ее надо какъ-нибудь понять. А то вы какъ работники въ чужомъ саду, да еще какъ дѣти работниковъ, родившіяся въ чужомъ саду, почему-то вообразили, что садъ съ яблонями, съ колодцами, съ домами самъ ни откуда взялся, и вашъ собственный. Понятно, что вы удивитесь, когда придетъ хозяинъ и потребуетъ отъ васъ расчета или выгонитъ васъ.

Іисусъ говоритъ: вы, люди, прежде всего вспомните, что васъ никогда прежде не было, если бы не что̀-то такое. А вы воображаете, что вы вѣчно тутъ живете, явились сами. Вы вообразили это и вообразили неправду, и отъ этого вамъ кажется это такъ жестоко и глупо, когда васъ выгоняютъ, но это кажется вамъ жестоко только потому, что вы не обдумали, что̀ такое ваша жизнь и откуда она взялась. Вы вспомните, вы не были прежде, вы не жили, т. е. было съ вами то, чего вы больше всего боитесь, что̀ вы называете зломъ, — вы были въ смерти. Изъ этого положенія васъ что̀-то вывело, что̀-то дало вамъ величайшее благо. Такъ вотъ поймите это что̀-то, и обратитесь къ этому чему-то, и спросите себя, что̀ такое это что̀-то, давшее вамъ высшее благо. Судя по себѣ, вы знаете, что благо дается только любовью, иначе вы не понимаете блага. Кто же это любитъ васъ и далъ вамъ благо? Что̀-то или кто-то это сдѣлалъ. Но кто бы это ни сдѣлалъ, то, что̀ сдѣлало это, сильнѣе васъ, и въ немъ вся ваша жизнь. Такъ нельзя ли какъ-нибудь соединиться съ этимъ началомъ? И вотъ Іисусъ учитъ, что начало это дало благо, и потому есть любовь. И начало это есть въ насъ, какъ любовь, и, отдавшись этому началу, мы живемъ и не умираемъ.

I посл. Ін. IV, 7. Возлюбленные! будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога; и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога.

8. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

11. Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга.

12. Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ.

20. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?

Примѣчаніе 83-ье.

Іисусъ говоритъ, что не надо удивляться злобѣ людей. Эта злоба на добро должна быть. Если люди не любятъ добра, то какъ же имъ любить слугъ добра?

Іисусъ объясняетъ, что люди тьмы неизбѣжно должны ненавидѣть людей свѣта и именно за то, что свѣтъ окажетъ ошибки людей тьмы.

Люди должны ненавидѣть свѣтъ, но духъ истины покажетъ справедливость ученія Іисуса, и вы, ученики, покажите тоже, что ученіе это естественно людямъ.

Помните, говоритъ онъ, что люди ненавидятъ добро, потому что не знаютъ Отца и разумѣнія, и потому не могутъ не ненавидѣть васъ. Ненависть къ вамъ есть одинъ изъ признаковъ того, что вы остались вѣрными мнѣ. Блаженны вы, когда гонятъ васъ за имя мое. Люди не виноваты, это такъ должно быть. И помните это. Пока я былъ съ вами, я могъ объяснить вамъ это; но меня не будетъ скоро, и тогда вы не соблазнитесь. Васъ отрѣшатъ отъ богослуженія, будутъ бить васъ, увѣряя, что это для Бога дѣлаютъ, вы не смущайтесь и помните, чтò я говорилъ вамъ.

Стихи съ 18-го главы XV и до стиха 16-го главы XVI Іоанна составляютъ 3-ій отдѣлъ бесѣды.

Въ первомъ Іисусъ говоритъ о томъ, чтò для него есть смерть. Онъ говоритъ, что онъ не умретъ, а какъ разумѣніе будетъ жить въ тѣхъ, кто соблюдаетъ его ученіе. Во второмъ отдѣлѣ онъ говоритъ о томъ, чтò есть Отецъ, чтò есть разумѣніе и какая заповѣдь Отца и разумѣнія — любить другъ друга. Теперь, въ третьемъ отдѣлѣ, Іисусъ говоритъ о томъ, что это разумѣніе не принято міромъ и не будетъ сразу принято міромъ, и что его будутъ гнать и что это не можетъ быть иначе. Вотъ онъ показалъ имъ путь къ Отцу, и они опечалились, но онъ говоритъ имъ правду — другого утѣшителя нѣтъ, какъ истина, что самый онъ же Іисусъ, какъ духъ истины, будетъ жить въ избранныхъ; для васъ лучше, чтобы я умеръ и пришелъ въ духѣ истины. Этотъ духъ истины убѣдитъ міръ въ томъ, что правда только въ сыновности къ

Отцу, что плоть безсильна. Я же, хотя и имѣю что̀ сказать, не могу, но духъ истины (*я самъ* въ духѣ) откроетъ вамъ все и будетъ открывать во всякихъ случаяхъ жизни. Онъ будетъ говорить не новое что̀-нибудь, но все то же, что̀ и я, — о сыновности вашей къ Отцу.

Примѣчаніе 84-ое.

Это четвертый отдѣлъ бесѣды. Въ немъ Іисусъ опредѣляетъ, какого рода разумѣніе дастъ духъ истины. Онъ говоритъ: утѣшеніе не будетъ безпрестанное. Вы не всегда будете видѣть меня, т. е. утѣшеніе въ духѣ истины, но будутъ минуты упадка, слабости и печали. Вы не всегда будете видѣть меня. А какъ бываетъ въ жизни, то будете горевать, не будете видѣть меня, а то будете радоваться и увидите меня. И какъ женщина, когда родитъ, и мучается, и радуется, такъ и вы будете и мучиться, и радоваться. Но радость ваша, когда вы будете видѣть меня, будетъ полная, и никто ее не отниметъ у васъ, потому что тогда все, чего вы желаете для духа, все будетъ вамъ, вы познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными, Теперь, какъ человѣкъ, я не могу говорить вамъ иначе, какъ словами, не выражающими всего, но тогда я въ васъ самихъ возвѣщу вамъ объ Отцѣ. И тогда вы будете чувствовать себя вполнѣ удовлетворенными, всѣ ваши желанія будутъ исполнены. Самъ Отецъ будетъ въ васъ, потому что онъ любитъ васъ за то, что вы любите меня и вѣрите въ меня. И на это ученики сказали, что теперь они понимаютъ, въ чемъ будетъ состоять утѣшеніе. Теперь онъ просто и понятно сказалъ, и имъ уже нечего спрашивать. Мы понимаемъ и вѣримъ. Іисусъ сказалъ: теперь вѣрите, а потомъ опять разсѣетесь и забудете меня. Я это сказалъ вамъ, чтобы знали во время горя и обидъ, гдѣ искать спокойствія. Я открылъ это спокойствіе людей, несмотря ни на какія плотскія бѣды. Я сильнѣе плоти.

Примѣчаніе 85-ое.

Пилатъ, допрашивая Іисуса, спрашиваетъ, что̀ это значитъ, что онъ называетъ себя царемъ. Іисусъ ему говоритъ: царемъ я себя называю въ томъ смыслѣ, что я установилъ правду между людьми, это было мое призваніе, я это дѣлалъ, и въ этомъ смыслѣ я былъ царемъ и теперь царь, и ты признаешь меня царемъ. Я объяснилъ истину, и всякій живущій понимаетъ эту истину. Пилатъ говоритъ, что не понимаетъ, что̀ такое истина, но все-таки идетъ къ іудеямъ и говоритъ, что вины въ этомъ человѣкѣ онъ не видитъ никакой. Когда въ народѣ сказали, что главная вина Іисуса та, что онъ называетъ себя сыномъ Божіимъ, Пилатъ еще болѣе смутился. Слова Іисуса о томъ, что онъ царь только тѣмъ, что возвѣ-

щаетъ правду, и теперь, что онъ эту правду объявляетъ какъ сынъ Божій, представили ему Іисуса, какъ человѣка необыкновеннаго и высокой души. Онъ зоветъ его къ себѣ и спрашиваетъ, откуда онъ, т. е. какъ онъ понимаетъ свое происхожденіе. Іисусъ не отвѣчаетъ, сознаніе ненужности объясненій останавливаетъ его.

Пилатъ, смущенный и боясь на себя взять это дѣло, придирается къ поводу отослать Іисуса къ Ироду, чтобы на него свалить отвѣтственность; но Иродъ все это дѣло принялъ какъ самое неважное. Онъ слыхалъ прежде объ Іисусѣ и думалъ увидать въ немъ что̀-нибудь интересное и велѣлъ позвать его къ себѣ и сталъ спрашивать; но, увидавъ человѣка, ничего не говорившаго, какого-то дурачка, онъ сдѣлалъ изъ него потѣху и, нарядивъ его посмѣшищемъ, отослалъ назадъ къ Пилату.

Пилатъ говоритъ: я могу вѣдь убить и не убить. Іисусъ говоритъ: ничего ты не можешь. Если ты видишь свѣтъ, — идешь къ свѣту; не видишь, — ты будешь дѣлать неминуемо дѣло тьмы. И тотчасъ же сбывается то, что̀ сказалъ Іисусъ. Онъ, т. е. Пилатъ, хочетъ спасти его и не можетъ. Вотъ тотъ, кто предалъ меня, тотъ имѣлъ власть не сдѣлать. Ты не имѣешь свободы отпустить и не отпустишь; если бы ты былъ наученъ свѣту, тогда бы ты могъ, а теперь не можешь.

Іисусъ только то и говорилъ, что царство Бога, находящееся во всѣхъ людяхъ, должно замѣнить царство Кесаря, и онъ былъ правъ.

Примѣчаніе 86-ое.

Заключеніе къ „Изслѣдованію Евангелія“.

Съ словомъ „кончено“ кончено и евангеліе. Для тѣхъ, которые божественность Іисуса видѣли въ томъ, что онъ не такой, какъ всѣ люди, воскресеніе его могло имѣть убѣдительность, т. е. могло имъ доказать, что онъ не такой, какъ всѣ люди, но только то, что онъ не такой, какъ всѣ люди, и больше ничего; но только для тѣхъ, которые видѣли, какъ Іисусъ умеръ, убѣдились, что онъ умеръ, и потомъ видѣли, что онъ живъ, и убѣдились, что онъ живъ. Но и такихъ людей, по описанію евангелистовъ, за исключеніемъ Луки, упоминающаго неожиданно о его вознесеніи при 500 человѣкахъ, и такихъ людей не было; по описанію ихъ онъ является какъ сонъ, какъ видѣніе.

Но положимъ, что онъ даже и явился во плоти, и Ѳома клалъ пальцы въ его раны, ну что̀ же это показало Ѳомѣ? То, что Іисусъ былъ не такой же человѣкъ, какъ другіе. Но что̀ же слѣдуетъ изъ того, что онъ не былъ такой же человѣкъ, какъ другіе? Только то, что людямъ, такимъ же, какъ всѣ другіе, очень трудно или невозможно дѣлать то же, что̀ дѣлало совсѣмъ особенное существо. Но если бы даже нужно было убѣдить людей въ томъ, что онъ не такой, какъ другіе люди,

то явленіе его Ѳомѣ и десяти человѣкамъ и потомъ пятистамъ никакъ не могло убѣдить въ этомъ другихъ, тѣхъ, которые не видали этого воскресенія; ученики только разсказывали про воскресеніе, а разсказывать можно все; чтобы вѣрить разсказамъ учениковъ, надо, чтобы они чѣмъ-нибудь подтверждали истинность своего разсказа. И вотъ ученики, чтобы подтвердить истинность своего разсказа, разсказываютъ, что на нихъ сошли огненные языки, и что они сами дѣлали чудеса, исцѣляли, воскрешали; то же, что сошли языки, что ученики воскрешали и исцѣляли, это подтверждаютъ ученики учениковъ еще новыми чудесами, и такъ до нашего времени мощи, угодники исцѣляютъ и воскрешаютъ, такъ что выходитъ, что божественность Христа зиждется на разказѣ о необыкновенныхъ событіяхъ. Разсказы же о необыкновенныхъ событіяхъ зиждутся на разсказахъ о другихъ необыкновенныхъ событіяхъ, послѣднихъ же необыкновенныхъ событій люди съ здоровымъ разсудкомъ не видали. Но хорошо, Христосъ воскресъ, показался и улетѣлъ на небо, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, объяснило ли что-нибудь, прибавило ли что-нибудь это къ его ученію? Ничего и ровно ничего, кромѣ необходимости выдумки новыхъ ненужныхъ чудесъ, чтобы подтверждать это выдуманное ненужное чудо. Мы видѣли, читали и читаемъ ученіе о жизни Христа до его воскресенія, и въ самыхъ испорченныхъ мѣстахъ этого ученія вездѣ свѣтитъ свѣтъ той истины, которую онъ возвѣстилъ міру. Какъ ни грубо понимаютъ списатели евангелисты ученіе, они передаютъ слова и дѣйствія человѣка Іисуса, и свѣтъ поражаетъ насъ. Что̀ же прибавлено къ ученію послѣ воскресенія, что̀ дѣлалъ, сказалъ Христосъ послѣ воскресенія?

Онъ является зачѣмъ-то Маріи Магдалинѣ, изъ которой выгналъ семь бѣсовъ, и говоритъ ей, чтобы она не касалась его, потому что онъ не вошелъ еще къ Отцу.

Потомъ еще женщинамъ явился и сказалъ, что онъ затѣмъ придетъ къ своимъ братьямъ.

Потомъ ученикамъ является и что-то разъясняетъ имъ отъ Моисея во всемъ Писаніи.

И то они видятъ его, то не видятъ его. Потомъ является ученикамъ, укоряетъ ихъ, что они не вѣрятъ, показываетъ бокъ свой, и отъ этого должно сдѣлаться то, что кому они простятъ грѣхи, тому простятся. Потомъ Ѳомѣ явился и опять ничего не сказалъ. Потомъ рыбу ловитъ и много поймалъ съ учениками и жарилъ, и Петру сказалъ три раза: паси овецъ моихъ, и предсказалъ Петру его смерть. Потомъ явился 500-мъ братій заразъ и тоже ничего не сказалъ. Потомъ сказалъ, что ему дана власть на небѣ и на землѣ, и что отъ этого надо купать во имя Отца и Сына и св. Духа, и что кто выкупается, тотъ спасется. И что они и тѣ, кому они передадутъ этотъ духъ, будутъ брать змѣй руками и пить ядъ безвредно и говорить на всѣхъ языкахъ, чего они, очевидно, не дѣлали и не

дѣлаютъ. И потомъ улетѣлъ на небо. Больше ничего онъ не сказалъ. Для чего же было воскресать, чтобы только сдѣлать и сказать всѣ эти глупости?

Такъ что:

1) Воскресеніе, какъ всякій разсказъ о чемъ-то такомъ, чего понять нельзя, ничего доказать не можетъ.

Воскресеніе, какъ всякое чудо, если кто его видѣлъ, можетъ доказать только то, что случилось что-то противное законамъ разума, и что человѣкъ, подвергшійся чуду, подвергся чему-то необыкновенному, и больше ничего. Если же на основаніи чуда дѣлають то умозаключеніе, что человѣкъ, не подлежащій законамъ разума, есть необыкновенный человѣкъ, то это заключеніе правильно только для тѣхъ, которые созерцаютъ чудо и пока они его созерцаютъ. Разсказъ же о чудѣ никого убѣдить не можетъ, такъ что истинность надо подтверждать чудомъ, случившимся съ разсказчикомъ. Подтвержденіе истинности чуда чудомъ неизбѣжно влечетъ за собой выдумываніе для подтвержденія истинности разсказчика новыхъ чудесъ до нашего времени, въ которомъ мы ясно видимъ, что чудесъ нѣтъ, и что какъ выдумано чудо настоящаго времени, такъ должно быть выдумано и прошедшее чудо. Разсказъ о чудѣ воскресенія Христа изобличаетъ свою неправду болѣе всего тѣмъ, что разсказъ этотъ рѣзко отличается своею низменностью, ничтожностью, просто глупостью отъ всего прежняго описанія жизни Христа и ясно показываетъ, что разсказъ о жизни Христа настоящей имѣлъ основаніемъ дѣйствительную жизнь, исполненную глубины и святости; разсказъ же о воскресеніи и мнимыхъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ послѣ него — не имѣлъ уже основанія жизни, а весь выдуманъ. Какъ ни грубо и ни низменно описаніе жизни Христа, святость жизни Христа и высота его личности просвѣчиваетъ черезъ грубость и низменность писателей; но когда въ основѣ описанія уже нѣтъ ничего дѣйствительнаго, а только однѣ выдумки, то низменность и грубость являются во всей своей наготѣ. Видно, что воскресить-то они воскресили, но заставить его что-нибудь сказать и сдѣлать достойное его — не сумѣли.

3) Чудо воскресенія прямо противно ученію Христа, потому и трудно было заставить Іисуса что-нибудь сказать, свойственное ему, послѣ воскресенія, что самое представленіе о томъ, что онъ могъ воскреснуть, прямо противоположно всему смыслу его ученія. Надо совсѣмъ не понимать его ученія, чтобы говорить о возможности его воскресенія въ тѣлѣ. Онъ даже прямо отрицалъ воскресеніе, объясняя, какъ надо понимать воскресеніе, о которомъ толковали евреи.

Лк. XX, 37. Какъ мертвые пробуждаются, сказалъ онъ имъ, и Моисей показалъ въ купинѣ, когда назвалъ Бога Богомъ Авраама и Богомъ Исаака и Богомъ Якова; Богъ не Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Потому что Богу всѣ живы. Онъ

сказалъ: духъ живитъ, а плоть не пользуетъ ни мало. Онъ сказалъ: я хлѣбъ живой, сошедшій съ неба. Онъ сказалъ: я путь, истина и жизнь. Онъ сказалъ: я воскресеніе и жизнь. И его-то, который училъ, что онъ есть то, что̀ отъ Бога послано въ міръ, чтобы дать жизнь людямъ; то, что̀ живитъ; то, что̀ духъ; то, что̀ не умираетъ; то, что̀ вернется къ людямъ какъ духъ истины, — про это-то самое поняли такъ, что оно должно воскреснуть въ тѣлѣ. И точно, что̀ же могъ дѣлать тотъ Іисусъ, который радовался своему отхожденію къ Отцу, тотъ Іисусъ, который сказалъ умирая: „въ руки твои предаю духъ мой," что̀ могъ онъ дѣлать и говорить, когда его вообразили воскресшимъ въ тѣлѣ? Очевидно, все только противное своему ученію. Такъ оно и было.

Эта легенда о воскресеніи, выраженная въ послѣднихъ главахъ евангелія, не имѣвшая уже въ своемъ основаніи жизни и словъ Христа, а принадлежащая вся воззрѣніямъ на жизнь и на ученіе Іисуса списателей евангелія, замѣчательна и поучительна тѣмъ, что эти главы ясно показываютъ толщину того слоя непониманія, которымъ покрыто и все описаніе жизни и ученія Іисуса. Какъ если бы драгоцѣнная картина была замазана слоемъ краски, то тѣ мѣста, гдѣ краска попала на голую стѣну, показали бы ясно, какая толщина слоя покрываетъ и картину. Исторія воскресенія даетъ ключъ къ пониманію и объясненію всѣхъ чудесъ, которыми переполнены евангелія, и тѣхъ противорѣчивыхъ словъ и понятій, которыми уничтожается часто смыслъ лучшихъ мѣстъ ученія.

Кто писалъ четвертое евангеліе неизвѣстно, и исторія критики дошла уже до убѣжденія, что этого мы никогда не узнаемъ. Могутъ быть болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о времени, мѣстѣ, лицахъ; предположенія о томъ, какое евангеліе или какая часть какого списана съ другого; но происхожденіе ихъ неизвѣстно. Мы не можемъ судить объ исторической достовѣрности евангелія, но о свойствахъ самихъ книгъ мы судить можемъ. Можемъ судить о томъ, что̀ послужило основаніемъ христіанскихъ вѣрованій людей, и что̀ не имѣло вліянія на вѣрованія.

Съ этой стороны, въ евангеліи мы видимъ двѣ рѣзко раздѣляющіяся части изложеній: одна — изложеніе ученія, другая — попытки доказательства истинности ученія или, скорѣе, доказательства важности ученія, таковы: чудеса, пророчества и предсказанія. Ученіе прошло вѣка ненарушимо, всѣ согласны въ немъ. Доказательства, которыя были, вѣроятно, доказательствами, теперь составляютъ главный камень преткновенія для воспринятія ученія.

Къ этой части принадлежатъ всѣ чудеса и главное изъ чудесъ — воскресеніе. На описаніи воскресенія, какъ на событіи, выдуманномъ безъ всякаго основанія, легче всего прослѣдить и способъ составленія такихъ легендъ, и почему онѣ принимаются, и пріемъ изложенія, и значеніе ихъ, и послѣдствія. Происхо-

жденіе легенды о воскресеніи было повѣркой правдивости писателей (исключая Луки), и оно записано въ самихъ евангеліяхъ такъ ясно, что всякій не предубѣжденный человѣкъ не можетъ не видѣть самый естественный зародышъ легенды, такой легенды, какія зарождаются вокругъ насъ каждый день въ разсказахъ о чудесахъ мощей, подвижниковъ, колдуновъ. Разсказы и статьи о спиритизмѣ, объ этой дѣвицѣ, матеріализованной и танцовавшей, гораздо болѣе опредѣленно и утвердительно разсказаны, чѣмъ исторія воскресенія. Исторія зарожденія этой легенды такъ ясна, какъ только можетъ быть. Въ субботу пошли смотрѣть гробъ. Тѣла нѣтъ. Евангелистъ Іоаннъ разсказываетъ самъ, что говорили, что тѣло вынули ученики. Бабы идутъ къ гробу, одна — порченая Марія, изъ которой выгнано семь бѣсовъ, и она первая разсказываетъ, что видѣла что-то у гроба: не то садовникъ, не то ангелъ, не то онъ самъ. Разсказъ переходитъ отъ кумушекъ къ кумушкамъ и къ ученикамъ. Черезъ 80 лѣтъ разсказываютъ, что точно видѣли его тотъ и тотъ, тамъ и тамъ, но всѣ разсказы сбивчивы, неопредѣленны. Никто изъ учениковъ не выдумываетъ — это очевидно, но никто тоже изъ людей, чтущихъ его память, не рѣшается противорѣчить тому, что̀ клонится, по ихъ понятіямъ, къ славѣ его и, главное, къ убѣжденію другихъ въ томъ, что онъ отъ Бога, что онъ любимецъ Бога, и что Богъ въ честь его сдѣлалъ знаменіе. Имъ кажется, что это самое лучшее доказательство, и легенда растетъ, распространяется.

Легенда содѣйствуетъ распространенію ученія, но легенда есть ложь, а ученіе — истина. И потому ученіе передается уже не во всей чистотѣ истины, но въ смѣшеніи съ ложью. Ложь вызываетъ ложь для своего подтвержденія. Новыя ложныя легенды о чудесахъ разсказываются для подтвержденія первой лживой легенды. Являются легенды о чудесахъ послѣдователей Христа и о чудесахъ, предшествовавшихъ ему: его зачатія, рожденія, всей его жизни, и ученіе все перемѣшивается съ ложью. Все изложеніе его жизни и ученія покрывается грубымъ слоемъ краски чудеснаго, затемняющаго ученіе. Новые вѣрующіе пристаютъ къ вѣрѣ Христа, уже не столько вслѣдствіе его ученія, а вслѣдствіе вѣры въ чудесность его жизни и дѣйствій. И приходитъ то ужасное время, когда является понятіе вѣры, не той вѣры, о которой говоритъ Христосъ, какъ о внутренней неизбѣжности убѣжденія, которая становится основой жизни, а — вѣры, какъ слѣдствія усилія воли, при которой можно сказать: я велю вѣрить, я хочу вѣрить, ты долженъ вѣрить. Приходитъ время, когда всѣ лживыя легенды становятся на мѣсто ученія, всѣ собираются въ одно, формулируются и выражаются какъ „догма", т. е. постановленія. Толпа, грубая толпа овладѣваетъ ученіемъ и, замазавъ его лживыми легендами, затемняетъ его.

Но, несмотря на всѣ усилія толпы, избранные люди, сквозь

всю грязь лжи, видятъ истину и проносятъ ее во всей чистотѣ чрезъ вѣка рядомъ съ ложью, и въ такомъ видѣ ученіе доходитъ до насъ. Тотъ, кто теперь въ наше время, будь онъ католикъ, протестантъ, православный, молоканинъ, штундистъ, хлыстъ, скопецъ, раціоналистъ, какого бы ни былъ исповѣданія, тотъ, кто читаетъ теперь евангеліе, находится въ странномъ положеніи. Тотъ, кто умышленно не закрываетъ глаза, тотъ не можетъ не видѣть, что если тутъ не все, что̀ мы знаемъ и чѣмъ мы живемъ, то, по крайней мѣрѣ, что-то очень мудрое и значительное. Но мудрое и значительное это выражено такъ безобразно дурно, какъ говоритъ Гёте, что онъ не знаетъ болѣе дурно написанной книги, какъ евангеліе, и зарыто въ такомъ хламѣ безобразнѣйшихъ, глупыхъ, даже непоэтическихъ легендъ, и умное и значительное такъ неразрывно связано съ этими легендами, что не знаешь, что̀ дѣлать съ этой книгой. Толкованія къ этой книгѣ нѣтъ другого, какъ то, которое даютъ различныя церкви. Толкованія эти всѣ исполнены безсмыслицъ и противорѣчій, такъ что каждому представляется сначала только два выхода: или осердясь на вшей, да шубу въ печь, т. е. откинуть все, какъ безмыслицу, что̀ и дѣлаютъ $^{99}/_{100}$; или покорить свой разумъ, что̀ и велитъ дѣлать церковь, и принять вмѣстѣ съ мудрымъ и значительнымъ все глупое и незначительное, въ чемъ облекаетъ это церковь, что̀ и дѣлаютъ $^{1}/_{100}$ тѣхъ людей, которые или не имѣютъ зрѣнія, или умѣютъ прищуривать глаза такъ, чтобы не видать того, чего не хотятъ видѣть. Но и этотъ выходъ не проченъ. Стоитъ показать этимъ людямъ то, что̀ они не хотѣли видѣть, и они волей-неволей бросаютъ вмѣстѣ съ ложью и ту правду, которая была въ ней замѣшана. И что̀ ужасно при этомъ, это то, что ложь, смазанная съ истиной, смазана съ ней часто не врагами истины, а самыми первыми друзьями ея; то, что эта ложь считалась важной и была первымъ орудіемъ распространенія и утвержденія истины, доказывается тѣмъ, что ложь о воскресеніи Христа была, во времена апостоловъ и мучениковъ первыхъ вѣковъ, главнымъ доказательствомъ истинности ученія Христа. Правда, эта же басня о воскресеніи и была главнымъ поводомъ къ невѣрію въ ученіе. Язычники во всѣхъ житіяхъ первыхъ мучениковъ христіанскихъ называютъ ихъ людьми, вѣрующими въ то, что ихъ распятый воскресъ, и совершенно законно смѣются надъ этимъ.

Но христіане не видѣли этого такъ же, какъ не видятъ теперь попы въ Кіевѣ, что ихъ набитыя соломой мощи суть, съ одной стороны, поощреніе вѣры, съ другой — главная преграда для вѣры. Тогда, въ первыя времена христіанства, нельзя отрицать, чтобы басни эти не были нужны; я даже готовъ согласиться, что онѣ содѣйствовали распространенію и утвержденію ученія. Я могу представить себѣ, что, благодаря увѣренности въ чудо, люди понимали важность ученія и обращались къ нему. Чудо было доказательствомъ не истинности, но

важности дѣла. Чудо заставляло обращать вниманіе, чудо было реклама. Все, что̀ случилось, предсказано, голосъ говоритъ съ неба, больные исцѣляются, мертвые воскресаютъ, — какъ же не обратить вниманіе. А обративъ вниманіе, вникнувъ въ ученіе, истина его проникаетъ въ душу; но чудеса только реклама. Такъ была полезна ложь. Но она могла быть полезна только въ первое время, и полезна только потому, что она привлекала къ истинѣ. Если бы не было лжи вовсе, можетъ быть еще скорѣе распространилось бы ученіе. Но нечего судить о томъ, что̀ могло бы быть. Ложь того времени о чудесахъ можно сравнить съ тѣмъ, какъ если бы человѣкъ посѣялъ лѣсъ, и на мѣстѣ посѣва поставилъ бы вывѣски съ увѣреніемъ, что лѣсъ этотъ посѣялъ Богъ, и что тотъ, кто не вѣритъ, что тутъ лѣсъ, тотъ будетъ съѣденъ чудовищами. Люди вѣрили бы этому и не потоптали бы лѣса. Это полезно и нужно могло бы быть въ свое время, когда не было лѣса, но когда лѣсъ выросъ, очевидно, что то, что̀ было полезно, стало не нужно и, какъ неправда, стало вредно. То же и съ вѣрой въ чудеса, связанной съ ученіемъ: вѣра въ нихъ помогала распространенію ученія, они могли быть полезны. Но какъ только ученіе распространилось и утвердилось, вѣра въ чудеса стала не нужна и вредна. Пока вѣрили въ чудеса и ложь, случилось то, что ученіе само такъ утвердилось и распространилось, что его утвержденіе и распространеніе стало самымъ существеннымъ доказательствомъ его истинности. Ученіе прошло вѣка ненарушимо, всѣ согласны въ немъ, и доказательства внѣшнія, чудесныя его истинности составляютъ теперь главный камень преткновенія для воспринятія ученія. Для насъ теперь доказательства истинности и важности ученія Христа только мѣшаютъ видѣть значеніе Христа.

Существованіе его 1800 лѣтъ среди милліардовъ людей достаточно показываетъ намъ его важность. Можетъ быть, нужно было говорить, что лѣсъ посаженъ Богомъ, и чудовище его стережетъ, а Богъ защищаетъ, — можетъ быть, это было нужно, когда лѣса не было, но теперь, когда я живу въ этомъ 1800-лѣтнемъ лѣсу, когда онъ выросъ и во всѣ стороны окружаетъ меня. Доказательствъ того, что онъ есть, мнѣ не нужно; онъ есть. Такъ и оставимъ все то, что̀ когда-то нужно было для произращенія этого лѣса — образованія ученія Христа.

Многое было нужно, но вѣдь дѣло не въ изслѣдованіи того, какъ образовалось ученіе, дѣло въ смыслѣ ученія. Изслѣдовать то, какъ образовалось ученіе, дѣло исторіи; для пониманія же смысла ученія не нужны разсужденія о пріемахъ, которые употреблялись для утвержденія истинности ученія. Двѣ эти части рѣзко отличаются во всѣхъ евангеліяхъ: какъ я говорилъ, все четвероевангеліе подобно чудной картинѣ, которая для какихъ-то временныхъ цѣлей закрашена слоемъ темной краски. Слой этотъ продолжается по обѣ стороны картины: слой по голому — до рожденія Христа — всѣ легенды о Іоаннѣ Крести-

телѣ, о зачатіи, рожденіи; потомъ слой по картинѣ: чудеса, пророчества, предсказанія, и потомъ опять слой по голому — легенды о воскресеніи, дѣяніяхъ апостольскихъ и т. д. Зная толщину слоя, составъ его, надо подковырнуть его тамъ, гдѣ онъ по голому и особенно ясенъ въ легендѣ о воскресеніи, осторожно струпомъ содрать его со всей картины, тогда только мы поймемъ ее во всемъ ея значеніи, и это самое я пытаюсь сдѣлать.

Разсужденіе мое слѣдующее: евангеліе состоитъ изъ двухъ раздѣльныхъ по цѣли частей. Одна — изложеніе ученія Христа, другая — изложеніе доказательствъ важности, божественности этого ученія. Съ этимъ согласны всѣ церкви. Доказательство важности, божественности ученія Христа основано на сознаніи истинности ученія Христа (въ чемъ точно такъ же согласны всѣ церкви) и на внѣшнихъ историческихъ доказательствахъ. Церкви не могутъ не согласиться, что доказательства значительности, важности, божественности ученія, собранныя въ евангеліи въ первое время ученія и могущія, по существу своему, имѣть убѣдительность только для очевидцевъ въ наше время достигаютъ противоположной цѣли — отталкиваютъ отъ вникновенія и вѣры въ ученіе церкви не враговъ Христа, но людей, искренно преданныхъ ученію. Церкви также не могутъ не согласиться, что цѣль этихъ доказательствъ важности есть убѣжденіе въ истинности ученія, и что если бы представилось другое, кромѣ внутренняго, внѣшнее историческое доказательство важности ученія, полное и неопровержимо-ясное, то должно, оставивъ тѣ доказательства, вызывающія недовѣріе и служащія преградой распространенію ученія, держаться одного неопровержимаго и яснаго внѣшняго доказательства важности. Такое доказательство, какого не было въ первыя времена, есть распространеніе самого ученія, проникающаго все людское знаніе, служащаго основой жизни людей и постоянно распространяющагося; такъ что для того, чтобы понять ученіе, не только можно, но должно неизбѣжно отстранить отъ ученія всѣ тѣ доказательства его истинности, которыя замѣняются другими несомнѣнными доказательствами и которыя служатъ главной преградой и ничего не даютъ для постиженія ученія. Если бы доказательства эти были даже не вредны, они уже, очевидно, совсѣмъ не нужны, такъ какъ имѣютъ другую цѣль и ничего не могутъ прибавить къ ученію.

Ссылки на стихи Сунодальнаго Евангелія.

1. Мр. I, 1.
2. Ін., XX, 31.
3. Ін. I, 1.
4. „ „ 2.
5. „ „ 3.
6. „ „ 4.
7. „ „ 5.
8. „ „ 9.
9. „ „ 10.
10. „ „ 11.
11. „ „ 12.
12. „ „ 13.
13. „ „ 14.
14. „ „ 15.
15. „ „ 16.
16. „ „ 17.
17. „ „ 18.
18. Мѳ. I, 18.
19. „ „ 19.
20. Лк. II, 40.
21. „ „ 41, 42.
22. „ „ 43. 44.
23. „ „ 45.
24. „ „ 46.
25. „ „ 47.
26. „ „ 48.
27. „ „ 49.
28. „ „ 50.
29. „ „ 51.
30. „ „ 52.
31. Лк. III, 23.
32. Мѳ. III, 1.
33. Мр. I, 4.
34. Мѳ. III, 4.
35. Мр. I, 4.
36. Лк. III, 4.
37. „ „ 5.
38. „ „ 6.
39. „ „ 10.
40. „ „ 11.
41. „ „ 12.
42. „ „ 13.
43. „ „ 14.
44. Мѳ. III, 5.
45. „ „ 6.
46. „ „ 7.
47. „ „ 8.
48. „ „ 10.
49. Мѳ. III, 11.
50. „ „ 12.
51. „ „ 13.
52. Мѳ. IV, 1.
53. „ „ 2.
54. „ „ 3.
55. Лк. IV, 3; Мѳ. IV, 3.
56. Лк. IV, 4; Мѳ. IV, 4.
57. Лк. IV, 9.
58. „ „ 10, 11.
59. Мѳ. IV, 7, 8.
60. Лк. IV, 5.
61. „ „ 6, 9.
62. „ „ 7.
63. „ „ 8; Мѳ. IV, 10.
64. Лк. IV, 13.
65. Ін. I, 36.
66. „ „ 37.
67. „ „ 38.
68. „ „ 39.
69. „ „ 40.
70. „ „ 41.
71. „ „ 42.
72. „ „ 43.
73. „ „ 44.
74. „ „ 45.
75. „ „ 46.
76. „ „ 47, 49.
77. „ „ 51.
78. Лк. IV, 16.
79. „ „ 17.
80. „ „ 18, 19.
81. „ „ 20.
82. „ „ 21.
83. Мѳ. XII, 1; Мр. II, 23; Лк. VI, 1.
84. Мѳ. XII, 2.
85. „ „ 7.
86. „ „ 8.
87. Лк. XIII, 10.
88. „ „ 11.
89. „ „ 12.
90. „ „ 14.
91. Лк. XIV, 3.
92. „ „ 6.
93. Лк. XIV, 5; Мѳ. XII, 11.
94. Мѳ. XII, 12.
95. Мѳ. IX, 9.
96. „ „ 10.
97. „ „ 11.
98. „ „ 12.
99. „ „ 13.
100. Мѳ. XV, 1; Мр. VII, 1.
101. Мѳ. XV, 2.
102. Мр. VII, 3.
103. „ „ 4.
104. „ „ 5.
105. Мѳ. XV, 3.
106. Мр. VII, 10.
107. „ „ 11.
108. „ „ 12.
109. „ „ 13.
110. Мѳ. XV, 7.
111. „ „ 8.
112. „ „ 9.
113. Мр. VII, 8.
114. „ „ 14.
115. „ „ 15.
116. Лк. XI, 41.
117. Мр. VII, 16.
118. „ „ 17.
119. „ „ 18.
120. „ „ 19.
121. „ „ 20.
122. „ „ 21.
123. „ „ 23.
124. Ін. II, 13.
125. „ „ 14.
126. „ „ 15.
127. „ „ 16.
128. „ „ 17.
129. „ „ 18.
130. „ „ 19.
131. „ „ 20.
132. Мѳ. XII, 6.
133. „ „ 7.
134. Ін. II, 23.
135. „ „ 24.
136. „ „ 25.
137. Ін. IV, 4.
138. „ „ 5.

Iн. IV, 6.
„ „ 8.
„ „ 7.
„ „ 9.
„ „ 10.
„ „ 13.
„ „ 14.
„ „ 19.
Iн. IV, 20.
„ „ 21.
„ „ 23.
„ „ 24.
„ „ 25.
„ „ 26.
Iн. III, 22.
„ „ 23.
„ „ 24.
„ „ 25.
„ „ 26.
„ „ 27.
„ „ 31.
„ „ 32 — 34.
„ „ 35.
„ „ 36.
Лк. XI, 37.
„ „ 38.
„ „ 39, 41.
Лк. VII, 37.
„ „ 38.
„ „ 39.
„ „ 40.
„ „ 41.
„ „ 42.
„ „ 43.
„ „ 44.
„ „ 45.
„ „ 46.
„ „ 47.
„ „ 48.
Лк. XVIII, 10.
„ „ 11.
„ „ 12.
„ „ 13.
„ „ 14.
Лк. V, 33.
„ „ 34.
„ „ 35.
„ „ 36.

187. Лк. V, 37.
188. „ „ 38.
189. Мѳ. XI, 2, 3.
190. „ „ 4.
191. „ „ 5.
192. „ „ 6.
193. „ „ 7.
194. „ „ 16.
195. Мѳ. XI, 18.
196. „ „ 19.
197. „ „ 16, 17.
198. „ „ 19.
199. „ „ 8.
200. „ „ 9.
201. „ „ 11.
202. Лк. XVI, 16.
203. Лк. XVII, 20.
204. „ „ 23.
205. „ „ 24.
206. „ „ 21.
207. Iн. III, 1, 2.
208. „ „ 3.
209. „ „ 4.
210. „ „ 5.
211. „ „ 6.
212. „ „ 8.
213. „ „ 7.
214. „ „ 9.
215. „ „ 10.
216. „ „ 11.
217. „ „ 12.
218. „ „ 13.
219. „ „ 15.
220. „ „ 16.
221. „ „ 17.
222. „ „ 18.
223. „ „ 19.
224. „ „ 20.
225. „ „ 21.
226. Мѳ. XIII, 3.
227. „ „ 4.
228. „ „ 5.
229. „ „ 7.
230. „ „ 8.
231. Мр. IV, 26.
232. „ „ 27.
233. „ „ 28.
234. „ „ 29.

235. Мѳ. XIII, 33.
236. „ „ 24.
237. „ „ 25.
238. „ „ 27.
239. „ „ 29.
240. „ „ 30.
241. „ „ 47.
242. „ „ 48.
243. „ „ 10.
244. „ „ 11.
245. „ „ 15.
246. „ „ 18.
247. „ „ 19.
248. „ „ 20.
249. „ „ 21.
250. „ „ 22.
251. „ „ 23.
252. „ „ 12.
253. Лк. VIII, 18.
254. Мѳ. XIII, 31.
255. Мѳ. IX, 35.
256. „ „ 36.
257. Мѳ. V, 1.
258. „ „ 2.
259. Лк. VI, 20, 21.
260. „ „ 22.
261. „ „ 23.
262. „ „ 24.
263. „ „ 25.
264. „ „ 20.
265. Мѳ. V, 13.
266. „ „ 14.
267. „ „ 15.
268. „ „ 16.
269. „ „ 17.
270. „ „ 18.
271. „ „ 19.
272. „ „ 20.
273. „ „ 21.
274. „ „ 22.
275. „ „ 23.
276. „ „ 24.
277. Мѳ. XIX, 7.
278. „ „ 9.
279. Мѳ. V, 33.
280. „ „ 34.
281. „ „ 37.
282. „ „ 38.

283. Мѳ. V, 39.
284. „ „ 40.
285. „ „ 41.
286. Лк. VI, 30.
287. „ „ 37.
288. Мѳ. VII, 1.
289. „ „ 3.
290. Лк. VI, 39.
291. Лк. VI, 40.
292. Мѳ. VII, 6; Мѳ. V, [39.
293. Мѳ. V, 43.
294. „ „ 44.
295. „ „ 46.
296. Мѳ. VII, 12.
297. Мѳ. VI, 1.
298. „ „ 2.
299. „ „ 3.
300. „ „ 4.
301. „ „ 5.
302. „ „ 6.
303. „ „ 7.
304. „ „ 8.
305. „ „ 9 — 12.
306. Мр. XI, 25.
307. „ „ 26.
308. Мѳ. VI, 16.
309. „ „ 17, 18.
310. „ „ 19.
311. „ „ 20.
312. „ „ 21.
313. „ „ 22.
314. „ „ 23.
315. „ „ 24.
316. „ „ 25.
317. „ „ 26.
318. „ „ 27.
319. „ „ 28.
320. „ „ 29.
321. „ „ 30.
322. „ „ 31.
323. „ „ 32.
324. „ „ 33.
325. „ „ 34.
326. Лк. XI, 9.
327. Мѳ. VII, 9, 10.
328. „ „ 11.
329. „ „ 13.
330. „ „ 14.
331. Лк. XII, 32.
332. Мѳ. VII, 15.
333. „ „ 16.
334. „ „ 17.
335. Лк. VI, 45.
336. Мѳ. VII, 21.
337. „ „ 22.
338. „ „ 23.
339. Мѳ. VII, 24.
340. „ „ 25.
341. „ „ 26.
342. „ „ 27.
343. Лк. IV, 32.
344. Мѳ. IV, 14.
345. „ „ 16.
346. Мѳ. XII, 19.
347. „ „ 20.
348. „ „ 21.
349. Мѳ. XI, 25.
350. „ „ 28.
351. „ „ 29.
352. „ „ 30.
353. Iн. IV, 31.
354. „ „ 32.
355. „ „ 33.
356. „ „ 34.
357. „ „ 35, 36.
358. „ „ 37.
359. „ „ 38.
360. Iн. V, 1.
361. „ „ 2.
362. „ „ 4.
363. „ „ 2.
364. „ „ 3.
365. „ „ 5.
366. „ „ 6.
367. „ „ 7.
368. „ „ 8.
369. „ „ 9.
370. „ „ 10.
371. „ „ 11.
372. „ „ 15.
373, „ „ 16.
374. „ „ 17.
375. „ „ 19.
376. „ „ 20.
377. „ „ 21.
378. „ „ 22.
379. Iн. V, 23.
380. „ „ 24.
381. „ „ 25.
382. „ „ 26.
383. „ „ 27.
384. „ „ 28.
385. „ „ 29.
386. „ „ 30.
387. „ „ 31.
388. „ „ 36.
389. „ „ 37.
390. „ „ 38.
391. „ „ 39.
392. „ „ 40.
393. „ „ 43.
394. „ „ 44.
395. Лк. XIX, 11, 12.
396. „ „ 13.
397. „ „ 14.
398. „ „ 15.
399. „ „ 16.
400. „ „ 17.
401. „ „ 18.
402. „ „ 19.
403. „ „ 20.
404. „ „ 21.
405. „ „ 22.
406. Мѳ. XXV, 26, 27; Лк. XIX, 23.
407. Лк. XIX, 24; Мѳ. XXV, 28.
408. Лк. XIX, 25.
409. „ „ 26.
410. Мѳ. XXV, 30.
411. Iн. VI, 1.
412. „ „ 2.
413. „ „ 3.
414. „ „ 5.
415. „ „ 7.
416. Мѳ. XIV, 17; Iн. VI, 9.
417. Iн. VI, 10.
418. „ „ 11.
419. „ „ 26.
420. „ „ 27.
421. „ „ 28.
422. „ „ 29.
423. „ „ 30.

Ін. VI, 31.
„ „ 32.
„ „ 33.
„ „ 35.
„ „ 36.
„ „ 37.
„ „ 38.
„ „ 39.
„ „ 40.
„ „ 41.
„ „ 42.
„ „ 43.
„ „ 44.
„ „ 45.
„ „ 46.
„ „ 47.
„ „ 48.
„ „ 49.
„ „ 50.
„ „ 51.
„ „ 52.
„ „ 53.
„ „ 54.
„ „ 55.
„ „ 56.
„ „ 57.
„ „ 60.
„ „ 61.
„ „ 63.
Лк. X, 1.
„ „ 2.
„ „ 3.
Мѳ. X, 16.
Лк. X, 4.
Мр. VI, 10.
„ „ 11.
Мѳ. X, 22.
„ „ 23.
„ „ 19.
„ „ 23.
„ „ 26.
„ „ 27.
„ „ 28.
„ „ 29.
„ „ 30.
„ „ 31.
„ „ 34.
Лк. XII, 49.

472. Лк. XII, 51.
473. „ „ 52.
474. „ „ 53.
475. Лк. XIV, 26.
476. Мѳ. XII, 15.
477. „ „ 24.
478. „ „ 26.
479. „ „ 27.
480. „ „ 28.
481. „ „ 29.
482. „ „ 31.
483. „ „ 32.
484. „ „ 30.
485. „ „ 33.
486. Лк. VIII, 19;
Мѳ. XII, 46.
487. Лк. VIII, 20.
488. „ „ 21.
489. Лк. XI, 27.
490. „ „ 28.
491. Лк. IX, 57.
492. „ „ 58.
493. Мр. IV, 35.
494. „ „ 37.
495. „ „ 38.
496. „ „ 40.
497. Лк. IX, 59.
498. „ „ 60.
499. „ „ 61.
500. „ „ 62.
501. Лк. X, 38.
502. „ „ 39.
503. „ „ 40.
504. „ „ 41.
505. „ „ 42.
506. Лк. IX, 23.
507. „ „ 24.
508. „ „ 25.
509. Лк. XII, 15.
510. „ „ 16.
511. „ „ 17, 18.
512. „ „ 19.
513. „ „ 20.
514. „ „ 21.
515. Лк. XIII, 2.
516. „ „ 3.
517. „ „ 4.
518. „ „ 5.

519. Лк. XIII, 6.
520. „ „ 7.
521. „ „ 8.
522. Лк. XII, 54.
523. „ „ 55.
524. „ „ 56.
525. Лк. XIV, 25.
526. „ „ 26.
527. „ „ 27.
528. „ „ 28.
529. „ „ 29.
530. „ „ 30.
531. „ „ 31.
532. „ „ 32.
533. „ „ 33.
534. „ „ 15.
535. „ „ 16.
536. „ „ 18.
537. „ „ 19.
538. „ „ 20.
539. „ „ 21.
540. „ „ 22.
541. „ „ 23.
542. Лк. XVI, 1, 2.
543. „ „ 3, 4.
544. „ „ 5.
545. „ „ 6.
546. „ „ 8.
547. „ „ 9.
548. „ „ 10.
549. „ „ 11.
550. „ „ 13.
551. „ „ 14.
552. „ „ 15.
553. „ „ 16.
554. „ „ 17.
555. „ „ 19.
556. „ „ 20.
557. „ „ 21.
558. „ „ 22.
559. „ „ 23.
560. „ „ 24.
561. „ „ 25.
562. „ „ 26.
563. „ „ 27.
564. „ „ 28.
565. „ „ 29.
566. „ „ 30.

567. Лк. XVI, 31.
568. Мр. X, 17.
569. „ „ 18.
570. „ „ 19.
571. „ „ 20.
572. „ „ 21.
573. „ „ 22.
574. „ „ 23.
575. „ „ 24.
576. „ „ 25.
577. „ „ 26.
578. „ „ 27.
579. Лк. XIX, 1.
580. „ „ 2,
581. „ „ 3.
582. „ „ 4.
583. „ „ 5.
584. „ „ 6.
585. „ „ 7.
586. „ „ 8.
587. „ „ 9.
588. „ „ 10.
589. Мр. XII, 41.
590. „ „ 42.
591. „ „ 43.
592. „ „ 44.
593. Мѳ. XXVI, 6.
594. „ „ 7.
595. „ „ 8.
596. „ „ 9.
597. „ „ 10.
598. „ „ 11.
599. „ „ 13.
600. Мѳ. XXI, 28.
601. „ „ 29.
602. Ін. VII, 1.
603. „ „ 2.
604. „ „ 3.
605. „ „ 5.
606. „ „ 3.
607. „ „ 4.
608. „ „ 6.
609. „ „ 7.
610. „ „ 8.
611. „ „ 9.
612. „ „ 11.
613. „ „ 12.
614. „ „ 14.
615. Ін. VII, 15.
616. „ „ 16.
617. „ „ 17.
618. „ „ 18.
619. „ „ 19.
620. „ „ 21.
621. „ „ 22, 23.
622. „ „ 24.
623. „ „ 25.
624. „ „ 26.
625. „ „ 27.
626. „ „ 28.
627. „ „ 29.
628. „ „ 33.
629. „ „ 34.
630. „ „ 38.
631. „ „ 39.
632. „ „ 40.
633. „ „ 42.
634. „ „ 43.
635. „ „ 44.
636. „ „ 45.
637. „ „ 46.
638. „ „ 47.
639. „ „ 48.
640. „ „ 49.
641. „ „ 50.
642. „ „ 51.
643. „ „ 52.
644. Ін. VIII, 12.
645. „ „ 13.
646. „ „ 14.
647. „ „ 18.
648. „ „ 19.
649. „ „ 21.
650. „ „ 24.
651. „ „ 25.
652. „ „ 26.
653. „ „ 28.
654. „ „ 29.
655. „ „ 31.
656. „ „ 32.
657. „ „ 34.
658. „ „ 35.
659. „ „ 36.
660. „ „ 37.
661. „ „ 38.
662. „ „ 39.
663. Ін. VIII, 40.
664. „ „ 41.
665. „ „ 42.
666. „ „ 43.
667. „ „ 44.
668. „ „ 46.
669. „ „ 48.
670. „ „ 49.
671. „ „ 50.
672. „ „ 51.
673. „ „ 52.
674. „ „ 53.
675. „ „ 54.
676. „ „ 55.
677. „ „ 56.
678. „ „ 57.
679. „ „ 58.
680. „ „ 59.
681. Ін. IX, 1.
682. „ „ 2.
683. „ „ 3.
684. „ „ 5.
685. „ „ 6, 7.
686. „ „ 8, 9.
687. „ „ 11.
688. „ „ 13.
689. „ „ 14.
690. „ „ 15.
691. „ „ 16.
692. „ „ 17.
693. „ „ 18.
694. „ „ 19.
695. „ „ 20.
696. „ „ 21.
697. „ „ 24.
698. „ „ 25.
699. „ „ 26.
700. „ „ 27.
701. „ „ 28.
702. „ „ 29.
703. „ „ 30.
704. „ „ 31.
705. „ „ 33.
706. „ „ 34.
707. Ін. XI, 25.
708. Ін. X, 1.
709. „ „ 2, 3.
710. „ „ 1, 5.

Ін. X, 7.
" " 8.
" " 9.
" " 10.
" " 11.
" " 12.
" " 13.
" " 14.
" " 17.
" " 18.
" " 15.
" " 17.
" " 16.
" " 24.
" " 25.
" " 26.
" " 27.
" " 28.
" " 29.
" " 30.
" " 31.
" " 32.
" " 33.
" " 34.
" " 35, 36.
" " 37.
" " 38.
" " 20.
" " 21.
" " 39.
" " 40.
" " 41.
" " 42.
Іѳ. XVI, 13.
" " 14.
" " 15.
" " 16.
" " 17.
" " 18.
Іѳ. X, 38.
" " 39.
Іѳ. XIX, 27.
Ір. X, 29, 30.
" " 31.
Іѳ. XX, 1.
" " 2.
" " 3.
" " 8.

759. Мѳ. XX, 9.
760. " " 10.
761. " " 11.
762. " " 12.
763. " " 13.
764. " " 14.
765. " " 15.
766. " " 16.
767. Мр. X, 35.
768. " " 37.
769. " " 38 — 40.
770. Мѳ. XX, 23.
771. Мр. X, 41.
772. " " 42;
Мѳ. XX, 25.
773. Мѳ. XX, 26.
774. " " 27.
775. Мр. X, 45.
776. Мѳ. XVIII, 11, 12.
777. Лк. XV, 8.
778. " " 10.
779. Лк. XIV, 8.
780. " " 9.
781. " " 10.
782. " " 11.
783. Лк. XV, 11.
784. " " 12.
785. " " 13.
786. " " 15.
787. " " 16.
788. " " 17.
789. " " 18.
790. " " 20.
791. " " 21.
792. " " 22.
793. " " 23.
794. " " 24.
795. " " 25.
796. " " 26.
797. " " 27.
798. " " 28.
799. " " 29.
800. " " 30.
801. " " 31.
802. " " 32.
803. Мр. XII, 1.
804. " " 2.
805. " " 3.

806. Мр. XII, 4 — 6.
807. " " 7.
808. " " 8.
809. Мѳ. XXI, 40.
810. " " 41.
811. " " 42.
812. " " 43.
813. Лк. XVII, 5.
814. " " 6.
815. Лк. XVII, 7.
816. " " 8.
817. " " 9.
818. " " 10.
819. Лк. XII, 35, 36.
820. " " 37, 38.
821. " " 39.
822. Мѳ. XXIV, 45, 46.
823. Мѳ. XXIV, 48.
824. " " 50.
825. " " 51.
826. Мр. XIII, 33.
827. Лк. XXI, 34.
828. Мѳ. XXV, 1.
829. " " 2.
830. " " 3.
831. " " 4.
832. " " 5.
833. " " 6.
834. " " 7.
835. " " 10.
836. Лк. XIII, 24.
837. " " 25.
838. Мѳ. XVI, 27.
839. Мѳ. XXV, 32.
840. " " 34.
841 Мѳ. XIX, 13.
842. " " 14.
843. Лк. XVIII, 17.
844. Мѳ. XVIII, 3.
845. " " 5.
846. Лк. IX, 48.
847. Мѳ. XVIII, 10.
848. " " 14.
849. " " 6.
850. " " 7.
851. " " 8.
852. Лк. XVII, 3.
853. Мѳ. XVIII, 15.

854. Mѳ. XVIII, 16.
855. Лк. XVII, 4.
856. Mѳ. XVIII, 17.
857. „ „ 23.
858. „ „ 24.
859. „ „ 25.
860. „ „ 26.
861. „ „ 27.
862. „ „ 28.
863. „ „ 29.
864. „ „ 30.
865. „ „ 31.
866. „ „ 32.
867. „ „ 33.
868. „ „ 34.
869. „ „ 35.
870. Mѳ. V, 25.
871. Mѳ. XVIII, 18.
872. „ „ 19.
873. „ „ 20.
874. Mp. X, 2;
Mѳ. XIX, 3.
875. Mѳ. XIX, 4.
876. „ „ 5.
877. „ „ 6.
878. „ „ 8.
879. „ „ 9.
880. „ „ 10.
881. „ „ 11.
882. „ „ 12.
883. Mѳ. XVII, 24.
884. „ „ 25.
885. „ „ 27.
886. Mѳ. XXII, 16.
887. „ „ 17.
888. „ „ 18.
889. „ „ 19.
890. „ „ 20.
891. „ „ 21.
892. Mѳ. XXIII, 15.
893. Mѳ.XXIII,16-22.
894. Лк. IX, 52.
895. „ „ 53.
896. „ „ 54.
897. „ „ 55.
898. „ „ 56.
899. Лк. XII, 13.
900. „ „ 14.
901. Iн. VIII, 3.
902. „ „ 4.
903. „ „ 5.
904. „ „ 6.
905. „ „ 7.
906. „ „ 8.
907. „ „ 9.
908. „ „ 10.
909. „ „ 11.
910. Лк. X, 25.
911. „ „ 27.
912. „ „ 29.
913. „ „ 30.
914. „ „ 31.
915. „ „ 32.
916. „ „ 33.
917. „ „ 34.
918. „ „ 35.
919. Mѳ. XVI, 21.
920. Mp. VIII, 32.
921. „ „ 33.
922. „ „ 34.
923. Mѳ. XXII, 23.
924. „ „ 24.
925. „ „ 25.
926. „ „ 28.
927. Лк. XX, 34.
928. „ „ 35.
929. „ „ 36.
930. Mѳ. XXII. 31,32.
931. „ „ 34.
932. „ „ 35.
933. „ „ 36.
934. „ „ 37.
935. „ „ 39.
936. „ „ 40.
937. „ „ 42.
938. „ „ 43.
939. Лк. XII, 1;
Mp. VIII, 15.
940. Mѳ. XVI, 11.
941. „ „ 12.
942. Лк. XX, 46.
943. Mѳ. XXIII, 2.
944. „ „ 3.
945. „ „ 4.
946. „ „ 5, 6.
947. „ „ 7, 8.
948. Mѳ. XXIII, 13.
949. „ „ 15.
950. „ „ 16.
951. „ „ 23.
952. „ „ 28.
953. „ „ 27.
954. „ „ 30.
955. „ „ 31.
956. Mp. III, 28.
957. „ „ 29.
958. Mѳ. XXIII, 37.
959. „ „ 38.
960. Mѳ. XXIV, 1.
961. „ „ 2.
962. „ „ 3.
963. „ „ 4.
964. „ „ 12.
965. „ „ 14.
966. Лк. XI, 53, 54.
967. Iн. XI, 47.
968. „ „ 48.
969. Лк. XIX, 47.
970. „ „ 48.
971. Iн. XI, 49.
972. „ „ 50.
973. „ „ 52.
974. „ „ 53.
975. „ „ 54.
976. „ „ 55.
977. „ „ 56,
978. „ „ 57.
979. „ „ 7.
980. „ „ 8.
981. „ „ 9.
982. „ „ 10.
983. Iн. XII, 2.
984. „ „ 3.
985. „ „ 4.
986. „ „ 5.
987. „ „ 8.
988. „ „ 7.
989. „ „ 12.
990. „ „ 13.
991. „ „ 14.
992. Mѳ. XXI, 1
993. „ „ 1
994. Mp. XI, 15
995. Iн. XII, 19

996. Мр. XI, 18.
997. Ін. XII. 20.
998. „ „ 21.
999. „ „ 22.
1000. „ „ 23.
1001. „ „ 24.
1002. „ „ 25.
1003. „ „ 26.
1004. „ „ 27.
1005. „ „ 28.
1006. „ „ 31.
1007. „ „ 32.
1008. „ „ 34.
1009. „ „ 35.
1010. „ „ 36.
1011. „ „ 44.
1012. „ „ 45.
1013. „ „ 47.
1014. „ „ 48.
1015. „ „ 49.
1016. „ „ 50.
1017. „ „ 36.
1018. „ „ 42.
1019. „ „ 43.
1020. Мө. XXVI, 3.
1021. „ „ 4.
1022. „ „ 5.
1023. „ „ 14.
1024. „ „ 15.
1025. „ „ 16.
1026. „ „ 17.
1027. „ „ 18.
1028. „ „ 19.
1029. „ „ 20.
1030. Ін. XIII, 11.
1031. Мө. XXVI, 21; Мр. XIV, 18.
1032. Мө. XXVI, 23.
1033. „ „ 26.
1034. „ „ 27.
1035. „ „ 28.
1036. Лк. XXII, 18.
1037. Ін. XIII, 4.
1038. „ „ 5.
1039. „ „ 6.
1040. „ „ 7.
1041. „ „ 10.
1042. „ „ 12.
1043. Ін. XIII, 14.
1044. „ „ 17.
1045. „ „ 18.
1046. „ „ 21.
1047. „ „ 22.
1048. „ „ 23.
1049. „ „ 24.
1050, „ „ 25.
1051. „ „ 26.
1052. „ „ 27.
1053. „ „ 30.
1054. „ „ 31.
1055. „ „ 33.
1056. „ „ 34.
1057. „ „ 35.
1058. Мө. XXVI, 30.
1059. „ „ 31.
1060. „ „ 33.
1061. „ „ 34.
1062. „ „ 35.
1063. Лк. XXII, 35.
1064. „ „ 36.
1065. „ „ 38.
1066. Мө. XXVI, 36; Ін. XVIII, 1.
1067. Мө. XXVI, 37.
1068. „ „ 38.
1069. „ „ 39.
1070. „ „ 40.
1071. „ „ 41.
1072. „ „ 42.
1073. „ „ 43.
1074. „ „ 44.
1075. „ „ 45.
1076. Ін. XIII, 36.
1077. „ „ 37.
1078. „ „ 38.
1079. Ін. XIV, 1.
1080. „ „ 2.
1081. „ „ 3.
1082. „ „ 4.
1083. „ „ 5.
1084. „ „ 6.
1085. „ „ 7.
1086. „ „ 8.
1087. „ „ 9.
1088. „ „ 10.
1089. „ „ 11.
1090. Ін. XIV, 12.
1091. „ „ 13.
1092. „ „ 14.
1093. „ „ 15.
1094. „ „ 16.
1095. „ „ 17.
1096. „ „ 18.
1097. „ „ 19.
1098. „ „ 20.
1099. „ „ 21.
1100. „ „ 22.
1101. „ „ 23.
1102. „ „ 24.
1103. „ „ 25.
1104. „ „ 26.
1105. „ „ 27.
1106. „ „ 28.
1107. Ін. XV, 1.
1108. „ „ 2.
1109. „ „ 4.
1110. „ „ 5.
1111. „ „ 6.
1112. „ „ 7.
1113. „ „ 8.
1114. „ „ 9.
1115. „ „ 10.
1116. „ „ 11.
1117. „ „ 12.
1118. „ „ 13.
1119. „ „ 14.
1120. „ „ 15.
1121. „ „ 16.
1122. „ „ 17.
1123. „ „ 18.
1124. „ „ 19.
1125. „ „ 20.
1126. „ „ 21.
1127. „ „ 22.
1128. „ „ 23.
1129. „ „ 24.
1130. „ „ 25.
1131. „ „ 26.
1132. „ „ 27.
1133. Ін. XVI, 1.
1134. „ „ 2.
1135. „ „ 3.
1136. „ „ 4.
1137. „ „ 5.

1138.	Ін.	XVI.	6.
1139.	„	„	7.
1140.	„	„	8.
1141.	„	„	9.
1142.	„	„	10.
1143.	„	„	11.
1144.	„	„	12.
1145.	„	„	13.
1146.	„	„	15.
1147.	„	„	16.
1148.	„	„	17.
1149.	„	„	18.
1150.	„	„	19.
1151.	„	„	20.
1152.	„	„	21.
1153.	„	„	22.
1154.	„	„	23.
1155.	„	„	24.
1156.	„	„	25.
1157.	„	„	26.
1158.	„	„	27.
1159.	„	„	28.
1160.	„	„	29.
1161.	„	„	30.
1162.	„	„	31, 33.
1163.	Ін.	XVII,	1.
1164.	„	„	3.
1165.	„	„	6.
1166.	„	„	4.
1167.	„	„	7.
1168.	„	„	8.
1169.	„	„	9.
1170.	„	„	10.
1171.	„	„	11.
1172.	„	„	15.
1173.	„	„	17.
1174.	„	„	18.
1175.	„	„	21.
1176.	„	„	23.
1177.	„	„	25.
1178.	„	„	26.
1179.	Мѳ.	XXVI,	46.
1180.	„	„	47.
1181.	„	„	48.
1182.	„	„	49.
1183.	„	„	50.
1184.	„	„	51.
1185.	„	„	52.
1186.	„	„	55.

1187.	Лк.	XXII,	53.
1188.	Мѳ.	XXVI,	56.
1189.	Ін.	XVIII,	12.
1190.	„	„	13.
1191.	„	„	14.
1192.	Мр.	XIV,	53.
1193.	Мѳ.	XXVI,	58.
1194.	„	„	69.
1195.	„	„	70.
1196.	„	„	71.
1197.	„	„	72.
1198.	„	„	73.
1199.	„	„	74.
1200.	„	„	75.
1201.	Мр.	XIV,	53.
1202.	Ін.	XVIII,	19.
1203.	„	„	20.
1204.	„	„	21.
1205.	„	„	22.
1206.	„	„	23.
1207.	Мѳ.	XXVI,	59.
1208.	„	„	60.
1209.	„	„	61.
1210.	Мр.	XIV,	59.
1211.	Мѳ.	XXVI,	62.
1212.	„	„	63.
1213.	„	„	64.
1214.	„	„	65.
1215.	„	„	66.
1216.	Мѳ.XXVI,67,68.		
1217.	Мѳ.	XXVII,	2.
1218.	Ін.	XVIII,	28.
1219.	„	„	29.
1220.	„	„	30.
1221.	„	„	31.
1222.	„	„	32.
1223.	Лк.	XXIII,	2.
1224.	Ін.	XVIII,	33.
1225.	„	„	34.
1226.	„	„	35.
1227.	„	„	36.
1228.	„	„	37.
1229.	„	„	38.
1230.	Лк.	XXIII,	5;
	Мр.	XV,	3.
1231.	„	„	4.
1232.	„	„	5.
1233.	Лк.	XXIII,	6.
1234.	„	„	7.

1235.	Лк.	XXIII,	8.
1236.	„	„	9.
1237.	„	„	10.
1238.	„	„	11.
1239.	„	„	12.
1240.	„	„	13.
1241.	„	„	14.
1242.	„	„	15.
1243.	Мѳ.	XXVII,	23.
1244.	„	„	21.
1245.	„	„	22.
1246.	„	„	23.
1247.	Ін.	XIX,	4.
1248.	„	„	6.
1249.	„	„	7.
1250.	„	„	8.
1251.	„	„	9.
1252.	„	„	10.
1253.	„	„	11.
1254.	„	„	12.
1255.	„	„	15.
1256.	„	„	12.
1257.	„	„	15.
1258.	„	„	13.
1259.	Мѳ.	XXVII,	24.
1260.	„	„	25.
1261.	Лк.	XXIII,	23.
1262.	Ін.	XIX,	13.
1263.	Мѳ.	XXVII,	26.
1264.	„	„	28;
1265.	Ін. XIX, 16.		[29.
1266.	Мѳ.	XXVII,	31.
1267.	Ін.	XIX,	18.
1268.	Лк.	XXIII,	34.
1269.	„	„	35.
1270.	Мр.	XV,	29.
1271.	„	„	30.
1272.	„	„	31.
1273.	„	„	32.
1274.	Лк.	XXIII,	39.
1275.	„	„	40.
1276.	„	„	41.
1277.	„	„	42.
1278.	„	„	43.
1279.	Мѳ.	XXVII,	46.
1280.	„	„	47.
1281.	„	„	48,
	50; Ін. XIX, 28-30;		
	Лк. XXIII, 46.		

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

№№	Названіе	Р.	К.
№№	1 и 2 распроданы.		
3.	**Помогите!** Обращеніе къ обществу. *П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.*	—	12
4.	**Положеніе духоборовъ на Кавказѣ** въ 1896 г. *П. Бирюкова и В. Черткова.*	—	20
5.	**Письма Петра Васильевича Ольховика.**	—	30
6.	**Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность?** *Л. Н. Толстого.* (2-ое изданіе.)	—	12
7.	**Приближеніе Конца.** *Л. Н. Толстого.* (Распродано)	—	12
8.	**Объ отношеніи къ государству.** (2-ое изданіе.) *Л. Толстого.*	—	20
9.	**Царство Божіе внутри васъ.** *Его же.*	1	—
10.	**Христіанское ученіе.** (2-ое изданіе.) *Его же.*	—	50
11.	**Гдѣ братъ твой?** *В. Черткова.*	—	20
12.	**Голодъ или не голодъ?** *Л. Н. Толстого.*	—	10
13.	**Мой отказъ отъ военной службы.** *А. Шкарвана.*	—	60
14.	**Свободное Слово, № 1.**	1	—
15.	**Листки Свободнаго Слова, № 1.** Повременное изданіе подъ редакціей *В. Черткова.*	—	20
16.	**Листки Свободнаго Слова, № 2.**	—	20
17.	**Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина.** Составилъ *Е. Поповъ,* съ послѣсловіемъ *Л. Н. Толстого.*	—	60
18.	**Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ.** *Л. Н. Толстого.*	—	20
19.	**Свободное Слово, № 2.**	1	—
20.	**Листки Свободнаго Слова, № 3.**	—	30
21.	**Воскресеніе.** Романъ *Л. Н. Толстого.*		
	Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями. Въ переплетѣ.	5	—
	Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	1	50
22.	**Листки Свободнаго Слова, № 4.** „Стыдно“. *Л. Н. Толстого.*	—	5
23.	**Листки Свободнаго Слова, № 5.** Письмо къ фельдфебелю. *Л. Н. Толстого.*	—	5
24.	**Листки Свободнаго Слова, № 6.** О манифестаціяхъ въ пользу мира.	—	15
25.	**Листки Свободнаго Слова, № 7.** Мысли Герцена.	—	5
26.	**Листки Свободнаго Слова, № 8.** Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
27.	**Листки Свободнаго Слова № 9.** Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
28.	**О сожженіи оружія.** Разсказъ *Н. Зибарова.*	—	20
29.	**Студенческое движеніе 1899 г.** Сборникъ подъ редакціей *А.* и *В. Чертковыхъ.* (2-ое изданіе.)	—	30
30.	**Листки Свободнаго Слова, № 10.** По поводу студенческаго движенія. *В. Черткова.*	—	10
31.	**Листки Свободнаго Слова, № 11.** Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній.	—	10

32. **Листки Свободнаго Слова, № 12.** **Два письма** Л. Н. Толстого. — 10
33. **Листки Свободнаго Слова, № 13.** Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 года. — 20
34. **Жизнь и ученіе Іисуса.** *Л. Н. Толстого.* — 25
35. **Финляндскій разгромъ.** Сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.* — 60
36. **Листки Свободнаго Слова, № 14.** Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
37. **Листки Свободнаго Слова, № 15.** Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
38. **Листки Свободнаго Слова, № 16.** Патріотизмъ и правительство. *Л. Н. Толстого.* — 20
39. **13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости.** Записки *Л. А. Волкенштейнъ.* — 40
40. **Мысли о Богѣ.** *Л. Н. Толстого.* — 30
41. **Практическій учебникъ англійскаго языка,** примѣненный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ. — 60
42. **Листки Свободнаго Слова, № 17.** „Не убій". *Л.Н.Толстого.* По поводу убійства короля Гумберта. — 10
43. **Рабство нашего времени.** *Л. Н. Толстого.* — 50
44. **Листки Свободнаго Слова, № 18.** Гдѣ выходъ?. *Л. Н. Толстого* и выдержки изъ его писемъ за 1900 г. — 15
45. **Неужели это такъ надо?** *Л. Н. Толстого.* — 30
46. **Списокъ матеріала о духоборахъ.** Составилъ *В. Бончъ-Бруевичъ.* Разсыл. безплатно. (Разошлось.)
47. **Письма П. В. Веригина.** Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ I. Подъ редакціей *В. Бончъ-Бруевича (печатается).*
48. **Теодоръ Паркеръ. О вопросахъ религіи и біографія автора.** Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *В. Черткова.* — 40
49. **Похищеніе дѣтей Хилковыхъ.** По матеріаламъ, собраннымъ *В. Чертковымъ.* — 50
50. **Отчетъ издательства „Свободное Слово" за 1897 — 1900 гг.** Разсылается безплатно.
51 — 54. **Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства.** (Печатаются.)
55. **Листки Свободнаго Слова, № 19.** О современныхъ волненіяхъ въ Россіи. — 40
56. **О смыслѣ жизни.** Мысли *Л. Н. Толстого.* — 40
57. **Листки Свободнаго Слова, № 20.** Царю и его помощникамъ. Обращеніе *Л. Н. Толстого.* — 15
58. **Листки Свободнаго Слова, № 21.** Изъ современной жизни въ Россіи. — 40
59. **Листки Свободнаго Слова, № 22.** Отвѣтъ Синоду Льва Николаевича Толстого. — 15
60. **Листки Свободнаго Слова, № 23.** За свободу совѣсти и слова. Изъ современной жизни въ Россіи. — 40

АМЕРИКА (Amerique).

M. N. Maisel, Bookseller, 170, Henry Street, NewYork. U. S. A.
B. Kreidman. 516 E, 12-th Street, New York City. U. S. A.
A. Wasserman. 29, Clinton Street, New York City. U. S. A.

БЕЛЬГІЯ (Belgique).

Bibliothèque Russe. 3, rue Fassin, Liège.
Librairie Néerlandaise. Directeur L. H. Smeding. 50, Marché [St. Jacques, Anvers.

ВЕНГРІЯ (Hongry).

Pajevic Ujvidék. Librairie. Новый Садъ (Nowi Sad).

ГЕРМАНІЯ (Allemagne).

Behr'sche Buchhandlung. 47, Unter den Linden, Berlin.
Mayer & Müller. Buchhandlung. 2, Prinz Louis Ferdinand- [strasse, Berlin.
Nikolai'sche Buchhandlung. 75, Dorotheenstrasse, Berlin, N. W.
Stur'sche Buchhandlung. 61, Unter den Linden. Berlin.
F. A. Brockhaus. Buchhandlung. Leipzig.
Raimund Gerhard. Buchhandlung. 12, Lessingstrasse, Leipzig.
Karl W. Hiersemann. Buchhandlung. 3, Kœnigstrasse, Leipzig.
E. Kasprowitsch. 16, Querstrasse, Leipzig.
A. Twietmeyer. Buchhandlung. Leipzig.
Bon's Buchhandlung. 7, Junkerstrasse, Kœnigsberg.
Engelmann's Nachf. Buchhandlung. 14, Schlossstrasse, Dresden.
M. Lilienthal. Buchhandlung. 101, Friedrichstrasse, Berlin, N. W.

ДАНІЯ (Danmark).

A. Host & Son. Librairie. 35, Bredgate, Copenhague.

ИТАЛІЯ (Italie).

Libreria Spithöver. Roma.
Lœscher & Co. Libreria. Roma.

Испанія (Espagne).

G. Schulze, Libreria International. 57, Calle de Ferdinando VII. [Barcelone.

СЕРБІЯ (Serbie).

Mita Staitch. Knizarna. Belgrad.

(См. на оборотѣ.)

ФРАНЦІЯ (France).

Boyveau & Chevillet. Librairie, 22, rue de la Banque, Paris.
F. Vieweg. Librairie, 67, rue Richelieu, Paris.
La Société Nouvelle. Direct. F. Malteste. 17, rue Cujas, Paris.
Librairie H. le Soudier. 174-176, Boulevard St.-Germain, Paris.
Ch. Eitel. Librairie, 18, rue de Richelieu, Paris.
Librairie Galignani. 224, rue de Rivoli. Paris.
" " 8, Avenue Massèna, Nice.
Levent & Chevalier. 50, Quai St. Jean Baptiste, Nice.
L. Gross. Librairie, 2, rue Maccarani, Nice.
Librairie Nouvelle Vial. 34, rue d' Antibes, Cannes.
C. B. Faist. Librairie à Cannes.
Librairie de toutes les langues, Zalesky. 16, rue Longchamp, [Paris.
V. Antonini. Librairie Internationale. Avenue Felix Faure, [Menton.

ШВЕЙЦАРІЯ (Suisse).

Paul Birukoff. Onex près de Genève.
E. Schlesinger. Librairie à Vevey, Montreux & Territet.
M. Elpidine. 20, route de St. Julien, Carouge, Genève.
Eggimann & Cie. 1, rue Centrale, Genève.
Georg & Cie. 10, Corraterie, Genève.
Stapelmohr. 24, Corraterie, Genève.
B. Benda. Buchhandlung. Place Centrale, Lausanne.
Consum Verein (при русской студенческой кухнѣ). 33, Clausius-[strasse, Zürich.
Schmid & Francke. Librairie. Berne.
C. M. Ebell. Buchhandlung. 14, Ob. Bahnhofstr., Zürich.
Eugen Speidel. Buchhändler. Oberstrasse, Zürich.
Albert Müller. Buchhandlung. 18, Sonnenquai, Zürich.

Лицъ, живущихъ за границей, просимъ при выпискѣ нашихъ изданій имѣть въ виду, что 1 рубль равняется 2 шил. 1 пен. (Англія); 2 фр. 50 сант. (Франція, Швейцарія, Бельгія, Италія, Болгарія, Сербія); 2 марк. 10 пф. (Германія); 2 крон. 50 гел. (Австрія); 50 цент. (Сѣверная Америка). Просимъ высылать деньги при заказахъ соотвѣтственно этой оцѣнкѣ заказными письмами по адресу: A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England.

DATE DUE

